

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

СУЛАМИВЪ.

Положи мя яко печать на сердце твоемъ, яко печать на мышце твоей: зане крѣпка яко смерть любовь, жестока яко смерть ревность: стрѣлы ея—стрѣлы огненныя.

Пѣснь Пѣсней.

I.

Царь Соломонъ не достигъ еще средняго возраста,—сорока пяти лѣтъ,—а слава о его мудрости и красотѣ, о великолѣпїи его жизни и пышности его двора распространилась далеко за предѣлами Палестины. Въ Ассири и Финикїи, въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, отъ древней Тавризы до Іемена и отъ Исмара до Персеполя, на побережьѣ Чернаго моря и на островахъ Средиземнаго — съ удивленїемъ произносили его имя, потому что не было подобнаго ему между царями во всѣ дни его.

Въ 480-мъ году по исшествїи Израиля, въ четвертый годъ своего царствованїя, въ мѣсяцѣ Зифѣ, предпринялъ царь сооруженїе великаго храма Господня на горѣ Морїа и постройку дворца въ Іерусалимѣ. Восемьдесятъ тысячъ каменотесовъ и семьдесятъ тысячъ носильщиковъ непрерывно работали въ горахъ и въ предмѣстьяхъ города, а десять тысячъ дровосѣковъ изъ числа тридцати восьми

тысячъ отправлялись посмѣнно на Ливанъ, гдѣ проводили цѣлый мѣсяцъ въ столь тяжелой работѣ, что послѣ нея отдыхали два мѣсяца. Тысячи людей вязали срубленные деревья въ плоты, и сотни моряковъ сплавливали ихъ моремъ въ Таффу, гдѣ ихъ обдѣлывали тиряне, искусные въ токарной и столярной работѣ. Только лишь при возведеніи пирамидъ Хефрена, Хуфу и Микерина въ Гизехѣ употреблено было такое несмѣтное количество рабочихъ.

Три тысячи шестьсотъ приставниковъ надзирали за работами, а надъ приставниками начальствовалъ Азарія, сынъ Наѳановъ, человекъ жестокой и дѣятельный, про котораго сложился слухъ, что онъ никогда не спитъ, пожираемый огнемъ внутренней неизлѣчимой болѣзни. Всѣ же планы дворца и храма, рисунки колоннъ, давира и мѣднаго моря, чертежи оконъ, украшенія стѣнъ и троновъ созданы были зодчимъ Хирамомъ-Авіемъ изъ Сидона, сыномъ мѣдника изъ рода Нафалимова.

Черезъ семь лѣтъ, въ мѣсяцѣ Булѣ, былъ завершенъ храмъ Господень и черезъ тринадцать лѣтъ — царскій дворецъ. За кедровыя бревна съ Ливана, за кипарисныя и оливковыя доски, за дерево певговое, ситтимъ и еарсисъ, за обтесанные и отполированные громадныя дорогіе камни, за пурпуръ, багряницу и виссонъ, шитый золотомъ, за голубыя шерстяныя матеріи, за слоновою кость и красныя баряныя кожи, за желѣзо, ониксъ и множество мрамора, за драгоценныя камни, за золотыя цѣпи, вѣнцы, шнурки, щипцы, сѣтки, лотки, лампы, цвѣты и свѣтильники, золотыя петли къ дверямъ и золотыя гвозди, вѣсомъ въ шестьдесятъ сиклей каждый, за златокованныя чаши и блюда, за рѣзные и мозаичныя орнаменты, за литыя и изсѣченныя въ камнѣ изображенія львовъ, херувимовъ, воловъ, пальмъ и ананасовъ — подарилъ Соломонъ Тирскому царю Хираму, соименнику зодчаго, два-

дцать городовъ и селеній въ землѣ Галилейской, и Хирамъ нашель этотъ подарокъ ничтожнымъ—съ такой неслыханной роскошью были выстроены храмъ Господень и дворецъ Соломоновъ и малый дворецъ въ Милло, для жены царя, красавицы Астисъ, дочери египетскаго фараона Суссакима. Красное же дерево, которое позднѣе пошло на перила и лѣстницы галлерей, на музыкальные инструменты и на переплеты для священныхъ книгъ, было принесено въ даръ Соломону царицей Савской, мудрой и прекрасной Балкисъ, вмѣстѣ съ такимъ количествомъ ароматныхъ куреній, благовонныхъ маслъ и драгоценныхъ духовъ, какого до сихъ поръ еще не видали въ Израилѣ.

Съ каждымъ годомъ росли богатства царя. Три раза въ годъ возвращались въ гавани его корабли: «Θарсисъ», ходившій по Средиземному морю, и «Хирамъ», ходившій по Чермному морю. Они привозили изъ Африки слоновую кость, обезьянъ, павлиновъ и антилопъ; богато украшенныя колесницы изъ Египта, живыхъ тигровъ и львовъ, а также звѣриныя шкуры и мѣха изъ Месопотаміи, бѣлоснѣжныхъ коней изъ Кувы, парваимскій золотой песокъ на шестьсотъ шестьдесятъ талантовъ въ годъ, красное, черное и сандаловое дерево изъ страны Офиръ, пестрые ассурскіе и калахскіе ковры съ удивительными рисунками—дружественные дары царя Тиглатъ-Пилеазара, художественную мозаику изъ Ниневіи, Нимруда и Саргона; чудныя узорчатыя ткани изъ Хатуара; золотокованные кубки изъ Тира; изъ Сидона—цвѣтныя стекла, а изъ Пунта, близъ Бабъ-Эль-Мандеба, тѣ рѣдкія благовонія—нардъ, алоэ, тростъ, киннамонъ, шафранъ, амбру, мускусъ, стакти, халванъ, смирну и ладанъ, изъ-за обладанія которыми египетскіе фараоны предпринимали не разъ кровавыя войны.

Серебро же во дни Соломоновы стало цѣною какъ про-

стой камень и красное дерево не дороже простыхъ сикиморъ, растущихъ на низинахъ.

Каменные бани, обложенныя порфиромъ, мраморныя водоемы и прохладныя фонтаны устроилъ царь, повелѣвъ провести воду изъ горныхъ источниковъ, низвергавшихся въ Кедронскій потокъ, а вокругъ дворца насадилъ сады и рощи и развелъ виноградникъ въ Вааль-Гамонѣ.

Было у Соломона 40.000 стойлъ для муловъ и коней колесничныхъ и 12.000 для конницы; ежедневно привозили для лошадей ячмень и солому изъ провинцій. Десять воловъ откормленныхъ и двадцать воловъ съ пастбища, тридцать коровъ пшеничной муки и шестьдесятъ прочей, сто батовъ вина разнаго, 300 овецъ, не считая птицы откормленной, оленей, сернь и сайгаковъ — все это черезъ руки двѣнадцати приставниковъ шло ежедневно къ столу Соломона, а также къ столу его двора, свиты и гвардіи. Шестьдесятъ воиновъ, изъ числа пятисотъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ во всемъ войскѣ, держали посмѣнно караулъ во внутреннихъ покояхъ дворца. Пятисотъ щитовъ, покрытыхъ золотыми пластинками, повелѣлъ Соломонъ сдѣлать для своихъ тѣлохранителей.

II.

Чего бы глаза царя ни пожелали, онъ не отказывалъ имъ и не возбранялъ сердцу своему никакого веселія. Семьсотъ женъ было у царя и триста наложницъ, не считая рабынь и танцовщицъ. И всѣхъ ихъ очаровывалъ своею любовью Соломонъ, потому что Богъ далъ ему такую неизсякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенныхъ. Онъ любилъ блѣлолицыхъ, черноглазыхъ, краснотубыхъ хеттеянокъ за ихъ яркую, но мгновенную красоту, которая такъ же рано и прелестно расцвѣтаетъ

и такъ же быстро вянетъ, какъ цвѣтокъ нарцисса; смуглыхъ, высокихъ, пламенныхъ филистимлянокъ, съ жесткими курчавыми волосами, носившихъ золотыя звенящія запястья на кистяхъ рукъ, золотыя обручи на плечахъ, а на обѣихъ щиколоткахъ широкіе браслеты, соединенные тонкой цѣпочкой; нѣжныхъ, маленькихъ, гибкихъ аммо-реянокъ, сложенныхъ безъ упрека, — ихъ вѣрность и покорность въ любви вошли въ пословицу; женщинъ изъ Ассиріи, удлинявшихъ красками свои глаза и вытравливавшихъ синія звѣзды на лбу и на щекахъ; образованныхъ, веселыхъ и остроумныхъ дочерей Сидона, умѣвшихъ хорошо пѣть, танцовать, а также играть на арфахъ, лютняхъ и флейтахъ подъ аккомпанементъ бубна; желтокожихъ египтянокъ, неутомимыхъ въ любви и безумныхъ въ ревности; сладострастныхъ вавилонянокъ, у которыхъ все тѣло подъ одеждой было гладко какъ мраморъ, потому что онѣ особой пастой истребляли на немъ волосы; дѣвъ Бактріи, красившихъ волосы и погги въ огненно-красный цвѣтъ и носившихъ шальвары; молчаливыхъ, застѣнчивыхъ моавитянокъ, у которыхъ роскошныя груди были прохладны въ самыя жаркія лѣтнія ночи; беспечныхъ и расточительныхъ аммонитянокъ съ огненными волосами и съ тѣломъ такой бѣлизны, что оно свѣтилось во тьмѣ; хрупкихъ голубоглазыхъ женщинъ съ льняными волосами и нѣжнымъ запахомъ кожи, которыхъ привозили съ сѣвера, черезъ Баальбекъ, и языкъ которыхъ былъ непонятенъ для всѣхъ живущихъ въ Палестинѣ. Кромѣ того любилъ царь многихъ дочерей Іудеи и Израиля.

Также раздѣлялъ онъ ложе съ Балкисъ-Македа, царицей Савской, превзошедшей всѣхъ женщинъ въ мірѣ красотой, мудростью, богатствомъ и разнообразіемъ искусства въ страсти; и съ Ависагой-сунамитянкой, согрѣвавшей старость царя Давида, съ этой ласковой, тихой кра-

савицей, изъ-за которой Соломонъ предалъ своего старшаго брата Адонію смерти отъ руки Ваней, сына Іодаева.

И съ блѣдной дѣвушкой изъ виноградника, по имени Суламиель, которую одну изъ всѣхъ женщинъ любилъ царь всѣмъ своимъ сердцемъ.

Носильный одръ сдѣлалъ себѣ Соломонъ изъ лучшаго кедроваго дерева, съ серебряными столпами, съ золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ, съ шатромъ изъ пурпуровой тирской ткани. Внутри же весь шатеръ былъ украшенъ золотымъ шитьемъ и драгоценными камнями — любовными дарами женъ и дѣвъ Іерусалимскихъ. И когда стройные черные рабы проносили Соломона въ дни великихъ празднествъ среди народа, поистинѣ былъ прекрасенъ царь, какъ лилія Саронской долины!

Блѣдно было его лицо, губы—точно яркая алая лента; волнистые волосы черны изсиня, и въ нихъ—украшеніе мудрости—блестѣла сѣдина, подобно серебрянымъ нитямъ горныхъ ручьевъ, падающихъ съ высоты темныхъ скалъ Аэрмона; сѣдина сверкала и въ его черной бородѣ, завитой, по обычаю царей Ассирійскихъ, правильными мелкими рядами.

Глаза же у царя были темны, какъ самый темный апатъ, какъ небо въ безлунную лѣтнюю ночь, а рѣсницы, разверзавшіяся стрѣлами вверхъ и внизъ, походили на черные лучи вокругъ черныхъ звѣздъ. И не было человѣка во вселенной, который могъ бы выдержать взглядъ Соломона, не потупивъ своихъ глазъ. И молніи гнѣва въ очахъ царя повергали людей на землю.

Но бывали минуты сердечнаго веселія, когда царь опьянялся любовью, или виномъ, или сладостью власти, или радовался онъ мудрому и красивому слову, сказанному кстати. Тогда тихо опускались до половины его длинныя рѣсницы, бросая синія тѣни на свѣтлое лицо,

и въ глазахъ царя загорались, точно искры въ черныхъ брильянтахъ, теплые огни ласковаго нѣжнаго смѣха; и тѣ, кто видѣли эту улыбку, готовы были за нее отдать тѣло и душу—такъ она была неописуема прекрасна. Одно имя царя Соломона, произнесенное вслухъ, волновало сердце женщинъ, какъ аромат пролитаго мирра, напоминающій о ночахъ любви.

Руки царя были нѣжны, бѣлы, теплы и красивы, какъ у женщины, но въ нихъ заключался такой избытокъ жизненной силы, что, налагая ладони на темя больныхъ, царь исцѣлялъ головныя боли, судороги, черную меланхолю и бѣснованіе. На указательномъ пальцѣ лѣвой руки носилъ Соломонъ гемму изъ кроваво-краснаго астерикса, извергавшаго изъ себя шесть лучей жемчужнаго цвѣта. Много сотенъ лѣтъ было этому кольцу, и на оборотной сторонѣ его камня вырѣзана была надпись на языкѣ древняго, исчезнуваго народа: «Все проходитъ».

И такъ велика была власть души Соломона, что повиновались ей даже животныя: львы и тигры ползали у ногъ царя, и терлись мордами о его колѣни, и лизали его руки своими жесткими языками, когда онъ входилъ въ ихъ помѣщенія. И онъ, находившій веселіе сердца въ сверкающихъ переливахъ драгоценныхъ камней, въ ароматъ египетскихъ благовонныхъ смоль, въ нѣжномъ прикосновеніи легкихъ тканей, въ сладостной музыкѣ, въ тонкомъ вкусѣ краснаго искристаго вина, играющаго въ чеканномъ нинуанскомъ потирѣ,—онъ любилъ также гладить суровыя гривы львовъ, бархатныя спины черныхъ пантеръ и нѣжныя лапы молодыхъ пятнистыхъ леопардовъ, любилъ слушать ревъ дикихъ звѣрей, видѣть ихъ сильныя и прекрасныя движенія и ощущать горячій запахъ ихъ хищнаго дыханія.

Такъ живописалъ царя Соломона Иосафатъ, сынъ Ахилуда, историкъ его дней.

III.

«За то, что ты не просилъ себѣ долгой жизни, не просилъ себѣ богатства, не просилъ себѣ душъ враговъ, но просилъ мудрости, то вотъ Я дѣлаю по слову твоему. Вотъ Я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ что подобнаго тебѣ не было прежде тебя, и послѣ тебя не возстанетъ подобный тебѣ».

Такъ сказалъ Соломону Богъ, и по слову Его позналъ царь составленіе міра и дѣйствіе стихій, постигъ начало, конецъ и середину временъ, проникъ въ тайну вѣчнаго волнообразнаго и круговаго возвращенія событій; у астрономовъ Библоса, Акры, Саргона, Борсиппы и Ниневіи научился онъ слѣдить за измѣненіемъ расположенія звѣздъ и за годовыми кругами. Зналъ онъ также естество всѣхъ животныхъ и угадывалъ чувства звѣрей, понималъ происхожденіе и направленіе вѣтровъ, различныя свойства растений и силу цѣлебныхъ травъ.

Помыслы въ сердцѣ человѣческомъ—глубокая вода, но и ихъ умѣлъ вычерпывать мудрый царь. Въ словахъ и голосѣ, въ глазахъ, въ движеніяхъ рукъ такъ же ясно читалъ онъ самыя сокровенныя тайны душъ, какъ буквы въ открытой книгѣ. И потому со всѣхъ концовъ Палестины приходило къ нему великое множество людей, прося суда, совѣта, помощи, разрѣшенія спора, а также и за разгадкою непонятныхъ предзнаменованій и сновъ. И дивились люди глубинѣ и тонкости отвѣтовъ Соломоновыхъ.

Три тысячи притчей сочинилъ Соломонъ и тысячу и пять пѣсней. Диктовалъ онъ ихъ двумъ искуснымъ и быстрымъ писцамъ, Елиховеру и Ахїи, сыновьямъ Сивы, и потомъ сличалъ написанное обоими. Всегда облакалъ онъ свои мысли изящными выраженіями, потому что зо-

потому яблоку въ чашѣ изъ прозрачнаго сардоникса подобно слово, сказанное умѣло, и потому также, что слова мудрыхъ остры какъ иглы, крѣпки какъ вбитые гвозди, и составители ихъ всѣ отъ Единого Пастыря. «Слово—искра въ движеніи сердца»,—такъ говорилъ царь. И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости египтянъ. Былъ онъ мудрѣе и Еоана Езрахитянина, и Емана, и Хилколы, и Додры, сыновей Махола. Но уже начиналъ онъ тяготиться красотой обыкновенной человѣческой мудрости, и не имѣла она въ глазахъ его прежней цѣны. Безпокойнымъ и пытливымъ умомъ жаждалъ онъ той высшей мудрости, которую Господь имѣлъ на Своемъ пути прежде всѣхъ созданій Своихъ искони, отъ начала, прежде бытія земли, той мудрости, которая была при Немъ великой художницей, когда Онъ проводилъ круговую черту по лицу бездны. И не находилъ ея Соломонъ.

Изучилъ царь ученія маговъ халдейскихъ и шивейскихъ, науку астрологовъ изъ Абидоса, Саиса и Мемфиса, тайны волхвовъ, мистагоговъ, и эпоптовъ ассирийскихъ и прорицателей изъ Бактры и Персеполя, и убѣдился, что знанія ихъ были знаніями человѣческими.

Также искалъ онъ мудрости въ тайнодѣйствіяхъ древнихъ языческихъ вѣрованій и потому посѣщалъ капища и приносилъ жертвы: могущественному Ваалу-Либанону, котораго чтили подъ именемъ Мелькарта, бога созиданія и разрушенія, покровителя мореплаванія, въ Тирѣ и Сидонѣ, называли Аммономъ въ оазисѣ Сивахъ, гдѣ идолъ его кивалъ головою, указывая пути праздничнымъ шествіямъ, Бѣломъ у халдеевъ, Молохомъ у хананеевъ; поклонялся также женѣ его—грозной и сладострастной Астартѣ, имѣвшей въ другихъ храмахъ имена Иштаръ, Исааръ, Ваальтисъ, Ашера, Истаръ-Белитъ и Атаргатисъ.

Изливалъ онъ елей и возжигалъ куреніе Изидѣ и Озирису египетскимъ, брату и сестрѣ, соединившимся бракомъ еще во чревѣ матери своей и зачавшимъ тамъ бога Гора, и Деркетю, рыбообразной богинѣ тирской, и Анубису съ собачьей головой, богу бальзамированія, и вавилонскому Оанну, и Дагону филистимскому, и Авденаго ассирійскому, и Утсабу, идолу ниневійскому, и мрачной Киббелѣ, и Бель-Меродоху, покровителю Вавилона—богу планеты Юпитеръ, и халдейскому Ору—богу вѣчнаго огня, и таинственной Оморогѣ, праматери боговъ, которую Бэль разсѣкъ на двѣ части, создавъ изъ нихъ небо и землю, а изъ головы—людей; и поклонялся царь еще богинѣ Атанаисъ, въ честь которой дѣвушки Финикіи, Лидіи, Арменіи и Персіи отдавали прохожимъ свое тѣло, какъ священную жертву, на порогѣ храмовъ.

Но ничего не находилъ царь въ обрядахъ языческихъ, кромѣ пьянства, ночныхъ оргій, блуда, кровосмѣшенія и противоестественныхъ страстей, и въ догматахъ ихъ видѣлъ суесловіе и обманъ. Но никому изъ подданныхъ не воспрещалъ онъ приношеніе жертвъ любимому богу и даже самъ построилъ на Масличной горѣ капище Хамосу, мерзости моавитской, по просьбѣ прекрасной, задумчивой Эллаанъ — моавитянки, бывшей тогда возлюбленной женою царя. Одного лишь не терпѣлъ Соломонъ и преслѣдовалъ смертью — жертвоприношеніе дѣтей.

И увидѣлъ онъ въ своихъ исканіяхъ, что участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ одна: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества передъ скотомъ. И понималъ царь, что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познаніе—умножаетъ скорбь. Узналъ онъ также, что и при смѣхѣ иногда болитъ сердце и концомъ радости бываетъ печаль. И однажды утромъ впервые продиктовалъ онъ Елихоферу и Ахіи:

— Все суета суетъ и томленіе духа, — такъ говоритъ Екклезіастъ.

Но тогда не зналъ еще царь, что скоро пошлетъ ему Богъ такую нѣжную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожитъ и не боится смерти.

IV.

Виноградникъ былъ у царя въ Вааль-Гамонѣ, на южномъ склонѣ Ватнъ-Эль-Хава, къ западу отъ капища Молоха; туда любилъ царь уединяться въ часы великихъ размышленій. Гранатовыя деревья, оливы и дикія яблони, попеременно съ кедромъ и кипарисомъ, окаймляли его съ трехъ сторонъ по горѣ, съ четвертой же былъ онъ огражденъ отъ дороги высокой каменной стѣной. И другіе виноградники, лежавшіе вокругъ, также принадлежали Соломону; онъ отдавалъ ихъ въ наемъ сторожамъ за 1.000 сребренниковъ каждый.

Только съ разсвѣтомъ окончился во дворцѣ роскошный пиръ, который давалъ царь Израильскій въ честь пословъ царя Ассирійскаго, славнаго Тиглатъ-Пилеазара. Несмотря на утомленіе, Соломонъ не могъ заснуть этимъ утромъ. Ни вино ни сикера не отуманили крѣпкихъ ассирійскихъ головъ и не развязали ихъ хитрыхъ языковъ. Но проницательный умъ мудраго царя уже опередилъ ихъ планы и уже вязалъ въ свою очередь тонкую политическую сѣть, которою онъ оплететъ этихъ важныхъ людей съ надменными глазами и съ льстивою рѣчью. Соломонъ сумѣетъ сохранить необходимую пріязнь съ повелителемъ Ассиріи и въ то же время, ради вѣчной дружбы съ Хирамомъ Тирскимъ, спасетъ отъ разграбленія его царство, которое своими неисчислимыми богатствами, скры-

тыми въ подвалахъ подъ узкими улицами съ тѣсными домами, давно уже привлекаетъ жадные взоры восточныхъ владыкъ.

И вотъ на зарѣ приказалъ Соломонъ отнести себя на гору Ватнъ-Эль-Хавъ, оставилъ посылки далеко на дорогѣ и теперь одинъ сидитъ на простой деревянной скамьѣ, наверху виноградника, подъ сѣнью деревьевъ, еще за-таившихъ въ своихъ вѣтвяхъ росистую прохладу ночи. Простой бѣлый плащъ надѣтъ на царѣ, скрѣпленный на правомъ плечѣ и на лѣвомъ боку двумя египетскими аграфами изъ зеленаго золота, въ формѣ свернувшихся крокодиловъ — символъ бога Себаха. Руки царя лежатъ неподвижно на колѣняхъ, а глаза, затѣненные глубокой мыслью, не мигая, устремлены на востокъ, въ сторону Мертваго моря, — туда, гдѣ изъ-за круглой вершины Аназе восходитъ въ пламени зари солнце.

Утренній вѣтеръ дуетъ съ востока и разноситъ ароматъ цвѣтущаго винограда, — тонкій ароматъ резеды и варенаго вина. Темные кипарисы важно раскачиваются тонкими верхушками и льютъ свое смолистое дыханіе. Торопливо переговариваются серебряно-зеленые листья оливъ.

Но вотъ Соломонъ встаетъ и прислушивается. Милый женскій голосъ, ясный и чистый, какъ это росистое утро, поетъ гдѣ-то невдалекѣ, за деревьями. Простой и нѣжный мотивъ льется, льется себѣ, какъ звонкій ручей въ горахъ, повторяя все тѣ же пять-шесть нотъ. И его незатѣйливая изящная прелесть вызываетъ тихую улыбку умиленія въ глазахъ царя.

Все ближе слышится голосъ. Вотъ онъ уже здѣсь, рядомъ, за раскидистыми кедрами, за темной зеленью можжевельника. Тогда царь осторожно раздвигаетъ руками вѣтви, тихо пробирается между колючими кустами и выходитъ на открытое мѣсто.

Передъ нимъ, за низкой стѣной, грубо сложенной изъ большихъ желтыхъ камней, разстилается вверхъ виноградникъ. Дѣвушка въ легкомъ голубомъ платьѣ ходитъ между рядами лозъ, нагибается надъ чѣмъ-то внизу и опять выпрямляется и поетъ. Рыжіе волосы ея горятъ на солнцѣ.

День дохнулъ прохладою,
Убѣгаютъ ночныя тѣни.
Возвращайся скорѣе, мой милый,
Будь легокъ, какъ серна,
Какъ молодой олень среди горныхъ ущелій...

Такъ поетъ она, подвязывая виноградныя лозы, и медленно спускается внизъ, ближе и ближе къ каменной стѣнѣ, за которой стоитъ царь. Она одна — никто не видитъ и не слышитъ ея; запахъ цвѣтущаго винограда, радостная свѣжесть утра и горячая кровь въ сердцѣ опьяняютъ ее, и вотъ слова наивной пѣсенки мгновенно рождаются у нея на устахъ и уносятся вѣтромъ, забытыя навсегда:

Ловите намъ лисъ и лисенятъ,
Они портятъ наши виноградники,
А виноградники наши въ цвѣтѣ.

Такъ она доходитъ до самой стѣны и, не замѣчая царя, поворачиваетъ назадъ и идетъ, легко взбираясь въ гору, вдоль сосѣдняго ряда лозъ. Теперь пѣсня звучитъ глуше:

Бѣги, возлюбленный мой,
Будь подобенъ сернѣ
Или молодому оленю
На горахъ бальзамическихъ.

Но вдругъ она замолкаетъ и такъ пригибается къ землѣ, что ея не видно за виноградникомъ.

Тогда Соломонъ произноситъ голосомъ, ласкающимъ ухо:

— Дѣвушка, покажи мнѣ лицо твое, дай еще услышать твой голосъ.

Она быстро выпрямляется и оборачивается лицомъ къ царю. Сильный вѣтеръ срывается въ эту секунду и треплетъ на ней легкое платье и вдругъ плотно облѣпляетъ его вокругъ ея тѣла и между ногъ. И царь на мгновенье, пока она не становится спиною къ вѣтру, видитъ всю ее подъ одеждой, какъ нагую, высокую и стройную, въ сильномъ расцвѣтѣ тринадцати лѣтъ; видитъ ея маленькія, круглыя, крѣпкія груди и возвышенія сосцовъ, отъ которыхъ матерія лучами расходится врозь, и круглый, какъ чаша, дѣвическій животъ, и глубокую линію, которая раздѣляетъ ея ноги снизу до верху и тамъ расходится надвое, къ выпуклымъ бедрамъ.

— Потому что голосъ твой сладокъ и лицо твое пріятно! — говоритъ Соломонъ.

Она подходитъ ближе и смотритъ на царя съ трепетомъ и съ восхищеніемъ. Невыразимо прекрасно ея смуглое и яркое лицо. Тяжелые, густые темно-рыжіе волосы, въ которые она воткнула два цвѣтка алаго мака, упругими безчисленными кудрями покрываютъ ея плечи и разбѣгаются по спинѣ и пламенѣютъ, пронзенные лучами солнца, какъ золотой пурпуръ. Самодѣльное ожерелье изъ какихъ-то красныхъ сухихъ ягодъ трогательно и невинно обвиваетъ въ два раза ея темную, высокую, тонкую шею.

— Я не замѣтила тебя! — говоритъ она нѣжно, и голосъ ея звучитъ, какъ пѣніе флейты. — Откуда ты пришелъ?

— Ты такъ хорошо пѣла, дѣвушка!

Она стыдливо опускаетъ глаза и сама краснѣетъ, но подъ ея длинными рѣсницами и въ углахъ губъ дрожитъ тайная улыбка.

— Ты пѣла о своемъ миломъ. Онъ легокъ, какъ серна,

какъ молодой горный олень. Вѣдь онъ очень красивъ, твой милый, дѣвушка, не правда ли?

Она смѣется такъ звонко и музыкально, точно серебряный градъ падаетъ на золотое блюдо.

— У меня нѣтъ милаго. Это только пѣсня. У меня еще не было милаго...

Они молчатъ съ минуту и глубоко, безъ улыбки смотрятъ другъ на друга... Птицы громко перекликаются среди деревьевъ. Грудь дѣвушки часто колеблется подъ ветхимъ полотномъ.

— Я не вѣрю тебѣ, красавица. Ты такъ прекрасна...

— Ты смѣешься надо мною. Посмотри, какая я черная...

Она поднимаетъ кверху маленькія темныя руки, и широкіе рукава легко скользятъ внизъ, къ плечамъ, обнажая ея локти, у которыхъ такой тонкій и круглый дѣвическій рисунокъ.

И она говоритъ жалобно:

— Братья мои разсердились на меня и поставили меня стеречь виноградникъ, и вотъ — погляди, какъ опалило меня солнце!

— О, нѣтъ, солнце сдѣлало тебя еще красивѣе, прекраснѣйшая изъ женщинъ! Вотъ ты засмѣялась, и зубы твои — какъ бѣлые двойни-ягнята, вышедшіе изъ купальни, и ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ порока. Щеки твои — точно половинки граната подъ кудрями твоими. Губы твои алы — наслажденіе смотрѣть на нихъ. А волосы твои... Знаешь, на что похожи твои волосы? Видала ли ты, какъ съ Галаада вечеромъ спускается овечье стадо? Оно покрываетъ всю гору, съ вершины до подножья, и отъ свѣта зари и отъ пыли кажется такимъ же краснымъ и такимъ же волнистымъ, какъ твои кудри. Глаза твои глубоки, какъ два озера Есевонскихъ у воротъ Батраббима. О, какъ ты красива! Шея твоя пряма и стройна, какъ башня Давидова!..

— Какъ башня Давидова!—повторяетъ она въ упоеніи.

— Да, да, прекраснѣйшая изъ женщинъ. Тысяча щитовъ виситъ на башнѣ Давида, и все это щиты побѣжденныхъ военачальниковъ. Вотъ и мой щитъ вѣшаю я на твою башню...

— О, говори, говори еще...

— А когда ты обернулась назадъ, на мой зовъ, и подулъ вѣтеръ, то я увидѣлъ подъ одеждой оба сосца твои и подумалъ: вотъ двѣ маленькія серны, которыя пасутся между лиліями. Станъ твой былъ похожъ на пальму и груди твои на грозди виноградныя.

Дѣвушка слабо вскрикиваетъ, закрываетъ лицо ладонями, а грудь локтями, и такъ краснѣетъ, что даже уши и шея становятся у нея пурпуровыми.

— И бедра твои я увидѣлъ. Они стройны, какъ драгоценная ваза—издѣліе искуснаго художника. Отними же твои руки, дѣвушка. Покажи мнѣ лицо твое.

Она покорно опускаетъ руки внизъ. Густое золотое сіяніе льется изъ глазъ Соломона и очаровываетъ ее, и кружитъ ей голову, и сладкой, теплой дрожью струится по кожѣ ея тѣла.

— Скажи мнѣ, кто ты?—говоритъ она медленно, съ недоумѣніемъ.— Я никогда не видѣла подобнаго тебѣ.

— Я пастухъ, моя красавица. Я пасу чудесныя стада бѣлыхъ ягнятъ на горахъ, гдѣ зеленая трава пестрѣетъ нарциссами. Не придешь ли ты ко мнѣ, на мое пастбище?

Но она тихо качаетъ головою:

— Неужели ты думаешь, что я повѣрю этому? Лицо твое не огрубѣло отъ вѣтра и не обожжено солнцемъ, и руки твои бѣлы. На тебѣ дорогой хитонъ, и одна застежка на немъ стоитъ годовой платы, которую братья мои вносятъ за нашъ виноградникъ Адонираму, царскому сборщику. Ты пришелъ оттуда, изъ-за стѣны... Ты, вѣрно,

одинъ изъ людей, близкихъ къ царю? Миѣ кажется, что я видѣла тебя однажды въ день великаго праздника, миѣ даже помнится—я бѣжала за твоей колесницей.

— Ты угадала, дѣвушка. Отъ тебя трудно скрыться. И правда, зачѣмъ тебѣ быть скиталицей около стадъ пастушескихъ? Да, я одинъ изъ царской свиты. Я главный поваръ царя. И ты видѣла меня, когда я ѣхалъ въ колесницѣ Аминодавоной въ день праздника Пасхи. Но зачѣмъ ты стоишь далеко отъ меня? Подойди ближе, сестра моя! Сядь вотъ здѣсь на камнѣ стѣны и расскажи миѣ что-нибудь о себѣ. Скажи миѣ твое имя?

— Суламиѣ, — говоритъ она.

— За что же, Суламиѣ, разсердились на тебя твои братья?

— Миѣ стыдно говорить объ этомъ. Они выручили деньги отъ продажи вина и послали меня въ городъ купить хлѣба и козьего сыра. А я...

— А ты потеряла деньги?

— Нѣтъ, хуже...

Она низко склоняетъ голову и шепчетъ:

— Кромѣ хлѣба и сыра я купила еще немножко, совсемъ немножко розоваго масла у египтянъ въ старомъ городѣ.

— И ты скрыла это отъ братьевъ?

— Да...

И она произноситъ еле слышно:

— Розовое масло такъ хорошо пахнетъ!

Царь ласково гладитъ ея маленькую жесткую руку.

— Тебѣ, вѣрно, скучно одной въ виноградникѣ?

— Нѣтъ. Я работаю, пою... Въ полдень миѣ приносятъ поѣсть, а вечеромъ меня смѣняетъ одинъ изъ братьевъ. Иногда я рою корни мандрагоры, похожіе на маленькихъ человѣчковъ... У насъ ихъ покупаютъ халдейскіе купцы. Говорятъ, они дѣлаютъ изъ нихъ сонный

напитокъ... Скажи, правда ли, что ягоды мандрагоры помогаютъ въ любви?

— Нѣтъ, Суламиѳъ, въ любви помогаетъ только любовь. Скажи, у тебя есть отецъ или мать?

— Одна мать. Отецъ умеръ два года тому назадъ. Братья—все старше меня—они отъ перваго брака, а отъ второго только я и сестра.

— Твоя сестра такъ же красива, какъ и ты?

— Она еще мала. Ей только девять лѣтъ.

Царь смѣется, тихо обнимаетъ Суламиѳъ, привлекаетъ ее къ себѣ и говоритъ ей на ухо:

— Девять лѣтъ... Значитъ, у нея еще нѣтъ такой груди, какъ у тебя? Такой гордой, такой горячей груди!

Она молчитъ, горя отъ стыда и счастья. Глаза ея свѣтятся и меркнутъ, они туманятся блаженной улыбкой. Царь слышитъ въ своей рукѣ бурное бѣненіе ея сердца.

— Теплота твоей одежды благоухаетъ лучше, чѣмъ мирра, лучше, чѣмъ нарды, — говоритъ онъ, жарко касаясь губами ея уха. — И когда ты дышишь, я слышу запахъ отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ. Сестра моя, возлюбленная моя, ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ твоихъ очей, однимъ ожерельемъ на твоей шеѣ.

— О, не гляди на меня!—проситъ Суламиѳъ. — Глаза твои волнуютъ меня.

Но она сама изгибаетъ назадъ спину и кладетъ голову на грудь Соломона. Губы ея рдѣютъ надъ блестящими зубами, вѣки дрожатъ отъ мучительнаго желанія. Соломонъ приникаетъ жадно устами къ ея зовущему рту. Онъ чувствуетъ пламень ея губъ, и скользкость ея зубовъ, и сладкую влажность ея языка, и весь горитъ такимъ нестерпимымъ желаніемъ, какого онъ еще никогда не зналъ въ жизни.

Такъ проходитъ минута и двѣ.

— Что ты дѣлаешь со мною! — слабо говоритъ Суламиѳъ, закрывая глаза. — Что ты дѣлаешь со мной!

Но Соломонъ страстно шепчетъ около самаго ея рта:

— Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста, медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ... О, иди скорѣе ко мнѣ. Здѣсь за стѣной темно и прохладно. Никто не увидитъ насъ. Здѣсь мягкая зелень подъ кедрами.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня. Я не хочу, не могу.

— Суламиѳъ... ты хочешь, ты хочешь... Сестра моя, возлюбленная моя, иди ко мнѣ!

Чьи-то шаги раздаются внизу по дорогѣ, у стѣны царскаго виноградника, но Соломонъ удерживаетъ за руку испуганную дѣвушку.

— Скажи мнѣ скорѣе, гдѣ ты живешь? Сегодня ночью я приду къ тебѣ, — говоритъ онъ быстро.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я не скажу тебѣ это. Пусти меня. Я не скажу тебѣ.

— Я не пущу тебя, Суламиѳъ, пока ты не скажешь... Я хочу тебя!

— Хорошо, я скажу... Но сначала обѣщай мнѣ не приходить этой ночью... Также не приходи и въ слѣдующую ночь... и въ слѣдующую за той... Царь мой! Заклинаю тебя сернами и полевыми ланями, не тревожь свою возлюбленную, пока она не захочетъ!

— Да, я обѣщаю тебѣ это... Гдѣ же твой домъ, Суламиѳъ?

— Если по пути въ городъ ты перейдешь черезъ Кедронъ, по мосту выше Силоама, ты увидишь нашъ домъ около источника. Тамъ нѣтъ другихъ домовъ.

— А гдѣ же тамъ твое окно, Суламиѳъ?

— Зачѣмъ тебѣ это знать, милый? О, не гляди же на меня такъ. Взглядъ твой околдовываетъ меня... Не цѣлуй меня... Не цѣлуй меня... Милый! Цѣлуй меня еще...

— Гдѣ же твое окно, единственная моя?

— Окно на южной сторонѣ. Ахъ, я не должна тебѣ этого говорить... Маленькое, высокое окно съ рѣшеткой.

— И рѣшетка отворяется изнутри?

— Нѣтъ, это глухое окно. Но за угломъ есть дверь. Она прямо ведетъ въ комнату, гдѣ я сплю съ сестрою. Но вѣдь ты обѣщаль мнѣ!.. Сестра моя спитъ чутко. О, какъ ты прекрасенъ, мой возлюбленный. Ты вѣдь обѣщаль, не правда ли?

Соломонъ тихо гладитъ ея волосы и щеки.

— Я приду къ тебѣ этой ночью, — говоритъ онъ настойчиво. — Въ полночь приду. Это такъ будетъ, такъ будетъ. Я хочу этого.

— Милый!

— Нѣтъ. Ты будешь ждать меня. Только не бойся и вѣрь мнѣ. Я не причиню тебѣ горя. Я дамъ тебѣ такую радость, рядомъ съ которой все на землѣ ничтожно. Теперь прощай. Я слышу, что за мной идутъ.

— Прощай, возлюбленный мой... О, нѣтъ, не уходи еще. Скажи мнѣ твое имя, я не знаю его.

Онъ на мгновение, точно нерѣшительно, опускаетъ рѣсницы, но тотчасъ же поднимаетъ ихъ.

— У меня одно имя съ царемъ. Меня зовутъ Соломономъ. Прощай. Я люблю тебя.

V.

Свѣтель и радостенъ былъ Соломонъ въ этотъ день, когда сидѣлъ онъ на тронѣ въ залѣ дома Ливанскаго и творилъ судъ надъ людьми, приходившими къ нему.

Сорокъ колоннъ, по четыре въ рядъ, поддерживали потолокъ судилища, и всѣ онѣ были обложены кедромъ и оканчивались капителями въ видѣ лилій; полъ состоялъ изъ штучныхъ кипарисовыхъ досокъ, и на стѣнахъ нигдѣ не было видно камня изъ-за кедровой отдѣлки, укра-

шенной золотой рѣзьбой, представлявшей пальмы, ананасы и херувимовъ. Въ глубинѣ трехсвѣтной залы шесть ступеней вели къ возвышенію трона, и на каждой ступени стояло по два бронзовыхъ льва, по одному съ каждой стороны. Самый же тронъ былъ изъ слоновой кости съ золотой инкрустаціей и золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ. Высокая спинка трона завершалась золотымъ дискомъ. Завѣсы изъ фіолетовыхъ и пурпурныхъ тканей висѣли отъ пола до потолка при входѣ въ залу, отдѣляя притворъ, гдѣ между пяти колоннъ толпились истцы, просители и свидѣтели, а также обвиняемые и преступники подѣ крѣпкой стражей.

На царѣ былъ надѣтъ красный хитонъ, а на головѣ простой узкій вѣнецъ изъ 60 берилловъ, оправленныхъ въ золото. По правую руку стоялъ тронъ для матери его, Вирсавіи, но въ послѣднее время, благодаря преклоннымъ лѣтамъ, она рѣдко показывалась въ городѣ.

Ассирійскіе гости, съ суровыми чернобородыми лицами, сидѣли вдоль стѣнъ на яшмовыхъ скамьяхъ; на нихъ были свѣтлыя оливковыя одежды, вышитыя по краямъ красными и бѣлыми узорами. Они еще у себя въ Ассиріи слышали такъ много о правосудіи Соломона, что старались не пропустить ни одного изъ его словъ, чтобы потомъ рассказывать о судѣ царя израильтянъ. Между ними сидѣли военачальники Соломоновы, его министры, намальники провинцій и придворные. Здѣсь былъ Ванея, — некогда царскій палачъ, убійца Іоава, Адоніи и Семея, — теперь главный начальникъ войска, невысокій, тучный старецъ съ рѣдкой длинной сѣдой бородой; его выцветшіе голубоватые глаза, окруженные красными, точно вывороченными вѣками, глядѣли по-старчески тупо; ротъ былъ открытъ и мокръ, а мясистая красная нижняя губа безсильно свисала внизъ; голова его была всегда потуплена и слегка дрожала. Былъ также Азарія, сынъ Наѳановъ,

желчный высокій человекъ съ сухимъ, болѣзненнымъ лицомъ и темными кругами подъ глазами, и добродушный, разсѣянный Иосафатъ, исторіографъ, и Ахеларъ, начальникъ двора Соломонова, и Завуѳъ, носившій высокій титулъ друга царя, и Бенъ-Авинодавъ, женатый на старшей дочери Соломона—Таѳаѳи, и Бенъ-Геверъ, начальникъ области Арговіи, что въ Васанѣ; подъ его управленіемъ находилось шестьдесятъ городовъ, окруженныхъ стѣнами, съ воротами на мѣдныхъ затворахъ; и Ваана, сынъ Хушай, нѣкогда славившійся искусствомъ метать копье на разстояніи тридцати парасанговъ, и многіе другіе. Шестьдесятъ воиновъ, блестя золочеными шлемами и щитами, стояло въ рядъ по лѣвую и по правую сторону трона; старшимъ надъ ними сегодня былъ чернокудрый красавецъ Эліавъ, сынъ Ахилуда.

Первымъ предсталъ передъ Соломономъ со своей жалобой нѣкто Ахіоръ, ремесломъ гранильщикъ. Работая въ Белѣ Финикійскомъ, онъ нашелъ драгоценный камень, обдѣлалъ его и попросилъ своего друга Захарію, отправлявшагося въ Іерусалимъ, отдать этотъ камень его, Ахіоровой, женѣ. Черезъ нѣкоторое время возвратился домой и Ахіоръ. Первое, о чемъ онъ спросилъ свою жену, увидѣвшись съ нею,—это о камнѣ. Но она очень удивилась вопросу мужа и клятвенно подтвердила, что никакого камня она не получала. Тогда Ахіоръ отправился за разъясненіемъ къ своему другу Захаріи; но тотъ увѣрялъ, и тоже съ клятвою, что онъ тотчасъ же по пріѣздѣ передалъ камень по назначенію. Онъ даже привелъ двухъ свидѣтелей, подтверждавшихъ, что они видѣли, какъ Захарія при нихъ передавалъ камень женѣ Ахіора.

И вотъ теперь всѣ четверо—Ахіоръ, Захарія и двое свидѣтелей—стояли передъ трономъ царя Израильскаго.

Соломонъ поглядѣлъ каждому, изъ нихъ въ глаза поочередно и сказалъ стражѣ:

— Отведите ихъ всѣхъ въ отдѣльные покои и закройте каждаго отдѣльно.

И когда это было исполнено, онъ приказалъ принести четыре куска сырой глины.

— Пусть каждый изъ нихъ, — повелѣлъ царь: — вылѣпить изъ глины ту форму, которую имѣлъ камень.

Черезъ нѣкоторое время слѣпки были готовы. Но одинъ изъ свидѣтелей сдѣлалъ свой слѣпокъ въ видѣ лошадиной головы, какъ обычно обдѣлывались драгоценные камни; другой — въ видѣ овечьей головы, и только у двоихъ — у Ахіора и Захаріи — слѣпки были одинаковы, похожіе формой на женскую грудь.

И царь сказалъ:

— Теперь и для слѣплого ясно, что свидѣтели подкуплены Захаріей. Итакъ, пусть Захарія возвратитъ камень Ахіору и вмѣстѣ съ нимъ уплатитъ ему тридцать гражданскихъ сиклей судебныхъ издержекъ и отдастъ десять сиклей священныхъ на храмъ. Свидѣтели же, обличившіе сами себя, пусть заплатятъ по пяти сиклей въ казну за ложное показаніе.

Затѣмъ приблизились къ трону Соломонову три брата, судившіеся о наслѣдствѣ. Отецъ ихъ передъ смертью сказалъ имъ: «Чтобы вы не ссорились при дѣлежѣ, я самъ раздѣлю васъ по справедливости. Когда я умру, идите за холмъ, что въ срединѣ роши за домомъ, и разройте его. Тамъ найдете вы ящикъ съ тремя отдѣленіями: знайте, что верхнее для старшаго, среднее — для средняго, нижнее — для меньшого изъ братьевъ». И когда, послѣ его смерти, они пошли и сдѣлали, какъ онъ завѣщалъ, то нашли, что верхнее отдѣленіе было наполнено доверху золотыми монетами, между тѣмъ какъ въ среднемъ лежали только простыя кости, а въ нижнемъ куски дерева. И вотъ возникла между меньшими братьями зависть къ старшему и вражда, и жизнь ихъ

сдѣлалась подъ конецъ такой невыносимой, что рѣшили они обратиться къ царю за совѣтомъ и судомъ. Даже и здѣсь, стоя передъ трономъ, не воздержались они отъ взаимныхъ упрековъ и обидъ.

Царь покачалъ головой, выслушалъ ихъ и сказалъ:

— Оставьте ссоры; тяжелъ камень, вѣсокъ и несокъ, но гнѣвъ глуща тяжелѣе ихъ обоихъ. Отецъ вашъ былъ, очевидно, мудрый и справедливый человекъ, и свою волю онъ высказалъ въ своемъ завѣщаніи такъ же ясно, какъ будто бы это совершилось при сотнѣ свидѣтелей. Неужели сразу не догадались вы, несчастные крикуны, что старшему брату онъ оставилъ всѣ деньги, среднему—весь скотъ и всѣхъ рабовъ, а младшему—домъ и пашню. Идете же съ миромъ и не враждуйте больше.

И трое братьевъ—недавніе враги—съ просіявшими лицами поклонились царю въ ноги и вышли изъ судилища рука объ руку.

И еще рѣшилъ царь другое дѣло о наслѣдствѣ, начатое три дня тому назадъ. Одинъ человекъ, умирая, сказалъ, что онъ оставляетъ все свое имущество достойнѣйшему изъ двухъ его сыновей. Но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не соглашался признать себя худшимъ, то и обратились они къ царю.

Соломонъ спросилъ ихъ, кто они по дѣламъ своимъ, и, услышавъ въ отвѣтъ, что оба они охотники-лучники, сказалъ:

— Возвращайтесь домой. Я прикажу поставить у дерева трупъ вашего отца. Посмотримъ сначала, кто изъ васъ мѣтче попадетъ ему стрѣлой въ грудь, а потомъ рѣшимъ ваше дѣло.

Теперь оба брата возвратились назадъ въ сопровожденіи человека, посланнаго царемъ съ ними для присмотра. Его и спрашивалъ Соломонъ о состязаніи.

— Я исполнилъ все, что ты приказалъ, царь, — ска-

залъ этотъ человѣкъ. — Я поставилъ трупъ старика у дерева и далъ каждому изъ братьевъ ихъ лукъ и стрѣлы. Старшій стрѣлялъ первымъ. На разстояніи ста двадцати локтей онъ попалъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ бьется у живого человѣка сердце.

— Прекрасный выстрѣлъ, — сказалъ Соломонъ. — А младшій?

— Младшій... Прости меня, царь, я не могъ настоять на томъ, чтобы твое повелѣніе было исполнено въ точности... Младшій натянулъ тетиву и положилъ уже на нее стрѣлу, но вдругъ опустилъ лукъ къ ногамъ, повернулся и сказалъ, заплакавъ: «Нѣтъ, я не могу сдѣлать этого... Не буду стрѣлять въ трупъ моего отца».

— Такъ пусть ему и принадлежитъ имѣніе его отца, — рѣшилъ царь. — Онъ оказался достойнѣйшимъ сыномъ. Старшій же, если хочетъ, можетъ поступить въ число моихъ тѣлохранителей. Мнѣ нужны такіе сильные и жадные люди, съ мѣткою рукою, вѣрнымъ взглядомъ и съ сердцемъ, обросшимъ шерстью.

Затѣмъ предстали предъ царемъ три человѣка. Ведя общее торговое дѣло, нажили они много денегъ. И вотъ, когда пришла имъ пора ѣхать въ Іерусалимъ, то зашили они золото въ кожаный поясъ и пустились въ путь. Дорогою заночевали они въ лѣсу, а поясъ для сохранности зарыли въ землю. Когда же они проснулись на утро, то не нашли пояса въ томъ мѣстѣ, куда его положили.

Каждый изъ нихъ обвинялъ другого въ тайномъ похищеніи, и такъ какъ всѣ трое казались людьми очень хитрыми и тонкими въ рѣчахъ, то сказалъ имъ царь:

— Прежде, чѣмъ я рѣшу ваше дѣло, выслушайте то, что я расскажу вамъ. Одна красивая дѣвица обѣщала своему возлюбленному, отправлявшемуся въ путешествіе, ждать его возвращенія и никому не отдавать своего дѣвства, кромѣ него. Но, уѣхавъ, онъ въ непродолжитель-

номъ времени женился въ другомъ городѣ на другой дѣвушкѣ, и она узнала объ этомъ. Между тѣмъ къ ней посватался богатый и добросердечный юноша изъ ея города, другъ ея дѣтства. Понуждаемая родителями, она не рѣшилась отъ стыда и страха сказать ему о своемъ обѣщаніи и вышла за него замужъ. Когда же по окончаніи брачнаго пира онъ повелъ ее въ спальню и хотѣлъ лечь съ нею, она стала умолять его: «Позволь мнѣ сходить въ тотъ городъ, гдѣ живетъ прежній мой возлюбленный. Пусть онъ сниметъ съ меня клятву, тогда я возвращусь къ тебѣ и сдѣлаю все, что ты хочешь!» И такъ какъ юноша очень любилъ ее, то согласился на ея просьбу, отпустилъ ее, и она пошла. Дорогой напалъ на нее разбойникъ, ограбилъ ее и уже хотѣлъ ее изнасиловать. Но дѣвица упала передъ нимъ на колѣни и въ слезахъ молила пощадить ея цѣломудріе, и рассказала она разбойнику все, что произошло съ ней, и зачѣмъ идетъ она въ чужой городъ. И разбойникъ, выслушавъ ее, такъ удивился ея вѣрности слову и такъ тронулся добротой ея жениха, что не только отпустилъ дѣвушку съ миромъ, но и возвратилъ ей отнятыя драгоценности. Теперь спрашиваю я васъ, кто изъ всѣхъ трехъ поступилъ лучше предъ лицомъ Бога—дѣвица, женихъ или разбойникъ?

И одинъ изъ судившихся сказалъ, что дѣвица болѣе всѣхъ достойна похвалы за свою твердость въ клятвѣ. Другой удивлялся великой любви ея жениха; третій же находилъ самымъ великодушнымъ поступокъ разбойника.

И сказалъ царь послѣднему:

— Значить, ты и укралъ поясъ съ общимъ золотомъ, потому что по своей природѣ ты жаденъ и желаешь чужого.

Человѣкъ же этотъ, передавъ свой дорожный посохъ одному изъ товарищей, сказалъ, поднявъ руки кверху, какъ бы для клятвы:

— Свидѣтельствую передъ Іеговой, что золото не у меня, а у него!

Царь улыбнулся и приказалъ одному изъ своихъ воиновъ:

— Возьми жезлъ этого человѣка и разломи его пополамъ.

И когда воинъ исполнилъ повелѣніе Соломона, то посыпались на полъ золотыя монеты, потому что онѣ были спрятаны внутри выдолбленной палки; воръ же, пораженный мудростью царя, упалъ ницъ передъ его трономъ и признался въ своемъ преступленіи.

Также пришла въ домъ Ливанскій женщина, бѣдная вдова каменщика, и сказала:

— Я прошу правосудія, царь! На послѣдніе два дидарія, которые у меня оставались, я купила муки, насыпала ее вотъ въ эту большую глиняную чашу и пошла домой. Но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и развѣялъ мою муку. О, мудрый царь, кто возвратитъ мнѣ этотъ убытокъ! Мнѣ теперь нечѣмъ накормить моихъ дѣтей.

— Когда это было?—спросилъ царь.

— Это случилось сегодня утромъ, на зарѣ.

И вотъ Соломонъ приказалъ позвать нѣсколькихъ богатыхъ купцовъ, корабли которыхъ должны были въ этотъ день отправляться съ товарами въ Финикію черезъ Гаффу. И когда они явились, встревоженные, въ залу судилища, царь спросилъ ихъ:

— Молили ли вы Бога или боговъ о попутномъ вѣтрѣ для вашихъ кораблей?

И они отвѣтили:

— Да, царь! Это такъ. И Богу были угодны наши жертвы, потому что Онъ послалъ намъ добрый вѣтеръ.

— Я радуюсь за васъ,—сказалъ Соломонъ.—Но тотъ же вѣтеръ развѣялъ у бѣдной женщины муку, которую

онъ неслъ въ чашѣ. Не находите ли вы справедливымъ, что вамъ нужно вознаградить ее?

И они, обрадованные тѣмъ, что только за этимъ призываютъ ихъ царь, тотчасъ же набросали женщины полную чашу мелкой и крупной серебряной монеты. Когда же она со слезами стала благодарить царя, онъ ясно улыбнулся и сказалъ:

— Подожди, это еще не все. Сегодняшній утренній вѣтеръ далъ и мнѣ радость, которой я не ожидалъ. Итакъ, къ дарамъ этихъ купцовъ я прибавлю и свой царскій даръ.

И онъ повелѣлъ Адонираму, казначею, положить сверхъ денегъ купцовъ столько золотыхъ монетъ, чтобы вовсе не было видно подъ ними серебра.

Никого не хотѣлъ Соломонъ видѣть въ этотъ день несчастнымъ. Онъ роздалъ столько наградъ, пенсій и подарковъ, сколько не раздавалъ иногда въ цѣлый годъ, и простилъ онъ Ахимааса, правителя земли Нефеалимовой, на котораго прежде пылалъ гнѣвомъ за незаконные поборы, и сложилъ вины многимъ, преступившимъ законъ, и не оставилъ онъ безъ вниманія просьбъ своихъ подданныхъ, кромѣ одной.

Когда выходилъ царь изъ дома Ливанскаго малыми южными дверями, сталъ на его пути нѣкто въ желтой кожаной одеждѣ, приземистый, широкоплечій человекъ съ темно-краснымъ сумрачнымъ лицомъ, съ черною густою бородою, съ воловьею шеей и съ суровымъ взглядомъ изъ-подъ косматыхъ черныхъ бровей. Это былъ главный жрецъ капища Молоха. Онъ произнесъ только одно слово умоляющимъ голосомъ:

— Царь!..

Въ бронзовомъ чревѣ его бога было семь отдѣленій: одно для муки, другое для голубей, третье для овецъ, четвертое для барановъ, пятое для телятъ, шестое для

быковъ, седьмое же, предназначенное для живыхъ младенцевъ, приносимыхъ ихъ матерями, давно пустовало по запрещенію царя.

Соломонъ прошелъ молча мимо жреца, но тотъ протянулъ вслѣдъ ему руки и воскликнулъ съ мольбой:

— Царь! Заклинаю тебя твоей радостью!.. Царь, окажи мнѣ эту милость, и я открою тебѣ, какой опасности подвергается твоя жизнь.

Соломонъ не отвѣтилъ, и жрецъ, сжавъ кулаки сильныхъ рукъ, проводилъ его до выхода яростнымъ взглядомъ.

VI.

Вечеромъ пошла Суламию въ старый городъ, туда, гдѣ длинными рядами тянулись лавки мѣняль, ростовщиковъ и торговцевъ благовонными сладобьями. Тамъ продала она ювелиру за три драхмы и одинъ динарій свою единственную драгоценность — праздничныя серьги, серебряныя, кольцами, съ золотой звѣздочкой каждая.

Потомъ она зашла къ продавцу благовоній. Въ глубокой, темной каменной нишѣ, среди банокъ съ сѣрой аравійской амброй, пакетовъ съ ливанскимъ ладаномъ, пучковъ ароматическихъ травъ и склянокъ съ маслами — сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и щуря лѣнивые глаза, неподвижный, самъ весь благоухающій, старый, жирный, сморщенный скопецъ-египтянинъ. Онъ осторожно отсчиталъ изъ финикійской склянки въ маленькій глиняный флакончикъ ровно столько капель мирры, сколько было динаріевъ во всѣхъ деньгахъ Суламию, и когда онъ окончилъ это дѣло, то сказалъ, подбирая пробкой остатокъ масла вокругъ горлышка и лукаво смѣясь:

— Смуглая дѣвушка, прекрасная дѣвушка! Когда сегодня твой милый поцѣлуетъ тебя между грудей и ска-

жетъ: «Какъ хорошо пахнетъ твое тѣло, о, моя возлюбленная!»—ты вспомни обо мнѣ въ этотъ мигъ. Я перелилъ тебѣ три лишнія капли.

И вотъ, когда наступила ночь и луна поднялась надъ Силоамомъ, перемѣшавъ синюю бѣлизну его домовъ съ черной синевою тѣней и съ матовой зеленью деревьевъ, встала Суламиѳъ съ своего бѣднаго ложа изъ козьей шерсти и прислушалась. Все было тихо въ домѣ. Сестра ровно дышала у стѣны, на полу. Только снаружи, въ придорожныхъ кустахъ, сухо и страстно кричали цикады, и кровь толчками шумѣла въ ушахъ. Рѣшетка окна, вырисованная луннымъ свѣтомъ, четко и косо лежала на полу.

Дрожа отъ робости, ожиданья и счастья, разстегнула Суламиѳъ свои одежды, опустила ихъ внизъ къ ногамъ и, перешагнувъ черезъ нихъ, осталась среди комнаты нагая, лицомъ къ окну, освѣщенная луною черезъ переплетъ рѣшетки. Она налила густую благовонную мирру себѣ на плечи, на грудь, на животъ и, боясь потерять хоть одну драгоценную каплю, стала быстро растирать масло по ногамъ, подъ мышками и вокругъ шеи. И гладкое, скользящее прикосновеніе ея ладоней и локтей къ тѣлу заставляло ее вздрагивать отъ сладкаго предчувствія. И, улыбаясь и дрожа, глядѣла она въ окно, гдѣ за рѣшеткой виднѣлись два тополя, темные съ одной стороны, осеребренные съ другой, и шептала про себя:

— Это для тебя, мой милый, это для тебя, возлюбленный мой. Милый мой лучше десяти тысячъ другихъ, голова его — чистое золото, волосы его волнистые, черные, какъ воронъ. Уста его — сладость, и весь онъ — желаніе. Вотъ кто возлюбленный мой, вотъ кто братъ мой, дочери іерусалимскія!..

И вотъ, благоухающая миррой, легла она на свое ложе. Лицо ея обращено къ окну; руки она, какъ дитя, за-

жала между колѣнями, сердце ея громко бьется въ комнатѣ. Проходитъ много времени. Почти не закрывая глазъ, она погружается въ дремоту, но сердце ея бодрствуетъ. Ей грезится, что милый лежитъ съ ней рядомъ. Правая рука у нея подъ головой, лѣвой онъ обнимаетъ ее. Въ радостномъ испугѣ сбрасываетъ она съ себя дремоту, ищетъ возлюбленнаго около себя на ложѣ, но не находитъ никого. Лунный узоръ на полу передвинулся ближе къ стѣнѣ, укоротился и сталъ косѣе. Кричатъ цикады, монотонно лепечетъ Кедронскій ручей, слышно, какъ въ городѣ заунывно поетъ ночной сторожъ.

«Что, если онъ не придетъ сегодня,—думаетъ Суламиѳъ:—я просила его, и вдругъ онъ послушался меня?.. Заклинаю васъ, дочери іерусалимскія, сернами и полевыми лиліями: не будите любви, доколѣ она не придетъ... Но вотъ любовь посѣтила меня. Приди скорѣй, мой возлюбленный! Невѣста ждетъ тебя. Будь быстръ, какъ молодой олень въ горахъ бальзамическихъ».

Песокъ захрустѣлъ на дворѣ подъ легкими шагами. И души не стало въ дѣвушкѣ. Осторожная рука стучитъ въ окно. Темное лицо мелькаетъ за рѣшеткой. Слышится тихій голосъ милаго:

— Отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! Голова моя покрыта росой.

Но волшебное оцѣпенѣніе овладѣваетъ вдругъ тѣломъ Суламиѳи. Она хочетъ встать и не можетъ, хочетъ пошевелинуть рукою и не можетъ. И, не понимая, что съ нею дѣлается, она шепчетъ, глядя въ окно:

— Ахъ, кудри его полны ночью влагой! Но я скинула мой хитонъ. Какъ же мнѣ опять надѣть его?

— Встань, возлюбленная моя. Прекрасная моя, выйди. Близится утро, раскрываются цвѣты, виноградъ льетъ свое благоуханіе, время пѣнія настало, голосъ горлицы доносится съ горъ.

— Я вымыла ноги мои,—шепчетъ Суламиѳъ:—какъ же мнѣ ступать ими на полъ?

Темная голова исчезаетъ изъ оконнаго переплета, звучные шаги обходятъ домъ, затихаютъ у двери. Милый осторожно просовываетъ руку сквозь дверную скважину. Слышно, какъ онъ ищетъ пальцами внутреннюю задвижку.

Тогда Суламиѳъ встаетъ, крѣпко прижимаетъ ладони къ грудямъ и шепчетъ въ страхъ:

— Сестра моя спитъ, я боюсь разбудить ее.

Она нерѣшительно обуваетъ сандалии, надѣваетъ на голое тѣло легкій хитонъ, накидываетъ сверхъ него покрывало и открываетъ дверь, оставляя на ея замкѣ слѣды мирры. Но никого уже нѣтъ на дорогѣ, которая одиноко бѣлѣетъ среди темныхъ кустовъ въ сѣрой утренней мглѣ. Милый не дождался — ушелъ, даже шаговъ его не слышно. Луна уменьшилась и поблѣднѣла и стоитъ высоко. На востокѣ надъ волнами горъ холодно розовѣетъ небо передъ зарею. Вдали бѣлѣютъ стѣны и дома іерусалимскіе.

— Возлюбленный мой! Царь жизни моей! — кричитъ Суламиѳъ во влажную темноту. — Вотъ я здѣсь. Я жду тебя... Вернись!

Но никто не отзывается.

«Побѣгу же я по дорогѣ, догоню, догоню моего милаго,—говоритъ про себя Суламиѳъ. — Пойду по городу, по улицамъ, по площадямъ, буду искать того, кого любить душа моя. О, если бы ты былъ моимъ братомъ, сосавшимъ грудь матери моей! Я встрѣтила бы тебя на улицѣ и цѣловала бы тебя, и никто не осудилъ бы меня. Я взяла бы тебя за руку и привела бы въ домъ матери моей. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя сокомъ гранатовыхъ яблоковъ. Заклинаю васъ, дочери іерусалимскія: если встрѣтите возлюбленнаго моего, скажите ему, что я уязвлена любовью».

Такъ говоритъ она самой себѣ и легкими, послушными шагами бѣжитъ по дорогѣ къ городу. У Навозныхъ воротъ около стѣны сидятъ и дремлютъ въ утренней прохладѣ двое сторожей, обходившихъ ночью городъ. Они просыпаются и смотрятъ съ удивленіемъ на бѣгущую дѣвушку. Младшій изъ нихъ встаетъ и загораживаетъ ей дорогу распростертыми руками.

— Подожди, подожди, красавица! — восклицаетъ онъ со смѣхомъ. — Куда такъ скоро? Ты провела тайкомъ ночь въ постели у своего любезнаго и еще тепла отъ его объятій, а мы продрогли отъ ночной сырости. Будетъ справедливо, если ты немножко посидишь съ нами.

Старшій тоже поднимается и хочетъ обнять Суламию. Онъ не смѣется, онъ дышитъ тяжело, часто и со свистомъ, онъ облизываетъ языкомъ синія губы. Лицо его, обезображенное большими шрамами отъ зажившей проказы, кажется страшнымъ въ блѣдной мглѣ. Онъ говоритъ гнусавымъ и хриплымъ голосомъ:

— И правда. Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ мужчинъ, милая дѣвушка! Закрой глаза, и ты не отличишь меня отъ него. Я даже лучше, потому что, навѣрно, поопытнѣе его.

Они хватаютъ ее за грудь, за плечи, за кисти рукъ, за одежду. Но Суламию гибка и сильна, и тѣло ея, умащенное масломъ, скользко. Она вырывается, оставивъ въ рукахъ сторожей свое верхнее покрывало, и еще быстрее бѣжитъ назадъ прежней дорогой. Она не испытала ни обиды ни страха — она вся поглощена мыслью о Соломонѣ. Проходя мимо своего дома, она видитъ, что дверь, изъ которой она только-что вышла, такъ и осталась отворенной, зіяя чернымъ четырехугольникомъ на бѣлой стѣнѣ. Но она только затаиваетъ дыханіе, съеживается, какъ молодая кошка, и на цыпочкахъ, беззвучно пробѣгаетъ мимо.

Она переходитъ черезъ Кедронскій мостъ, огибаетъ окраину Силоамской деревни и каменистой дорогой взбирается постепенно на южный склонъ Ватнъ-Эль-Хава, въ свой виноградникъ. Братъ ея спитъ еще между лозами, завернувшись въ шерстяное одѣяло, все мокрое отъ росы. Суламиѳъ будитъ его, но онъ не можетъ проснуться, окованный молодымъ утреннимъ спомъ.

Какъ и вчера, заря пылаетъ надъ Аназе. Подымается вѣтеръ. Струится аромат винограднаго цвѣтенія.

— Пойду, погляжу на то мѣсто у стѣны, гдѣ стоялъ мой возлюбленный, — говоритъ Суламиѳъ. — Прикоснусь руками къ камнямъ, которые онъ трогалъ, поцѣлую землю подъ его ногами.

Легко скользитъ она между лозами. Роса падаетъ съ нихъ и холодитъ ей ноги и брызжетъ на ея локти. И вотъ радостный крикъ Суламиѳи оглашаетъ виноградникъ! Царь стоитъ за стѣной. Онъ съ сіяющимъ лицомъ протягиваетъ ей навстрѣчу руки.

Легче птицы переносится Суламиѳъ черезъ ограду и безъ словъ, со стономъ счастья обвивается вокругъ царя.

Такъ проходитъ нѣсколько минутъ. Наконецъ, отрываясь губами отъ ея рта, Соломонъ говоритъ въ упоеніи, и голосъ его дрожитъ:

— О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

— О, какъ ты прекрасенъ, возлюбленный мой!

Слезы восторга и благодарности — блаженные слезы блестятъ на блѣдномъ и прекрасномъ лицѣ Суламиѳи. Изнемогая отъ любви, она опускается на землю и едва слышно шепчетъ безумныя слова:

— Ложе у насъ—зелень. Кедры—потолокъ надъ нами... Лобзай меня лобзаніемъ устъ своихъ. Ласки твои лучше вина...

Спустя небольшое время Суламиѳъ лежитъ головою на груди Соломона. Его лѣвая рука обнимаетъ ее.

Склонившись къ самому ея уху, царь шепчетъ ей что-то, царь нѣжно извиняется, и Суламиѳъ краснѣетъ отъ его словъ и закрываетъ глаза. Потомъ съ невыразимо-прелестной улыбкой смущенія она говоритъ:

— Братья мои поставили меня стеречь виноградникъ... а своего виноградника я не уберегла.

Но Соломонъ беретъ ея маленькую темную руку и горячо прижимаетъ ее къ губамъ.

— Ты не жалѣешь объ этомъ, Суламиѳъ?

— О, нѣтъ, царь мой, возлюбленный мой, я не жалѣю. Если бы ты сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ меня, и если бы я осуждена была никогда потомъ не видѣть тебя, я до конца моей жизни буду произносить съ благодарностью твое имя, Соломонъ!

— Скажи мнѣ еще, Суламиѳъ... Только, прошу тебя, скажи правду, чистая моя... Знала ли ты, кто я?

— Нѣтъ, я и теперь не знаю этого. Я думала... Но мнѣ стыдно признаться... Я боюсь, ты будешь смѣяться надо мной... Рассказываютъ, что здѣсь, на горѣ Ватнъ-Эль-Хавъ, иногда бродятъ языческіе боги... Многіе изъ нихъ, говорятъ, прекрасны... И я думала: не Горъ ли ты, сынъ Озириса, или иной богъ?

— Нѣтъ, я только царь, возлюбленная. Но вотъ на этомъ мѣстѣ я цѣлую твою милую руку, опаленную солнцемъ, и клянусь тебѣ, что еще никогда: ни въ пору первыхъ любовныхъ томленій юности, ни въ дни моей славы не горѣло мое сердце такимъ неутолимымъ желаніемъ, которое будить во мнѣ одна твоя улыбка, одно прикосновеніе твоихъ огненныхъ кудрей, одинъ изгибъ твоихъ пурпуровыхъ губъ! Ты прекрасна, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы въ храмѣ Соломоновомъ! Ласки твои опьяняютъ меня. Вотъ груди твои — онѣ ароматны. Сосцы твои — какъ вино!

— О, да, гляди, гляди на меня, возлюбленный. Глаза

твои волнують меня! О, какая радость: вѣдь это ко мнѣ, ко мнѣ обращено желаніе твое! Волосы твои душисты. Ты лежишь какъ мирровый пучокъ у меня между грудей!

Время прекращаетъ свое теченіе и смыкается надъ ними солнечнымъ кругомъ. Ложе у нихъ — зелень, кровля — кедры, стѣны — кипарисы. И знамя надъ ихъ шатромъ — любовь.

VII.

Бассейнъ былъ у царя во дворцѣ, восьмиугольный, прохладный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора. Темно-зеленыя малахитовыя ступени спускались къ его дну. Облицовка изъ египетской яшмы, снѣжно-бѣлой съ розовыми, чуть замѣтными прожилками, служила ему рамою. Лучшее черное дерево пошло на отдѣлку стѣнъ. Четыре львиныя головы изъ розоваго сардоникса извергали тонкими струями воду въ бассейнъ. Восемь серебряныхъ отполированныхъ зеркалъ отличной сидонской работы, въ ростъ человѣка, были вдѣланы въ стѣны между легкими бѣлыми колоннами.

Передъ тѣмъ, какъ войти Суламиои въ бассейнъ, молодыя прислужницы влили въ него ароматные составы, и вода отъ нихъ побѣлѣла, поглубѣла и заиграла переливами молочнаго опала. Съ восхищеніемъ глядѣли рабыни, раздѣвавшія Суламию, на ея тѣло и, когда раздѣли, подвели ее къ зеркалу. Ни одного недостатка не было въ ея прекрасномъ тѣлѣ, озолоченномъ, какъ смуглый зрѣлый плодъ, золотымъ пухомъ нѣжныхъ волосъ. Она же, глядя на себя нагую въ зеркало, краснѣла и думала:

«Все это для тебя, мой царь!»

Она вышла изъ бассейна свѣжая, холодная и благоухающая, покрытая дрожащими каплями воды. Рабыни

надѣли на нее короткую бѣлую тунуку изъ тончайшаго египетскаго льна и хитонъ изъ драгоцѣннаго саргонскаго виссона, такого блестящаго золотого цвѣта, что одежда казалась сотканной изъ солнечныхъ лучей. Онѣ обули ея ноги въ красныя сандалии изъ кожи молодого козленка, онѣ осушили ея темно-огненные кудри и перевили ихъ нитями крупнаго чернаго жемчуга, и украсили ея руки звенящими запястьями.

Въ такомъ нарядѣ предстала она предъ Соломономъ, и царь воскликнулъ радостно:

— Кто это, блистающая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце? О, Суламиѳъ, красота твоя грознѣе, чѣмъ полки съ распущенными знаменами! Семьсотъ женъ я зналъ и триста наложницъ, и двѣицъ безъ числа, но единственная — ты, прекрасная моя! Увидятъ тебя царицы и превознесутъ, и поклонятся тебѣ наложницы, и восхвалятъ тебя всѣ женщины на землѣ. О, Суламиѳъ, тотъ день, когда ты сдѣлаешься моею женой и царицей, будетъ самымъ счастливымъ для моего сердца.

Она же подошла къ рѣзной масляной двери и, прижавшись къ ней щекою, сказала:

— Я хочу быть только твоею рабою, Соломонъ. Вотъ я приложила ухо мое къ дверному косяку. И прошу тебя: по закону Моисееву, пригвозди мнѣ ухо, въ свидѣтельство моего добровольнаго рабства предъ тобою.

Тогда Соломонъ приказалъ принести изъ своей сокровищницы драгоцѣнныя подвѣски изъ глубоко-красныхъ карбункуловъ, обдѣланныхъ въ видѣ удлиненныхъ грушъ. Онъ самъ продѣлъ ихъ въ уши Суламиѳи и сказалъ:

— Возлюбленная моя принадлежитъ мнѣ, а я ей.

И, взявъ Суламиѳъ за руку, повелъ ее царь въ залу пиршества, гдѣ уже дожидались его друзья и приближенные.

УІІІ.

Семь дней прошло съ того утра, когда вступила Суламиѳъ въ царскій дворець. Семь дней она и царь наслаждались любовью и не могли насытиться ею.

Соломонъ любилъ украшать свою возлюбленную драгоценностями. «Какъ стройны твои маленькія ноги въ сандаліяхъ!»—восклицалъ онъ съ восторгомъ и, становясь передъ нею на колѣни, цѣловалъ поочередно пальцы на ея ногахъ и нанизывалъ на нихъ кольца съ такими прекрасными и рѣдкими камнями, какихъ не было даже на эфодѣ первосвященника. Суламиѳъ заслушивалась его, когда онъ рассказывалъ ей о внутренней природѣ камней, о ихъ волшебныхъ свойствахъ и таинственныхъ значеніяхъ.

— Вотъ анфраксъ, священный камень земли Офиръ,—говорилъ царь. — Онъ горячъ и влаженъ. Погляди, онъ красенъ, какъ кровь, какъ вечерняя заря, какъ распустившійся цвѣтъ граната, какъ густое вино изъ виноградниковъ энгедскихъ, какъ твои губы, моя Суламиѳъ, какъ твои губы утромъ, послѣ ночи любви. Это камень любви, гнѣва и крови. На рукѣ человека, томящагося въ лихорадкѣ или опьяненнаго желаніемъ, онъ становится теплѣе и горитъ краснымъ пламенемъ. Надѣнь его на руку, моя возлюбленная, и ты увидишь, какъ онъ загорится. Если его растолочь въ порошокъ и принимать съ водой, онъ даетъ румянецъ лицу, успокаиваетъ желудокъ и веселитъ душу. Носящій его пріобрѣтаетъ власть надъ людьми. Онъ врачуетъ сердце, мозгъ и память. Но при дѣтяхъ не слѣдуетъ его носить, потому что онъ будитъ вокругъ себя любовныя страсти.

«Вотъ прозрачный камень цвѣта мѣдной яри. Въ странѣ эііоповъ, гдѣ онъ добывается, его называютъ

Мгнадисъ-Фза. Мнѣ подарилъ его отецъ моей жены, царицы Астисъ, египетскій фараонъ Суссакимъ, которому этотъ камень достался отъ плѣннаго царя. Ты видишь— онъ некрасивъ, но цѣна его неисчислима, потому что только четыре человека на землѣ владѣютъ камнемъ Мгнадизъ-Фза. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ качествомъ притягивать къ себѣ серебро, точно жадный и сребролюбивый человекъ. Я тебѣ его дарю, моя возлюбленная, потому что ты безкорытна.

«Посмотри, Суламию, на эти сапфиры. Одни изъ нихъ похожи цвѣтомъ на васильки въ пшеницѣ, другіе на осеннее небо, иные на море въ ясную погоду. Это камень дѣвственности—холодный и чистый. Во время далекихъ и тяжелыхъ путешествій его кладутъ въ ротъ для утоленія жажды. Онъ также излѣчиваетъ проказу и всякіе злые наросты. Онъ даетъ ясность мыслямъ. Жрецы Юпитера въ Римѣ носятъ его на указательномъ пальцѣ.

«Царь всѣхъ камней—камень Шамиръ. Греки называютъ его Адамасъ, что значитъ—неодолимый. Онъ крѣпче всѣхъ веществъ на свѣтѣ и остается невредимымъ въ самомъ сильномъ огнѣ. Это свѣтъ солнца, сгустившійся въ землѣ и охлажденный временемъ. Полюбуйся, Суламию, онъ играетъ всѣми цвѣтами, но самъ остается прозрачнымъ, точно капля воды. Онъ сіяетъ въ темнотѣ ночи, но даже днемъ теряетъ свой свѣтъ на рукѣ убійцы. Шамиръ привязываютъ къ рукѣ женщины, которая мучится тяжелыми родами, и его также надѣваютъ воины на лѣвую руку, отправляясь въ бой. Тотъ, кто носитъ Шамиръ—угоденъ царямъ и не боится злыхъ духовъ. Шамиръ стоняетъ пестрый цвѣтъ съ лица, очищаетъ дыханіе, даетъ спокойный сонъ лунатикамъ и отпугиваетъ отъ близкаго сосѣдства съ ядомъ. Камни Шамиръ бываютъ мужскіе и женскіе; зарытые глубоко въ землю, они способны размножаться

«Лунный камень, блѣдный и кроткій, какъ сіяніе луны — это камень маговъ халдейскихъ и вавилонскихъ. Передъ прорицаніями они кладутъ его подъ языкъ, и онъ сообщаетъ имъ даръ видѣть будущее. Онъ имѣетъ странную связь съ луною, потому что въ новолуніе холодѣетъ и сіяетъ ярче. Онъ благоприятенъ для женщины въ тотъ годъ, когда она изъ ребенка становится дѣвушкой.

«Это кольцо съ смарагдомъ ты носи постоянно, возлюбленная, потому что смарагдъ — любимый камень Соломона, царя Израильскаго. Онъ зеленъ, чистъ, веселъ и нѣженъ, какъ трава весенняя, и когда смотришь на него долго, то свѣтлѣетъ сердце; если поглядѣть на него съ утра, то весь день будетъ для тебя легкимъ. У тебя надъ ночнымъ ложемъ я повѣшу смарагдъ, прекрасная моя: пусть онъ отгоняетъ отъ тебя дурные сны, утишаетъ біеніе сердца и отводитъ черныя мысли. Кто носитъ смарагдъ, къ тому не приближаются змѣи и скорпіоны; если же держать смарагдъ передъ глазами змѣи, то полетѣтъ изъ нихъ вода и будетъ литься до тѣхъ поръ, пока она не ослѣпнетъ. Толченый смарагдъ даютъ отравленному ядомъ чловѣку вмѣстѣ съ горячимъ верблюжьимъ молокомъ, чтобы вышелъ ядъ испариной; смѣшанный съ розовымъ масломъ, смарагдъ врачуетъ укусы ядовитыхъ гадовъ, а растертый съ шафраномъ и приложенный къ больнымъ глазамъ исцѣляетъ куриную слѣпоту. Помогаетъ онъ еще отъ кроваваго поноса и при черномъ кашлѣ, который неизлѣчимъ никакими средствами чловѣческими».

Дарилъ также царь своей возлюбленной ливійскіе аметисты, похожіе цвѣтомъ на раннія фіалки, распускающіяся въ лѣсахъ у подножія Ливійскихъ горъ, — аметисты, обладавшіе чудесной способностью обуздывать вѣтеръ, смягчать злобу, предохранять отъ опьянѣнія и по-

могать при ловлѣ дикихъ звѣрей; персепольскую бирюзу, которая приноситъ счастье въ любви, прекращаетъ ссору супруговъ, отводитъ царскій гнѣвъ и благопріятствуетъ при укрощеніи и продажѣ лошадей; и кошачій глазъ — оберегающій имущество, разумъ и здоровье своего владѣльца; и блѣдный, сине-зеленый, какъ морская вода у берега, вериллій — средство отъ бѣльма и проказы, добрый спутникъ странниковъ; и разноцвѣтный агатъ — носящій его не боится козней враговъ и избѣгаетъ опасности быть раздавленнымъ во время землетрясенія; и нефритъ, почечный камень, отстраняющій удары молніи; и яблочко-зеленый, мутно-прозрачный онихій — сторожъ хозяина отъ огня и сумасшествія; и яспись, заставляющій дрожать звѣрей; и черный ласточкинъ камень, дающій краснорѣчіе; и уважаемый беременными женщинами орлиный камень, который орлы кладутъ въ свои гнѣзда, когда приходитъ пора вылупляться ихъ птенцамъ; и заберзатъ изъ Офіра, сіяющій какъ маленькія солнца; и желто-золотистый хрисолитъ — другъ торговцевъ и воровъ; и сардониксъ, любимый царями и царицами; и малиновый лигирій: его находятъ, какъ извѣстно, въ желудкѣ рыси, зрѣніе которой такъ остро, что она видитъ сквозь стѣны, — поэтому и носящіе лигирій отличаются зоркостью глазъ, — кромѣ того онъ останавливаетъ кровотеченіе изъ носа и заживляетъ всякія раны, исключая ранъ, нанесенныхъ камнемъ и желѣзомъ.

Надѣвалъ царь на шею Суламиѳи многоцѣнныя ожерелья изъ жемчуга, который ловили его подданные въ Персидскомъ морѣ, и жемчугъ отъ теплоты ея тѣла пріобрѣталъ живой блескъ и нѣжный цвѣтъ. И кораллы становились краснѣе на ея смуглой груди, и оживала бирюза на ея пальцахъ, и издавали въ ея рукахъ трескучія искры тѣ желтыя янтарныя бездѣлушки, которыя привозили въ даръ царю Соломону съ береговъ да-

лекихъ сѣверныхъ морей отважные корабельщики царя Хирама Тирскаго.

Златоцвѣтомъ и лиліями покрывала Суламиѳъ свое ложе, приготовляя его къ ночи, и, покоясь на ея груди, говорилъ царь въ веселіи сердца:

— Ты похожа на царскую ладью въ странѣ Офирѣ, о, моя возлюбленная, на золотую легкую ладью, которая плыветъ, качаясь, по священной рѣкѣ, среди бѣлыхъ ароматныхъ цвѣтовъ.

Такъ посѣтила царя Соломона — величайшаго изъ царей и мудрейшаго изъ мудрецовъ — его первая и послѣдняя любовь.

Много вѣковъ прошло съ той поры. Были царства и цари, и отъ нихъ не осталось слѣда, какъ отъ вѣтра, пробѣжавшаго надъ пустыней. Были длинныя безпощадныя войны, послѣ которыхъ имена полководцевъ сіяли въ вѣкахъ точно кровавыя звѣзды, но время стерло даже самую память о нихъ.

Любовь же бѣдной дѣвушки изъ виноградника и великаго царя никогда не пройдетъ и не забудется, потому что крѣпка, какъ смерть, любовь, потому что каждая женщина, которая любитъ, — царица, потому что любовь — прекрасна!

IX.

Семь дней прошло съ той поры, когда Соломонъ — поэтъ, мудрецъ и царь — привелъ въ свой дворецъ бѣдную дѣвушку, встрѣченную имъ въ виноградникѣ на разсвѣтѣ. Семь дней наслаждался царь ея любовью и не могъ насытиться ею. И великая радость освѣщала его лицо, точно золотое солнечное сіяніе.

Стояли свѣтлыя, теплыя, лунныя ночи—сладкія ночи любви! На ложѣ изъ тигровыхъ шкуръ лежала обнаженная Суламиѡ, и царь, сидя на полу у ея ногъ, наполнялъ свой изумрудный кубокъ золотистымъ виномъ изъ Мареотиса и пилъ за здоровье своей возлюбленной, веселясь всѣмъ сердцемъ, и рассказывалъ онъ ей мудрыя древнія странныя сказанія. И рука Суламиѡи покоилась на его головѣ, гладила его волнистые черные волосы.

— Скажи мнѣ, мой царь, — спросила однажды Суламиѡ:—не удивительно ли, что я полюбила тебя такъ внезапно? Я теперь припоминаю все, и мнѣ кажется, что я стала принадлежать тебѣ съ самаго перваго мгновенія, когда не успѣла еще увидѣть тебя, а только услышала твой голосъ. Сердце мое затрепетало и раскрылось навстрѣчу къ тебѣ, какъ раскрывается цвѣтокъ во время лѣтней ночи отъ южнаго вѣтра. Чѣмъ ты такъ плѣнилъ меня, мой возлюбленный?

И царь, тихо склоняясь головой къ нѣжнымъ колѣнямъ Суламиѡи, ласково улыбнулся и отвѣтилъ:

— Тысячи женщинъ до тебя, о, моя прекрасная, задавали своимъ милымъ этотъ вопросъ, и сотни вѣковъ послѣ тебя онѣ будутъ спрашивать объ этомъ своихъ милыхъ. Три вещи есть въ мірѣ, непонятныя для меня, и четвертую я не постигаю: путь орла въ небѣ, змѣи на скалѣ, корабля среди моря и путь мужчины къ сердцу женщины. Это не моя мудрость, Суламиѡ, это слова 'Агура, сына Іакеева', слышанныя отъ него учениками. Но почтимъ и чужую мудрость.

— Да, — сказала Суламиѡ задумчиво: — можетъ-быть, и правда, что человѣкъ никогда не пойметъ этого. Сегодня во время пира на моей груди было благоухающее вязаніе стаки. Но ты вышелъ изъ-за стола, и цвѣты мои перестали пахнуть. Мнѣ кажется, что тебя должны любить, о, царь, и женщины, и мужчины, и звѣри, и даже

цвѣты. Я часто думаю и не могу понять: какъ можно любить кого-нибудь другого, кромѣ тебя?

— И кромѣ тебя, кромѣ тебя, Суламиѳъ! Каждый часъ я благодарю Бога, что Онъ послалъ тебя на моемъ пути.

— Я помню, я сидѣла на камнѣ стѣнки, и ты положилъ свою руку сверхъ моей. Огонь побѣждалъ по моимъ жиламъ, голова у меня закружилась. Я сказала себѣ: «Вотъ кто господинъ мой, вотъ кто царь мой, возлюбленный мой!»

— Я помню, Суламиѳъ, какъ обернулась ты на мой зовъ. Подъ тонкимъ платьемъ я увидѣлъ твое тѣло, твое прекрасное тѣло, которое я люблю, какъ Бога. Я люблю его, покрытое золотымъ пухомъ, точно солнце оставило на немъ свой поцѣлуй. Ты стройна, точно кобылица въ колесницѣ фараоновой, ты прекрасна, какъ колесница Аминодавова. Глаза твои, какъ два голубя, сидящихъ у истока водъ.

— О, милый, слова твои волнуютъ меня. Твоя рука сладко жжетъ меня. О, мой царь, ноги твои, какъ мраморные столбы. Животъ твой, точно ворохъ пшеницы, окруженный лиліями.

Окруженные, осіянные молчаливымъ свѣтомъ луны, они забывали о времени, о мѣстѣ, и вотъ проходили часы, и они съ удивленіемъ замѣчали, какъ въ рѣшетчатая окна покоя заглядывала розовая заря.

Также сказала однажды Суламиѳъ:

— Ты зналъ, мой возлюбленный, женъ и дѣвицъ безъ числа, и всѣ онѣ были самыя красивыя женщины на землѣ. Мнѣ стыдно становится, когда я подумаю о себѣ, простой, неученой дѣвушкѣ, и о моемъ бѣдномъ тѣлѣ, опаленномъ солнцемъ.

Но, касаясь губами ея губъ, говорилъ царь съ безконечной любовью и благодарностью:

— Ты царица, Суламиѳъ. Ты родилась настоящей ца-

рицей. Ты смѣла и щедра въ любви. Семьсотъ женъ у меня и триста наложницъ, и дѣвицъ я зналъ безъ числа, но ты единственная моя, кроткая моя, прекраснѣйшая изъ женщинъ. Я нашелъ тебя подобно тому, какъ водолазъ въ Персидскомъ заливѣ наполняетъ множество корзины пустыми раковинами и малоцѣнными жемчужинами, прежде чѣмъ достанетъ съ морского дна перлъ, достойный царской короны. Дитя мое, тысячи разъ можетъ любить человѣкъ, но только одинъ разъ онъ любить. Тьмы-темъ людей думаютъ, что они любятъ, но только двумъ изъ нихъ посылаетъ Богъ любовь. И когда ты отдалась мнѣ тамъ, между кипарисами, подъ кровлей изъ кедровъ, на ложѣ изъ зелени, я отъ души благодарилъ Бога, столь милостиваго ко мнѣ.

Еще однажды спросила Суламиоъ :

— Я знаю, что всѣ онѣ любили тебя, потому что тебя нельзя не любить. Царица Савская приходила къ тебѣ изъ своей страны. Говорятъ, она была мудрѣе и прекраснѣе всѣхъ женщинъ, когда-либо бывшихъ на землѣ. Точно во снѣ я вспоминаю ея караваны. Не знаю почему, но съ самаго ранняго дѣтства влекло меня къ колесницамъ знатныхъ. Мнѣ тогда было, можетъ-быть, семь, можетъ-быть, восемь лѣтъ, я помню верблюдовъ въ золотой сбруѣ, покрытыхъ пурпурными попонами, отягощенныхъ тяжелыми ношами, помню муловъ съ золотыми бубенчиками между ушами, помню смѣшныхъ обезьянъ въ серебряныхъ клѣткахъ и чудесныхъ павлиновъ. Множество слугъ шло въ бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ; они вели ручныхъ тигровъ и барсовъ на красныхъ лентахъ. Мнѣ было только восемь лѣтъ.

— О, дитя, тебѣ тогда было только восемь лѣтъ, — сказалъ Соломонъ съ грустью.

— Ты любилъ ее больше, чѣмъ меня, Соломонъ? Расскажи мнѣ что-нибудь о ней?

И царь рассказал ей все объ этой удивительной женщинѣ. Наслышавшись много о мудрости и красотѣ Израильскаго царя, она прибыла къ нему изъ своей страны съ богатыми дарами, желая испытать его мудрость и покорить его сердце. Это была пышная сорокалѣтняя женщина, которая уже начинала увядать. Но тайными, волшебными средствами она достигала того, что ея рыхлѣющее тѣло казалось стройнымъ и гибкимъ, какъ у дѣвушки, и лицо ея носило печать страшной, нечеловѣческой красоты. Но мудрость ея была обыкновенной человѣческой мудростью, и при томъ еще мелочной мудростью женщины.

Желая испытать царя загадками, она сначала послала къ нему пятьдесятъ юношей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и пятьдесятъ дѣвушекъ. Всѣ они такъ хитроумно были одѣты въ одинаковыя одежды, что самый зоркій глазъ не распозналъ бы ихъ пола. «Я назову тебя мудрымъ, царь, — сказала Балкисъ: — если ты скажешь мнѣ, кто изъ нихъ женщина и кто мужчина».

Но царь разсмѣялся и приказалъ каждому и каждой изъ посланныхъ подать поодиночкѣ серебряный тазъ и серебряный кувшинъ для умыванія. И въ то время, когда мальчики смѣло брызгались въ водѣ руками и бросали себѣ ее горстями въ лицо, крѣпко вытирая кожу, дѣвочки поступали такъ, какъ всегда дѣлаютъ женщины при умываніи. Онѣ нѣжно и заботливо натирали водою каждую изъ своихъ рукъ, близко поднося ее къ глазамъ.

Такъ просто разрѣшилъ царь первую загадку Балкисъ-Македы.

Затѣмъ прислала она Соломону большой алмазъ, величиною съ лѣсной орѣхъ. Въ камнѣ этомъ была тонкая, весьма извилистая трещина, которая узкимъ сложнымъ ходомъ пробуравливала насквозь все его тѣло. Нужно было продѣть сквозь этотъ алмазъ шелковинку. И муд-

рый царь впустилъ въ отверстіе шелковичнаго червя, который, пройдя наружу, оставилъ за собою слѣдомъ тончайшую шелковую паутинку.

Также прислала прекрасная Балкисъ царю Соломону многоцѣнный кубокъ изъ рѣзного сардоникса великолѣпной художественной работы. «Этотъ кубокъ будетъ твоимъ, — повелѣла она сказать царю: — если ты его наполнишь влагою, взятою ни съ земли ни съ неба». Соломонъ же, наполнивъ сосудъ пѣною, падавшей съ тѣла утомленнаго коня, приказалъ отнести его царицѣ.

Много подобныхъ загадокъ предлагала царица Соломону, но не могла унижить его мудрость, и всѣми тайными чарами ночного сладострастія не сумѣла она сохранить его любви. И когда наскучила она наконецъ царю, онъ жестоко, обидно насмѣялся надъ нею.

Всѣмъ было извѣстно, что царица Савская никому не показывала своихъ ногъ и потому носила длинное до земли платье. Даже въ часы любовныхъ ласкъ держала она ноги плотно закрытыми одеждой. Много странныхъ и смѣшныхъ легендъ сложилось по этому поводу.

Одни увѣряли, что у царицы козлиныя ноги, обросшія шерстью; другіе клялись, что у нея вмѣсто ступней перепончатыя гусиныя лапы. И даже рассказывали о томъ, что мать царицы Балкисъ однажды, послѣ купанья, сѣла на песокъ, гдѣ только-что оставилъ свое сѣмя нѣкій богъ, временно превратившійся въ гуся, и что отъ этой случайности понесла она прекрасную царицу Савскую.

И вотъ повелѣлъ однажды Соломонъ устроить въ одномъ изъ своихъ покоевъ прозрачный хрустальный полъ съ пустымъ пространствомъ подъ нимъ, куда налили воды и пустили живыхъ рыбъ. Все это было сдѣлано съ такимъ необычайнымъ искусствомъ, что не предупрежденный человекъ ни за что не замѣтилъ бы стекла

и сталъ бы давать клятву, что передъ нимъ находится бассейнъ съ чистой свѣжей водою.

И когда все было готово, то пригласилъ Соломонъ свою царственную гостью на свиданіе. Окруженная пышной свитой, она идетъ по комнатамъ Ливанскаго дома и доходитъ до коварнаго бассейна. На другомъ концѣ его сидитъ царь, сіяющій золотомъ и драгоценными камнями и привѣтливымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Дверь отворяется передъ царицею, и она дѣлаетъ шагъ впередъ, но вскрикиваетъ и...

Суламию смѣется радостнымъ дѣтскимъ смѣхомъ и хлопаешь въ ладоши.

— Она нагибается и приподымаетъ платье? — спрашиваетъ Суламию.

— Да, моя возлюбленная, она поступила такъ, какъ поступила бы каждая изъ женщинъ. Она подняла кверху край своей одежды, и хотя это продолжалось только одно мгновеніе, но и я и весь мой дворъ увидѣли, что у прекрасной Савской царицы Балкисъ-Македы обыкновенныя человѣческія ноги, но кривыя и обросшія густыми волосами. На другой же день она собралась въ путь, не простилась со мною и уѣхала съ своимъ великолѣпнымъ караваномъ. Я не хотѣлъ ея обидѣть. Вслѣдъ ей я послалъ надежнаго гонца, которому приказалъ передать царицѣ пучокъ рѣдкой горной травы—лучшее средство для уничтоженія волосъ на тѣлѣ. Но она вернула мнѣ назадъ голову моего посланнаго въ мѣшкѣ изъ дорогой багряницы.

Разсказывалъ также Соломонъ своей возлюбленной многое изъ своей жизни, чего не зналъ никто изъ другихъ людей и что Суламию унесла съ собою въ могилу. Онъ говорилъ ей о долгихъ и тяжелыхъ годахъ скитаній, когда, спасаясь отъ гнѣва своихъ братьевъ, отъ зависти Авессалома и отъ ревности Адоніи, онъ принужденъ былъ

подъ чужимъ именемъ скрыватья въ чужихъ земляхъ, терпя страшную бѣдность и лишенія. Онъ разсказалъ ей о томъ, какъ въ отдаленной неизвѣстной странѣ, когда онъ стоялъ на рынкѣ въ ожиданіи, что его наймутъ куда-нибудь работать, къ нему подошелъ царскій поваръ и сказалъ:

— Чужестранецъ, помоги мнѣ донести эту корзину съ рыбами во дворецъ.

Своимъ умомъ, ловкостью и умѣлымъ обхожденіемъ Соломонъ такъ понравился придворнымъ, что въ скоромъ времени устроился во дворецѣ, а когда старшій поваръ умеръ, то онъ заступилъ его мѣсто. Дальше говорилъ Соломонъ о томъ, какъ единственная дочь царя, прекрасная пылкая дѣвушка, влюбилась тайно въ новаго повара, какъ она открылась ему неволью въ любви, какъ они однажды бѣжали вмѣстѣ изъ дворца ночью, были постигнуты и приведены обратно, какъ осужденъ былъ Соломонъ на смерть, и какъ чудомъ удалось ему бѣжать изъ темницы.

Жадно внимала ему Суламиоъ, и когда онъ замолкалъ, тогда среди тишины почти смыкались ихъ губы, сплетались руки, прикасались груди. И когда наступало утро, и тѣло Суламиои казалось пѣнно-розовымъ, и любовная усталость окружала голубыми тѣнями ея прекрасные глаза, она говорила съ пѣжной улыбкою:

— Освѣжите меня яблоками, подкрѣпите меня виномъ, ибо я изнемогаю отъ любви.

Х.

Въ храмѣ Изиды на горѣ Ватнъ-Эль-Хавъ только-что отошла первая часть великаго тайнодѣйствія, на которую допускались вѣрующіе малаго посвященія. Очередной жрецъ — древній старецъ въ бѣлой одеждѣ, съ бри-

той головой, безусый и безбородый, повернулся съ вышнѣнія алтаря къ народу и произнесъ тихимъ, усталымъ голосомъ:

— Пребывайте въ мирѣ, сыновья мои и дочери. Усовершенствуйтесь въ подвигахъ. Прославляйте имя богини. Благословеніе ея надъ вами да пребудетъ во вѣки вѣковъ.

Онъ вознесъ свои руки надъ народомъ, благословляя его. И тотчасъ же всѣ посвященные въ малый чинъ таинствъ простерлись на полу и затѣмъ, вставъ, тихо, въ молчаніи направились къ выходу.

Сегодня былъ седьмой день египетскаго мѣсяца Фаменота, посвященный мистеріямъ Озириса и Изиды. Съ вечера торжественная процессія трижды обходила вокругъ храма со свѣтильниками, пальмовыми листьями и амфорами, съ таинственными символами боговъ и со священными изображеніями Фаллуса. Въ серединѣ шествія на плечахъ у жрецовъ и вторыхъ пророковъ возвышался закрытый «наось» изъ драгоцѣннаго дерева, украшеннаго жемчугомъ, слоновою костью и золотомъ. Тамъ пребывала сама богиня, Она, Невидимая, Подающая плодородіе, Таинственная, Мать, Сестра и Жена боговъ.

Злобный Сеть заманилъ своего брата, божественнаго Озириса, на пиршество, хитростью заставилъ его лечь въ роскошный гробъ и, захлопнувъ надъ нимъ крышку, бросилъ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ великаго бога въ Ниль. Изиды, только-что родившая Гора, въ тоскѣ и слезахъ разыскиваетъ по всей землѣ тѣло своего мужа и долго не находитъ его. Наконецъ рыбы рассказываютъ ей, что гробъ волнами отнесло въ море и прибило къ Библосу, гдѣ вокругъ него выросло громадное дерево и скрыло въ своемъ стволѣ трупъ бога и его плавучій домъ. Царь той страны приказалъ сдѣлать себѣ изъ громаднаго дерева мощную колонну, не зная, что въ ней покоится

самъ богъ Озирисъ, великій податель жизни. Изида идетъ въ Библосъ, приходитъ туда утомленная зноемъ, жаждой и тяжелой каменистой дорогой. Она освобождаетъ гробъ изъ середины дерева, несетъ его съ собою и прячетъ въ землю у городской стѣны. Но Сетъ оцять тайно похищаетъ тѣло Озириса, разрѣзаетъ его на четырнадцать частей и разсѣиваетъ ихъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ Верхняго и Нижняго Египта.

И опять въ великой скорби и рыданіяхъ отправилась Изида въ поиски за священными членами своего мужа и брата. Къ плачу ея присоединяетъ свои жалобы сестра ея, богиня Нефтисъ, и могущественный Тоотъ, и сынъ богини, свѣтлый Горъ, Горизитъ.

Таковъ былъ тайный смыслъ нынѣшней процессіи въ первой половинѣ священнослуженія. Теперь, по уходѣ простыхъ вѣрующихъ и послѣ небольшого отдыха, надлежало совершиться второй части великаго тайнодѣйствія. Въ храмѣ остались только посвященные въ высшія степени—мистагоги, эпопты, пророки и жрецы.

Мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ разносили на серебряныхъ подносахъ мясо, хлѣбъ, сухіе плоды и сладкое пелузское вино. Другіе разливали изъ узкогорлыхъ тирскихъ сосудовъ сикеру, которую въ тѣ времена давали передъ казною преступникамъ для возбужденія въ нихъ мужества, но которая также обладала великимъ свойствомъ порождать и поддерживать въ людяхъ огонь священнаго безумія.

По знаку очередного жреца мальчики удалились. Жрецъ-привратникъ заперъ всѣ двери. Затѣмъ онъ внимательно обошелъ всѣхъ оставшихся, всматриваясь имъ въ лица и опрашивая ихъ таинственными словами, составлявшими пропускъ нынѣшней ночи. Два другіе жреца провезли вдоль храма и вокругъ каждой изъ его колоннъ серебряную кадилаицу на колесахъ. Синимъ, густымъ, пьянящимъ

ароматнымъ ѳиміамомъ наполнился храмъ, и сквозь слои дыма едва стали видны разноцвѣтные огни лампадъ, сдѣланныхъ изъ прозрачныхъ камней, — лампадъ, оправленныхъ въ рѣзное золото и подвѣшенныхъ къ потолку на длинныхъ серебряныхъ цѣпяхъ. Въ давнее время этотъ храмъ Озириса и Изиды отличался небольшими размѣрами и бѣднотою и былъ выдолбленъ на подобіе пещеры въ глубинѣ горы. Узкій подземный коридоръ велъ къ нему снаружи. Но во дни царствованія Соломона, взявшаго подъ свое покровительство всѣ религіи, кромѣ тѣхъ, которыя допускали жертвоприношенія дѣтей, и благодаря усердію царицы Астисъ, родомъ египтянки, храмъ росся въ глубину и въ высоту и украсился богатыми приношеніями.

Прежній алтарь такъ и остался неприкосновеннымъ въ своей первоначальной суровой простотѣ, вмѣстѣ со множествомъ маленькихъ покоевъ, окружавшихъ его и служившихъ для сохраненія сокровищъ, жертвенныхъ предметовъ и священныхъ принадлежностей, а также для особыхъ тайныхъ цѣлей во время самыхъ сокровенныхъ мистическихъ оргій.

Зато поистинѣ былъ великолѣпенъ наружный дворъ съ шилонами въ честь богини Гаторъ и съ четырехсторонней колоннадой изъ двадцати четырехъ колоннъ. Еще пышнѣе была устроена внутренняя подземная гипостильная зала для молящихся. Ея мозаичный полъ весь былъ украшенъ искусными изображеніями рыбъ, звѣрей, земноводныхъ и пресмыкающихся. Полотокъ же былъ покрытъ голубой глазурью, и на немъ сіяло золотое солнце, свѣтилась серебряная луна, мерцали безчисленныя звѣзды, и парили на распростертыхъ крыльяхъ птицы. Полъ былъ землею, потолокъ—небомъ, а ихъ соединяли, точно могучіе древесные стволы, круглыя и многогранныя колонны. И такъ какъ всѣ колонны завершались капителями въ

видѣ нѣжныхъ цвѣтовъ лотоса или тонкихъ свертковъ папируса, то лежавшій на нихъ потолокъ дѣйствительно казался легкимъ и воздушнымъ, какъ небо.

Стѣны до высоты человѣческаго роста были обложены красными гранитными плитами, вывезенными, по желанію царицы Астисъ, изъ Θивъ, гдѣ мѣстные мастера умѣли придавать граниту зеркальную гладкость и изумительный блескъ. Выше, до самаго потолка, стѣны такъ же, какъ и колонны, пестрѣли рѣзными и раскрашенными изображеніями съ символами боговъ обоихъ Египтовъ. Здѣсь былъ Себехъ, чтимый въ Фаюмѣ подъ видомъ крокодила, и Тооть, богъ луны, изображаемый, какъ ибисъ, въ городѣ Хмуну, и солнечный богъ Горъ, которому въ Эдфу былъ посвященъ копчикъ, и Бастъ изъ Бубаса, подъ видомъ кошки, Шу, богъ воздуха—левъ, Пта — аписъ, Гаторъ — богиня веселья — корова, Анубисъ, богъ бальзамированія, съ головою шакала, и Монту изъ Гермона, и коптскій Мину, и богиня неба Нейтъ изъ Саиса, и наконецъ, въ видѣ овна, страшный богъ, имя котораго не произносилось и котораго называли Хентиementу, что значитъ «Живущій на Западѣ».

Полутемный алтарь возвышался надъ всѣмъ храмомъ, и въ глубинѣ его тускло блестѣли золотомъ стѣны святилища, скрывавшаго изображенія Изиды. Трое воротъ—большія, среднія и двое боковыхъ маленькихъ — вели въ святилище. Передъ средними стоялъ жертвенникъ со священнымъ каменнымъ пожомъ изъ эѳіопскаго обсидіана. Ступени вели къ алтарю, и на нихъ расположились младшіе жрецы и жрицы съ тимпанами, систрами, флейтами и бубнами.

Царица Астисъ возлежала въ маленькомъ потайномъ покоѣ. Небольшое квадратное отверстіе, искусно скрытое тяжелымъ занавѣсомъ, выходило прямо къ алтарю и позволяло, не выдавая своего присутствія, слѣдить за всѣми

подробностями священнодѣйствія. Легкое узкое платье изъ льняного газа, затканное серебромъ, вполноту облекало тѣло царицы, оставляя обнаженными руки до плечъ и ноги до половины икръ. Сквозь прозрачную матерію розово свѣтилась ея кожа и видны были всѣ чистыя линіи и возвышенія ея стройнаго тѣла, которое до сихъ поръ, несмотря на тридцатилѣтній возрастъ царицы, не утеряло своей гибкости, красоты и свѣжести. Волосы ея, выкрашенные въ синій цвѣтъ, были распущены по плечамъ и по спинѣ, и концы ихъ убраны безчисленными ароматическими шариками. Лицо было сильно нарумянено и набѣлено, а тонко обведенные тушью глаза казались громадными и горѣли въ темнотѣ, какъ у сильнаго звѣря кошачьей породы. Золотой священный уреусъ спускался у нея отъ шеи внизъ, раздѣляя полуобнаженные груди.

Съ тѣхъ поръ, какъ Соломонъ охладѣлъ къ царицѣ Астисъ, утомленный ея необузданной чувственностью, она со всѣмъ пыломъ южнаго сладострастія и со всей яростью оскорбленной женской ревности предалась тѣмъ тайнымъ оргіямъ извращенной похоти, которыя входили въ высшій культъ скопческаго служенія Изидѣ. Она всегда показывалась окруженная жрецами-кастратами, и даже теперь, когда одинъ изъ нихъ мѣрно обвѣвалъ ея голову опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, — другіе сидѣли на полу, впиваясь въ царицу безумно-блаженными глазами. Ноздри ихъ расширялись и трепетали отъ вѣявшаго на нихъ аромата ея тѣла, и дрожащими пальцами они старались незамѣтно прикоснуться къ краю ея чуть колебавшейся легкой одежды. Ихъ чрезмѣрная, никогда не удовлетворяющаяся страстность изощряла ихъ воображеніе до крайнихъ предѣловъ. Ихъ изобрѣтательность въ наслажденіяхъ Кибеллы и Ашеры переступала всѣ человѣческія возможности. И, ревнуя царицу другъ къ другу, ко всѣмъ женщинамъ, мужчинамъ и дѣтямъ,

ревнуя даже къ ней самой, они поклонялись ей больше, чѣмъ Изидѣ, и, любя, ненавидѣли ее, какъ безконечный огненный источникъ сладостныхъ и жестокихъ страданій.

Темные, злые, страшные и плѣнительные слухи ходили о царицѣ Астисъ въ Иерусалимѣ. Родители красивыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ прятали дѣтей отъ ея взгляда; ея имя боялись произносить на супружескомъ ложѣ, какъ знакъ оскверненія и напасти. Но волнующее, опьяняющее любопытство влекло къ ней души и отдавало во власть ей тѣла. Тѣ, кто испыталъ хоть однажды ея свирѣпыя кровавыя ласки, тѣ уже не могли ея забыть никогда и дѣлались навѣки ея жалкими, отвергнутыми рабами. Готовые ради новаго обладанія ею на всякій грѣхъ, на всякое униженіе и преступленіе, они становились похожими на тѣхъ несчастныхъ, которые, попробовавъ однажды горькое маковое питье изъ страны Офиръ, дающее сладкія грезы, уже никогда не отстанутъ отъ него и только ему одному поклоняются и одного чтутъ, пока истощеніе и безуміе не прервутъ ихъ жизни.

Медленно колыхалось въ жаркомъ воздухѣ опахало. Въ безмолвномъ восторгѣ созерцали жрецы свою ужасную повелительницу. Но она точно забыла объ ихъ присутствіи. Слегка отодвинувъ занавѣску, она неотступно глядѣла напротивъ, по ту сторону алтаря, гдѣ когда-то изъ за темныхъ изломовъ старинныхъ златокованыхъ завѣсокъ показывалось прекрасное, свѣтлое лицо Израильскаго царя. Его одного любила всѣмъ своимъ пламеннымъ и порочнымъ сердцемъ отвергнутая царица, жестокая и сладострастная Астисъ. Его мимолетнаго взгляда, ласковаго слова, прикосновенія его руки искала она повсюду и не находила. На торжественныхъ выходахъ, на дворцовыхъ обѣдахъ и въ дни суда оказывалъ Соломонъ къ ней почтительность, какъ къ царицѣ и дочери царя, но

душа его была мертва для нея. И часто гордая царица приказывала въ урочные часы проносить себя мимо дома Ливанскаго, чтобы хоть издали, незамѣтно, сквозь тяжелыя ткани носилокъ, увидѣть среди придворной толпы гордое, незабвенно-прекрасное лицо Соломона. И давно уже ея пламенная любовь къ царю такъ тѣсно срослась съ жгучей ненавистью, что сама Астисъ не умѣла отличить ихъ.

Прежде и Соломонъ посѣщалъ храмъ Изиды въ дни великихъ празднествъ и приносилъ жертвы богинѣ, и даже принялъ титулъ ея верховнаго жреца, второго послѣ египетскаго фараона. Но страшныя таинства «Кровавой жертвы Оплодотворенія» отвратили его умъ и сердце отъ служенія Матери боговъ.

— Оскопленный по невѣдѣнію, или насиліемъ, или случайно, или по болѣзни — не униженъ передъ Богомъ, — сказалъ царь. — Но горе тому, кто самъ изуродуетъ себя.

И вотъ уже цѣлый годъ ложе его въ храмѣ оставалось пустымъ. И напрасно пламенные глаза царицы жадно глядѣли теперь на неподвижныя занавѣски.

Между тѣмъ вино, сикера и одуряющія куренія уже оказывали замѣтное дѣйствіе на собравшихся въ храмѣ. Чаше слышались крикъ и смѣхъ и звонъ падающихъ на камешный полъ серебряныхъ сосудовъ. Приближалась великая, таинственная минута кровавой жертвы. Экстазъ овладѣвалъ вѣрующими.

Разсѣяннымъ взоромъ оглядѣла царица храмъ и вѣрующихъ. Много здѣсь было почтенныхъ и знаменитыхъ людей изъ свиты Соломоновой и изъ его военачальковъ: Бенъ-Геверъ, властитель области Арговіи, и Ахимаасъ, женатый на дочери царя Васемаѣи, и остроумный Бенъ-Декеръ, и Зовуфъ, носившій, по восточнымъ обычаямъ, высокій титулъ «друга царя», и братъ Соломона отъ перваго брака Давидова — Далуіа, разслабленный,

полумертвый человекъ, преждевременно впадшій въ идиотизмъ отъ излишествъ и пьянства. Всѣ они были — иные по вѣрѣ, иные по корыстнымъ расчетамъ, иные изъ подражанія, а иные изъ сластолюбивыхъ цѣлей — поклонниками Изиды.

И вотъ глаза царицы остановились долго и внимательно, съ напряженною мыслью, на красивомъ юношескомъ лицѣ Эліава, одного изъ начальниковъ царскихъ тѣлохранителей.

Царица знала, отчего горитъ такой яркой краской его смуглое лицо, отчего съ такою страстной тоской устремлены его горячіе глаза сюда, на занавѣски, которыя едва движутся отъ прикосновенія прекрасныхъ бѣлыхъ рукъ царицы. Однажды, почти шутя, повинувась минутному капризу, она заставила Эліава провести у нея цѣлую длинную блаженную ночь. Утромъ она отпустила его, но съ тѣхъ поръ уже много дней подъ рядъ видѣла она повсюду—во дворцѣ, въ храмѣ, на улицахъ — два влюбленныхъ, покорныхъ, тоскующихъ глаза, которые повсюду провожали ее.

Темныя брови царицы сдвинулись, и ея зеленые длинные глаза вдругъ потемнѣли отъ страшной мысли. Едва замѣтнымъ движеніемъ руки она приказала кастрату опустить внизъ опахало и сказала тихо:

— Выйдите всѣ. Хушай, ты пойдешь и позовешь ко мнѣ Эліава, начальника царской стражи. Пусть онъ придетъ одинъ.

XI.

Десять жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ, испещренныхъ красными пятнами, вышли въ середину алтаря. Слѣдомъ за ними шли еще двое жрецовъ, одѣтыхъ въ женскія одежды. Они должны были изобразить сегодня Нефтисъ

и Изиду, оплакивающихъ Озириса. Потомъ изъ глубины алтаря вышелъ нѣкто въ бѣломъ хитонѣ безъ одинаго украшенія, и глаза всѣхъ женщинъ и мужчинъ съ жадностью приковались къ нему. Это былъ тотъ самый пустынный, который провелъ десять лѣтъ въ тяжеломъ подвижническомъ искусѣ на горахъ Ливана и нынче долженъ былъ принести великую добровольную кровавую жертву Изидѣ. Лицо его, изнуренное голодомъ, обвѣтренное и обожженное, было строго и блѣдно, глаза сурово опущены внизъ, и нечеловѣческимъ ужасомъ повѣяло отъ него на толпу.

Наконецъ вышелъ и главный жрецъ храма, столѣтній старецъ съ тїарой на головѣ, съ тигровой шкурой на плечахъ, въ парчевомъ передникѣ, украшенномъ хвостами шакаловъ.

Повернувшись къ молящимся, онъ старческимъ голосомъ, кроткимъ и дрожащимъ, произнесъ:

— Сутонъ-ди-готпу (Царь приноситъ жертву).

И затѣмъ, обернувшись къ жертвеннику, онъ принялъ изъ рукъ помощника бѣлаго голубя съ красными лапками, отрѣзалъ птицѣ голову, вынулъ у нея изъ груди сердце и кровью ея окропилъ жертвенникъ и священный ножъ.

Послѣ небольшого молчанія онъ возгласилъ:

— Оплачете Озириса, бога Атуму, великаго Унъ-Ноферь-Онуфрія, бога Она!

Два кастрата въ женскихъ одеждахъ—Изида и Нефтисъ—тотчасъ же начали плачь гармоничными тонкими голосами:

«Возвратись въ свое жилище, о, прекрасный юноша. Видѣть тебя—блаженство.

«Изида заклинаетъ тебя, Изиды, которая была зачата съ тобою въ одномъ чревѣ, жена твоя и сестра.

«Покажи намъ снова лицо твое, свѣтлый богъ. Вотъ

Нефтисъ, сестра твоя. Она обливается слезами и въ горести рветъ свои волосы.

«Въ смертельной тоскѣ разыскиваемъ мы прекрасное тѣло твое. Озирисъ, возвратись въ домъ свой!»

Двое другихъ жрецовъ присоединили къ первымъ свои голоса. Это Горъ и Анубисъ оплакивали Озириса, и каждый разъ, когда они оканчивали стихъ, хоръ, расположившійся на ступеняхъ лѣстницы, повторялъ его торжественнымъ и печальнымъ мотивомъ.

Потомъ съ тѣмъ же пѣніемъ старшіе жрецы вынесли изъ святилища статую богини, теперь уже не закрытую наосомъ. Но черная мантия, усыпанная золотыми звѣздами, окутывала богиню съ ногъ до головы, оставляя видимыми только ея серебряныя ноги, обвитыя змѣей, а надъ головою серебряный дискъ, включенный въ коровьи рога. И медленно, подъ звонъ кадилницъ и сестръ, со скорбнымъ плачемъ двинулась процессія богини Изиды со ступенекъ алтаря, внизъ, въ храмъ, вдоль его стѣнъ, между колоннами.

Такъ собирала богиня разбросанные члены своего супруга, чтобы оживить его при помощи Тота и Анубиса:

«Слава городу Абидосу, сохранившему прекрасную голову твою, Озирисъ.

«Слава тебѣ, городъ Мемфисъ, гдѣ нашли мы правую руку великаго бога, руку войны и защиты.

«И тебѣ, о, городъ Саисъ, скрывшій лѣвую руку свѣтлаго бога, руку правосудія.

«И ты будь благословенъ, городъ Эивы, гдѣ покоилось сердце Унъ-Ноферъ-Онуфрія».

Такъ обошла богиня весь храмъ, возвращаясь назадъ къ алтарю, и все страстнѣе и громче становилось пѣніе хора. Священное воодушевленіе овладѣвало жрецами и молящимися. Всѣ части тѣла Озириса нашла Изида, кромѣ

одной, священнаго Фаллуса, оплодотворяющаго материнское чрево, созидающаго новую вѣчную жизнь. Теперь приближался самый великій актъ въ мистеріи Озириса и Изиды.

— Это ты, Эліавъ?—спросила царица юношу, который тихо вошелъ въ дверь.

Въ темнотѣ ложи онъ беззвучно опустился къ ея ногамъ и прижалъ къ губамъ край ея платья. И царица почувствовала, что онъ плачетъ отъ восторга, стыда и желанія. Опустивъ руку ему на курчавую жесткую голову, царица произнесла:

— Расскажи мнѣ, Эліавъ, все, что ты знаешь о царѣ и объ этой дѣвочкѣ изъ виноградника.

— О, какъ ты его любишь, царица!—сказалъ Эліавъ съ горькимъ стономъ.

— Говори...—приказала Астисъ.

— Что я могу тебѣ сказать, царица? Сердце мое разрывается отъ ревности.

— Говори!

— Никого еще не любилъ царь, какъ ее. Онъ не расстаётся съ ней ни на мигъ. Глаза его сіяютъ счастьемъ. Онъ расточаетъ вокругъ себя милости и дары. Онъ, авимелехъ и мудрецъ, онъ, какъ рабъ, лежитъ около ея ногъ и, какъ собака, не спускаетъ съ нея глазъ своихъ.

— Говори!

— О, какъ ты терзаешь меня, царица! И она... она—вся любовь, вся пѣжность и ласка! Она кротка и стыдлива, она ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей любви. Она не возбуждаетъ ни въ комъ ни злобы, ни ревности, ни зависти...

— Говори!—яростно простонала царица и, вцѣпившись своими гибкими пальцами въ черные кудри Эліава, она притиснула его голову къ своему тѣлу, царапая его лицо серебрянымъ шитьемъ своего прозрачнаго хитона.

А въ это время въ алтарѣ вокругъ изображенія богини, покрытой чернымъ покрываломъ, посилились жрецы кругомъ, въ священномъ изступленіи, съ криками, похожими на лай, подъ звонъ тимпановъ и дребезжаніе сестръ.

Нѣкоторые изъ нихъ стегали себя многохвостыми плетками изъ кожи посорога, другіе наносили себѣ короткими ножами въ грудь и въ плечи длинныя кровавыя раны, третьи пальцами разрывали себѣ рты, надрывали себѣ уши и царапали лица ногтями. Въ серединѣ этого бѣшеннаго хоровада у самыхъ ногъ богини кружился на одномъ мѣстѣ, съ неностижимой быстротой, отшельникъ съ горъ Ливана въ бѣлоснѣжной развѣвающейся одеждѣ. Одинъ верховный жрецъ оставался неподвижнымъ. Въ рукѣ онъ держалъ священный жертвенный ножъ изъ эіопскаго обсидіана, готовый передать его въ послѣдній страшный моментъ.

— Фаллусъ! Фаллусъ! Фаллусъ!—кричали въ экстазѣ обезумѣвшіе жрецы. — Гдѣ твой Фаллусъ, о, свѣтлый богъ! Приди, оплодотвори богиню! Грудь ея томится отъ желанія! Чрево ея, какъ пустыня въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы!

И вотъ страшный, безумный, произительный крикъ на мгновеніе заглушилъ весь хоръ. Жрецы быстро разступились, и всѣ бывшіе въ храмѣ увидѣли ливанскаго отшельника, совершенно обнаженнаго, ужаснаго своимъ высокимъ, костлявымъ, желтымъ тѣломъ. Верховный жрецъ протянулъ ему ножъ. Стало невыносимо-тихо въ храмѣ. И онъ, быстро нагнувшись, сдѣлалъ какое-то движеніе, выпрямился и съ воплемъ боли и восторга вдругъ бросилъ къ ногамъ богини безформенный кровавый кусокъ мяса.

Онъ шатался. Верховный жрецъ осторожно поддерживалъ его, обвивъ рукою за спину, подвелъ его къ изображе-

нію Изиды и бережно накрылъ его чернымъ покрываломъ и оставилъ такъ на нѣсколько мгновеній, чтобы онъ втайнѣ, невидимо для другихъ, могъ запечатлѣть на устахъ оплодотворенной богини свой поцѣлуй.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ его положили на носилки и унесли изъ алтаря. Жрецъ-привратникъ вышелъ изъ храма. Онъ ударилъ деревяннымъ молоткомъ въ громадный мѣдный кругъ, возвѣщая всему міру о томъ, что свершилась великая тайна оплодотворенія богини. И высокій поющій звукъ мѣди понесся надъ Іерусалимомъ.

Царица Астисъ, еще продолжая содрогаться всѣмъ тѣломъ, откинула назадъ голову Эліава. Глаза ея горѣли напряженнымъ краснымъ огнемъ. И она сказала медленно, слово за словомъ:

— Эліавъ, хочешь, я сдѣлаю тебя царемъ Іудеи и Израиля? Хочешь быть властителемъ надъ всей Сиріей и Месопотаміей, надъ Финикіей и Вавилономъ?

— Нѣтъ, царица, я хочу только тебя...

— Да, ты будешь моимъ властелиномъ. Всѣ мои ночи будутъ принадлежать тебѣ. Каждое мое слово, каждый мой взглядъ, каждое дыханіе будутъ твоими. Ты знаешь пропускъ. Ты пойдешь сегодня во дворецъ и убьешь ихъ. Ты убьешь ихъ обоихъ! Ты убьешь ихъ обоихъ!

Эліавъ хотѣлъ что-то сказать. Но царица притянула его къ себѣ и прильнула къ его рту своими жаркими губами и языкомъ. Это продолжалось мучительно-долго. Потомъ, внезапно оторвавъ юношу отъ себя, она сказала коротко и повелительно:

— Иди!

— Я иду, — отвѣтилъ покорно Эліавъ.

ХІІ.

II была седьмая ночь великой любви Соломона.

Странно тихи и глубоко нѣжны были въ эту ночь ласки царя и Суламиѳи. Точно какая-то задумчивая печаль, осторожная стыдливость, отдаленное предчувствіе окутывали легкою тѣнью ихъ слова, поцѣлун и объятія.

Глядя въ окно на небо, гдѣ ночь уже побѣждала догорающій вечеръ, Суламиѳь остановила свои глаза на яркой голубоватой звѣздѣ, которая трепетала кротко и нѣжно.

— Какъ называется эта звѣзда, мой возлюбленный?—спросила она.

— Эта звѣзда Сопдиль, — отвѣтилъ царь. — Это священная звѣзда. Ассирійскіе маги говорятъ намъ, что души всѣхъ людей живутъ на ней послѣ смерти тѣла.

— Ты вѣришь этому, царь?

Соломонъ не отвѣтилъ. Правая рука его была подъ головою Суламиѳи, а лѣвою онъ обнималъ ее, и она чувствовала его ароматное дыханіе на себѣ, на волосахъ, на вискѣ.

— Можетъ-быть, мы увидимся тамъ съ тобою, царь, послѣ того, какъ умремъ?—спросила тревожно Суламиѳь.

Царь опять промолчалъ.

— Отвѣть мнѣ что-нибудь, возлюбленный, — робко попросила Суламиѳь.

Тогда царь сказалъ:

— Жизнь человѣческая коротка, но время безконечно и вещество безсмертно. Человѣкъ умираетъ и угучняетъ гніеніемъ своего тѣла землю, земля вскармливаетъ колосья, колосья приносятъ зерно, человѣкъ поглощаетъ хлѣбъ и питаетъ имъ свое тѣло. Проходятъ тьмы и тьмы-темъ вѣковъ, все въ мірѣ повторяется, — повторяются люди,

звѣри, камни, растенія. Во многообразномъ круговоротѣ времени и вещества повторяемся и мы съ тобою, моя возлюбленная. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что если мы съ тобою наполнимъ большой мѣшокъ доверху морскимъ гравіемъ и бросимъ въ него всего лишь одинъ драгоценный сапфиръ, то, вытаскивая много разъ изъ мѣшка, ты все-таки рано или поздно извлечешь и драгоценность. Мы съ тобою встрѣтимся, Суламиѣ, и мы не узнаемъ другъ друга, но съ тоской и съ восторгомъ будутъ стремиться наши сердца навстрѣчу, потому что мы уже встрѣчались съ тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламиѣ, но мы не помнимъ этого.

— Нѣтъ, царь, нѣтъ! Я помню. Когда ты стоялъ подѣ окномъ моего дома и звалъ меня: «Прекрасная моя, выйди, волосы мои полны ночной росой!»—я узнала тебя, я вспомнила тебя, и радость и страхъ овладѣли моимъ сердцемъ. Скажи мнѣ, мой царь, скажи, Соломонъ: вотъ, если завтра я умру, будешь ли ты вспоминать свою смуглую дѣвушку изъ виноградника, свою Суламиѣ?

И, прижимая ее къ своей груди, царь прошепталъ, взволнованный:

— Не говори такъ никогда... Не говори такъ, о, Суламиѣ! Ты избранная Богомъ, ты настоящая, ты царица души моей... Смерть не коснется тебя...

Рѣзкій мѣдный звукъ вдругъ пронесся надъ Иерусалимомъ. Онъ долго заунывно дрожалъ и колебался въ воздухѣ, и когда замолкъ, то долго еще плыли его трепещущіе отзвуки.

— Это въ храмѣ Изиды окончилось таинство, — сказалъ царь.

— Мнѣ страшно, прекрасный мой!—прошептала Суламиѣ.—Темный ужасъ проникъ въ мою душу... Я не хочу смерти... Я еще не успѣла насладиться твоими объ-

ятіями... Обойми меня... Прижми меня къ себѣ крѣпче... Положи меня какъ печать на сердце твоемъ, какъ печать на мышцѣ твоей!..

— Не бойся смерти, Суламиѳъ! Такъ же сильна, какъ и смерть, любовь... Отгони грустныя мысли... Хочешь, я расскажу тебѣ о войнахъ Давида, о пирахъ и охотахъ фараона Суссакима? Хочешь ты услышать одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя складываются въ странѣ Офиръ?.. Хочешь, я расскажу тебѣ о чудесахъ Вакрамадитья?

— Да, мой царь. Ты самъ знаешь, что, когда я слушаю тебя, сердце мое растеть отъ радости! Но я хочу тебя попросить о чемъ-то...

— О, Суламиѳъ, — все, что хочешь! Попроси у меня мою жизнь — я съ восторгомъ отдамъ ее тебѣ. Я буду только жалѣть, что слишкомъ малою цѣной заплатилъ за твою любовь.

Тогда Суламиѳъ улыбнулась въ темнотѣ отъ счастья и, обвивъ шею царя руками, прошептала ему на ухо:

— Прошу тебя, когда наступитъ утро, пойдемъ вмѣстѣ туда... на виноградникъ... Туда, гдѣ зелень и кипарисы и кедры, гдѣ около каменной стѣнки ты взялъ руками мою душу... Прошу тебя объ этомъ, возлюбленный... Тамъ снова окажу я тебѣ ласки мои...

Въ упоеніи поцѣловалъ царь губы своей милой.

Но Суламиѳъ вдругъ встала на своемъ ложѣ и прислушалась.

— Что съ тобою, дитя мое?.. Что испугало тебя? — спросилъ Соломонъ.

— Подожди, мой милый... сюда идутъ... Да... Я слышу шаги...

Она замолчала. И было такъ тихо, что они различали біеніе своихъ сердець

Легкій шорохъ послышался за дверью, и вдругъ она распахнулась быстро и беззвучно.

— Кто тамъ? — воскликнулъ Соломонъ.

Но Суламиѳъ уже спрыгнула съ ложа, однимъ движеніемъ метнулась навстрѣчу темной фигурѣ человека съ блестящимъ мечомъ въ рукѣ. И тотчасъ же, пораженная псквозь короткимъ, быстрымъ ударомъ, она со слабымъ, точно удивленнымъ крикомъ упала на полъ.

Соломонъ разбилъ рукой сердоликовый экранъ, закрывавшій свѣтъ ночной лампы. Онъ увидалъ Эліава, который стоялъ у двери, слегка наклонившись надъ тѣломъ дѣвушки, шатаясь, точно пьяный. Молодой воинъ подъ взглядомъ Соломона поднялъ голову и, встрѣтившись глазами съ гнѣвными, страшными глазами царя, поблѣднѣлъ и застоцалъ. Сверхъестественный ужасъ исказилъ его черты. И вдругъ, согнувшись, спрятавъ въ плащъ голову, онъ робко, точно испуганный шакалъ, сталъ выползать изъ комнаты. Но царь остановилъ его, сказавъ только три слова:

— Кто принудилъ тебя?

Весь трепеща и щелкая зубами, съ глазами, поблѣвшими отъ ужаса, молодой воинъ уронилъ глухо:

— Царица Астисъ...

— Выйди, — приказалъ Соломонъ. — Скажи очередной стражѣ, чтобы она стерегла тебя.

Скоро по безчисленнымъ комнатамъ дворца забѣгали люди съ огнями. Всѣ покои освѣтились. Пришли врачи, собрались военачальники и друзья царя.

Старшій врачъ сказалъ:

— Царь, теперь не поможетъ ни наука ни Богъ. Когда извлечемъ мечъ, оставленный въ ея груди, она тотчасъ же умретъ.

Но въ это время Суламиѳъ очнулась и сказала со спокойною улыбкой:

— Я хочу пить.

И, когда напилась, она съ нѣжной, прекрасной улыб-

кою остановила свои глаза на царѣ и уже больше не отводила ихъ; а онъ стоялъ на колѣняхъ передъ ея ложемъ, весь обнаженный, какъ и она, не замѣчая, что его колѣни купаются въ ея крови, и что руки его обгорены алою кровью.

Такъ, глядя на своего возлюбленнаго и улыбаясь кротко, говорила съ трудомъ прекрасная Суламиѣ:

— Благодарю тебя, мой царь, за все: за твою любовь, за твою красоту, за твою мудрость, къ которой ты позволилъ мнѣ прильнуть устами, какъ къ сладкому источнику. Дай мнѣ поцѣловать твои руки, не отнимай ихъ отъ моего рта до тѣхъ поръ, пока послѣднее дыханіе не отлетитъ отъ меня. Никогда не было и не будетъ женщины счастливѣе меня. Благодарю тебя, мой царь, мой возлюбленный, мой прекрасный. Вспомни изрѣдка о твоей рабѣ, о твоей обожженной солнцемъ Суламиѣ.

И царь отвѣтилъ ей глубокимъ, медленнымъ голосомъ:

— До тѣхъ поръ, пока люди будутъ любить другъ друга, пока красота души и тѣла будутъ самой лучшей и самой сладкой мечтой въ мірѣ, до тѣхъ поръ, клянусь тебѣ, Суламиѣ, имя твое во многіе вѣка будетъ произноситься съ умиленіемъ и благодарностью.

Къ утру Суламиѣ не стало.

Тогда царь всталъ, велѣлъ дать себѣ умыться и надѣлъ самый роскошный пурпуровый хитонъ, вышитый золотыми скарабеями, и возложилъ на свою голову вѣнецъ изъ кроваво-красныхъ рубиновъ. Послѣ этого онъ подозвалъ къ себѣ Ванею и сказалъ спокойно:

— Ванея, ты пойдешь и умертвишь Эліава.

Но старикъ закрылъ лицо руками и упалъ ницъ передъ царемъ.

— Царь, Эліавъ — мой внукъ!

— Ты слышалъ меня, Ванея?

— Царь, прости меня, не угрожай мнѣ своимъ гнѣвомъ, прикажи это сдѣлать кому-нибудь другому. Эліавъ, выйдя изъ дворца, побѣжалъ въ храмъ и схватился за рога жертвенника. Я старъ, смерть моя близка, я не смѣю взять на свою душу этого двойного преступленія.

Но царь возразилъ:

— Однако, когда я поручилъ тебѣ умертвить моего брата Адонію, также схватившагося за священные рога жертвенника, развѣ ты ослушался меня, Ваней?

— Прости меня! Пощади меня, царь!

— Подними лицо твое, — приказалъ Соломонъ.

И когда Ваней поднялъ голову и увидѣлъ глаза царя, онъ быстро всталъ съ пола и послушно направился къ выходу.

Затѣмъ, обратившись къ Ахиссару, начальнику и смотрителю дворца, онъ приказалъ:

— Царицу я не хочу предавать смерти, пусть она живетъ, какъ хочетъ, и умираетъ, гдѣ хочетъ. Но никогда она не увидитъ болѣе моего лица. Сегодня, Ахиссаръ, ты снарядишь караванъ и проводишь царицу до гавани въ Іафѳъ, а оттуда въ Египетъ, къ фараону Суссакиму. Теперь пусть всѣ выйдутъ.

И, оставшись одинъ лицомъ къ лицу съ тѣломъ Суламиѳи, онъ долго глядѣлъ на ея прекрасныя черты. Лицо ея было бѣло, и никогда оно не было такъ красиво при ея жизни. Полуоткрытыя губы, которыя всего часъ тому назадъ цѣловалъ Соломонъ, улыбались загадочно и блаженно, и зубы, еще влажные, чуть-чуть поблескивали изъ-подъ нихъ.

Долго глядѣлъ царь на свою мертвую возлюбленную, потомъ тихо прикоснулся пальцами къ ея лбу, уже начавшему терять теплоту жизни, и медленными шагами вышелъ изъ покоя.

За дверями его дожидался первосвященникъ Азарія, сынъ Садокин. Приблизившись къ царю, онъ спросилъ:

— Что намъ дѣлать съ тѣломъ этой женщины? Теперь суббота.

И вспомнилъ царь, какъ много лѣтъ тому назадъ скончался его отецъ и лежалъ на пескѣ, и уже началъ быстро разлагаться. Собаки, привлеченныя запахомъ падали, уже бродили вокругъ него съ горящими отъ голода и жадности глазами. И, какъ и теперь, спросилъ его первосвященникъ, отецъ Азаріи, дряхлый старикъ:

— Вотъ лежитъ твой отецъ, собаки могутъ растерзать его трупъ... Что намъ дѣлать? Почтить ли память царя и осквернить субботу, или соблюсти субботу, но оставить трупъ твоего отца на съѣденіе собакамъ?

Тогда отвѣтилъ Соломонъ:

— Оставить. Живая собака лучше мертваго льва.

И когда теперь, послѣ словъ первосвященника, вспомнилъ онъ это, то сердце его сжалось отъ печали и страха.

Ничего не отвѣтивъ первосвященнику, онъ пошелъ дальше, въ залу судилища.

Какъ и всегда по утрамъ, двое его писцовъ, Елихоферъ и Ахія, уже лежали на цыновкахъ по обѣ стороны трона, держа наготовѣ свертки папируса, тростникъ и чернила. При входѣ царя они встали и поклонились ему до земли. Царь же сѣлъ на свой тронъ изъ слоновой кости съ золотыми украшеніями, оперся локтемъ на спину золотого льва и, склонивъ голову на ладонь, приказалъ:

— Пишите!

«Положи меня, какъ печать на сердцѣ твоемъ, какъ перстень на рукѣ твоей, потому что крѣпка, какъ смерть, любовь, и жестока, какъ адъ, ревность: стрѣлы ея — стрѣлы огненные».

И, помолчавъ такъ долго, что пѣсцы въ тревогѣ за-
таили дыханіе, онъ сказалъ:

— Оставьте меня одного.

И весь день, до первыхъ вечернихъ тѣней, оставался
царь одинъ на одинъ со своими мыслями, и никто не
осмѣлился войти въ громадную, пустую залу суди-
лища.

ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ РЫБНИКОВЪ.

I.

Въ тотъ день, когда ужасный разгромъ русскаго флота у о. Цусима приближался къ концу, и когда объ этомъ кровавомъ торжествѣ японцевъ проносились по Европѣ лишь первыя, тревожныя, глухія вѣсти, — въ этотъ самый день штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, жившій въ безыменномъ переулкѣ на Пескахъ, получилъ слѣдующую телеграмму изъ Иркутска:

«Вышлите немедленно листы слѣдите за больнымъ уплатите расходы».

Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ тотчасъ же заявилъ своей квартирной хозяйкѣ, что дѣла вызываютъ его на день — на два изъ Петербурга, и чтобы поэтому она не беспокоилась его отсутствіемъ. Затѣмъ онъ одѣлся, вышелъ изъ дому и больше ужъ никогда туда не возвращался.

И только спустя пять дней хозяйку вызвали въ полицію для снятія показаній объ ея пропавшемъ жильцѣ. Честная, толстая, сорокапятилѣтняя женщина, вдова консторскаго чиновника, чистосердечно рассказала все, что ей было извѣстно: жилецъ ея былъ человекъ тихій, бѣдный, глуповатый, умѣренный въ ѣдѣ, вѣжливый; не пилъ, не курилъ, рѣдко выходилъ изъ дому и у себя никого не принималъ.

Больше она ничего не могла сказать, несмотря на весь свой почтительный ужасъ передъ жандармскимъ ротмистромъ, который звѣрски шевелилъ пышными подусниками и за сквернымъ словомъ въ карманъ не лазилъ.

Въ этотъ-то пятидневный промежутокъ времени штабсъ-капитанъ Рыбниковъ обѣгалъ и обѣздилъ весь Петербургъ. Повсюду: на улицахъ, въ ресторанахъ, въ театрахъ, въ вагонахъ конокъ, на вокзалахъ появлялся этотъ маленькій, черномазый, хромоу офицеръ, странно болтливый, растрепанный и не особенно трезвый, одѣтый въ общеармейскій мундиръ со сплошь краснымъ воротникомъ — настоящій типъ госпитальной, военно-канцелярской или интендантской крысы. Онъ являлся также по нѣскольку разъ въ главный штабъ, въ комитетъ о раненыхъ, въ полицейскіе участки, въ комендантское управленіе, въ управленіе казачьихъ войскъ и еще въ десятки присутственныхъ мѣстъ и управленій, раздражая служащихъ своими безтолковыми жалобами и претензіями, своимъ унижительнымъ попрошайничествомъ, армейской грубостью и крикливымъ патріотизмомъ. Всѣ уже знали наизусть, что онъ служилъ въ корпусномъ обозѣ, подъ Ляояномъ контуженъ въ голову, а при Мукденскомъ отступленіи раненъ въ ногу. Почему онъ, чортъ меня возьми, до сихъ поръ не получаетъ пособія?! Отчего ему не выдаютъ до сихъ поръ суточныхъ и прогонныхъ? А жалованье за два прошлыхъ мѣсяца? Абсолютно онъ готовъ пролить послѣднюю, чортъ ее побери, каплю крови за царя, престоль и отечество; и онъ сейчасъ же вернется на Дальній Востокъ, какъ только заживетъ его раненая нога. Но — сто чертей! — проклятая нога не хочетъ заживать... Вообразите себѣ — нагноеніе! Да вотъ, посмотрите сами. — И онъ ставилъ больную ногу на стулъ и уже съ готовностью засучивалъ къверху панталоны, но всякій разъ его останавливали съ безразличной и сострадательной стыдли-

востью. Его суевливая и нервная развязность, его запуганность, странно граничившая съ наглостью, его глупость и привязчивое, праздное любопытство выводили изъ себя людей, занятыхъ важной и страшно отвѣтственной бумажной работой.

Напрасно ему объясняли со всевозможной кротостью, что онъ обращается въ неподлежащее мѣсто, что ему надобно направиться туда-то, что слѣдуетъ представить такія-то и такія-то бумаги, что его извѣстятъ о результатѣ—онъ ничего, рѣшительно ничего не понималъ. Но и очень сердиться на него было невозможно: такъ онъ былъ беззащитенъ, пугливъ и наивенъ, и, если его съ досадою обрывали, онъ только улыбался, обнажая дѣсны съ идиотскимъ видомъ, торопливо и многократно кланялся и потиралъ смущенно руки. Или вдругъ произносилъ заискивающимъ хриплымъ голосомъ:

— Пожалуйста... не одолжите ли папирочку? Смерть покурить хочется, а папирсъ купить не на что. Яко нагъ, яко благъ... Бѣдность, какъ говорится, не порокъ, но большое свинство.

Этимъ онъ обезоруживалъ самыхъ придирчивыхъ и мрачныхъ чиновниковъ. Ему давали папирску и позволяли присѣсть у краешка стола. Противъ воли и, конечно, небрежно ему даже отвѣчали на его назойливые разспросы о теченіи военныхъ событій. Было, впрочемъ, много трогательнаго, дѣтски-искренняго въ томъ болѣзненномъ любопытствѣ, съ которымъ этотъ несчастный, замурзанный, обнищавшій раненый армеецъ слѣдитъ за войной. Просто-напросто, по человѣчеству, хотѣлось его успокоить, освѣдомить и ободрить, и оттого съ нимъ говорили откровеннѣе, чѣмъ съ другими.

Интересъ его ко всему, что касалось русско-японскихъ событій, простирался до того, что въ то время, когда для него наводили какую-нибудь путанную дѣловую

справку, онъ слонялся изъ комнаты въ комнату, отъ стола къ столу, и какъ только улавливалъ гдѣ-нибудь два слова о войнѣ, то сейчасъ же подходилъ и прислушивался съ своей обычной напряженной и глуповатой улыбкой.

Когда онъ наконецъ уходилъ, то оставлялъ по себѣ вмѣстѣ съ чувствомъ облегченія какое-то смутное, тяжелое и тревожное сожалѣніе. Нерѣдко чистенькіе, выхваленные штабные офицеры говорили о немъ съ благородной горечью:

— И это русскіе офицеры! Посмотрите на этотъ типъ. Ну, развѣ не ясно, почему мы проигрываемъ сраженіе за сраженіемъ? Тупость, безтолковость, полное отсутствіе чувства собственнаго достоинства... Бѣдная Россія!..

Въ эти хлопотливые дни штабсъ-капитанъ Рыбниковъ нанялъ себѣ номеръ въ грязноватой гостиницѣ близъ вокзала. Хотя при немъ и былъ собственный паспортъ запаснаго офицера, но онъ почему-то нашелъ нужнымъ заявить, что его бумаги находятся пока въ комендантскомъ управленіи. Сюда же въ гостиницу онъ перевезъ и свои вещи—портъ-пледъ съ одѣяломъ и подушкой, дорожный несессеръ и дешевый новенькій чемоданъ, въ которомъ было бѣлье и полный комплектъ штатскаго платья.

Впослѣдствіи прислуга показывала, что приходилъ онъ въ гостиницу поздно и какъ будто подъ хмелькомъ, но всегда аккуратно давалъ швейцару, отворявшему двери, гривенникъ на чай. Спалъ не болѣе трехъ-четырехъ часовъ, иногда совсѣмъ не раздѣваясь. Вставалъ рано и долго, часами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ полдень уходилъ.

Время отъ времени штабсъ-капитанъ изъ разныхъ почтовыхъ отдѣленій посылалъ телеграммы въ Иркутскъ, и всѣ эти телеграммы выражали глубокую заботливость о какомъ-то раненомъ, тяжело-больномъ человѣкѣ, вѣроятно, очень близкомъ сердцу штабсъ-капитана.

И вотъ съ этимъ-то суетливымъ, смѣшнымъ и несуразнымъ человѣкомъ встрѣтился однажды фельетонистъ большой петербургской газеты, Владимиръ Ивановичъ Щавинскій.

II.

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать на бѣга, Щавинскій завернулъ въ маленькій, темный рестораникъ «Слава Петрограда», гдѣ обыкновенно собирались къ двумъ часамъ дня, для обмѣна мыслями и свѣдѣніями, газетные репортеры. Это была довольно безпардонная, веселая, циничная, всезнающая и голодная компанія, и Щавинскій, до известной степени аристократъ газетнаго міра, къ ней, конечно, не принадлежалъ. Его воскресные фельетоны, блестящіе и забавные, но не глубокіе, имѣли значительный успѣхъ въ публикѣ. Онъ зарабатывалъ большія деньги, отлично одѣвался и велъ широкое знакомство. Но его хорошо принимали и въ «Славѣ Петрограда» за его развязный, острый языкъ и за милую щедрость, съ которой онъ ссужалъ братьевъ-писателей маленькими золотыми. Сегодня репортеры обѣщали достать для него бѣговую программу съ таинственными помѣтками изъ конюшни.

Швейцаръ Василій, почтительно и дружелюбно улыбаясь, снялъ съ Щавинскаго пальто.

— Пожалуйста, Владимиръ Ивановичъ. Всѣ въ сборѣ-съ. Въ большомъ кабинетѣ у Прохора.

И толстый, низко-стриженный рыжеусый Прохоръ также фамиллярно-ласково улыбался, глядя, по обыкновенію, не въ глаза, а поверхъ лба почетному посетителю.

— Давненько не изволили бывать, Владимиръ Ивановичъ. Пожалуйста-съ. Все свои-съ.

Какъ и всегда, братья-писатели сидѣли вокругъ длиннаго стола и, торопливо макая перья въ одну черниль-

ницу; быстро строчили на длинныхъ полосахъ бумаги. Въ то же время они успѣвали, не прекращая этого занятія, поглощать растегаи и жареную колбасу съ картофельнымъ пюре, пить водку и пиво, курить и обмѣниваться свѣжими городскими новостями и редакціонными сплетнями, не подлежащими тисненію. Кто-то спалъ камнемъ на диванѣ, подстеливъ подъ голову носовой платокъ. Воздухъ въ кабинетѣ былъ синій, густой и слоистый отъ табачнаго дыма.

Здороваясь съ репортерами, Щавинскій замѣтилъ среди нихъ штабсъ-капитана въ обще-армейскомъ мундирѣ. Онъ сидѣлъ, разставивъ врозь ноги, опираясь руками и подбородкомъ на эфесъ огромной шашки. При видѣ его, Щавинскій не удивился, какъ привыкъ ничему не удивляться въ жизни репортеровъ. Онъ бывалъ свидѣтелемъ, что въ этой путаной безшабашной компаніи пропадали по цѣлымъ недѣлямъ: тамбовскіе помѣщики, ювелиры, музыканты, танцмейстеры, актеры, хозяйка звѣринцевъ, рыбные торговцы, распорядители кафе-шантановъ, клубные игроки и другія лица самыхъ неожиданныхъ профессій.

Когда дошла очередь до офицера, тотъ всталъ, приподнялъ плечи, оттопыривъ локти, и отрекомендовался хриплымъ, настоящимъ армейскимъ пропойнымъ голосомъ:

— Хемм!.. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Очень пріятно. Вы тоже писатель? Очень, очень пріятно. Уважаю пишущую братію. Печать — шестая великая держава. Что? Неправда?

При этомъ онъ осклаблялся, щелкалъ каблуками, крѣпко трясъ руку Щавинскаго и все время какъ-то особенно смѣшно кланялся, быстро сгибая и выпрямляя верхнюю часть тѣла.

«Гдѣ я его видѣлъ? — мелькнула у Щавинскаго безпокойная мысль. — Удивительно кого-то напоминаетъ. Кого?»

Здѣсь въ кабинетѣ были всѣ знаменитости петербургскаго репортажа. Три мушкетера—Кодлубцевъ, Ряжкинъ и Поповъ. Ихъ никогда не видали иначе, какъ вмѣстѣ; даже ихъ фамиліи, произнесенныя рядомъ, особенно ловко укладывались въ четырехстопный ямбъ. Это не мешало имъ постоянно ссориться и выдумывать другъ про друга случаи невѣроятныхъ вымогательствъ, уголовныхъ подлоговъ, клеветы и шантажа. Присутствовалъ также Сергѣй Кондрашовъ, котораго за его необузданное сладострастіе называли «не человѣкъ, а патологическій случай». Былъ нѣкто, чья фамилія стерлась отъ времени; какъ одна сторона скверной монеты, и осталась только ходячая кличка «Матаня», подъ которой его зналъ весь Петербургъ. Про мрачнаго Свищева, писавшаго фельетончики «По камерамъ мировыхъ судей», говорили въ видѣ дружеской шутки: «Свищевъ крупный шантажистъ, онъ меньше трехъ рублей не беретъ». Спавшій же на диванѣ длинноволосый поэтъ Пеструхинъ поддерживалъ свое утлое и пьяное существованіе тѣмъ, что воспѣвалъ въ лирическихъ стихахъ царскіе дни и двенадцатые праздники. Были и другія, не менѣе крупныя имена: специалисты по городскимъ дѣламъ, по пожарамъ, по трупамъ, по открытіямъ и закрытіямъ садовъ.

Длинный, вихрястый, угреватый Матаня сказалъ:

— Программу вамъ сейчасъ принесутъ, Владимиръ Ивановичъ. А пока мѣсть рекомендую вашему вниманію храбраго штабсъ-капитана. Только-что вернулся съ Дальняго Востока, гдѣ, можно сказать, разбивалъ въ пухъ и прахъ желтолицаго, косоглазаго и коварнаго врага. Ну-съ, генераль, валяйте дальше.

Офицеръ прокашлялся и сплюнулъ въ бокъ на полъ: «Хамъ!»—подумалъ Щавинскій, поморщившись.

— Русскій солдатъ это, братъ, не фунтъ изюму!—воскликнулъ хрипло Рыбниковъ, громяхая шашкой. —

Чудо-богатыри, какъ говорилъ безсмертный Суворовъ. Что? Не правду я говорю? Однимъ словомъ... Но скажу вамъ откровенно: начальство наше на Востокъ не годится ни къ чорту! Знаете извѣстную нашу поговорку: каковъ попъ, таковъ приходъ. Что? Не вѣрно? Воруяютъ, играютъ въ карты, завели любовницъ... А вѣдь извѣстно: гдѣ чортъ не поможетъ, бабу пошлетъ.

— Вы, генераль, что-то о съемкахъ начали, — напомнилъ Матаня.

— Ага, о съемкахъ. Мерси. Голова у меня... Дер-рбалызнулъ я сегодня. — Рыбниковъ метнулъ быстрый, острый взглядъ на Щавинскаго. — Да, такъ вотъ-съ... Назначили одного полковника генеральнаго штаба произвести маршрутную рекогносцировку. Беретъ онъ съ собою взводъ казаковъ — лихое войско, чортъ его побери... Что? Не правда?... Беретъ онъ переводчика и ѣдетъ. Попадаетъ въ деревню. — «Какъ названіе?» Переводчикъ молчитъ. «А ну-ка, ребятушки!» Казаки его сейчасъ нагайками. Переводчикъ говоритъ: «Бутунду». А «бутунду» по-китайски значитъ: «не понимаю». — «Ага, заговорилъ, сукинъ сынъ!» И полковникъ пишетъ на кроки: «Деревня «Бутунду». Опять ѣдутъ — опять деревня. «Названіе?» — «Бутунду». — «Какъ? Еще Бутунду?» — «Бутунду». Полковникъ опять пишетъ: «Бутунду». Такъ онъ десять деревень назвалъ «Бутунду», и вышелъ онъ, какъ у Чехова: «Хоть ты, говоритъ — Ивановъ седьмой, а все-таки дуракъ!»

— А-а! Вы знаете Чехова? — спросилъ Щавинскій.

— Кого? Чехова? Антошу? Еще бы, чортъ побери!.. Друзья! Пили мы съ нимъ здорово... Хоть ты, говоритъ, и седьмой, а все-таки дуракъ...

— Вы съ нимъ тамъ на Востокъ видѣлись? — быстро спросилъ Щавинскій.

— Какъ же, обязательно на Востокъ. Мы, братъ,

бывало, съ Антонъ Петровичемъ... Хоть ты и седьмой, а...

Пока онъ говорилъ, Щавинскій внимательно наблюдалъ за нимъ. Все у него было обычное, чисто-армейское: голосъ, манеры, поношенный мундиръ, бѣдный и грубый языкъ. Щавинскому приходилось видѣть сотни такихъ забулдыгъ-капитановъ, какъ онъ. Такъ же они осклаблялись и чертыхались, расправляли усы влѣво и вправо молодцоватыми движеніями, такъ же вздергивали вверхъ плечи, оттопыривали локти, картинно опирались на шашку и щелкали воображаемыми шпорами. Но было въ немъ и что-то совсѣмъ особенное, затаенное, чего Щавинскій никогда не видалъ и не могъ опредѣлить — какая-то внутренняя напряженная, нервная сила. Было похоже на то, что Щавинскій вовсе не удивился бы, если бы вдругъ этотъ хрипящій и пьяный бурбонъ заговорилъ о тонкихъ и умныхъ вещахъ, непринужденно и ясно, изящнымъ языкомъ, но не удивился бы также какой-нибудь безумной, внезапной, горячечной, даже кровавой выходкѣ со стороны штабсъ-капитана.

Въ лицѣ его поражало Щавинскаго то разное впечатлѣніе, которое производили его фасъ и профиль. Сбоку это было обыкновенное русское, чуть-чуть калмыковатое лицо: маленькій выпуклый лобъ подъ уходящимъ вверхъ черепомъ, русскій безформенный носъ сливой, рѣдкіе, жесткіе, черные волосы въ усахъ и на бороденкѣ, голова, коротко остриженная, съ сильной просѣдью, тонъ лица темно-желтый отъ загара... Но, поворачиваясь лицомъ къ Щавинскому, онъ сейчасъ же начиналъ ему кого-то напоминать. Что-то чрезвычайно знакомое, но такое, чего никакъ нельзя было схватить, чувствовалось въ этихъ узенькихъ, зоркихъ, ярко-кофейныхъ глазкахъ съ разрѣзомъ наискось, въ тревожномъ изгибѣ черныхъ бровей, идущихъ отъ переносья кверху, въ энергичной

сухости кожи, крѣпко обтягивавшей мощныя скулы, а главное, въ общемъ выраженіи этого лица — злобнаго, насмѣшливаго, умнаго, пожалуй, даже высокоумнаго, но не человѣческаго, а скорѣе звѣринаго, а еще вѣрнѣе — лица, принадлежащаго существу съ другой планеты.

«Точно я его во снѣ видѣлъ», — подумалъ Щавинскій. Всматриваясь, онъ невольно прищурился и наклонилъ голову набокъ.

Рыбниковъ тотчасъ же повернулся къ нему и захохоталъ нервно и громко:

— Что вы на меня любуетесь, господинъ писатель? Интересно? Я, — онъ возвысилъ голосъ и съ смѣшной гордостью ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Рыб-ни-ковъ! Православный русскій воинъ, не считая, бьетъ враговъ. Такая есть солдатская русская пѣсня. Что? Не вѣрно?

Кодлубцевъ, бѣгая перомъ по бумагѣ и не глядя на Рыбникова, бросилъ небрежно:

— И не считаясь, сдается въ плѣнъ.

Рыбниковъ быстро бросилъ взглядъ на Кодлубцева, и Щавинскій замѣтилъ, какъ въ его коричневыхъ глазахъ блеснули странные желто-зеленые огоньки. Но это было только на мгновеніе. Тотчасъ же штабсъ-капитанъ захохоталъ, развелъ руками и звонко хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Ничего не подѣлаешь — Божья воля. Недаромъ говорится въ пословицѣ: нашла коса на камень. Что? Не вѣрно? — Онъ обратился вдругъ къ Щавинскому, слегка потрепалъ его рукою по колѣну и издалъ губами безнадежный звукъ: фить! — Мы все авось, да кое-какъ, да какъ-нибудь — тяпъ да ляпъ. Къ мѣстности не умѣемъ примѣняться, снаряды не подходятъ къ калибрамъ орудій, люди на позиціяхъ по четверо сутокъ не ѣдятъ. А японцы, чортъ бы ихъ побралъ, работаютъ, какъ ма-

шины. Макаки, а на ихъ сторонѣ цивилизація, чортъ бы ихъ бралъ! Что? Не вѣрно я говорю?

— Такъ что они, по-вашему, пожалуй, насъ и побѣдятъ? — спросилъ Щавинскій.

У Рыбникова опять задергались губы. Эту привычку уже успѣлъ за нимъ замѣтить Щавинскій. Во все время разговора, особенно когда штабсъ-капитанъ задавалъ вопросъ и, насторожившись, ждалъ отвѣта, или нервно оборачивался на чей-нибудь пристальный взглядъ, губы у него быстро дергались то въ одну, то въ другую сторону въ странныхъ гримасахъ, похожихъ на судорожныя злобныя улыбки. И въ то же время онъ торопливо облизывалъ концомъ языка свои потрескавшіяся сухія губы, тонкія, синеватыя, какія-то обезьяньи или козлиныя губы.

— Кто знаетъ! — воскликнулъ штабсъ-капитанъ. — Одинъ Богъ. Безъ Бога ни до порога, какъ говорится. Что? Не вѣрно? Кампанія еще не кончена. Все впереди. Русскій солдатъ привыкъ къ побѣдамъ. Вспомните Полтаву, незабвеннаго Суворова... А Севастополь! А какъ въ двѣнадцатомъ году мы прогнали величайшаго въ мірѣ полководца Наполеона. Великъ Богъ земли русской! Что?

Онъ заговорилъ, а углы его губъ дергались странными, злобными, насмѣшливыми, нечеловѣческими улыбками, и злобный желтый блескъ игралъ въ его глазахъ подъ черными суровыми бровями.

Щавинскому принесли въ это время кофе.

— Не хотите ли рюмочку коньяку? — предложилъ онъ штабсъ-капитану.

Рыбниковъ опять слегка похлопалъ его по колѣну.

— Нѣтъ, спасибо, голубчикъ. Я сегодня чортъ знаетъ сколько выпилъ. Башка трещить. Съ утра, чортъ возьми, наклюкался. Веселіе Руси есть пити. Что? Не правда? — воскликнулъ онъ вдругъ съ лихимъ видомъ и внезапно пьянымъ голосомъ.

«Притворяется», — подумалъ Щавинскій.

Но почему-то онъ не хотѣлъ отстать и продолжалъ угощать штабсъ-капитана.

— Можетъ-быть, пива? Краснаго вина?

— Нѣтъ, покорно благодарю. И такъ пьянъ. Гранъ мерси.

— Сельтерской воды?

Штабсъ-капитанъ оживился.

— Ахъ, да, да! Вотъ именно... именно сельтерской... стаканчикъ не откажусь.

Принесли сифонъ. Рыбниковъ выпилъ стаканъ большими, жадными глотками. Даже руки у него задрожали отъ жадности. И тотчасъ же налилъ себѣ другой стаканъ. Сразу было видно, что его уже долго мучила жажда.

«Притворяется, — опять подумалъ Щавинскій. — Что за диковинный человекъ! Онъ недоволенъ, утомленъ, но ничуть не пьянъ».

— Жара, чортъ ее побери, — сказалъ Рыбниковъ хрипло. — Однако я, господа, кажется, мѣшаю вамъ заниматься.

— Нѣтъ, ничего. Мы привыкли, — пробурчалъ Ряжкинъ.

— А что, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь свѣжихъ извѣстій съ войны? — спросилъ Рыбниковъ. — Эхъ, господа! — воскликнулъ онъ вдругъ и громыхнулъ шашкой. — Сколько бы могъ я вамъ дать интереснаго матеріала о войнѣ! Хотите, я вамъ буду диктовать, а вы только пишите. Вы только пишите. Такъ и озаглавьте: — «Воспоминанія штабсъ-капитана Рыбникова, вернувшегося съ войны». Нѣтъ, вы не думайте — я безъ денегъ, я задаромъ, задаромъ. Какъ вы думаете, господа писатели?

— Что жъ, это можно, — вяло отозвался Матаня: — какъ-нибудь устроимъ вамъ интервьюшку... Послушайте

Владимиръ Петровичъ, вы ничего не знаете о нашемъ флотѣ?

— Нѣтъ, ничего; а развѣ что есть?

— Рассказываютъ что-то невозможное. Кондрашовъ слышалъ отъ знакомаго изъ морского штаба. Эй! Патологическій случай, расскажи Щавинскому!

«Патологическій случай», человекъ съ черной трагической бородой и изжеваннымъ лицомъ, сказалъ въ носъ:

— Я не могу, Владимиръ Ивановичъ, ручаться. Но источникъ какъ будто достовѣрный. Въ штабѣ ходитъ темный слухъ, что большая часть нашей эскадры сдалась безъ боя. Что будто бы матросы перевязали офицеровъ и выкинули бѣлый флагъ. Чуть ли не двадцать судовъ.

— Это, дѣйствительно, ужасно, — тихо произнесъ Щавинскій. — Можетъ-быть, еще неправда? Впрочемъ, теперь такое время, что самое невозможное стало возможнымъ. Кстати, вы знаете, что дѣлается въ морскихъ портахъ? Во всѣхъ экипажахъ идетъ страшное, глухое броженіе. Морскіе офицеры на берегу боятся встрѣчаться съ людьми своей команды.

Разговоръ сталъ общимъ. Эта пронырливая, вездѣсушная, циничная компанія была своего рода чувствительнымъ пріемникомъ для всевозможныхъ городскихъ слуховъ и толковъ, которые часто доходили раньше до отдѣльнаго кабинета «Славы Петрограда», чѣмъ до министерскихъ кабинетовъ. У каждаго были свои новости. Это было такъ интересно, что даже три мушкетера, для которыхъ, казалось, ничего не было на свѣтѣ святого и значительнаго, заговорили съ непривычной горячностью.

— Носятся слухи о томъ, что въ тылу арміи запасные отказываются повиноваться. Что будто солдаты стрѣляютъ въ офицеровъ изъ ихъ же собственныхъ револьверовъ.

— Я слышалъ, что главнокомандующій повѣсилъ пять-

десять сестеръ милосердія. Ну, конечно, онѣ были только подѣ видомъ сестеръ.

Щавинскій оглянулся на Рыбникова. Теперь болтливый штабсъ-капитанъ молчалъ. Сузивъ глаза, налегши грудью на эфесъ шашки, онъ напряженно слѣдилъ поочередно за каждымъ изъ говорившихъ, и на его скулахъ подѣ натянутой кожей быстро двигались сухожилія, а губы шевелились, точно онъ повторялъ про себя каждое слово.

«Господи, да кого же наконецъ онъ напоминаетъ?» — въ десятый разъ съ нетерпѣніемъ подумалъ фельетонистъ.

Это такъ мучило его, что онъ пробовалъ прибѣгнуть къ старому знакомому средству: притвориться предѣ самимъ собой, что онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о штабсъ-капитанѣ, и потомъ вдругъ внезапно взглянуть на него. Обыкновенно такой пріемъ довольно быстро помогалъ ему вспомнить фамилію или мѣсто встрѣчи, но теперь онъ оказывался совсѣмъ недѣйствительнымъ.

Подѣ его упорнымъ взглядомъ Рыбниковъ опять обернулся, глубоко вздохнулъ и съ сокрушеніемъ покрутилъ головой.

— Ужасное извѣстіе. Вы вѣрите? Что? Если даже и правда, не надо отчаиваться. Знаете, какъ мы, русскіе, говоримъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. То-есть я хочу сказать, что свинья — это, конечно, японцы.

Теперь онъ упорно выдерживалъ пристальный взглядъ Щавинскаго, и въ его рыжихъ звѣриныхъ глазахъ фельетонистъ увидѣлъ пламя непримиримой, нечеловѣческой ненависти.

Въ эту минуту спавшій на диванѣ поэтъ Пеструхинъ вдругъ приподнялся, почмокалъ губами и уставился мутнымъ взглядомъ на офицера.

— А, японская морда, ты еще здѣсь? — сказалъ онъ

пьянымъ голосомъ, едва шевеля ртомъ: — поговори у меня еще!

И опять упалъ на диванъ, перевернувшись на другой бокъ.

«Японецъ! — подумалъ съ жуткимъ любопытствомъ Щавинскій. — Вотъ онъ на кого похожъ». — И Щавинскій сказалъ протяжно, съ многозначительной вѣскостью:

— Однако вы фру-уктъ, господинъ штабсъ-капитанъ!

— Я? — закричалъ тотъ. Глаза его потухли, но губы еще нервно кривились. — Я — штабсъ-капитанъ Рыбниковъ! — Онъ опять со смѣшной гордостью стукнулъ себя кулакомъ по груди. — Мое русское сердце болитъ. Позвольте пожать вашу правую руку. Я подъ Ляояномъ контуженъ въ голову, а подъ Мукденомъ раненъ въ ногу. Чтò? Вы не вѣрите? Вотъ я вамъ сейчасъ покажу.

Онъ поставилъ ногу на стулъ и сталъ засучивать кверху свои панталоны.

— Ну васъ, бросьте, штабсъ-капитанъ. Вѣримъ, — сказалъ, морщась, Щавинскій.

Но тѣмъ не менѣе изъ привычнаго любопытства онъ успѣлъ быстро взглянуть на ногу Рыбникова и замѣтить, что этотъ штабсъ-капитанъ армейской пѣхоты носитъ нижнее бѣлье изъ прекраснаго шелковаго трико.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ посыльный съ письмомъ къ Матанѣ.

— Это для васъ, Владимиръ Ивановичъ, — сказалъ Матаня, разорвавъ конвертъ. — Программа изъ конюшни. Поставьте за меня, пожалуйста, одинъ билетъ въ двойномъ на Зенита. Я вамъ во вторникъ отдамъ.

— Поѣдемте со мной на бѣга, капитанъ? — предложилъ Щавинскій.

— Куда? На бѣга? Съ моимъ удовольствіемъ. — Рыбниковъ шумно всталъ, опрокинувъ стулъ. — Это гдѣ-ло-

шади скачуть? Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ куда угодно. Въ бой, въ строй, къ чортовой матери! Ха-ха-ха! Вотъ каковъ. Чтò? Не правда?

Когда они уже сидѣли на извозчикѣ и ѣхали по Кабинетской улицѣ, Щавинскій продѣлъ свою руку подѣ руку офицера, нагнулся къ самому его уху и сказалъ чуть слышно:

— Не бойтесь, я васъ не выдамъ. Вы такой же Рыбниковъ, какъ я Вандербильтъ. Вы офицеръ японскаго генеральнаго штаба, думаю, не меньше, чѣмъ въ чинѣ полковника, и теперь—военный агентъ въ Россіи...

Но Рыбниковъ не слышалъ его словъ за шумомъ колесъ или не понялъ его. Покачиваясь слегка изъ стороны въ сторону, онъ говорилъ хрипло съ новымъ пьянымъ восторгомъ:

— Э-значить, мы съ вами э-закутили! Люблю, чортъ! Не будь я штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, русскій солдатъ, если я не люблю русскихъ писателей! Славный народъ! Здорово пьютъ и знаютъ жизнь насквозь. Веселіе Руси есть пити. А я, братъ, здорово съ утра дерябнулъ.

III.

Щавинскій — и по роду его занятія и по склонностямъ натуры — былъ собирателемъ человѣческихъ документовъ, коллекціонеромъ рѣдкихъ и странныхъ проявленій человѣческаго духа. Нерѣдко въ продолженіе недѣль, иногда цѣлыхъ мѣсяцевъ, наблюдалъ онъ за интереснымъ субъектомъ, выслѣживая его съ упорствомъ страстнаго охотника или добровольнаго сыщика. Случалось, что такой добычей оказывался, по его собственному выраженію, какой-нибудь «рыцарь изъ-подъ темной звѣзды» — шуллеръ, извѣстный плагиаторъ, сводникъ, альфонсъ, графоманъ —

ужасъ всѣхъ редакцій, зарвавшійся кассиръ или артельщикъ, тратящій по ресторанамъ, скачкамъ и игорнымъ заламъ казенныя деньги съ безуміемъ человѣка, несущагося въ пропасть; но бывали также предметами его спортивнаго увлеченія знаменитости сезона — піанисты, пѣвцы, литераторы, чрезмѣрно счастливые игроки, жокеи, атлеты, входящія въ моду кокетки. Добившись во что бы то ни стало знакомства, Щавинскій мягко и любовно, съ какой-то обволакивающей паучьей манерой овладѣвалъ вниманіемъ своей жертвы. Здѣсь онъ шелъ на все: просиживалъ цѣлыми ночами безъ сна съ пошлыми, ограниченными людьми, весь умственный багажъ которыхъ составлялъ — точно у бушменовъ — десятокъ-другой зоологическихъ понятій и шаблонныхъ фразъ; онъ поилъ въ ресторанахъ отъявленныхъ дураковъ и негодяевъ, терпѣливо выжидая, пока въ опьянѣніи они не распустиятъ пышнымъ махровымъ цвѣтомъ своего уродства; льстилъ людямъ наобумъ, съ ясными глазами, въ чудовищныхъ дозахъ, твердо вѣря въ то, что лесть — ключъ ко всѣмъ замкамъ; щедро раздавалъ займы деньги, зная заранее, что никогда ихъ не получитъ назадъ. Въ оправданіе скользкости этого спорта онъ могъ бы сказать, что внутренній психологическій интересъ значительно превосходилъ въ немъ тѣ выгоды, которыя онъ потомъ пріобрѣталъ въ качествѣ бытописателя. Ему доставляло странное, очень смутное для него самого наслажденіе проникнуть въ тайныя, недопускаемыя комнаты человѣческой души, увидѣть скрытыя, иногда мелочныя, иногда позорныя, чаще смѣшныя, чѣмъ трогательныя, пружины внѣшнихъ дѣйствій — такъ сказать, подержать въ рукахъ живое, горячее человѣческое сердце и ощутить его біеніе. Часто при этой пытливой работѣ ему казалось, что онъ утрачиваетъ совершенно свое «я», до такой степени онъ начиналъ думать и чувствовать душою другого человѣка,

даже говорить его языкомъ и характерными словечками, наконецъ онъ даже ловилъ себя на томъ, что употребляетъ чужіе жесты и чужія интонаціи. Но, насытившись человѣкомъ, онъ бросалъ его. Правда, иногда за минуту увлеченія приходилось расплачиваться долго и тяжело.

Но ужъ давно никто такъ глубоко, до волненія, не интересовалъ его, какъ этотъ растерзанный, хриплый, пьяноватый обще-армейскій штабсъ-капитанъ. Цѣлый день Щавинскій не отпускалъ его отъ себя. Порою, сидя бокъ-о-бокъ съ нимъ на извозчикѣ и незамѣтно наблюдая его, Щавинскій думалъ рѣшительно:

«Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы я ошибался, — это желтое, раскосое, скуластое лицо, эти постоянные короткіе поклоны и потираніе рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта напряженная, нервная, жуткая развязность... Но если все это правда, и штабсъ-капитанъ Рыбниковъ дѣйствительно японскій шпіонъ, то какимъ невообразимымъ присутствіемъ духа долженъ обладать этотъ человѣкъ, разыгрывающій съ великолѣпной дерзостью среди бѣла дня, въ столицѣ враждебной націи, такую злую и вѣрную карикатуру на русскаго забубеннаго армейца! Какія страшныя ощущенія долженъ онъ испытывать, балансируя весь день, каждую минуту надъ почти неизбежной смертью».

Здѣсь была совсѣмъ уже непонятная для Щавинскаго очаровательная, безумная и въ то же время холодная отвага, былъ, можетъ-быть, высшій изо всѣхъ видовъ патріотическаго героизма. И острое любопытство вмѣстѣ съ какимъ-то почтительнымъ ужасомъ все сильнѣе притягивали умъ фельетониста къ душѣ этого диковиннаго штабсъ-капитана.

Но иногда онъ мысленно одергивалъ себя:

«А что, если я самъ-себѣ навязалъ смѣшную и предвзятую мысль? Что, если я, пытливый сердцевидецъ, самъ

себя одурачилъ просто-напросто закутившимъ тоголевскимъ капитаномъ Копейкинымъ? Вѣдь на Уралѣ и среди оренбургскаго казачества много именно такихъ монгольскихъ шафранныхъ лицъ». И тогда онъ еще внимательнѣе приглядывался къ каждому жесту и выраженію фізіономіи штабсъ-капитана, чутко прислушивался къ звукамъ его голоса.

Рыбниковъ не пропущалъ ни одного солдата, отдававшего ему честь, и самъ прикладывалъ руку къ козырьку фуражки съ особенно продолжительной, аффектированной тщательностью. Когда они проѣзжали мимо церквей, онъ неизмѣнно снималъ шапку и крестился широко и аккуратно, и при этомъ чуть-чуть косилъ глазомъ на своего сосѣда — видитъ тотъ или нѣтъ?

Однажды Щавинскій не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Однако вы набожны, капитанъ.

Рыбниковъ развелъ руками, комично ушелъ головой въ поднятыя плечи и захрипѣлъ:

— Ничего не подѣлаешь, батенька. Привыкъ въ бояхъ. Кто на войнѣ не былъ, Богу не маливался. Знаете? Прекрасная русская поговорка. Тамъ, голубчикъ, поневолѣ научишься молиться. Бывало, идешь на позицію — пули визжать, шрапнель, гранаты... эти самыя проклятыя шимозы... но ничего не подѣлаешь — долгъ, присяга — идешь! А самъ читаешь про себя: «Отче нашъ, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да приидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси...»

И онъ дочиталъ до самаго конца всю молитву, старательно отчеканивая каждый звукъ.

«Шпіонъ!»—рѣшилъ Щавинскій.

Но онъ не хотѣлъ оставить свое подозрѣніе на половинѣ. Нѣсколько часовъ подъ рядъ онъ продолжалъ испытывать и терзать штабсъ-капитана. Въ отдѣльномъ кабинетѣ, за обѣдомъ, онъ говорилъ, нагибаясь черезъ

столь за стаканомъ вина и глядя Рыбникову въ самые зрачки:

— Слушайте, капитанъ, теперь насъ никто не слышитъ, и... я не знаю, какое вамъ дать честное слово, что никто въ мірѣ не узнаетъ о нашемъ разговорѣ. Я совсѣмъ безповоротно, я глубоко убѣжденъ, что вы—японецъ.

Рыбниковъ опять хлопнулъ себя по груди кулакомъ.

— Я штабсъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ эти выходки. Своего лица вы не спрячете, какъ вы ни умны. Очертаніе скулъ, разрѣзъ глазъ, этотъ характерный черепъ, цвѣтъ кожи, рѣдкая и жесткая растительность на лицѣ, все, все несомнѣнно указываетъ на вашу принадлежность къ желтой расѣ. Но вы въ безопасности. Я не донесу на васъ, что бы мнѣ за это ни обѣщали, чѣмъ бы мнѣ ни угрожали за молчаніе. Уже по одному, тому я не сдѣлаю вамъ вреда, что все мое сердце полно безконечнымъ уваженіемъ передъ вашей удивительной смѣлостью, я скажу даже больше — полно благоговѣніемъ, — ужасомъ, если хотите. Я, — а вѣдь я писатель, слѣдовательно человѣкъ съ воображеніемъ и фантазіей, — я не могу себѣ даже представить, какъ это возможно рѣшиться: за десятки тысячъ верстъ отъ родины, въ городѣ, полнымъ ненавидящими врагами, ежеминутно рискуя жизнью, — вѣдь васъ повѣсятъ безъ всякаго суда, если вы попадетесь, не такъ ли? — и вдругъ разгуливать въ мундирѣ офицера, втесываться безъ разбора во всякія компаніи, вести самые рискованные разговоры! Вѣдь маленькая ошибка, оговорка погубитъ васъ въ одну секунду. Вотъ, полчаса тому назадъ, вы вмѣсто слова рукопись сказали — манускриптъ. Пустякъ, а очень характерный. Армейскій штабсъ-капитанъ никогда не употребитъ этого слова примѣнительно къ современной рукописи, а только

къ архивной или къ особенно торжественной. Онъ даже не скажетъ: рукопись, а сочиненіе. Но это пустяки. Главное, я не могу постигнуть этого постоянного напряженія ума и воли, этой дьявольской траты душевныхъ силъ. Разучиться думать по-японски, совсѣмъ забыть свое имя, отождествиться съ другой личностью. Нѣтъ, нѣтъ, это положительно выше всякаго героизма, о которомъ намъ говорили въ школахъ. Милый мой, не лукавьте со мною. Клянусь, я не врагъ вамъ.

Онъ говорилъ это совсѣмъ искренно, весь воспламененный и растроганный тѣмъ героическимъ образомъ, который ему рисовало воображеніе. Но штабсъ-капитанъ не шелъ и на лестъ. Онъ слушалъ его, глядя слегка прищуренными глазами въ бокаль, который онъ тихо двигалъ по скатерти, и углы его синихъ губъ нервно передергивались. И въ лицѣ его Щавинскій узнавалъ все ту же скрытую насмѣшку, ту же упорную, глубокую, неугасимую ненависть, особую, быть-можетъ, никогда не постижимую для европейца, ненависть мудраго, очеловѣченнаго, культурнаго, вѣжливаго звѣря къ существу другой породы.

— Э, бросьте вы, благодѣтель, — возразилъ небрежно Рыбниковъ. — Ну его къ дьяволу! Меня и въ полку дразнили японцемъ. Что тамъ! Я — штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Знаете, есть русская поговорка: рожа овечья, а душа человѣчья. А вотъ я расскажу вамъ, у насъ въ полку былъ однажды случай...

— А вы въ какомъ полку служили? — внезапно спросилъ Щавинскій.

Но штабсъ-капитанъ какъ будто не разслышалъ. Онъ началъ рассказывать тѣ старыя, заѣзженныя, похабныя анекдоты, которые рассказываются въ лагеряхъ, на маневрахъ, въ казармахъ. И Щавинскій почувствовалъ невольную обиду.

Одинъ разъ, уже вечеромъ, сидя на извозчикѣ, Щавинскій обнялъ его за талию, притянулъ къ себѣ и сказалъ вполголоса:

— Капитанъ... нѣтъ, не капитанъ, а навѣрно полковникъ, иначе бы вамъ не дали такого серьезнаго порученія. Итакъ, скажемъ, полковникъ: я преклоняюсь предъ вашей отвагой, то-есть, я хочу сказать, передъ безграничнымъ мужествомъ японскаго народа. Иногда, когда я читаю или думаю объ единичныхъ случаяхъ вашей чертовской храбрости и презрѣнія къ смерти, я испытываю дрожь восторга. Какая, на примѣръ, безсмертная красота и божественная дерзость въ поступкѣ этого командира разстрѣляннаго судна, который на предложеніе сдаться молча закурилъ папирску и съ папирской въ зубахъ пошелъ ко дну. Какая необъятная сила и какое восхитительное презрѣніе къ врагамъ! А морскіе кадеты, которые на брандерахъ пошли на вѣрную смерть съ такой радостью; какъ будто они отправились на балъ? А помните, какъ какой-то лейтенантъ — одинъ, совсѣмъ одинъ, пробуксировалъ на лодкѣ торпеду къ окончанію портъ-артурскаго мола? Его освѣтили прожекторами, и отъ него съ его торпедой осталось только большое кровавое пятно на бетонной стѣнѣ, но на другой же день всѣ мицманы и лейтенанты японскаго флота засыпали адмирала. Того прошеніями, гдѣ они вызывались повторить тотъ же безумный подвигъ. Чтò за герои! Но еще великолѣпнѣе приказъ. Того о томъ, чтобы подчиненные ему офицеры не смѣли такъ рисковать своей жизнью, которая принадлежитъ не имъ, а отечеству. Ахъ, чортъ, красиво!

— По какой это мы улицѣ ѣдемъ? — прервалъ его Рыбниковъ и зѣвнулъ. — Послѣ манчжурскихъ сопокъ я совсѣмъ забылъ ориентироваться на улицѣ. У насъ въ Харбинѣ...

Но увлекшійся Щавинскій продолжалъ, не слушая его:

— Помните вы случай, когда офицеръ, взятый въ плѣнъ, разбилъ себѣ голову о камень? Но что всего изумительнѣе — это подписи самураевъ. Вы, конечно, не слыхали объ этомъ, господинъ штабсъ-капитанъ Рыбниковъ? — спросилъ Щавинскій съ язвительнымъ подчеркиваніемъ. — Ну да, понятно, не слыхали... Генералъ Ноги, видите ли, вызвалъ охотниковъ идти въ первой колоннѣ на ночной штурмъ портъ-артурскихъ укрѣпленій. Почти весь отрядъ вызвался на это дѣло, на эту почетную смерть. И такъ какъ ихъ оказалось слишкомъ много, и такъ какъ они торопились другъ передъ другомъ попасть на смерть, то они просили объ этомъ письменно, и нѣкоторые изъ нихъ, по древнему обычаю, отрубали себѣ указательный палецъ лѣвой руки и прикладывали его къ подписи въ видѣ кровавой печати. Это дѣлали самураи!

— Самураи! — повторилъ Рыбниковъ глухо.

Въ горлѣ у него что-то точно оборвалось и захлестнулось. Щавинскій быстро оглядѣлъ его въ профиль. Неожиданное, невиданное до сихъ поръ выраженіе нѣжной мягкости легло вокругъ рта и на дрогнувшемъ подбородкѣ штабсъ-капитана, и глаза его засіяли тѣмъ теплымъ, дрожащимъ свѣтомъ, который свѣтится сквозь внезапныя непроливающіяся слезы. Но онъ тотчасъ же справился съ собой, на секунду зажмурился, потомъ повернулъ къ Щавинскому простодушное, бессмысленное лицо и вдругъ выругался сквернымъ, длиннымъ русскимъ ругательствомъ.

— Капитанъ, капитанъ, что это съ вами? — воскликнулъ Щавинскій почти въ испугѣ.

— Это все въ газетахъ наврали, — сказалъ Рыбниковъ небрежно: — нашъ русскій солдатикъ ничѣмъ не хуже. Но, конечно, есть разница. Они дерутся за свою жизнь, за славу, за самостоятельность, а мы почему ввязались?

Никто не знает! Чортъ знаетъ почему! Не было печали — черти накачали, какъ говорится по-русски. Что? Не вѣрно? Ха-ха-ха.

На бѣгахъ Щавинскаго нѣсколько отвлекла игра, и онъ не могъ все время слѣдить за штабсъ-капитаномъ. Но въ антрактахъ между заѣздами онъ видѣлъ его изрѣдка то на одной, то на другой трибунѣ, вверху, внизу, въ буфетѣ и около кассъ. Въ этотъ день слово «Ду-сима» было у всѣхъ на языкѣ — у игроковъ, у наѣздниковъ, у букмекеровъ, даже у всѣхъ таинственныхъ равныхъ личностей, обыкновенно неизбѣжныхъ на бѣгахъ. Это слово произносили и въ насмѣшку надъ выдохшейся лошадыю и въ досадѣ на проигрышъ, и съ равнодушнымъ смѣхомъ и съ горечью. Кое-гдѣ говорили страстно. И Щавинскій видѣлъ издали, какъ штабсъ-капитанъ съ его доврчивой, развязной и пьяноватой манерой заводилъ съ кѣмъ-то споры, жаль кому-то руки, хлопалъ кого-то по плечамъ. Его маленькая прихрамывающая фигура мелькала повсюду.

Съ бѣговъ поѣхали въ ресторанъ, а оттуда на квартиру къ Щавинскому. Фельетонистъ немного стыдился своей роли добровольнаго сыщика, но чувствовалъ, что не въ силахъ отстать отъ нея, хотя у него уже началась усталость и головная боль отъ этой тайной, напряженной борьбы съ чужой душою. Убѣдившись, что лесть ему не помогала, онъ теперь пробовалъ довести штабсъ-капитана до откровенности, дразня и возбуждая его патриотическія чувства.

— Да, но все-таки жаль мнѣ бѣдныхъ макаковъ! — говорилъ онъ съ ироническимъ сожалѣніемъ. — Что тамъ ни рассказывай, а Японія въ этой войнѣ истощила весь свой національный геній. Она, по-моему, похожа на ху-денькаго, тщедушнаго человѣка, который въ экстазѣ и опьянѣніи или отъ хвастовства взялъ и поднялъ спиною

двадцать пудовъ, надорвалъ себѣ животъ и вотъ уже начинаетъ умирать медленной смертью. Россія, видите, это совсѣмъ особая страна — это колоссъ. Для нея манчжурскія пораженія все равно, что кровесосныя банки для полнокровнаго человѣка. Вотъ увидите, какъ она поправится и зацвѣтетъ послѣ войны. А Японія захирѣетъ и умретъ. Она надорвалась. Пусть мнѣ не говорятъ, что тамъ культура, общая грамотность, европейская техника. Все-таки въ концѣ концовъ японецъ — азіатъ, получеловѣкъ, полуобезьяна. Онъ и по типу приближается къ обезьянѣ такъ же, какъ бушмень, туарежь и ботокудъ. Стоитъ обратить вниманіе на камперовъ уголь его лица. Однимъ словомъ — макаки. И насъ побѣдила вовсе не ваша культура или политическая молодость, а просто какая-то сумасшедшая вспышка, эпилептическій припадокъ. Вы знаете, что такое *gaptus*, припадокъ бѣшенства? Слабая женщина разрываетъ цѣпи и разбрасываетъ здоровенныхъ мужчинъ, какъ щепки. На другой день она не въ силахъ поднять руку. Такъ и Японія. Повѣрьте, послѣ ея героическаго припадка наступитъ безсиліе, маразмъ. Но, конечно, раньше она пройдетъ черезъ полосу національнаго хвастовства, оскорбительной военщины и безумнаго шовинизма.

— Вѣр-р-но! — кричалъ на это штабсъ-капитанъ Рыбниковъ въ дурацкомъ восторгѣ. — Что вѣрно, то вѣрно. Вашу руку, мусье-писатель. Сразу видно умнаго человѣка.

Онъ хрипло хохоталъ, отплевывался, хлопалъ Щавинскаго по колѣнамъ, трясъ его за руку. И Щавинскому вдругъ стало стыдно за себя и за свои тайные приемы проницательнаго сердецвѣда.

«А что, если я ошибаюсь, и этотъ Рыбниковъ — самый что ни на есть истый распѣхотный армейскій пропойца? Фу, ты, чортъ! Да нѣтъ, это невозможно. И если возможно, то, Боже мой, какимъ дуракомъ я себя веду!»

У себя на квартирѣ онъ показалъ штабсъ-капитану свою библиотеку, коллекцію стариннаго фарфора, рѣдкія гравюры и двухъ породистыхъ сибирскихъ лаекъ. Жены его—маленькой опереточной артистки—не было въ городѣ.

Рыбниковъ разглядывалъ все это съ вѣжливымъ, но безучастнымъ любопытствомъ, въ которомъ хозяину казалось даже нѣчто похожее на скуку, даже на холодное презрѣніе. Между прочимъ, Рыбниковъ открылъ книжку какого-то журнала и прочелъ изъ нея вслухъ нѣсколько строчекъ.

«Это онъ однако сдѣлалъ ошибку!»—подумалъ Щавинскій, когда услышалъ его чтеніе, чрезвычайно правильное, но деревянное, съ преувеличенно-точнымъ произношеніемъ каждой буквы, какимъ щеголяютъ первые ученики, изучающіе чужой языкъ. Но, должно-быть, Рыбниковъ и самъ это замѣтилъ, потому что вскорѣ захлопнулъ книжку и спросилъ:

— Вы вѣдь сами писатель?

— Да... немного...

— А вы въ какихъ газетахъ пишете?

Щавинскій назвалъ. Этотъ вопросъ Рыбниковъ предлагалъ ему за нынѣшній день въ шестой разъ.

— Ахъ, да, да, да. Я позабылъ, я уже спрашивалъ. Знаете что, господинъ писатель?

— Именно?

— Сдѣлаемъ съ вами такъ: вы пишете, а я буду диктовать... То-есть не диктовать... О, нѣтъ, я никогда не посмѣю. — Рыбниковъ потеръ руки и закланялся торопливо. — Вы, конечно, будете излагать сами, а я вамъ буду только давать мысли и нѣкоторыя... какъ бы выразиться... мемуары о войнѣ. Ахъ, сколько у меня интереснаго матеріала!..

Щавинскій сѣлъ бокомъ на столъ и посмотрѣлъ на штабсъ-капитана, лукаво прищуривъ одинъ глазъ.

— И, конечно, упомянуть вашу фамилию?

— А что же? Можете. Я ничего не имѣю противъ. Такъ и упомяните: свѣдѣнія эти любезно сообщены штабсъ-капитаномъ Рыбниковымъ, только-что вернувшимся съ театра военныхъ дѣйствій.

— Такъ-съ, чудесно-съ. Это вамъ для чего же?

— Что такое?

— Да вотъ непременно, чтобы вашу фамилию? Или это вамъ нужно будетъ впослѣдствіи для отчета? Что-вотъ, молъ, инспирировалъ русскія газеты?.. Какой я ловкій мужчина? А?

Но штабсъ-капитанъ, по своему обыкновению, ушелъ отъ прямого отвѣта.

— А можетъ-быть, у васъ нѣтъ времени? Заняты другой работой? Тогда — и ну ихъ къ чорту, эти воспоминанія. Всего не перепишешь, что было. Какъ говорится: жизнь пережить — не поле перейти. Что? Не правду ли говорю? Ха-ха-ха!

Въ это время Щавинскому пришла въ голову интересная затѣя. У него въ кабинетѣ стоялъ большой бѣлый столъ изъ некрашеннаго ясеневаго дерева. На чистой, пѣжной доскѣ этого стола всѣ знакомые Щавинскаго оставляли свои автографы въ видѣ афоризмовъ, стиховъ, рисунковъ и даже музыкальных нотъ. Онъ сказалъ Рыбникову:

— Смотрите, вотъ мой альбомъ, господинъ капитанъ. Не напишете ли вы мнѣ что-нибудь на память о нашемъ пріятномъ (Щавинскій учтиво поклонился) и, смѣю льстить себя надеждой, не кратковременномъ знакомствѣ?

— Отчего же, я съ удовольствіемъ, — охотно согласился Рыбниковъ. — Что-нибудь изъ Пушкина или изъ Гоголя?

— Нѣтъ... ужъ лучше что-нибудь самъ.

— Самъ? Отлично.

Онъ взялъ перо, обмакнулъ, подумалъ и приготовился писать. Но Щавинскій вдругъ остановилъ его:

— Мы съ вами вотъ какъ сдѣлаемъ лучше. Нате вамъ четвертушку бумаги, а здѣсь, въ коробочкѣ, кнопки. Прошу васъ, напишите что-нибудь особенно интересное, а потомъ закройте бумагой и прижмите по угламъ кнопками. Я даю вамъ честное слово, честное слово писателя, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ я не притронусь къ этой бумажкѣ и не буду глядѣть, что вы тамъ написали. Идетъ? Ну, такъ пишите. Я нарочно уйду, чтобъ вамъ не мѣшать.

Черезъ пять минутъ Рыбниковъ крикнулъ ему:

— Пожалуйста!

— Готово?—спросилъ Щавинскій, входя.

Рыбниковъ вытянулся, приложилъ руку ко лбу, какъ отдають честь, и гаркнулъ по-солдатски:

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Спасибо! Ну, а теперь поѣдемъ въ Буффъ, или еще куда-нибудь, — сказалъ Щавинскій. — Тамъ будетъ видно. Я васъ сегодня цѣлый день не отпущу отъ себя, капитанъ.

— Съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ, — сказалъ хриплымъ басомъ Рыбниковъ, щелкая каблуками.

И, поднявъ кверху плечи, онъ лихо расправилъ въ одну и другую сторону усы.

Но Щавинскій невольно обманулъ штабсъ-капитана и не сдержалъ своего слова. Въ послѣдній моментъ, передъ уходомъ изъ дома фельетонистъ спохватился, что забылъ въ кабинетѣ свой портсигаръ, и пошелъ за нимъ, оставивъ Рыбникова въ передней. Бѣлый листокъ бумаги, аккуратно приколотый кнопками, раздражилъ его любопытство. Онъ не устоялъ передъ соблазномъ, обернулся по-воровски назадъ и, отогнувъ бумагу, быстро прочи-

талъ слова, написанныя тонкимъ, четкимъ, необыкновенно изящнымъ почеркомъ:

«Хоть ты Ивановъ 7-й, а дуракъ!..»

IV.

Много позднѣе полуночи они выходили изъ загороднаго кафе-шантана въ компаніи извѣстнаго опереточнаго комика Женина-Лирскаго, молодого товарища прокурора Сашки Штральмана, который былъ извѣстенъ повсюду въ Петербургѣ своимъ несравненнымъ умѣньемъ рассказывать смѣшныя сценки на злобу дня, и покровителя искусствъ — купеческаго сына Карюкова.

Было не свѣтло и не темно. Стояла теплая, бѣлая, прозрачная ночь съ ея нѣжными переливчатыми красками, съ перламутровой водой въ тихихъ каналахъ, четко отражавшихъ сѣрый камень набережной и неподвижную зелень деревьевъ, съ блѣднымъ, точно утомленнымъ бессонницей небомъ и со спящими облаками на небѣ, длинными, тонкими, пушистыми, какъ клочья растрепанной ваты.

- Куда жъ мы поѣдемъ? — спросилъ Щавинскій, останавливаясь у воротъ сада. — Маршалъ Ояма! Ваше просвѣщенное мнѣніе?

Всѣ пятеро замѣшкались на тротуарѣ. Ими овладѣлъ моментъ обычной предутренней нерѣшительности, когда въ закутившихъ людяхъ физическая усталость борется съ непреодолимымъ раздражающимъ стремленьемъ къ новымъ прянымъ впечатлѣніямъ. Изъ сада непрерывно выходили посѣтители, смѣясь, напѣвая, звонко шаркая ногами по сухимъ бѣлымъ плитамъ. Торопливой походкой, смѣло свистя шелкомъ нижнихъ юбокъ, выбѣгали шансонетныя пѣвицы въ огромныхъ шляпахъ, съ дрожащими брильянтами въ ушахъ, въ сопровожденіи щеголеватыхъ

мужчинъ въ свѣтлыхъ костюмахъ, украшенныхъ будто перьями. Эти дамы, почтительно подсаживаемыя швейцарами, впархивали въ экипажи и въ пыхтящіе автомобили, непринужденно расправляли вокругъ своихъ ногъ платья и быстро уносились впередъ, придерживая рукой передней край шляпы. Хористки и садовыя дѣвицы высшаго разбора разѣзжались на простыхъ извозчикахъ, сидя съ мужчиной по одной и по двѣ. Другія — обыкновенныя, панельныя проститутки шныряли тутъ же около деревяннаго забора, приставаая къ тѣмъ мужчинамъ, которые расходились пѣшкомъ, и въ особенности къ пьянымъ. Ихъ лица въ свѣтломъ, бѣломъ сумракѣ майской ночи казались, точно грубыя маски, голубыми отъ бѣлилъ, рдѣли пунцовымъ румянцемъ и поражали глазъ чернотой, толщиной и необычайной круглостью бровей; но тѣмъ жалче изъ-подъ этихъ наивно-яркихъ красокъ выглядывала желтизна морщинистыхъ висковъ, худоба жилистыхъ шей и ожирѣлость дряблыхъ подбородковъ. Двое конныхъ городскихъ, непристойно ругаясь, то и дѣло наѣзжали на нихъ опѣненными мордами своихъ лошадей, отъ чего дѣвицы визжали, разбѣгались и хватались за рукава прохожихъ. У рѣшетки, ограждающей каналъ, толпилось человекъ двадцать — тамъ происходилъ обычный утренній скандалъ. Мертвецки пьяный безусый офицерикъ буянилъ и дѣлалъ видъ, что хочетъ вытащить шашку, а городской о чемъ-то его упрашивалъ убѣдительнымъ фальцетомъ, прилагая руку къ сердцу. Какая-то юркая, темная и нетрезвая личность въ картузѣ съ рванымъ козырькомъ говорила слащаво и подобострастно: «Ваше благородіе, плюньте на ихъ, не стоить вамъ внимать обращеніе. Лучше вы вдарьте мне въ морду, позвольте, я вамъ ручку поцѣлую, ваше благородіе». А въ заднихъ рядахъ сухопарый и суровый джентльменъ, у котораго изъ-подъ надвинутаго на носъ котелка вид-

нѣлись только толстые черные усы, гудѣлъ невнятнымъ басомъ: — «Чего ему въ зубы смотрѣть! Въ воду его и крышка!»

— А въ самомъ дѣлѣ, майоръ Фукушима, — сказалъ актеръ. — Надо же достойно заключить день нашего пріятнаго знакомства. Поѣдемте къ дѣвочкамъ. Сашка, куда?

— Къ Бертѣ? — отвѣтилъ вопросомъ Штральманъ.

Рыбниковъ захихикалъ и съ веселой суетливостью потеръ руки.

— Къ женщинамъ? А что жъ, за компанію — говорить русская пословица — и жидъ удавился. Куда люди, туда мы. Что, не правда? Ъхать такъ ъхать — сказалъ по пугай. Что? Ха-ха-ха!

Съ этими молодыми людьми его познакомилъ Щавинскій, и они всѣ вмѣстѣ ужинали въ кафе-шантанѣ, слушали румынъ и пили шампанское и ликеры. Одно время имъ казалось смѣшнымъ называть Рыбникова фамиліями разныхъ японскихъ полководцевъ, тѣмъ болѣе, что добродушіе штабсъ-капитана, повидимому, не имѣло границъ. Эту грубую и фамильярную игру началъ Щавинскій. Правда, онъ чувствовалъ по временамъ, что поступаетъ по отношенію къ Рыбникову некрасиво, даже, пожалуй, предательски. Но онъ успокаивалъ свою совѣсть тѣмъ, что ни разу не высказалъ вслухъ своихъ подозрѣній, а его знакомымъ они вовсе не приходили въ голову.

Въ началѣ вечера онъ наблюдалъ за Рыбниковымъ. Штабсъ-капитанъ былъ шумнѣе и болтливѣе всѣхъ: онъ ежеминутно чокался, вскакивалъ, садился, разливалъ вино по скатерти, закуривалъ папиросу не тѣмъ концомъ. Однако Щавинскій замѣтилъ, что пилъ онъ очень мало.

Рыбникову опять пришлось ъхать на извозчикѣ вмѣстѣ съ фелъетонистомъ. Щавинскій почти не былъ пьянъ —

онъ вообще отличался большой выносливостью въ кутежахъ, но голова у него была легкая и шумная, точно въ ней играла пѣна отъ шампанскаго. Онъ поглядѣлъ на штабсъ-капитана сбоку. Въ невѣрномъ, полусонномъ свѣтѣ бѣлой ночи лицо Рыбникова приняло темный, глиняный оттѣнокъ. Всѣ впадины на немъ стали рѣзкими и черными, морщинки на вискахъ и складки около носа и вокругъ рта углубились. И самъ штабсъ-капитанъ сидѣлъ сторбившись, опустившись, запрятавъ руки въ рукава шинели, тяжело дыша раскрытымъ ртомъ. Все это вмѣстѣ придавало ему измученный, страдальческій видъ. Щавинскій даже слышалъ носомъ его дыханіе и подумалъ, что именно такое несвѣжее, кислое дыханіе бываетъ у игроковъ послѣ нѣсколькихъ ночей азарта, у людей, истомленныхъ бессонницей или напряженной мозговой работой. Волна добродушнаго умиленія и жалости прилила къ сердцу Щавинскаго. Штабсъ-капитанъ вдругъ показался ему маленькимъ, загнаннымъ, трогательно-жалкимъ. Онъ обнялъ Рыбникова, привлекая къ себѣ и сказалъ ласково:

— Ну, ладно, капитанъ. Я сдаюсь. Ничего не могу съ вами подѣлать и извиняюсь, если доставилъ вамъ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Вашу руку.

Онъ отстегнулъ отъ своей визитки бутоньерку съ розой, которую ему навязала въ саду продавщица цвѣтовъ, и вдѣлъ ее въ петлицу капитанскаго пальто.

— Это въ знакъ мира, капитанъ. Не будемъ больше изводить другъ друга.

Извозчикъ остановился у каменнаго двухъэтажнаго особняка съ приличнымъ подъѣздомъ, съ окнами, закрытыми сплошь ставнями. Остальные пріѣхали раньше и уже ихъ дожидались. Ихъ пустили не сразу. Сначала въ тяжелой двери открылось изнутри четырехугольное отверстіе, величиной съ ладонь, и въ немъ на нѣсколько

секундъ показался чей-то холодный и внимательный сѣрый глазъ. Потомъ двери раскрылись.

Это учрежденіе было нѣчто среднее между дорогимъ публичнымъ домомъ и роскошнымъ клубомъ — съ шикарнымъ входомъ, съ чучеломъ медвѣдя въ передней, съ коврами, шелковыми занавѣсками и люстрами, съ лакеями во фракахъ и перчаткахъ. Сюда ѣздили мужчины заканчивать ночь послѣ закрытія ресторановъ. Здѣсь же играли въ карты, держались дорогія вина, и всегда былъ большой запасъ красивыхъ, свѣжихъ женщинъ, которыя часто мѣнялись.

Пришлось подниматься во второй этажъ. Тамъ наверху была устроена широкая площадка съ растеніями въ кадкахъ и съ диванчикомъ, отдѣленная отъ лѣстницы перилами. Щавинскій поднимался подъ руку съ Рыбниковымъ. Хоть онъ и далъ себѣ внутренно слово — не дразнить его больше, но тутъ не могъ сдержаться и сказалъ:

— Взойдемте на эшафотъ, капитанъ!

— Я не боюсь, — сказалъ тотъ лѣниво. — Я и такъ хожу каждый день на смерть.

Рыбниковъ слабо махнулъ рукой и принужденно улыбнулся. Лицо его вдругъ сдѣлалось отъ этой улыбки усталымъ, какимъ-то сѣрымъ и старческимъ.

Щавинскій посмотрѣлъ на него молча съ удивленіемъ. Ему стало стыдно своей назойливости. Но Рыбниковъ тотчасъ же вывернулся.

— Ну да, на смерть. Солдату всегда долженъ быть готовъ къ этому. Что подѣлаешь? Смерть—это маленькое неудобство въ нашей профессіи.

Въ этомъ домѣ Щавинскій и меценатъ Карюковъ были свои люди и почетные завсегдатаи. Ихъ встрѣчали съ веселыми улыбками и глубокими поклонами.

Имъ отвели большой, теплый кабинетъ, красный съ зо-

потомъ, съ толстымъ свѣтло-зеленымъ ковромъ на полу, съ канделябрами въ углахъ и на столѣ. Подали шампанское, фрукты и конфеты. Пришли женщины — сначала три, потомъ еще двѣ, — потомъ все время однѣ изъ нихъ приходили, другія уходили, и всѣ до одной онѣ были хорошенькія, сильно напудренные, съ обнаженными бѣлыми руками, шеями и грудью, одѣтыя въ блестящія, яркія, дорогія платья, нѣкоторыя въ юбкахъ по колѣно, одна въ коричневой формѣ гимназистки, одна въ тѣсныхъ рейтузахъ и жокейской шапочкѣ. Пришла также пожилая полная дама въ черномъ, что-то въ родѣ хозяйки или домоправительницы — очень приличная на видъ, съ лицомъ лимонно-желтымъ и дряблымъ, которая все время смѣялась по-старчески пріятно, ежеминутно кашляла и курила, не переставая. Она обращалась съ Щавинскимъ, съ актеромъ и меценатомъ съ милымъ, непринужденнымъ кокетствомъ дамы, топящейся имъ въ матери, хлопала ихъ по рукамъ платкомъ, а Штральмана — очевидно, любимца — называла Сашкой.

— Ну-съ, генераль Куроки, выпьемъ за блестящіе успѣхи славной манчжурской арміи. А то вы сидите и киснете, — сказалъ Карюковъ.

Щавинскій перебилъ его, зѣвнувъ:

— Будетъ вамъ, господа. Кажется, ужъ должно бы надоѣсть. Вы злоупотребляете добродушіемъ капитана.

— Нѣтъ, я не сержусь, — возразилъ Рыбниковъ: — выпьемте, господа, за здоровье нашихъ милыхъ дамъ.

— Лирскій, спой что-нибудь, — попросилъ Щавинскій.

Актеръ охотно сѣлъ за піанино и запѣлъ цыганскій романсъ. Онъ собственно не пѣлъ его, а скорѣе рассказывалъ, не выпуская изо рта сигары, глядя въ потолокъ, манерно раскачиваясь. Женщины вторили ему громко и фальшиво, стараясь одна поспѣть раньше другой въ словахъ. Потомъ Сашка Штральманъ прекрасно имитиро-

валь фонографъ, изображалъ въ лицахъ итальянскую оперу и подражалъ животнымъ. Карюковъ танцевалъ фанданго и все спрашивалъ новыя бутылки.

Онъ первый исчезъ изъ комнаты съ рыжей молчаливой полькой, за нимъ послѣдовали Штральманъ и актеръ. Остались только Щавинскій, у котораго на колѣняхъ сидѣла смуглая бѣлозубая венгерка, и Рыбниковъ рядомъ съ бѣлокурой полной женщиной въ синей атласной кофѣ, вырѣзанной четырехугольникомъ до половины груди.

— Что жъ, капитанъ, простимся на минутку, — сказалъ Щавинскій; поднимаясь и потягиваясь. — Поздно. Вѣрнѣе, надо бы сказать, рано. Приѣзжайте ко мнѣ въ часъ завтракать, капитанъ. Мамаша, вы вино запишите на Карюкова. Если онъ любитъ святое искусство, то пусть и платитъ за честь ужинать съ его служителями. Мои комплименты.

Бѣлокурая женщина обняла капитана голой рукой за шею и сказала просто:

— Пойдемъ и мы, дуся. Правда, поздно.

V.

У нея была маленькая, веселая комнатка съ голубыми обоями, блѣдно-голубымъ висячимъ фонаремъ; на туалетномъ столѣ круглое зеркало въ голубой кисейной рамѣ, на одной стѣнѣ олеографіи, на другой стѣнѣ коверъ, и вдоль его широкая металлическая кровать.

Женщина раздѣлась и съ чувствомъ облеченія и удовольствія погладила себя по бокамъ, гдѣ сорочка отъ корсета залегла складками. Потомъ она прикрутила фитиль въ лампѣ и, сѣвши на кровать, стала спокойно расшнуровывать ботинки.

Рыбниковъ сидѣлъ у стола, разставивъ локти и опустивъ на нихъ голову. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ на

ея большія, но красивыя ноги съ полными икрами, которыя ловко обтягивали черныя ажурныя чулки.

— Что же вы, офицеръ, не раздѣваетесь? — спросила женщина. — Скажите, дуся, отчего они васъ зовутъ японскимъ генераломъ?

Рыбниковъ засмѣялся, не отводя взгляда отъ ея ногъ.

— Это такъ — глупости. Просто, они шутятъ. Знаешь стихи: смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно...

— Дуся, вы меня угостите еще шампанскимъ? Ну, если вы такой скупой, то я спрошу хоть апельсиновъ. Вы на время или на ночь?

— На ночь. Иди ко мнѣ.

Она легла съ нимъ рядомъ, торопливо бросила черезъ себя на полъ папиросу и забарахталась подъ одѣяломъ.

— Ты у стѣнки любишь? — спросила она. — Хорошо, лежи, лежи. У, какія у тебя ноги холодныя! Ты знаешь, я обожаю военныхъ. Какъ тебя зовутъ?

— Меня? — онъ откашлялся и отвѣтилъ невѣрнымъ тономъ: — Я — штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Василій Александровичъ Рыбниковъ.

— А, Вася! У меня есть одинъ знакомый лицеистикъ Вася — прелесть, какой хорошенькій!

Она запѣла, ёжась подъ одѣяломъ, смѣясь и жмурясь:

Вася, Вася, Васенька,
Говоришь ты басенки.

— А, знаешь, ей-Богу, ты похожъ на япончика. И знаешь на кого? На микаду. У насъ есть портретъ. Жаль, теперь поздно, а то я бы тебѣ показала. Ну, вотъ, прямо, какъ двѣ капли воды.

— Что жъ, очень пріятно, — сказалъ Рыбниковъ и тихо обнялъ ея гладкое и круглое плечо.

— А можетъ, ты и правда японецъ? Они говорятъ,

что ты былъ на войнѣ — это правда? Ой, милочка, я боюсь щекотки. А что, страшно на войнѣ?

— Страшно... Нѣтъ, не особенно... Оставимъ это, — сказалъ онъ устало. — Какъ твое имя?

— Клотильда. Нѣтъ, я тебѣ скажу по секрету, что меня зовутъ Настей. Это только мнѣ здѣсь дали имя Клотильда. Потому что мое имя такое некрасивое... Настя, Настасья, точно кухарка.

— Настя? — переспросилъ онъ задумчиво и осторожно поцѣловалъ ее въ грудь. — Нѣтъ, это хорошо. На-стя, — повторилъ онъ медленно.

— Ну вотъ, что хорошаго? Вотъ хорошія имена, на-примѣръ, Мальвина, Ванда, Женя, а то вотъ еще Ирма... Ухъ, дуся! — она прижалась къ нему. — А вы симпатичный... Такой брюнетъ. Я люблю брюнетовъ. Вы, навѣрно, женаты?

— Нѣтъ, не женатъ.

— Ну вотъ, рассказывайте. Всѣ здѣсь прикидываются холостыми. Навѣрно, шесть человѣкъ дѣтей имѣете?

Оттого, что окно было заперто ставнями, а лампа едва горѣла, въ комнатѣ было темно. Ея лицо, лежавшее совсемъ близко отъ его головы, причудливо и измѣнчиво выдѣлялось на смутной бѣлизнѣ подушки. Оно уже стало непохоже на прежнее лицо, простое и красивое, круглое русское сѣроглазое лицо, — теперь оно сдѣлалось точно худѣе и, ежеминутно и странно мѣняя выраже-ніе, казалось нѣжнымъ, милымъ, загадочнымъ и напоминало Рыбникову чье-то безконечно знакомое, давно любимое, обаятельное, прекрасное лицо.

— Какъ ты хороша! — шепталъ онъ. — Я люблю тебя... я тебя люблю...

Онъ произнесъ вдругъ какое-то непонятное слово, совершенно чуждое слуху женщины.

— Что ты сказалъ? — спросила она съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, ничего... ничего.. Это—такъ. Милая! Жен- :
щина! Ты — женщина... Я люблю тебя...

Онъ цѣловалъ ей руки, шею, волосы, дрожа отъ не-
терпѣнія, сдерживать которое ему доставляло чудесное
наслажденіе. Имъ овладѣла бурная и нѣжная страсть
къ этой сытой, бездѣтной самкѣ, къ ея большому, мо-
лодому, выхоленному, красивому тѣлу. Влеченіе къ жен-
щинѣ, подавляемое до сихъ поръ суровой аскетической
жизнью, постоянной физической усталостью, напряженной
работой ума и воли, внезапно зажглось въ немъ нестер-
пимымъ, опьяняющимъ пламенемъ.

— У тебя и руки холодныя, — сказала она съ застѣн-
чивой неловкостью. Было въ этомъ человѣкѣ что-то не-
ожиданное, тревожное, совсѣмъ непонятное для нея. —
Руки холодныя — сердце горячее.

— Да, да, да... Сердце, — твердилъ онъ, какъ без-
умный, задыхаясь и дрожа. — Сердце горячее... сердце...

Она уже давно привыкла къ внѣшнимъ обрядамъ и
постыднымъ подробностямъ любви и исполняла ихъ каж-
дый день по нѣскольку разъ — механически, равнодушно,
часто съ молчаливымъ отвращеніемъ. Сотни мужчинъ, отъ
древнихъ старцевъ, клавшихъ на ночь свои зубы въ ста-
канъ съ водою, до мальчишекъ, у которыхъ въ го-
лосѣ басъ мѣшается съ дискантомъ, штатскіе, воен-
ные, люди плѣшивые и обросшіе, какъ обезьяны,
съ ногъ до головы шерстью, взволнованные и безсильные,
морфинисты, не скрывавшіе передъ ней своего по-
рока, красавцы, калѣки, развратники, отъ которыхъ ее
иногда тошнило, юноши, плакавшіе отъ тоски перваго па-
денія—все они обнимали ее съ безстыдными словами,
съ долгими поцѣлуями, дышали ей въ лицо, сто-
нали отъ пароксизма собачьей страсти, которая—
она уже заранѣе знала — сію минуту смѣнитъ у
нихъ нескрываемымъ, непреодолимымъ отвращеніемъ. И

давно уже всѣ мужскія лица потеряли въ ея глазахъ всякія индивидуальныя черты—и точно слились въ одно омерзительное, но неизбежное, вѣчно склоняющееся къ ней, похотливое, козлиное мужское лицо съ колючимъ слюнявымъ ртомъ, съ затуманенными глазами, тусклыми, какъ слюда, перекошенное, обезображенное гримасой сладострастія, которое ей было противно, потому что она его никогда не раздѣляла.

Къ тому же всѣ они были грубы, требовательны и лишены самаго простѣйшаго стыда, были большей частью безобразно смѣшны, какъ только можетъ быть безобразенъ и смѣшонъ современный мужчина въ нижнемъ бѣльѣ. Но этотъ маленькій пожилой офицеръ производилъ какое-то особенное, новое, привлекательное впечатлѣніе. Всѣ движенія его отличались тихой и вкрадчивой осторожностью. Его ласки, поцѣлуи и прикосновенія были невиданно-нѣжны. И между тѣмъ онъ незамѣтно окружалъ ее той нервной атмосферой истинной, напряженной, звѣриной страсти, которая даже на разстояніи, даже противъ воли, волнуетъ чувственность женщины, дѣлаетъ ее послушной, подчиняетъ ее желаніямъ самца. Но ея бѣдный маленькій умъ, не выходявшій за узкія рамки обихода публичнаго дома, не умѣлъ сознать этого страннаго, волнующаго очарованія. Она могла только шептать, стыдясь, счастливая и удивленная, обычныя пошлыя слова:

— Какой вы интересный мужчина! Вы мой цыцалаля? Да?

Она встала, потушила лампу и опять легла возлѣ него. Сквозь щели между ставнями и стѣнной тонкими полосами бѣлѣло утро, наполняя комнату синимъ туманнымъ полусвѣтомъ. Гдѣ-то за перегородкой торопливо стучалъ будильникъ. Кто-то пѣлъ далеко-далеко и грустно.

— Когда ты еще придешь? — спросила женщина.

— Что? — сонно спросилъ Рыбниковъ, открывая глаза. — Когда приду? Скоро... Завтра...

— Ну да... обманываешь. Нѣтъ, скажи по правдѣ — когда? Я безъ тебя буду скучать.

— Мм... Мы придемъ скучать.... Мы имъ напишемъ... Они остановятся въ горахъ... — бормоталъ онъ безсвязно.

Тяжелая дремота сковывала и томила его тѣло. Но, какъ это всегда бываетъ съ людьми, давно выбившимися изъ сна, онъ не могъ заснуть сразу. Едва только сознание его начинало заволакиваться темной, мягкой и сладостной пеленой забвенія, какъ страшный внутренній толчокъ вдругъ подбрасывалъ его тѣло. Онъ со стономъ вздрагивалъ, широко открывалъ въ дикомъ испугѣ глаза и тотчасъ же опять погружался въ раздражающее переходное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, похожее на бредъ, полный грозныхъ, путанныхъ видѣній.

Женщинѣ не хотѣлось спать. Она сидѣла на кровати въ одной сорочкѣ, обхвативъ голыми руками согнутыя колѣни, и съ боязливымъ любопытствомъ смотрѣла на Рыбникова. Въ голубоватомъ полумракѣ его лицо еще больше пожелтѣло, обострилось и было похоже на мертвое. Ротъ оставался открытымъ, но дыханія его она не слышала. И на всемъ его лицѣ—особенно кругомъ глазъ и около рта—лежало выраженіе такой измученности, такого глубокаго человѣческаго страданія, какого она еще никогда не видала въ своей жизни. Она тихо провела рукой по его жесткимъ волосамъ и лбу. Кожа была холодна и вся покрыта липкимъ пѣтомъ. Отъ этого прикосновенія Рыбниковъ задрожалъ, испуганно вскрикнулъ и быстрымъ движеніемъ поднялся съ подушекъ.

— А!.. Кто это? Кто?—произносилъ онъ отрывисто, вытирая рукавомъ рубашки лицо.

— Что съ тобой, котикъ? — спросила женщина участливо.—Тебѣ нехорошо? Можетъ-быть. дать тебѣ воды?

Но Рыбниковъ уже овладѣлъ собой и опять легъ.

— Нѣтъ, благодарю!.. Теперь хорошо... Мнѣ приснилось... Ложись спать, милая дѣвочка, прошу тебя.

— Когда тебя разбудить, дуся? — спросила она.

— Разбудить... Утромъ.... Рано взойдетъ солнце, и придутъ драгуны... Мы поплывемъ... Знаете? Мы поплывемъ черезъ рѣку.

Онъ замолчалъ и нѣсколько минутъ лежалъ тихо. Но внезапно его неподвижное мертвое лицо исказилось гримасой мучительной боли. Онъ со стономъ повернулся на спину, и странныя, дико звучащія, таинственныя слова чужого языка быстро побѣжали съ его губъ.

Женщина слушала, переставъ дышать, охваченная тѣмъ суевѣрнымъ страхомъ, который всегда порождается бредомъ спящаго. Его лицо было въ двухъ вершкахъ отъ нея, и она не сводила съ него глазъ. Онъ молчалъ съ минуту, потомъ опять заговорилъ длинно и непонятно. Опять помолчалъ, точно прислушиваясь къ чьимъ-то словамъ. И вдругъ женщина услышала произнесенное громко, яснымъ и твердымъ голосомъ, единственное знакомое ей изъ газетъ японское слово:

— Банзай!

Сердце ея такъ сильно трепетало, что отъ его толчковъ часто и равномерно вздрагивало плюшевое одѣяло. Она вспомнила, какъ сегодня въ красномъ кабинетѣ Рыбникова называли именами японскихъ генераловъ, и слабое, далекое подозрѣніе уже начинало копошиться въ ея темномъ умѣ.

Кто-то тихонько поцарапался въ дверь. Она встала и отворила ее.

— Клотильдочка, это ты? — слышался тихій женскій шопоть. — Ты не спишь? Зайди ко мнѣ на минуточку. У меня Ленька, угощаетъ абрикотиномъ. Зайди, милочка!

Это была Соня-Караимка — сосѣдка Клотильды, свя-

занная съ нею узами той истеричной и слащавой влюбленности, которая всегда соединяетъ попарно женщинъ въ этихъ учрежденіяхъ.

— Хорошо. Я сейчасъ приду. Ахъ, я тебѣ расскажу что-то интересное. Подожди, я одѣнусь.

— Глупости! Не надо. Передъ кѣмъ стѣсняться, передъ Лёнкой! Иди, какъ есть.

Она стала надѣвать юбку.

Рыбниковъ проснулся.

— Ты куда?—спросилъ онъ сонно.

— Я сейчасъ, мнѣ надо, — отвѣтила она, поспѣшно завязывая тесемку надъ бедрами. — Спи себѣ. Я сію минуту вернусь.

Но онъ уже не слыхалъ ея послѣднихъ словъ, потому что густой черный сонъ сразу потопилъ его сознание.

VI.

Лёнка былъ кумиромъ всего дома, начиная отъ мамы и кончая послѣдней горничной. Въ этихъ учрежденіяхъ, гдѣ скука, бездѣйствіе и лубочная литература порождаютъ повышенные романтическіе вкусы, наибольшимъ обожаніемъ пользуются воры и сыщики, благодаря своему героическому существованію, полному захватывающихъ приключеній, опасности и риска. Лёнка появлялся здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, чуть ли не гримированнымъ, былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ многозначительно и таинственно молчаливъ, и главное — это всѣ хорошо помнятъ — онъ неоднократно доказывалъ, что мѣстные городовые чувствуютъ къ нему безграничное уваженіе и слѣпо исполняютъ его приказанія. Былъ случай, когда онъ тремя-четырьмя словами, сказанными на загадочномъ жаргонѣ, въ одинъ мигъ прекратилъ страш-

пый скандалъ, затѣянный пьяными ворами; и заставилъ ихъ покорно уйти изъ заведенія. Кромѣ того, у него временами водились большія деньги. Поэтому немудрено, что къ Генриеттѣ, или, какъ онъ ее называлъ, Генькѣ, съ которою онъ «крутилъ любовь», относились здѣсь съ завистливымъ почтеніемъ.

Это былъ молодой человекъ со смуглымъ веснушчатымъ лицомъ, съ черными усами, торчащими вверхъ, къ самымъ глазамъ, съ твердымъ, низкимъ и широкимъ подбородкомъ и съ темными, красивыми, наглыми глазами. Онъ сидѣлъ теперь на диванѣ безъ сюртука, въ разстегнутомъ жилетѣ и развязанномъ галстукѣ. Онъ былъ строенъ и малъ ростомъ, но выпуклая грудь и крѣпкіе мускулы, расправшіе рукава рубашки у плечъ, говорили объ его большой силѣ. Рядомъ съ нимъ, съ ногами на диванѣ, сидѣла Генька, напротивъ — Клотильда. Медленно потягивая красными губами ликеръ, онъ рассказывалъ небрежно, наиграннымъ фатовскимъ тономъ:

— Привели его въ участокъ. Паспортъ при немъ: Корней Сапѣтовъ, колпинскій мѣщанинъ, или какъ тамъ его. Ну, конечно, обязательно пьянъ, каналья. «Посадить его въ холодную для вытрезвленья». Обыкновенный принципъ. Но въ эту самую минуту я случайно прихожу въ канцелярію пристава. Гляжу — ба-ба-ба! Старый знакомый, Санька-Мясникъ. Тройное убійство и взломъ святаго храма. Сейчасъ сдѣлалъ издали глазами намекъ дежурному околоточному и, какъ будто ничего себѣ, вышелъ въ коридоръ. Выходитъ ко мнѣ околоточный. «Что вы, Леонтій Спиридоновичъ?» — «А ну-ка отправьте этого красавца на минуточку въ сыскную». Привели его. У мерзавца ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнулъ. Я такъ посмотрѣлъ ему въ глаза и говорю... — Ленька значительно постучалъ костяжками пальцевъ по столу. — «Давно ли, Санечка, пожаловали къ намъ изъ Одессы?»

Онъ, конечно, держитъ себя индифферентно — валяетъ дурака. Никакихъ. Тоже субъектъ! «Не могу знать, какой-такой Санька-Мясникъ. Я такой-то». Тутъ я подхожу къ нему, хватъ его за бороду! — трахъ! Борода остается у меня въ рукахъ. Привязная!.. «Сознаёшься, сукинъ сынъ?» — «Не могу знать». Кэ-экъ я его, прохвоста, врѣжу въ переносье, прямымъ штосомъ — р-разъ! Потомъ — два! Въ кровь! — «Сознаёшься?» — «Не могу знать». — «А — такъ ты такъ-то! Я до сихъ поръ гуманно щадилъ тебя. А теперь пеняй на себя. Позвать сюда Арсентія-Блоху». Былъ у насъ такой арестантъ, до слезъ этого Саньку ненавидѣль. Я, братъ, ужъ только знаю ихніе взаимные фигель-мигели. Привели Блоху. «Ну, такъ и такъ, Блоха. Кто сей самый индивидумъ?» Блоха смѣется: — «Да кто же иной, какъ не Санька-Мясникъ? Какъ ваше здоровье, Санечка? Давно ли къ намъ припожаловали? Какъ вамъ фартило въ Одестахъ?» Ну, ужъ тутъ Мясникъ сдался. «Берите, говоритъ, Леонтій Спиридоновичъ, ваша взяла, отъ васъ никуда не уйдешь. Одолжите папиросочку». Ну, конечно, я ему папироску далъ. Я имъ въ этомъ никогда не отказываю изъ альтруизма. Повели раба Божьяго. А на Блоху онъ только поглядѣль. И я подумалъ: «Ну, ужъ, должно-быть, Блохѣ не поздоровится. Навѣрно, его Мясникъ пришьетъ».

— Пришьетъ? — шопотомъ, съ ужасомъ, съ подобострастіемъ и увѣренностью, спросила Генька.

— Абсолютно пришьетъ. Амба. Этотъ такой!

Онъ самодовольно прихлебнулъ изъ рюмки. Генька, которая глядѣла на него остановившимися испуганными глазами съ такимъ вниманіемъ, что даже ротъ у нея открылся и сталъ влажнымъ, хлопнула себя руками по ляжкамъ.

— Ахъ, ты, Боже жъ мой! Какіе ужасы! Ну, подумай только, Клотильдочка! И ты не боядся, Дѣня?

— Ну вот!.. Стану я всякой рвани бояться.

Восторженное вниманіе женщинъ раззудило его, и онъ сталъ врать о томъ, что гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ студенты готовили бомбы, и о томъ, какъ ему градоначальникъ поручилъ арестовать этихъ злоумышленниковъ. А бомбъ тамъ было—потомъ ужъ это оказалось—двѣнадцать тысячъ штукъ. Если бъ все это взорвалось, такъ не только, что дома этого, а, пожалуй, и полъ-Петербурга не осталось бы...

Дальше слѣдовалъ захватывающій рассказъ о необычайномъ героизмѣ Лёньки, который самъ переодѣлся студентомъ, проникъ въ «адскую лабораторію», подалъ кому-то знакъ изъ окна и въ одинъ мигъ обезоружилъ злодѣевъ. Одного онъ даже схватилъ за рукавъ въ тотъ самый моментъ, когда тотъ собирался взорвать кучу бомбъ.

Генька ахала, ужасалась, шлепала себя по ногамъ и то и дѣло обращалась къ Клотильдѣ съ восклицаніями:

— Ахъ, ну и что же это такое, Господи? Нѣтъ, ты подумай только, Клотильдочка, какіе подлецы эти студенты. Вотъ ужъ я ихъ никогда не уважала.

Наконецъ, совсѣмъ растроганная, очарованная своимъ любовникомъ, она повисла у него на шеѣ и стала его громко цѣловать.

— Лёничка, моя дуся! Даже страшно слушать! И какъ это ты ничего не боишься?

Онъ самодовольно взвинулъ свой лѣвый усъ вверху и обронилъ небрежно:

— Чего жъ бояться? Разъ умирать. За то и деньги получаю.

Клотильду все время мучила ревнивая зависть къ подругѣ, обладавшей такимъ великолѣпнымъ любовникомъ. Она смутно подозрѣвала, что въ рассказахъ Лёньки много вранья, а между тѣмъ у нея было сейчасъ въ рукахъ нѣчто совсѣмъ необыкновенное, чего еще ни у кого не

бывало и что сразу заставило бы потускнѣть впечатлѣніе отъ Лёнькиныхъ подвиговъ. Она колебалась нѣсколько минутъ. Какой-то отголосокъ нѣжной жалости къ Рыбникову еще удерживалъ ее. Но истерическое стремленіе блеснуть романтическимъ случаемъ взяло верхъ, и она сказала тихо, глухимъ голосомъ:

— А знаешь, Лёня, что я тебѣ хотѣла сказать? Вотъ у меня сегодня странный гость.

— Мм? Думаешь, жуликъ? — спросилъ снисходительно Лёнька.

— Генька обидѣлась.

— Что-о? Это по-твоему жуликъ? Тоже скажешь! Пьяный офицеришка какой-то.

— Нѣтъ, ты не говори, — съ дѣловой важностью перебилъ ее Лёнька: — бываютъ, которые и жулики офицерами переодѣваются. Ну, такъ что ты хотѣла сказать, Клотильда?

Тогда она рассказала подробно, обнаруживъ большую, мелочную, чисто-женскую наблюдательность, обо всемъ, что касалось Рыбникова: о томъ, какъ его называли генераломъ Куроки, объ его японскомъ лицѣ, объ его странной нѣжности и страстности, объ его бредѣ и наконецъ о томъ, какъ онъ сказалъ слово «Банзай».

— Слушай, ты не врешь? — спросилъ быстро Лёнька, и въ его темныхъ глазахъ зажглись острия искры.

— Вотъ ей-Богу! Не сойти мнѣ съ мѣста! Да ты посмотри въ замѣкъ — я открою ставню. Ну, вотъ — двѣ капли воды — японецъ!

Лёнька всталъ, неторопливо, съ серьезнымъ видомъ, надѣлъ сюртукъ и заботливо ощупалъ лѣвый внутренній карманъ.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ рѣшительно. — Съ кѣмъ онъ пріѣхалъ?

Изъ всей ночной компаніи остались только Карюковъ

и Штральманъ. Но Карюкова не могли добудиться, а Штральманъ, съ оплывшими красными глазами, еще полупьяный, ворчалъ неразборчиво:

— Какой офицеръ? Да чортъ съ нимъ совсѣмъ. Подсѣлъ онъ къ намъ въ Буффъ, откуда онъ взялся, никто не знаетъ.

Онъ тотчасъ сталъ одѣваться, сердито сопя. Лёнька извинился и вышелъ. Онъ уже успѣлъ разглядѣть въ дверную щелку лицо Рыбникова, и хотя у него оставались кое-какія сомнѣнія, но онъ былъ хорошимъ патриотомъ, отличался наглостью и не былъ лишенъ воображенія. Онъ рѣшилъ дѣйствовать на свой рискъ. Черезъ минуту онъ былъ уже на крыльцѣ и давалъ тревожные свистки.

VII.

Рыбниковъ внезапно проснулся, точно какой-то властный голосъ крикнулъ внутри его: встань! Полтора часа сна совершенно освѣжили его. Прежде всего онъ подозрительно уставился на дверь: ему почудилось, что кто-то слѣдилъ за нимъ оттуда пристальнымъ взглядомъ. Потомъ онъ оглянулся вокругъ. Ставня была полуоткрыта, и оттого въ комнатѣ можно было разглядѣть всякую мелочь. Женщина сидѣла напротивъ кровати у стола, безмолвная и блѣдная, глядя на него огромными свѣтлыми глазами.

— Что случилось?—спросилъ Рыбниковъ тревожно.— Послушай, что здѣсь случилось?

Она не отвѣчала. Но подбородокъ у нея задрожалъ, и зубы застучали другъ о друга.

Недовѣрчивый, жестокій блескъ зажегся въ глазахъ офицера. Онъ весь перегнулся впередъ съ кровати и наклонилъ ухо по направленію къ двери. Чьи-то многочисленные шаги, очевидно, непривычные къ осторож-

ности, приближались по коридору и вдругъ затихли у двери.

Рыбниковъ мягкимъ, беззвучнымъ движеніемъ спрыгнулъ съ кровати и два раза повернулъ ключъ. Тотчасъ же въ дверь постучали. Женщина съ крикомъ опрокинулась головой на столъ, закрывъ лицо ладонями.

Въ нѣсколько минутъ штабсъ-капитанъ одѣлся. Въ двери опять постучали. Съ нимъ была только фуражка. Шашку и пальто онъ оставилъ внизу. Онъ былъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ, даже руки у него не дрожали, когда онъ одѣвался, и всѣ движенія его были отчетливо-неторопливы и ловки. Застегивая послѣднюю пуговицу сюртука, онъ подошелъ къ женщинѣ и съ такой страшной силой сжалъ ея руку выше кисти, въ запястьѣ, что у нея лицо мгновенно побагровѣло отъ крови, хлынувшей въ голову.

— Ты!—сказалъ онъ тихо, гнѣвнымъ шопотомъ, не разжимая челюстей.—Если ты шевельнешься, крикнешь, я тебя убью!..

Въ дверь снова постучались. И глухой голосъ произнесъ:

— Господинъ, соблаговолите, пожалуйста, отворить.

Теперь штабсъ-капитанъ не хромалъ больше. Онъ быстро и беззвучно подбѣжалъ къ окну, мягкимъ, кошачьимъ движеніемъ вскочилъ на подоконникъ, отворилъ ставни и однимъ толчкомъ распахнулъ рамы. Внизу подъ нимъ бѣлѣлъ мощный дворъ съ чахлой травой между камнями и торчали вверхъ вѣтви жидкихъ деревьевъ. Онъ не колебался ни секунды, но въ тотъ самый моментъ, когда онъ, сидя бокомъ на желѣзной облицовкѣ подоконника, опираясь въ нее лѣвой рукой и уже свѣсивъ внизъ одну ногу, готовился сдѣлать всѣмъ тѣломъ толчокъ—женщина съ пронзительнымъ крикомъ кинулась къ нему и ухватила его за лѣвую руку. Вырываясь, онъ сдѣ-

лалъ неловкое движеніе и вдругъ съ слабымъ, точно удивленнымъ крикомъ, неловко, нерасчетливо полетѣлъ внизъ на камни.

Почти одновременно ветхая дверь упала внутрь въ комнату. Первымъ вбѣжалъ, задыхаясь, съ оскаленными зубами и горящими глазами, Лёнька. За ними входили, топоча и придерживая лѣвыми руками шашки, огромные городовые. Увидавъ открытое окно и женщину, которая, уцѣпившись за раму, визжала не переставая, Лёнька быстро понялъ все, что здѣсь произошло. Онъ былъ безусловно смѣлымъ человѣкомъ и потому, не задумываясь, не произнесъ ни слова, точно это заранее входило въ планъ его дѣйствій, онъ съ разбѣгу выпрыгнулъ въ окошко.

Онъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Рыбникова, который лежалъ на боку неподвижно. Несмотря на то, что у Лёньки отъ паденія гудѣло въ головѣ, несмотря на страшную боль, которую онъ ощущалъ въ животѣ и пяткахъ, онъ не потерялся и въ одинъ мигъ тяжело, всѣмъ тѣломъ навалился на штабсъ-капитана.

— А-а! Вре-ошь! — хрипѣлъ онъ, тиская свою жертву съ бѣшенымъ озлобленіемъ.

Штабсъ-капитанъ не сопротивлялся. Глаза его горѣли непримиримой ненавистью; но онъ былъ смертельно блѣденъ, и розовая пѣна пузырьками выступала на краяхъ его губъ.

— Не давите меня, — сказалъ онъ шопотомъ: — я сломалъ себѣ ногу.

ГАМБРИНУСЪ.

I.

Такъ называлась пивная въ бойкомъ портовомъ городѣ на югѣ Россіи. Хотя она и помѣщалась на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, но найти ее было довольно трудно, благодаря ея подземному расположенію. Часто посѣтитель, даже близко знакомый и хорошо принятый въ Гамбринусъ, умудрялся миновать это замѣчательное заведеніе и, только пройдя двѣ-три сосѣднія лавки, возвращался назадъ.

Вывѣски совсѣмъ не было. Прямо съ тротуара входили въ узкую, всегда открытую дверь. Отъ нея вела внизъ такая же узкая лѣстница въ двадцать каменныхъ ступеней, избитыхъ и скривленныхъ многими милліонами тяжелыхъ сапогъ. Надъ концомъ лѣстницы въ простѣнкѣ красовалось горельефное раскрашенное изображеніе славнаго покровителя пивного дѣла, короля Гамбринуса, величиною приблизительно въ два человѣческихъ роста. Вѣроятно, это скульптурное произведеніе было первой работой начинающаго любителя и казалось грубо исполненнымъ изъ окаменѣлыхъ кусковъ ноздреватой губки, но красный камзолъ, горностаевая мантия, золотая корона и высоко поднятая кружка со стекающей внизъ бѣлой пѣной не оставляли никакого сомнѣнія, что передъ посѣтителемъ — самъ великій патронъ пивоваренія.

Пивная состояла изъ двухъ длинныхъ, но чрезвычайно низкихъ, сводчатыхъ залъ. Съ каменныхъ стѣнъ всегда сочилась бѣглыми струйками подземная влага и сверкала въ огнѣ газовыхъ рожковъ, которые горѣли денно и ночью, потому что въ пивной оконъ совсѣмъ не было. На сводахъ однако можно еще было достаточно ясно разобрать слѣды занимательной стѣнной живописи. На одной картинѣ пиновала большая компанія нѣмецкихъ молодчиковъ, въ охотничьихъ зеленыхъ курткахъ, въ шляпахъ съ тетеревиными перьями, съ ружьями за плечами. Всѣ они, обернувшись лицомъ къ пивной залѣ, привѣтствовали публику протянутыми кружками, а двое при этомъ еще обнимали за талию двухъ дебелыхъ дѣвицъ, служанокъ при сельскомъ кабачкѣ, а можетъ-быть, дочерей добраго фермера. На другой стѣнѣ изображался великосвѣтскій пикникъ временъ первой половины XVIII столѣтія; графини и виконты въ напудренныхъ парикахъ жеманно рѣзвятся на зеленомъ лугу съ баранками, а рядомъ, подъ развѣсистыми ивами; — прудъ съ лебедями, которыхъ граціозно кормятъ кавалеры и дамы, сидящіе въ какой-то золотой скорлупѣ. Слѣдующая картина представляла внутренность хохлацкой хаты и семью счастливыхъ малороссіянъ, пляшущихъ гопака со штофами въ рукахъ. Еще дальше красовалась большая бочка, и на ней, увитые виноградомъ и листьями хмеля, два безобразно-толстые амура съ красными лицами, жирными губами и безстыдно-масляными глазами чокаются плоскими бокалами. Во второй залѣ, отдѣленной отъ первой полукруглой аркой, шли картины изъ лягушечьей жизни: лягушки пьютъ пиво въ зеленомъ болотѣ, лягушки охотятся на стрекозъ среди густого камыша, играютъ струнный квартетъ, дерутся на шпагахъ и т. д. Очевидно, стѣны расписывалъ иностранный мастеръ.

Вмѣсто столовъ были разставлены на полу, густо усы-

панномъ опилками, тяжелыя дубовыя бочки; вмѣсто стульевъ — маленькіе боченочки. Направо отъ входа вышала небольшая эстрада, а на ней стояло піанино. Здѣсь каждый вечеръ, уже много лѣтъ подъ рядъ, игралъ на скрипкѣ для удовольствія и развлечения гостей музыкантъ Сашка — еврей, — кроткій, веселый, пьяный, плѣшивый человекъ, съ наружностью облѣзлой обезьяны, неопредѣленныхъ лѣтъ. Проходили года, смѣнялись лакеи въ кожаныхъ нарукавникахъ, смѣнялись поставщики и развозчики пива, смѣнялись сами хозяева пивной, но Сашка неизмѣнно каждый вечеръ къ шести часамъ уже сидѣлъ на своей эстрадѣ со скрипкой въ рукахъ и съ маленькой бѣленькой собачкой на колѣняхъ, а къ часу ночи уходилъ изъ Гамбринуса, въ сопровожденіи той же собачки Бѣлочки, едва держась на ногахъ отъ выпитаго пива.

Впрочемъ, было въ Гамбринусѣ и другое несмѣняемое лицо — буфетчица мадамъ Иванова, — полная, безкровная, старая женщина, которая отъ непрерывнаго пребыванія въ сыромъ пивномъ подземельѣ походила на блѣдныхъ лѣнивыхъ рыбъ, населяющихъ глубину морскихъ гротовъ. Какъ капитанъ корабля изъ рубки, она съ высоты своей буфетной стойки безмолвно распоряжалась прислугой и все время курила, держа папиросу въ правомъ углу рта и щуря отъ дыма правый глазъ. Голосъ ея рѣдко кому удавалось слышать, а на поклоны она отвѣчала* всегда одинаковой безцвѣтной улыбкой.

II.

Громадный портъ, одинъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ портовъ міра, всегда бывалъ переполненъ судами. Въ него заходили темно-ржавые гигантскіе броненосцы. Въ немъ грузились, идя на Дальній Востокъ, желтые

толстотрубные пароходы Добровольнаго флота, поглощавшіе ежедневно длинныя поѣзда съ товарами или тысячи арестантовъ. Весной и осенью здѣсь развѣвались сотни флаговъ со всѣхъ концовъ земнаго шара, и съ утра до вечера раздавалась команда и ругань на всевозможныхъ языкахъ. Отъ судовъ къ безчисленнымъ пакгаузамъ и обратно по колеблющимся сходнямъ сновали грузчики: русскіе босяки, оборванные, почти оголенные, съ пьяными, раздутыми лицами, смуглые турки въ грязныхъ чалмахъ и въ широкихъ до колѣнъ, но обтянутыхъ вокругъ голени шароварахъ, коренастые мускулистые персы, съ волосами и ногтями, окрашенными хиной въ огненно-морковный цвѣтъ. Часто въ портъ заходили прелестныя издали двух- и трехмачтовыя итальянскія шкуны, со своими правильными этажами парусовъ — чистыхъ, бѣлыхъ и упругихъ, какъ груди молодыхъ женщинъ; показываясь изъ-за маяка, эти стройные корабли представлялись — особенно въ ясныя весеннія утра — чудесными бѣлыми видѣніями, плывущими не по водѣ, а по воздуху, выше горизонта. Здѣсь мѣсяцами раскачивались въ грязно-зеленой портовой водѣ, среди мусора, яичной скорлупы, арбузныхъ корокъ и стадъ бѣлыхъ морскихъ чаекъ, высоковерхія анатолійскія кочермы и трапезондскія фелюги, съ ихъ странной раскраской, рѣзьбой и причудливыми орнаментами. Сюда изрѣдка заплывали и какія-то диковинныя узкія суда, подъ черными просмоленными парусами, съ грязной тряпкой вмѣсто флага; обогнувъ моль и чуть-чуть не черкнувъ объ него бортомъ, такое судно, все накренившись набокъ и не умѣряя хода, влетало въ любую гавань, приставало среди разноязычной руготни, проклятій и угрозъ къ первому попавшемуся молу, гдѣ матросы его, — совершенно голые, бронзовые, маленькіе люди, — издавая гортанный клекоть, съ непостижимой быстротой убирали рваные паруса, и мгно-

венно-грязное, таинственное судно дѣлалось, какъ мертвое. И такъ же загадочно, темной ночью, не зажигая огня, оно беззвучно исчезало изъ порта. Весь заливъ по ночамъ кишѣлъ легкими лодочками контрабандистовъ. Окрестные и дальніе рыбаки свозили въ городъ рыбу: весною—мелкую камсу, милліонами наполнявшую доверху ихъ баркасы, лѣтомъ—уродливую камбалу, осенью—макрель, жирную кефаль и устрицы, а зимой—десяти- и двадцатипудовую бѣлугу, выловленную часто съ большой опасностью для жизни за много версть отъ берега.

Всѣ эти люди—матросы разныхъ націй, рыбаки, кочегары, веселые юнги, портовые воры, машинисты, рабочіе, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты—всѣ они были молоды, здоровы и пропитаны крѣпкимъ запахомъ моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужасъ ежедневнаго риска, цѣнили выше всего силу, молодечество, задоръ и хлесткость крѣпкаго слова, а насушѣ предавались съ дикимъ наслажденіемъ разгулу, пьянству и дракамъ. По вечерамъ огни большого города, взбѣгавшіе высоко наверхъ, манили ихъ, какъ волшебные свѣтящіеся глаза, всегда обѣщая что-то новое, радостное, еще неиспытанное, и всегда обманывая.

Городъ соединялся съ портомъ узкими, крутыми, колѣнчатыми улицами, по которымъ порядочные люди избѣгали ходить ночью. На каждомъ шагу здѣсь попадались ночлежные дома съ грязными, забранными рѣшеткой окнами, съ мрачнымъ свѣтомъ одинокой лампы внутри. Еще чаще встрѣчались лавки, въ которыхъ можно было продать съ себя всю одежду вплоть до натѣльной матросской сѣтки и вновь одѣться въ любой морской костюмъ. Здѣсь также было много пивныхъ, тавернъ, кухмистерскихъ и трактировъ, съ выразительными вывѣсками на всѣхъ языкахъ, и немало явныхъ и тайныхъ публичныхъ домовъ, съ пороговъ которыхъ по ночамъ грубо-

размалеванныя женщины зазывали сицыми голосами матросовъ. Были греческія кофейни, гдѣ играли въ домино и въ шестьдесятъ шесть, и турецкія кофейни, съ приборами для куренія наргиле и съ почлегомъ за пятачокъ; были восточныя кабачки, въ которыхъ продавали улитокъ, петалиди, креветокъ, миди, большихъ бородавчатыхъ чернильныхъ каракатицъ и другую морскую гадость. Гдѣ-то на чердакахъ и въ подвалахъ, за глухими ставнями, ютились игорныя притоны, въ которыхъ штоссъ и баккара часто кончались распоротымъ животомъ или проломленнымъ черепомъ, и тутъ же рядомъ за угломъ, иногда въ сосѣдней каморкѣ, можно было спустить любую краденую вещь, отъ брильянтоваго браслета до серебрянаго креста и отъ тюка съ лѣонскимъ бархатомъ до казенной матросской шинели.

Эти крутыя, узкія улицы, черныя отъ угольной пыли, къ ночи всегда становились липкими и зловонными, точно онѣ потѣли въ кошмарномъ снѣ. И онѣ-походили на сточныя канавы или на грязныя кишки, по которымъ большой международный городъ извергалъ въ море всѣ свои отбросы, всю свою гниль, мерзость и порокъ, заражая ими крѣпкія мускулистыя тѣла и простыя души.

Здѣшніе буйные обитатели рѣдко подымались навверхъ въ нарядный, всегда праздничный городъ съ его зеркальными стеклами, гордыми памятниками, сіяніемъ электричества, асфальтовыми тротуарами, аллеями бѣлой акаціи, величественными полицейскими, со всей его показной чистотой и благоустройствомъ. Но каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ расшвырять по вѣтру свои трудовыя, засаленныя, рваныя, разбухшія рублевки, непременно посѣщаль Гамбринусъ. Это было освящено древнимъ обычаемъ, хотя для этого и приходилось подъ прикрытіемъ вечерняго мрака пробираться въ самый центръ города.

Многіе, правда, совсѣмъ не знали мудренаго имени славнаго пивнаго короля. Просто кто-нибудь предлагалъ:
— Идемъ къ Сашкѣ?

А другіе отвѣчали:

— Есть! Такъ держать.

И уже всѣ вмѣстѣ говорили:

— Вира!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что среди портовыхъ и морскихъ людей Сашка пользовался бѣльшимъ почетомъ и извѣстностью, чѣмъ, на примѣръ, мѣстный архіерей или губернаторъ. И, безъ сомнѣнія, если не его имя, то его живое обезьянье лицо и его скрипка вспоминались изрѣдка въ Сиднеѣ и въ Плимутѣ, такъ же, какъ въ Нью-Йоркѣ, во Владивостокѣ, въ Константинополѣ и на Цейлонѣ, не считая уже всѣхъ заливовъ и бухтъ Чернаго моря, гдѣ водилось множество почитателей его таланта изъ числа отважныхъ рыбаковъ.

III.

Обыкновенно Сашка приходилъ въ Гамбринусъ въ пѣ часы, когда тамъ еще никого не было, кромѣ одного-двухъ случайныхъ посѣтителей. Въ залахъ въ это время стоялъ густой и кислый запахъ вчерашняго пива. и было темновато, потому что днемъ берегли газъ. Въ жаркіе іюльскіе дни, когда каменный городъ изнывалъ отъ солнца и гложь отъ уличной трескотни, здѣсь пріятно чувствовалась тишина и прохлада.

Сашка подходилъ къ прилавку, здоровался съ мадамъ Ивановой и выпивалъ свою первую кружку пива. Иногда буфетчица просила:

— Саша, сыграйте что-нибудь!

— Что прикажете вамъ сыграть, мадамъ Иванова? — любезно освѣдомлялся Сашка, который всегда былъ съ ней изысканно-любезенъ.

— Что-нибудь свое...

Онъ сѣдился на обычное мѣсто налѣво отъ шанино и игралъ какія-то странныя, длительныя, тоскливыя пьесы. Становилось какъ-то сонно и тихо въ подземельѣ, только съ улицы доносилось глухое рокотаніе города, да изрѣдка лакеи осторожно побрякивали посудой за стѣной на кухнѣ. Со струнъ Сашкиной скрипки плакала древняя, какъ земля, еврейская скорбь, вся затканная и обвитая печальными цвѣтами національныхъ мелодій. Лицо Сашки съ напряженнымъ подбородкомъ и низко опущеннымъ лбомъ, съ глазами, сурово глядѣвшими вверхъ изъ-подъ отяжелѣвшихъ бровей, совсѣмъ не бывало похоже въ этотъ сумеречный часъ на знакомое всѣмъ гостямъ Гамбринуса ослепленное, подмигивающее, пляшущее лицо Сашки. Собачка Бѣлочка сидѣла у него на колѣняхъ. Она давно уже привыкла не подвывать музыкѣ, но страстно-тоскливые, рыдающіе и проклинающіе звуки невольно раздражали ее: она въ судорожныхъ зѣвкахъ широко раскрывала ротъ, завивая назадъ тонкій розовый язычокъ, и при этомъ на минуту дрожала всѣмъ тѣльцемъ и нѣжной черноглазой мордочкой.

Но вотъ мало-по-малу набиралась публика, приходилъ аккомпаниаторъ, покончившій какое-нибудь стороннее дневное занятіе у портного или часовщика, на буфетѣ выставились сосиски въ горячей водѣ и бутерброды съ сыромъ, и наконецъ зажигались всѣ остальные газовые рожки. Сашка выпивалъ свою вторую кружку, командовалъ товарищу: «Майскій парадъ, ейнъ, цвей, дрей!» и начиналъ бурный маршъ. Съ этой минуты онъ едва успѣвалъ раскланиваться со вновь входящими, изъ которыхъ каждый считалъ себя особеннымъ интимнымъ знакомымъ Сашки и оглядывалъ гордо прочихъ гостей послѣ его поклона. Въ то же время Сашка прищуривалъ то одинъ, то другой глазъ, собиралъ кверху длинныя мор-

ницы на своемъ лысомъ, покатоиъ назадъ черепѣ, двигалъ комически губами и улыбался на всѣ стороны.

Къ десяти-одиннадцати часамъ Гамбринусъ, вмѣщавшій въ свои залы до двухсотъ и болѣе человекъ, оказывался биткомъ-набитымъ. Многие, почти половина, приходили съ женщинами въ платочкахъ, никто не обижался на тѣсноту, на отдавленную ногу, на смятую шапку, на чужое пиво, окатившее штаны; если обижались, то только ю пьяному дѣлу «для задѣра». Подвальная сырость, тускло блестя, еще обильнѣе струилась со стѣнъ, покрытыхъ масляной краской, а испаренія толпы падали внизъ съ потолка, какъ рѣдкій, тяжелый, теплый дождь. Или въ Гамбринусѣ серьезно. Въ правахъ этого заведенія почиталось особеннымъ шикомъ, сидя вдвоемъ-строемъ, такъ уставлять столъ пустыми бутылками, чтобы за ними не видѣть собесѣдника, какъ въ стеклянномъ зеленомъ лѣсу.

Въ развалѣ вечера гости краснѣли, хрипли и становились мокрыми. Табачный дымъ рѣзалъ глаза. Надо было кричать и нагибаться черезъ столъ, чтобы слышать другъ друга въ общемъ гамѣ. И только пеутомимая скрипка Сашки, сидѣвшаго на своемъ возвышеніи, торжествовала надъ духотой, надъ жарой, надъ запахомъ табака, газа, пива и надъ ораніемъ безцеремонной публики.

Но посѣтители быстро пьянѣли отъ пива, отъ близости женщинъ, отъ жаркаго воздуха. Каждому хотѣлось своихъ любимыхъ, знакомыхъ пѣсенъ. Около Сашки постоянно торчали, дергая его за рукавъ и мѣшая ему играть, по два, по три человека, съ тупыми глазами и четвердыми движеньями.

— Сашш!.. С-стра-дательную... Убла... — проситель шкаль: — убла-а-твори!

— Сейчасъ, сейчасъ, — твердилъ Сашка, быстро ки-

вая головой, и съ ловкостью врача, безъ звука, опускалъ въ боковой карманъ серебряную монету. — Сейчасъ, сейчасъ.

— Сашка, это же подлость. Я деньги далъ и уже двадцать разъ прошу: «Въ Одессу моремъ я плыла».

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Сашка, «Соловья»!

— Сашка, «Марусю»!

— «Зець-Зець», Сашка, «Зець-Зець»!

— Сейчасъ, сейчасъ...

— «Ча-ба-на!» — оралъ съ другого конца залы не человѣческій, а какой-то жеребчій голосъ.

И Сашка при общемъ хохотѣ кричалъ ему по-пѣтушину:

— Сейча-а-асъ...

И онъ игралъ безъ отдыха всѣ заказанныя пѣсни. По-видимому, не было ни одной, которой бы онъ не зналъ наизусть. Со всѣхъ сторонъ въ карманы ему сыпались серебряныя монеты, и со всѣхъ столовъ ему присылали кружки съ пивомъ. Когда онъ слѣзалъ со своей эстрады, чтобы подойти къ буфету, его разрывали на части.

— Сашенька... Мил' чекъ... Одну кружечку.

— Саша, за ваше здоровье. Иди же сюда, чортъ, печенки, селезенки, если тебѣ говорятъ.

— Сашка-а, пиво иди ни-ить! — оралъ жеребчій голосъ.

Женщины, склонныя, какъ и всѣ женщины, восхищаться людьми эстрады, кокетничать, отличатся и раболѣпетствовать передъ ними, звали его воркующимъ голосомъ, съ игривымъ, капризнымъ смѣшкомъ:

— Сашечка, вы должны непременно отъ мене вышить... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я васъ прошу. И потомъ сыграйте «куку-вокъ».

Сашка улыбался, гримасничалъ и кланялся палѣво и направо, прижималъ руку къ сердцу, посылалъ воздушные поцѣлуи, шилъ у всѣхъ столовъ пиво и, возвратившись къ пѣлино, на которомъ его ждала новая кружка, начиналъ играть какую-нибудь «Разлуку». Иногда, чтобы потѣшить своихъ слушателей, онъ заставлялъ свою скрипку въ ладъ мотиву скулить щенкомъ, хрюкать свиньею или хрипѣть раздирающими басовыми звуками. И слушатели встрѣчали эти шутки съ благодушнымъ одобреніемъ:

— Го-го-го-го-о-о!

Становилось все жарче. Съ потолка лило, нѣкоторые изъ гостей уже плакали, ударяя себя въ грудь, другіе съ кровавыми глазами ссорились изъ-за женщинъ и изъ-за прежнихъ обидъ и лѣзли другъ на друга, удерживаемые болѣе трезвыми сосѣдями, чаще всего прихлебателями. Лакеи чудомъ протискивались между бочками, боченками, ногами и туловищами, высоко держа надъ головами сидящихъ свои руки, унизанныя пивными кружками. Мадамъ Иванова, еще болѣе безкровная, невозмутимая и молчаливая, чѣмъ всегда, распоряжалась изъ-за буфетной стойки дѣйствіями прислуги, подобно капитану судна во время бури.

Всѣхъ одолевало желаніе пѣть. Сашка, размякшій отъ пива, отъ собственной доброты и отъ той грубой радости, которую доставляла другимъ его музыка, готовъ былъ играть что угодно. И подъ звуки его скрипки охрипшіе люди нескладными деревянными голосами орали въ одинъ тонъ, глядя другъ другу съ бессмысленной серьезностью въ глаза:

„На что намъ ра-азлучаться,
Ахъ, на что въ разлу-укѣ жить.
Не лучше ль повѣнчаться,
Любовью дорожить?“

А рядомъ другая компанія, стараясь перекричать первую, очевидно, враждебную, голосила уже совсѣмъ вразбродъ:

„Впаяу я по походкѣ,
Что нестрѣются штанцы.
Въ него волосъ подѣ шантрета
И на рипахъ сапоги“

Гамбринусъ часто посѣщали малоазіатскіе греки «доп-голаки», которые приплывали въ русскіе порты на рыбныя промысла. Они тоже заказывали Сашкѣ свои восточныя пѣсни, состоящія изъ ушылаго, гнусаваго, одпообразнаго воя на двухъ-трехъ нотахъ, и съ мрачными лицами, съ горящими глазами, готовы были пѣть ихъ по цѣлымъ часамъ. Игралъ Сашка и итальянскіе народныя куплеты, и хохлацкія думки, и еврейскіе свадебныя тащы, и много другого. Однажды зашла въ Гамбринусъ кучка матросовъ-негровъ, которымъ, глядя на другихъ, тоже очень захотѣлось попѣть. Сашка быстро уловилъ по слуху скачущую негритянскую мелодію, тутъ же подобралъ къ ней аккомпанементъ на піанно, и вотъ, къ большому восторгу и потѣхѣ завсегдатаевъ Гамбринуса, пивная огласилась странными, капризными, гортанными звуками африканской пѣсни.

Одинъ репортеръ мѣстной газеты, Сашкинъ знакомый, уговорилъ какъ-то профессора музыкальнаго училища пойти въ Гамбринусъ послушать тамошняго знаменитаго скрипача. Но Сашка догадался объ этомъ и нарочно заставилъ скрипку болѣе обыкновеннаго мяукать, блеять и ревѣть. Гости Гамбринуса такъ и разрывались отъ смѣха, а профессоръ сказалъ презрительно:

— Клоунство.

И ушелъ, не допивъ своей кружки.

IV.

Нерѣдко деликатныя маркизы и пирующие нѣмецкіе охотники, жирныя амуры и лягушки бывали со своихъ стѣнъ свидѣтелями такого широкаго разгула, какой рѣдко гдѣ можно было бы увидѣть, кромѣ Гамбриуса.

Являлась, напимѣръ, закутившая компанія воровъ, послѣ хорошаго дѣла, каждый съ возлюбленной, каждый въ фуражкѣ, лихо заломленной набокъ, въ лакированныхъ сапогахъ, съ изысканными трактирными манерами, съ пренебрежительнымъ видомъ. Сашка игралъ для нихъ особыя, воровскія нѣсни: «Погибъ я мальчишечка», «Не плачь ты, Маруся», «Прошла весна» и другія. Плясать они считали ниже своего достоинства, но ихъ подружки, всѣ недурныя собой, молоденькія, иныя почти дѣвочки, танцовали «Чабана» съ визгомъ и щелканьемъ каблучковъ. И женщины и мужчины пили очень много, — было дурно только то, что воры всегда закапчивали свой кутежъ старыми денежными недоразумѣніями, и любили исчезнуть, не платя.

Приходили большими артелями, человекъ по тридцати, рыбаки послѣ счастливаго улова. Поздней осенью выдавались такія счастливыя педѣли, когда въ каждый заводъ попадалось ежедневно тысячъ по сорока скумбрии или кефали. За это время самый мелкій пайщикъ зарабатывалъ болѣе двухсотъ рублей. Но еще болѣе обогащались рыбаковъ удачный ловъ бѣлуги зимой, зато онъ и отличался большими трудностями. Приходилось тяжело работать, за 30 — 40 верстъ отъ берега, среди ночи, иногда въ ненастную погоду, когда вода заливала баркасъ и тотчасъ же обледяивала на одеждѣ, на веслахъ, а погода держала по двое, по трое сутокъ въ морѣ, пока не выбрасывала куда-нибудь верстъ за 200, въ Апалу.

или въ Транезондъ. Каждую зиму пропадало безъ вѣсти до десятка яликовъ, и только весною волны прибывали то тутъ, то тамъ, къ чужому берегу трупы отважныхъ рыбаковъ.

Зато, когда они возвращались съ моря благополучно и удачливо, то на сушѣ ими овладѣвала бѣшеная жажда жизни. Нѣсколько тысячъ рублей спускались въ 2 — 3 дня въ самомъ грубомъ, оглушительномъ, пьяномъ кутежѣ. Рыбаки забирались въ трактиръ или еще въ какое-нибудь веселое мѣсто, вышвыривали всѣхъ постороннихъ гостей, запирали наглухо двери и ставни и цѣлыя сутки напролетъ пили, предавались любви, орали пѣсни, били зеркала, посуду, женщинъ и перѣдко другъ друга, пока сонъ не одолѣвалъ ихъ гдѣ попало — на столахъ, на полу, поперекъ кроватей, среди плевковъ, окурковъ, битого стекла, разлитого вина и кровавыхъ пятенъ. Такъ кутили рыбаки нѣсколько сутокъ подъ рядъ, иногда мѣня мѣсто, иногда оставаясь въ одномъ и томъ же. Прокувивъ все до послѣдняго гроша, они съ гудящими головами, со знаками битвъ на лицахъ, трясась отъ похмелья, молчаливые, удрученные и покаянные, шли на берегъ, къ баркасамъ, чтобы приняться вновь за свое милое и проклятое, тяжелое и увлекательное ремесло.

Они никогда не забывали навѣстить Гамбринусъ. Они туда вламывались огромные, осипшіе, съ красными лицами, обожженными свирѣлымъ зимнимъ нордъ-остомъ, въ непромокаемыхъ курткахъ, въ кожаныхъ штанахъ и въ воловьихъ сапогахъ по бедра, — въ тѣхъ самыхъ сапогахъ, въ которыхъ ихъ друзья среди бурной ночи шли ко дну, какъ камни.

Изъ уваженія къ Сашкѣ они не выгоняли постороннихъ, хотя и чувствовали себя хозяевами пивной и били тяжелыя кружки объ полъ. Сашка игралъ имъ ихнія рыбацкія пѣсни, протяжныя, простыя и грозныя, какъ

шумъ моря, и они пѣли все въ одинъ голосъ, напрягая до послѣдней степени свои здоровыя груди и закаленные глотки. Сашка дѣйствовалъ на нихъ, какъ Орфей, умиравшій волны, и случилось, что какой-нибудь со-рокалѣтній атаманъ баркаса, бородатый, весь обвѣтренный, звѣроподобный мужчинецъ, заливался слезами, выводя тонкимъ голосомъ жалостливыя слова пѣсни:

Ахъ, бѣдный, бѣдный я мальчишечка,
Что родился рыбакомъ...

А иногда они плясали, топча на мѣстѣ, съ каменными лицами, громыхая своими пудовыми сапогами и распостраняя по всей пивной острый соленый запахъ рыбы, которымъ насквозь пропитались ихъ тѣла и одежды. Къ Сашкѣ они были очень щедры и подолгу не отпускали отъ своихъ столовъ. Онъ хорошо зналъ образъ ихъ тяжелой, отчаянной жизни. Часто, когда онъ игралъ имъ, то чувствовалъ у себя въ душѣ какую-то почтительную грусть.

Но особенно онъ любилъ играть англійскимъ матросамъ съ коммерческихъ судовъ. Они приходили гурьбой, держась рука объ руку — все какъ бы на подборъ грудастые, широкоплечіе, молодые, бѣлозубые, съ здоровымъ румянцемъ, съ веселыми, смѣлыми, голубыми глазами. Крѣпкія мышцы распирали ихъ куртки, а изъ глубоко вырѣзанныхъ воротниковъ возвышались прямыя, могучія, стройныя шеи. Нѣкоторые знали Сашку по прежшмъ стоянкамъ въ этомъ порту. Они узнавали его и, привѣтливо скаля бѣлые зубы, привѣтствовали его по-русски:

— Здрайсть, здрайсть.

Сашка самъ, безъ приглашенія, игралъ имъ «Rule Britannia». Должно-быть, сознаніе того, что они сейчасъ находятся въ странѣ, отягощенной вѣчнымъ рабствомъ, при-

давало особенно гордую торжественность этому гимну английской свободы. И когда они пѣли, стоя, съ обнаженными головами, послѣднія великолѣпныя слова:

Никогда, никогда, никогда
Англичанинъ не будетъ рабомъ!—

то невольно и самые буйные сосѣди снимали шапки.

Коренастый боцманъ съ серьгой въ ухѣ и съ бородой, растущей точно бахрома изъ шеи, подходилъ къ Сашкѣ съ двумя кружками пива, широко улыбался, хлопалъ его дружжелюбно по спинѣ и просилъ сыграть джигу. При первыхъ же звукахъ этого залихватскаго морского танца, англичане вскакивали и расчищали мѣсто, отодвигая къ стѣнамъ бочки. Постороннихъ просили объ этомъ жестами, съ веселыми улыбками, но если кто не торопился, съ тѣмъ не церемонились, а прямо вышибали изъ-подъ него сидѣніе хорошимъ ударомъ ноги. Къ этому, однако, прибѣгали рѣдко, потому что въ Гамбринусѣ всѣ были цѣнителями танцевъ и въ особенности любили английскую джигу. Даже самъ Сашка, не переставая играть, становился на стулъ, чтобы лучше видѣть.

Матросы дѣлали кругъ и въ тактъ быстрому танцу били въ ладоши, а двое выступали въ серединку. Танецъ изображалъ жизнь матроса во время плаванія. Судно готово къ отходу, погода чудесная, все въ порядкѣ. У танцоровъ руки скрещены на груди, головы откинута назадъ, тѣло спокойно, хотя ноги выбиваютъ бѣшеную дробь. Но вотъ поднялся вѣтерокъ, начинается небольшая качка. Для моряка — это одно веселье, только колѣна танца становятся все сложнѣе и замысловатѣе. Задулъ и свѣжій вѣтеръ — ходить по палубѣ уже не такъ удобно — танцоровъ слегка покачиваетъ съ боку на бокъ. Наконецъ вотъ и настоящая буря — матроса швыряетъ отъ борта къ борту, дѣло становится серьезнымъ. — «Всѣ наверхъ,

убирать паруса!» По движеніямъ танцоровъ до смѣшного понятно, какъ они карабкаются руками и ногами на ванты, тянутъ паруса и крѣпятъ шкоты, между тѣмъ какъ буря все сильнѣе раскачиваетъ судно. «Стой, человекъ за бортомъ!» Спускаютъ шлюпку. Танцоры, опустивъ внизъ головы, напряживъ мощный, голыя шеи, гребутъ частыми замахами, то сгибая, то распрямляя спины. Буря однако проходитъ, мало-по-малу утихаетъ качка, проясняется небо, и вотъ уже судно опять плавно бѣжитъ съ попутнымъ вѣтромъ, и опять танцоры съ неподвижными тѣлами, со скрещенными руками, отдѣлываютъ ногами веселую частую джигу.

Приходилось Сашкѣ иногда играть лезгинку для грузинъ, которые занимались въ окрестностяхъ города винодѣліемъ. Для него не было незнакомыхъ плясокъ. Въ то время, когда одинъ танцоръ, въ папахѣ и черкескѣ, воздушно носился между бочками, закидывая за голову то одну, то другую руку, а его друзья прихлопывали въ тактъ и подкрикивали, Сашка тоже не могъ утерпѣть и вмѣстѣ съ ними одушевленно кричалъ: «Хась! хась! хась! хась!» Случалось ему также играть молдаванскій джокъ и итальянскую тарантеллу и вальсы нѣмецкимъ матросамъ.

Случалось, что въ Гамбринусѣ дрались, и довольно жестоко. Старые посѣтители любили рассказывать о легендарномъ побоищѣ между русскими военными матросами, уволенными въ запасъ съ какого-то крейсера, и англійскими моряками. Дрались кулаками, кастетами, пивными кружками и даже швыряли другъ въ друга бочелками для сидѣнія. Не къ чести русскихъ воиновъ надо сказать, что они первые начали скандалъ, первые же пустили въ ходъ пожн и вытѣснили англичанъ изъ пивной только послѣ получасового боя, хотя превосходили ихъ численностью въ три раза.

Очень часто Сашкино вмѣшательство останавливало ссору, которая на волоскѣ висѣла отъ кровопролитія. Онъ подходилъ, шутилъ, улыбался, гримасничалъ, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ къ нему протягивались бокалы.

— Сашка, кружечку!.. Сашка, со мной!.. Вѣра, законъ, печенки, гробъ...

Можетъ-быть, на простые дикіе нравы вліяла эта кроткая и смѣшная доброта, весело лучившаяся изъ его глазъ, спрятанныхъ подъ поватымъ черепомъ? Можетъ-быть, своеобразное уваженіе къ таланту и что-то въ родѣ благодарности? А можетъ-быть, также и то обстоятельство, что большинство завсегдатаевъ Гамбринуса состояло вѣчными Сашкиными должниками. Въ тяжелыя минуты «декохта», что на морскомъ и портовомъ жаргонѣ обозначаетъ полное безденежье, къ Сашкѣ свободно и безотказно обращались за мелкими суммами или за небольшимъ кредитомъ у буфета.

Конечно, долговъ ему не возвращали — не по злостному умыслу, а по забывчивости, — но эти же должники въ минуту разгула возвращали ссуду десятирицею за Сашкины пѣсни.

Буфетчица иногда выговаривала ему:

— Удивляюсь, Саша, какъ это вы не жалѣете своихъ денегъ?

Онъ возражалъ убѣдительно:

— Да мадамъ же Иванова. Да мнѣ же ихъ съ собой въ могилу не брать. Намъ съ Бѣлочкой хватитъ. Бѣлинька, собачка моя, поди сюда.

V.

Появлялись въ Гамбринусѣ также и свои модныя, сезонныя пѣсни.

Во время войны англичанъ съ бурами процвѣталъ «Бур-

скій маршъ» (кажется, къ этому именно времени относилась знаменитая драка русскихъ моряковъ съ англійскими). По меньшей мѣрѣ разъ двадцать въ вечеръ заставляли Сашку играть эту героическую пьесу и неизмѣнно въ концѣ ея махали фуражками, кричали «ура», а на равнодушныхъ косились недружелюбно, что не всегда бывало добрымъ предзнаменованіемъ въ Гамбринусѣ.

Затѣмъ подошли франко-русскія торжества. Градоначальникъ съ кислой миной разрѣшилъ играть марсельезу. Ее тоже требовали ежедневно, но уже не такъ часто, какъ бурскій маршъ, при чемъ «ура» кричали жиже и шапками совсѣмъ не размахивали. Происходило это оттого, что, съ одной стороны, не было мотивовъ для игры сердечныхъ чувствъ, съ другой стороны—посѣтители Гамбринуса недостаточно понимали политическую важность союза, а съ третьей — было замѣчено, что каждый вечеръ требуютъ марсельезу и кричатъ «ура» все одни и тѣ же лица.

На минутку сдѣлался-было моднымъ мотивъ кекъ-уока, и даже какой-то случайный, заколобродившій купчикъ, не снимая енотовой шубы, высокихъ калошъ и лисьей шапки, протанцовалъ его однажды между бочками. Однако этотъ негритянской талецъ былъ въ скорости позабытъ.

Но вотъ наступила великая японская война. Посѣтители Гамбринуса зажили ускоренною жизнью. На бочепкахъ появились газеты, по вечерамъ спорили о войнѣ. Самые мирные, простые люди обратились въ политиковъ и стратеговъ, но каждый изъ нихъ въ глубинѣ души трепеталъ если не за себя, то за брата, или, что еще вѣрнѣе, за близкаго товарища: въ эти дни ясно сказалась та незамѣтная и крѣпкая связь, которая спаиваетъ людей, долго раздѣлявшихъ трудъ, опасность и ежедневную близость къ смерти.

Вначалѣ никто не сомнѣвался въ нашей побѣдѣ.

Сашка раздобылъ гдѣ-то «Куропаткинъ-маршъ» и вечеромъ двадцать подъ рядъ игралъ его съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Но какъ-то въ одинъ вечеръ «Куропаткинъ-маршъ» былъ навсегда вытѣсненъ пѣсней, которую привезли съ собой балаклавскіе рыбаки, «соленые греки» или «пипдосы», какъ ихъ здѣсь называли:

„Ахъ, зачѣмъ насъ отдали въ солдаты,
Посылаютъ на Дальній Востокъ?
Неужли же мы въ томъ виноваты,
Что вышли ростомъ на лишній вершокъ?“

Съ тѣхъ поръ въ Гамбрипусѣ ничего другого не хотѣли слушать. Цѣлыми вечерами только и было слышно требованіе:

— Саша, страдательную! Балаклавскую! запасную!
Пѣли и плакали и пили вдвое больше обыкновеннаго, какъ, впрочемъ, пила тогда поголовно вся Россія. Каждый вечеръ приходилъ кто-нибудь прощаться, храбрился, ходилъ пѣтухомъ, бросалъ шапку объ землю, грозился одинъ разбить всѣхъ япошекъ и копчалъ страдательной пѣсней со слезами.

Однажды Сашка явился въ пивную раньше, чѣмъ всегда. Буфетчица, наливъ ему первую кружку, сказала, по обыкновенію:

— Саша, сыграйте что-нибудь свое...

У него вдругъ закривились губы, и кружка заходила въ рукѣ.

— Знаете чтò, мадамъ Иванова? — сказалъ онъ точно въ недоумѣніи. — Вѣдь меня же въ солдаты забираютъ. На войну.

Мадамъ Иванова всплеснула руками.

— Да не можетъ быть, Саша! Шутите?

— Нѣтъ, — уныло и покорно покачалъ головой Сашка: — не шучу.

— Но вѣдь вамъ лѣта вышли, Саша? Сколько вамъ лѣтъ?

Этимъ вопросомъ какъ-то до сихъ поръ никто не интересовался. Всѣ думали, что Сашкѣ столько же лѣтъ, сколько стѣнамъ пивной, маркизамъ, хохламъ, лягушкамъ и самому раскрашенному королю Гамбринусу, сторожившему входъ.

— Сорокъ шесть. — Саша подумалъ. — А можетъ-быть сорокъ девять. Я сирота, — прибавилъ онъ уныло.

— Такъ вы пойдите, объясните кому слѣдуетъ.

— Я уже ходилъ, мадамъ Иванова, я уже объяснялъ.

— И... Ну?

— Ну, мнѣ отвѣтили: пархатый жидъ, жидовская морда, поговори еще — попадешь въ клоповникъ... И дали вотъ сюда.

Вечеромъ новость стала извѣстной всему Гамбринусу, и изъ сочувствія Сашку напоили мертвецки. Онъ пробовалъ кривляться, гримасничать, прищуривать глаза, но изъ его кроткихъ, смѣшныхъ глазъ глядѣли грусть и ужасъ. Одинъ здоровенный рабочій, ремесломъ котельникъ, вдругъ вызвался идти на войну вмѣсто Сашки. Всѣмъ была ясна очевидная глупость такого предложенія, но Сашка растрогался, прослезился, обнялъ котельнаго мастера и тутъ же подарилъ ему свою скрипку. А Бѣлочку онъ оставилъ буфетчицѣ.

— Мадамъ Иванова, вы же смотрите за собачкой. Можетъ, я и не вернусь, такъ будетъ вамъ память о Сашкѣ. Бѣлинька, собачка моя! Смотрите, облизывается. Ахъ, ты, моя бѣдная... И еще попрошу васъ, мадамъ Иванова. У меня за хозяиномъ остались деньги, такъ вы получите и отправьте... Я вамъ напишу адреса. Въ Гомелѣ у меня есть двоюродный братъ, у него семья, и еще въ Жмеринкѣ живетъ вдова племянника. Я имъ каждый мѣсяць... Что жъ, мы, евреи, такой народъ...

мы любимъ родегвенниковъ. А я сирота, я одинокій. Прощайте же, мадамъ Иванова.

— Прощайте, Саша! Давайте хоть поцѣлуемся на прощаніе-то. Сколько лѣтъ... П — вы не сердитесь — я васъ перекрещу на дорогу.

Сашкины глаза были глубоко-печальны, но онъ не могъ удержаться, чтобы не спаясничать напоследокъ:

— А что, мадамъ Иванова, я отъ русскаго креста не подохну?

VI.

Гамбринусъ опустѣлъ и заглохъ, точно онъ осиротѣлъ безъ Сашки и его скрипки. Хозяинъ пробовалъ-было пригласить въ видѣ приманки квартетъ бродячихъ мандолинистовъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый опереточнымъ англичаниномъ съ рыжими баками и наклееннымъ носомъ, въ клетчатыхъ панталонахъ и въ воротничкѣ выше ушей, исполнялъ съ эстрады комическіе куплеты и безстыдныя тѣлодвиженія. Но квартетъ не имѣлъ ровню никакаго успѣха: наоборотъ, мандолинистамъ свистали и бросали въ нихъ огрызками сосисокъ, а главнаго комика однажды поколотили тендровскіе рыбаки за непочтительный отзывъ о Сашкѣ.

Однако, по старой памяти, Гамбринусъ еще посѣщался морскими и портовыми молодцами изъ тѣхъ, кого война не повлекла на смерть и страданія. Сначала о Сашкѣ вспоминали каждый вечеръ:

— Эхъ, Сашку бы теперь! Душѣ безъ него тѣсно...

— Да-а... Гдѣ-то ты витаешь, милъ-любезный другъ Сашенька?

„Въ поляхъ Манжу-у-уриі далеко“...—

заводилъ кто-нибудь новую сезонную пѣсню, смущенно замолкалъ, а другой произносилъ неожиданно:

— Раны бывают сквозныя, колотыя и рубленыя. А бывают и рваныя...

„Сибѣ съ побѣдой проздравляю,
Тибѣ съ оторванной рукой“...

— Постой, не скули... Мадамъ Иванова, отъ Сашки нѣтъ ли какихъ извѣстій? Письма или открыточки?

Мадамъ Иванова теперь цѣлыми вечерами читала газету, держа ее отъ себя на разстояніи вытянутой руки, откинувъ голову и шевеля губами. Бѣлочка лежала у нея на колѣняхъ и мирно похрапывала. Буфетчица далеко уже не походила на бодрого капитана, стоящаго на посту, а ея команда бродила по пивной вялая и заспанная.

На вопросъ о Сашкиной судьбѣ она медленно качала головой.

— Ничего не знаю... И писемъ нѣтъ, и изъ газетъ ничего неизвѣстно.

Потомъ медленно снимала очки, клала ихъ вмѣстѣ съ газетой, рядомъ съ теплой, угрѣвшейся Бѣлочкой, и, отвернувшись, тихонько всхлищывала.

Иногда она, склоняясь къ собачкѣ, говорила жалобнымъ, трогательнымъ голоскомъ:

— Чтò, Бѣлинька? Чтò, собаченька? Гдѣ нашъ Саша? А? Гдѣ нашъ хозяинъ?

Бѣлочка подымала кверху деликатную мордочку, моргала влажными черными глазами и въ тонъ буфетницѣ начинала тихонько подвывать:

— А-у-у-у... Ау-фъ... А-у-у...

Но... все обтачиваетъ и смываетъ время. Мацдолинистовъ смѣнили балалаечники, балалаечниковъ—русско-малороссійскій хоръ съ дѣвицами, и наконецъ прочнѣе другихъ утвердился въ Гамбринусѣ извѣстный Лешка-гармонистъ, по профессіи воръ, но рѣшившій, вслѣдствіе женитьбы, искать правильныхъ путей. Его давно знали

по разнымъ трактирамъ, а потому терпѣли и здѣсь, да, впрочемъ, и надо было терпѣть: дѣла въ Гамбринусѣ шли очень плохо.

Проходили мѣсяцы, прошелъ годъ. О Сашкѣ теперь никто не вспоминалъ, кромѣ мадамъ Ивановой, да и та больше не плакала при его имени. Прошелъ еще годъ. Должно-быть, о Сашкѣ забыла даже и бѣленькая собачка.

Но, вопреки Сашкиному сомнѣнію, онъ не только не подохъ отъ русскаго креста, но не былъ даже ни разу раненъ, хотя участвовалъ въ трехъ большихъ битвахъ и однажды ходилъ въ атаку впереди батальона въ составѣ музыкантской команды, куда его зачислили играть на флейтѣ. Подъ Вафангоу онъ попалъ въ плѣнъ и по окончаніи войны былъ привезенъ на германскомъ пароходѣ въ тотъ самый портъ, гдѣ работали и буйствовали его друзья.

Вѣсть о его прибытіи, какъ электрическій токъ, распеслась по всѣмъ гаванямъ, моламъ, пристанямъ и мастерскимъ... Вечеромъ въ Гамбринусѣ было такъ много народа, что большинству приходилось стоять, кружки съ пивомъ передавались изъ рукъ въ руки черезъ головы, и хотя многіе въ этотъ день ушли, не плативши, Гамбринусъ торговалъ, какъ никогда. Котельный мастеръ принесъ Сашкину скрипку, бережно завернутую въ женинъ платокъ, который онъ тутъ же и пропилъ. Откуда-то раздобыли послѣдняго по времени Сашкина аккомпаниатора. Лѣшка-гармонистъ, человѣкъ самолюбивый и самомнительный, вломился-было въ амбицію. — «Я получаю по-денно, и у меня контрактъ!» — твердилъ онъ упрямо. Но его попросту выбросили за дверь и навѣрно поколотили бы, если бы не Сашкино заступничество.

Ужъ навѣрно ни одинъ изъ отечественныхъ героевъ временъ японской войны не видѣлъ такой сердечной и

бурной встрѣчи, какую сдѣлали Сашкѣ! Сильныя, корявыя руки подхватывали его, поднимали на воздухъ и съ такой силой подбрасывали вверху, что чуть не расшибли Сашку о потолокъ. И кричали такъ оглушительно, что газовые язычки гасли, а городской нѣсколько разъ заходилъ въ пивную и упрашивалъ, «чтобы потише, потому что на улицѣ очень громко».

Въ этотъ вечеръ Сашка переигралъ всѣ любимыя пѣсни и танцы Гамбринуса. Игралъ онъ также и японскія пѣсенки, заученныя имъ въ плѣну, но онѣ не понравились слушателямъ. Мадамъ Иванова, словно ожившая, опять бодро держалась надъ своимъ капитанскимъ мостикомъ, а Бѣлка сидѣла у Сашки на колѣняхъ и визжала отъ радости. Случалось, что когда Сашка переставалъ играть, то какой-нибудь простодушный рыболовъ, только теперь осмыслившій чудо Сашкинаго возвращенія, вдругъ восклицалъ съ наивнымъ и радостнымъ изумленіемъ:

— Братцы, да вѣдь это Сашка!

Густымъ ржаніемъ и веселымъ сквернословіемъ наполнялись залы Гамбринуса, и опять Сашку хватили, бросали подъ потолокъ, орали, пили, чокались и обливали другъ друга пивомъ.

Сашка, казалось, совсѣмъ не измѣнился и не постарѣлъ за свое отсутствіе: время и бѣдствія такъ же мало дѣйствовали на его наружность, какъ и на лѣпного Гамбринуса, охранителя и покровителя пивной. Но мадамъ Иванова съ чуткостью сердечной женщины замѣтила, что изъ глазъ Сашки не только не исчезло выраженіе ужаса и тоски, которые она видѣла въ нихъ при прощаніи, но стало еще глубже и значительнѣе. Сашка попрежнему паясничалъ, подмигивалъ и собиралъ на лбу морщины, но мадамъ Иванова чувствовала, что онъ притворяется.

VII.

Все пошло своимъ порядкомъ, какъ будто вовсе не было ни войны ни сашкинскаго плѣненія въ Нагасаки. Такъ же праздновали счастливый уловъ бѣлуги и лобана рыбаки въ сапогахъ-великанахъ, такъ же плясали воровскія подруги, и Сашка попрежнему игралъ матросскія пѣсни, привезенныя изъ всѣхъ гаваней земного шара.

Но уже близились пестрыя, перемѣнчивыя, бурныя времена. Однажды вечеромъ весь городъ загудѣлъ, заволоновался, точно встревоженный набатомъ, и въ необычный часъ на улицахъ стало черпо отъ народа. Маленькіе бѣлые листки ходили по рукамъ вмѣстѣ съ чудеснымъ словомъ: «свобода», которое въ этотъ вечеръ безъ числа повторяла вся необъятная, довѣрчивая страна.

Настали какіе-то свѣтлые, праздничные, ликующіе дни, и сіяніе ихъ озаряло даже подземелье Гамбринуса. Приходили студенты, рабочіе, приходили молодья, красивыя дѣвушки: Люди съ горящими глазами становились на бочки, такъ много видѣвшія на своемъ вѣку, и говорили. Не все было понятно въ этихъ словахъ, но отъ той пламенной надежды и великой любви, которая въ нихъ звучала, трепетало сердце и раскрывалось имъ навстрѣчу.

— Сашка, марсельезу! Ж-жарь! Марсельезу!

Нѣтъ, это было совсѣмъ непохоже на ту марсельезу, которую скрѣпя сердце разрѣшилъ играть градоначальникъ въ недѣлю франко-русскихъ восторговъ. По улицамъ ходили безконечныя процессіи съ красными флагами и пѣніемъ. На женщинахъ алѣли красныя ленточки и красныя цвѣты. Встрѣчались совсѣмъ незнакомые люди и вдругъ, свѣтло улыбнувшись, пожимали руки другъ другу...

Но вся эта радость мгновенно исчезла, точно ее смыло, какъ слѣды дѣтскихъ пожекъ на морскомъ побережьѣ.

Въ Гамбринусъ однажды влетѣлъ помощникъ пристава, толстый, маленькій, задыхающійся, съ выпученными глазами, темно-красный, какъ очень спѣлый томатъ.

— Чтò? Кто здѣсь хозяинъ? — хрипѣлъ онъ. — Подавай хозяина!

Онъ увидѣлъ Сашку, стоявшаго со скрипкой.

— Ты хозяинъ? Молчать! Чтò? Гимны играете? Чтобы никакихъ гимновъ!

— Никакихъ гимновъ больше не будетъ, ваше превосходительство, — спокойно отвѣтилъ Сашка.

Полицейскій посизѣлъ, приблизилъ къ самому носу Сашки указательный палецъ, поднятый вверхъ, и грозно покачалъ имъ влево и вправо.

— Ник-как-кихъ!

— Слушаю, ваше превосходительство, никакихъ.

— Я вамъ покажу революцію, я вамъ покаж-у-у-у!

Помощникъ пристава, какъ бомба, вылетѣлъ изъ пивной, и съ его уходомъ всѣхъ придавило уныніе.

И на весь городъ спустился мракъ. Ходили темные, тревожные, омерзительные слухи. Говорили съ осторожностью, боялись выдать себя взглядомъ, пугались своей тѣни, страшились собственныхъ мыслей. Городъ въ первый разъ съ ужасомъ подумалъ о той клоакѣ, которая глухо ворочалась подъ его ногами, тамъ, внизу, у моря, и въ которую онъ такъ много лѣтъ выбрасывалъ свои ядовитыя испражненія. Городъ забивалъ щитами зеркальныя окна своихъ великолѣпныхъ магазиновъ, охранялъ патрулями гордые памятники и разставлялъ на всякій случай по дворамъ прекрасныхъ домовъ артиллерію. А на окраинахъ въ зловонныхъ каморкахъ и на дырявыхъ чердакахъ трепеталъ, молился и плакалъ отъ ужаса избранный народъ Божій, давно покинутый гнѣвнымъ библейскимъ Богомъ, но до сихъ поръ вѣрящій, что мѣра его тяжелыхъ испытаній еще не исполнена.

Внизу, около моря, въ улицахъ, похожихъ на темныя липкія кишки, совершалась тайная работа. Настежь были открыты всю ночь двери кабаковъ, чайныхъ и ночлежекъ.

Утромъ начался погромъ. Тѣ люди, которые однажды, растроганные общей чистой радостью и умиленные свѣтомъ грядущаго братства, шли по улицамъ съ пѣніемъ, подъ символами завоеванной свободы, — тѣ же самые люди шли теперь убивать, и шли не потому, что имъ было приказано, и не потому, что они питали вражду противъ евреевъ, съ которыми часто вели тѣсную дружбу, и даже не изъ-за корысти, которая была сомнительна, а потому, что грязный, хитрый дьяволъ, живущій въ каждомъ человѣкѣ, шепталъ имъ на ухо: «Идите. Все будетъ безнаказанно: запретное любопытство убійства, сладострастіе насилія, власть надъ чужой жизнью».

Въ дни погромовъ Сашка свободно ходилъ по городу со своей смѣшной, обезьяньей, чисто-еврейской фізіономіей. Его не трогали. Въ немъ была та непоколебимая душевная смѣлость, та не боязнь боязни, которая охраняетъ даже слабаго человѣка лучше всякихъ браунинговъ. Но одинъ разъ, когда онъ, прижатый къ стѣнѣ дома, сторонился отъ толпы, ураганомъ лившейся во всю ширь улицы, какой-то каменщикъ въ красной рубахѣ и бѣломъ фартукѣ замахнулся надъ нимъ зубиломъ и зарычалъ:

— Жи-идъ! Бей жида! Въ кррровь!

Но кто-то схватилъ его сзади за руку.

— Стой, чортъ, это же Сашка. Олухъ ты, матери твоей въ сердце, въ печень...

Каменщикъ остановился. Онъ въ эту хмельную, безумную, бредовую секунду готовъ былъ убить кого угодно — отца, сестру, священника, даже самого православнаго Бога, но также былъ готовъ, какъ ребенокъ, послушаться приказанія каждой твердой воли.

Онъ осклабился, какъ идіотъ, сплюнулъ и утеръ носъ рукой. Но вдругъ въ глаза ему бросилась бѣлая нервная собачка, которая, дрожа, терлась около Сашки. Быстро наклонившись, онъ поймалъ ее за заднія ноги, высоко поднялъ, ударилъ головой о плиты тротуара и побѣжалъ. Сашка молча глядѣлъ на него. Онъ бѣжалъ, весь наклонившись впередъ, съ протянутыми руками, безъ шапки, съ раскрытымъ ртомъ и съ глазами, круглыми и бѣлыми отъ безумія.

На сапоги Сашки брызнулъ мозгъ изъ Бѣлочкиной головы. Сашка отеръ пятно платкомъ.

VIII.

Затѣмъ настало странное время, похожее на сонъ человека въ параличѣ. По вечерамъ во всемъ городѣ ни въ одномъ окнѣ не свѣтилось огня, но зато ярко горѣли огненные вывѣски кафешантановъ и окна кабачковъ. Побѣдители провѣряли свою власть, еще не насытятся вдоволь безнаказанностью. Какіе-то разнуздашныя люди въ манчжурскихъ папахъ, съ георгіевскими лентами въ петлицахъ куртокъ, ходили по ресторанамъ и съ настойчивой развязностью требовали исполненія народнаго гимна и слѣдили за тѣмъ, чтобы всѣ вставали. Они вламывались также въ частныя квартиры, шарили въ кроватяхъ и комодахъ, требовали водки, денегъ и гимна, и наполняли воздухъ пьяной отрыжкой.

Однажды они вдесятеромъ пришли въ Гамбринусъ и заняли два стола. Они держали себя самымъ вызывающимъ образомъ, повелительно обращались съ прислугой, плевали черезъ плечи незнакомыхъ сосѣдей, клали ноги на чужія сидѣнья, выплескивали на полъ пиво, подъ предлогомъ, что оно несвѣжее. Ихъ никто не трогалъ. Всѣ знали, что это сыщики, и глядѣли на нихъ съ тѣмъ же

тайнымъ ужасомъ и брезгливымъ любопытствомъ, съ какимъ простой народъ смотритъ на палачей. Одинъ изъ нихъ явно предводительствовалъ. Это былъ нѣкто Мотька Гундосый, рыжій, съ перебитымъ носомъ, гнусавый чело-
ловѣкъ — какъ говорили — большой физической силы, прежде воръ, потомъ вышибала въ публичномъ домѣ, затѣмъ сутенеръ и сыщикъ, крещеный еврей.

Сашка игралъ «Мятелицу». Вдругъ Гундосый подошелъ къ нему, крѣпко задержалъ его правую руку и, оборотясь назадъ, на зрителей, крикнулъ:

— Гимнъ! Народный гимнъ! Братцы, въ честь обожаемаго монарха... Гимнъ!

— Гимнъ! Гимнъ! — загудѣли мерзавцы въ папахахъ.

— Гимнъ! — крикнулъ вдали одинокій, неувѣренный голосъ.

Но Сашка выдернулъ руку и сказалъ спокойно:

— Никакихъ гимновъ.

— Чтò? — заревѣлъ Гундосый. — Ты не слушаться!
Ахъ, ты, жидъ вонючій!

Сашка наклонился впередъ, совсѣмъ близко къ Гундосому, и, весь сморщившись, держа опущенную скрипку за грифъ, спросилъ:

— А ты?

— Чтò а я?

— Я жидъ вонючій. Ну хорошо. А ты?

— Я православный.

— Православный? А за сколько?

Весь Гамбринусъ расхохотался, а Гундосый, бѣлый отъ злобы, обернулся къ товарищамъ.

— Братцы! — говорилъ онъ дрожащимъ, плачущимъ голосомъ чьи-то чужія, заученныя слова. — Братцы, доколѣ мы будемъ терпѣть надруганія жидовъ надъ престоломъ и святой церковью?..

Но Сашка, вставъ на своемъ возвышеніи, однимъ зву-

комъ заставилъ его вновь обернуться къ себѣ, и никто изъ посѣтителей Гамбринуса никогда не повѣрилъ бы, что этотъ смѣшной, кривляющійся Сашка можетъ говорить такъ вѣско и властно.

— Ты! — крикнулъ Сашка. — Ты, сукинъ сынъ! Покажи мнѣ твое лицо, убійца... Смотри на меня!.. Ну!..

Все произошло быстро, какъ одинъ мигъ. Сашкина скрипка высоко поднялась, быстро мелькнула въ воздухѣ, и — трахъ! — высокій человѣкъ въ папахѣ качнулся отъ звонкаго удара по виску. Скрипка разлетѣлась въ куски. Въ рукахъ у Сашки остался только грифъ, который онъ побѣдоносно подымалъ надъ головами толпы.

— Братцы-ы, выруча-ай! — заоралъ Гундосый.

Но выручать было уже поздно. Мощная стѣна окружила Сашку и закрыла его. И та же стѣна вынесла людей въ папахѣхъ на улицу.

Но спустя часъ, когда Сашка, окончивъ свое дѣло, выходилъ изъ пивной на тротуаръ, нѣсколько человѣкъ бросилось на него. Кто-то изъ нихъ ударилъ Сашку въ глазъ, засвистѣлъ и сказалъ подбѣжавшему городовому:

— Въ Бульварный участокъ. По политическому. Вотъ мой значокъ.

IX.

Теперь вторично и окончательно считали Сашку похороненнымъ. Кто-то видѣлъ всю сцену, происшедшую на тротуарѣ около пивной, и передалъ ее другимъ. А въ Гамбринусѣ засѣдали опытные люди, которые знали, что такое за учрежденіе Бульварный участокъ и что такое за штука мѣсть сыщиковъ.

Но теперь о Сашкиной судьбѣ гораздо меньше беспокоились, чѣмъ въ первый разъ, и гораздо скорѣе забыли о немъ. Черезъ два мѣсяца на его мѣстѣ сидѣлъ

новый скрипачъ (между прочимъ, Сашкинъ ученикъ), котораго разыскалъ аккомпаниаторъ.

И вотъ однажды, спустя мѣсяца три, тихимъ весеннимъ вечеромъ, въ то время, когда музыканты играли вальсъ «Ожиданіе», чей-то тонкій голосъ воскликнулъ испуганно:

— Ребята, Сашка!

Всѣ обернулись и встали съ боченковъ. Да, это былъ опъ, дважды воскресшій Сашка, но теперь обросшій бородой, исхудалый, блѣдный. Къ нему кинулись, окружили, тискали его, мяли, совали ему кружки съ пивомъ. Но внезапно тотъ же голосъ крикнулъ:

— Братцы, рука-то!..

Всѣ вдругъ замолкли. Лѣвая рука у Сашки, скрюченная и точно смятая, была приворочена локтемъ къ боку. Она, очевидно, не сгибалась и не разгибалась, а пальцы торчали навсегда около подбородка.

— Чтò это у тебя, товарищъ? — спросилъ наконецъ волосатый боцманъ изъ Русскаго Общества.

— Э, глупости... тамъ какое-то сухожиліе, или чтò, — отвѣтилъ Сашка безпечно.

— Та-а-къ...

Опять всѣ помолчали.

— Значить, и «Чабану» теперь конецъ? — спросилъ боцманъ участливо.

— «Чабану»? — переспросилъ Сашка, и глаза его заиграли. — Эй, ты! — приказалъ онъ съ обычной увѣренностью аккомпаниатору: — «Чабана»! Ейнъ, цей, дрей!..

Піанистъ зачастилъ веселую пляску, недовѣрчиво оглядываясь назадъ. Но Сашка здоровой рукой вынулъ изъ кармана какой-то небольшой, въ ладонь величиной, продолговатый черный инструментъ съ отросткомъ, вставилъ этотъ отростокъ въ ротъ и, весь изогнувшись налѣво, насколько ему это позволяла изуродованная, неподвиж-

ная рука, вдругъ засвистѣлъ на окаринѣ оглушительно-веселаго «Чабана».

— Хо-хо-хо! — раскатились радостнымъ смѣхомъ зрители.

— Чортъ! — воскликнулъ боцманъ и, совсѣмъ неожиданно для самого себя, сдѣлалъ ловкую выходку и пустился выдѣлывать дробныя колѣнца. Подхваченные его порывомъ, заплясали гости, женщины и мужчины. Даже лакеи, стараясь не терять достоинства, съ улыбкой перебирали на мѣстѣ ногами. Даже мадамъ Иванова, забывъ обязанности капитана на вахтѣ, качала головой въ тактъ огненной пляскѣ и слегка прищелкивала пальцами. И, можетъ-быть, даже самый старый, ноздреватый, источенный временемъ Гамбринусъ пошевеливалъ бровями, весело глядя на улицу, и казалось, что изъ рукъ изувѣченнаго, скрючившагося Сашки жалкая, наивная сви-стулька пѣла на языкѣ, къ сожалѣнію, еще непонятномъ ни для друзей Гамбринуса ни для самого Сашки:

— Ничего! Человѣка можно искалѣчить, но искусство все перетерпитъ и все побѣдитъ.

МЕЛЮЗГА.

I.

Въ полутораста верстахъ отъ ближней желѣзнодорожной станціи, въ сторонѣ отъ всякихъ шоссейныхъ и почтовыхъ дорогъ, окруженная стариннымъ сосновымъ Касимовскимъ боромъ, затерялась деревня Большая Курша. Обитателей ея зовутъ въ окрестностяхъ—Куршей-головастой и Литвой-некрещеной. Смыслъ послѣдняго прозвища затерялся въ вѣкахъ, но остался его живой памятникъ, въ видѣ стоящей въ центрѣ деревни дряхлой католической часовенки, внутри которой за стеклами видѣется страшная раскрашенная деревянная статуя, изображающая Христа со связанными руками, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ и съ окровавленнымъ лицомъ. Жители Курши — коренные великороссы, крупнаго сложенія, бѣлокурые и лохматые. Говорятъ по-русски чисто, хотя нерѣдко мѣшаютъ ч и ц: вмѣсто винцо — произносятъ винчо, вмѣсто человѣкъ — целовѣкъ.

При въѣздѣ въ деревню стоитъ земская школа; при выѣздѣ, у оврага, на днѣ котораго течетъ рѣчонка Пра, находится фельдшерскій пунктъ. Фельдшеръ и учитель — единственные люди не здѣшняго происхожденія. Обоихъ

судьба порядочно помыкала по бѣлу свѣту, прежде чѣмъ свела ихъ въ этомъ углу, забытомъ Богомъ и начальствомъ и отдаленномъ отъ остального міра: лѣтомъ—непроходимыми болотами, зимою—непролазными снѣгами. Суровая жизнь по-разному отразилась на нихъ. Учитель мягокъ, незлобивъ, наивенъ и довѣрчиво, и все это съ оттѣнкомъ покорной, тихой печали. Фельдшеръ—циникъ и сквернословъ. Опъ ни во что на свѣтѣ не вѣритъ и всѣхъ людей считаетъ большими подлецами. Опъ угрюмъ, грубъ, у него лающій голосъ.

Оба они изъ духовнаго званія, неудавшіеся попы. Фамилія учителя—Астреинъ, а фельдшера—Смирновъ. Оба холостые. Учитель служитъ въ Куршѣ съ осени; фельдшеръ же — второй годъ.

II.

Установилась долгая, снѣжная зима. Давно уже нѣтъ проѣзда по деревенской улицѣ. Намело сугробы выше оконъ, и даже черезъ дорогу приходится иногда переходить на лыжахъ, а снѣгъ все идетъ и идетъ, не переставая. Курша до весны похоронена въ снѣгу. Никто въ нее не заглянетъ до тѣхъ поръ, пока послѣ весенней распутицы не обсохнутъ дороги. По ночамъ въ деревню заходятъ волки и таскаютъ собакъ.

Днемъ учитель и фельдшеръ занимаются каждый своимъ дѣломъ. Фельдшеръ принимаетъ проходящихъ больныхъ изъ Курши и изъ трехъ сосѣднихъ деревень. Зимою мужикъ любитъ лѣчиться. Съ ранняго утра, еще зѣтемно, въ сѣняхъ фельдшерскаго дома и на крыльцѣ толпится народъ. Болѣзни все больше старья, неизлѣчимыя, запущенныя, на которыя лѣтомъ во время горячей работы никто не обращаетъ вниманія: катарры, гнѣйники, трахома, воспаленіе ушей и глазъ, каріозъ зубной по-

лости, привычные вывихи. Многие считают себя больными только от мнительности, от долгой зимней скуки, женщины—от истеричности, свойственной всемъ крестьянскимъ бабамъ.

Смирновъ знаетъ въ медицинѣ рѣшительно все и по всемъ отраслямъ. По крайней мѣрѣ самъ онъ въ этомъ такъ глубоко убѣжденъ, что къ ученымъ врачамъ и къ медицинскимъ авторитетамъ относится даже не съ презрѣніемъ, а со снисходительной жалостью. Лѣчитъ онъ безъ колебаній и безъ угрызений совѣсти, ставитъ діагнозъ мгновенно. Ему достаточно только, нахмуря брови, поглядѣть на больного сверхъ своихъ синихъ очковъ, и онъ уже видитъ насквозь натуру его болѣзни. «По утрамъ блюешь? На соленое позываетъ? Какъ ходишь до вѣтру? Дай руку... разъ, два, три, четыре, пять, шесть... Ладно. Раздѣвайся... Дыши... Сильнѣй. Здѣсь больно, когда нажимаю? Здѣсь? Здѣсь? Одѣвайся. Вотъ тебѣ порошки. Примешь одинъ сейчасъ, другой передъ обѣдомъ, третій черезъ часъ послѣ обѣда, четвертый передъ ужиномъ, пятый на ночь. Такъ же и завтра. Понялъ? Ступай». И все это занимаетъ ровно три минуты.

Онъ съ невѣроятной храбростью и быстротой рветъ зубы, прижигаетъ ляписомъ язвы, вскрываетъ тупымъ ланцетомъ ужасные крестьянскіе чирьи и нарывы, прививаетъ оспу и прокалываетъ дѣвчонкамъ ушныя мочки для сережекъ. Онъ отъ всей души жалѣетъ, что медицинское начальство не разрѣшаетъ фельдшерамъ производить, на примѣръ, трепанацію черепа, вскрытіе брюшной полости или ампутацію ногъ. Ужъ навѣрно онъ сдѣлалъ бы такую операцію почище любого петербургскаго или московскаго профессора! Асептику и антисептику онъ называетъ чушью и хрѣновиной. По его мнѣнію, бактеріи даже боятся грязи. Главное дѣло въ вѣрности глаза и въ ловкости рукъ. Крестьяне ему вѣрятъ и только лишь въ

самыхъ тяжкихъ случаяхъ, когда фельдшеръ велитъ везти недужнаго въ больницу, обращаются къ мѣстнымъ знахаркамъ.

Въ это время учитель занимается въ тѣсной и темной школѣ. Онъ сидитъ въ пальто, а ребятишки въ тулупахъ, и у всѣхъ изо рта вылетаютъ клубы пара. Оконныя стекла изнутри сплошь покрыты толстымъ бѣлымъ, бархатнымъ слоемъ снѣга. Снѣгъ бахромой виситъ на потолочныхъ брусьяхъ и блеститъ нѣжнымъ инеемъ на округлости стѣнныхъ бревенъ. «Мартышка въ старости слаба глазами стала... Ванюшечкинъ, что такое мартышка? Кто знаетъ? Ты? Рассказывай. А вы, маленькіе, списывайте вотъ это: хороша соха у Михея, хороша и у Сыся». Ноги даже въ калошахъ зябнуть и застываютъ. Крестьяне рѣшительно отказались топить школу. Они и дѣтей-то посылаютъ учиться только для того, чтобы даромъ не пропадалъ гривенникъ, который земство взимаетъ на нужды народнаго образованія. Приходится топить остатками забора и брать займы охапками у фельдшера. Тому — житье. Однажды мужики попробовали-было и его оставить безъ дровъ, а онъ взялъ и прогналъ наутро всѣхъ больныхъ, пришедшихъ на пунктъ. И дрова въ тотъ же день явились сами собой.

III.

Въ три часа Астреинъ на лыжахъ идетъ къ фельдшеру обѣдать. Они столуются вмѣстѣ, а водку покупаютъ поочередно. Иногда для запаха и цвѣта фельдшеръ впускаетъ въ бутылку съ водкой рюмку ландышнаго экстракта, и отъ этого у обоихъ послѣ обѣда долго колотятся и трепыхаются сердца. За обѣдомъ присутствуетъ собака фельдшера Другъ, большой, гладкій, рыжій, бѣлсгрудый песъ дворовой породы. Онъ кладетъ голову то

одному, то другому на колѣни, вздыхаетъ, моргаетъ голубыми голубыми глазами и стучитъ по ножкамъ табуретокъ своимъ прямымъ, крѣпкимъ, какъ палка, хвостомъ. Прислуживаетъ имъ старуха-бобылка.

Послѣ обѣда спятъ около часу, фельдшеръ на кровати, Астреинъ на печкѣ. Просыпаются, когда уже стало темно и когда старуха приноситъ самоваръ. За чаемъ Астреинъ просматриваетъ ученическія тетрадки, а Смирновъ приготовляетъ лѣкарства: Онъ дѣлаетъ ихъ оптомъ, въ запасъ, пакетовъ по пятидесяти cadaго средства, преимущественно хины, салициловаго натра, соды, висмута и доверова порошка. Онъ близорукъ и низко нагибается надъ столомъ при свѣтѣ лампы. Его прямые, плоскіе волосы свисаютъ со лба по обѣимъ щекамъ, точно бабій платокъ. Съ этими волосами, въ синихъ очкахъ и съ рѣдкой, беспорядочной бороденкой, онъ похожъ на пигилиста старыхъ временъ.

Учитель встаетъ и ходитъ вкось избы изъ угла въ уголь. Онъ высокъ, тонокъ и голову на длинной шеѣ держитъ наклоненной на бокъ. У него маленькое, съеженное лицо съ старообразнымъ малиновымъ румянцемъ, косматыя брови и голубые глаза, волосы надъ низкимъ лбомъ торчатъ стоймя, ротъ западаетъ внутрь подъ усами и короткой, выступающей впередъ, густой бородой. Лѣтъ ему подъ тридцать.

Вотъ онъ остапавливается посреди комнаты и говоритъ мечтательно:

— Какъ это дико, Сергѣй Оирсычъ, что мы съ вами уже три мѣсяца не читаемъ газетъ. Богъ знаетъ, что произошло за это время въ Россіи? Подумайте только: вдругъ случилась революція, или объявлена война, или кто-нибудь сдѣлалъ замѣчательное открытіе, а мы ровно ничего не знаемъ? Понимаете, такое открытіе, которое вдругъ перевернетъ всю жизнь... напимѣръ, летающій

корабль, или вотъ... напимѣръ... читать въ мысляхъ у другого, или взрывчатое вещество такой удивительной силы...

— Ха! Фантазіи!—говоритъ Смирновъ презрительно.

Астреинъ подходитъ къ столу и длинными, нервными, всегда дрожащими пальцами перебираетъ разновѣски.

— Ну что жъ, что фантазіи, Сергѣй Өирсычъ? Что тутъ плохого? Я, знаете, иногда сижу въ школѣ, или у васъ вечеромъ, и вдругъ мнѣ кажется, что вотъ-вотъ произойдетъ что-то совершенно необыкновенное. Вдругъ бубенцы подь окнами. Собака лаетъ. Кто-то входитъ въ сѣни, отворяетъ дверь. Лица не видать, потому что воротникъ у шубы поднять и занесло снѣгомъ.

— Жандармъ?—насмѣшливо говоритъ Смирновъ, пригибая лицо еще ниже къ столу.

— Нѣтъ, погодите, Сергѣй Өирсычъ. Онъ входитъ и спрашиваетъ: «Не вы ли мѣстный учитель Клавдій Ивановичъ Астреинъ?» Я говорю: «Это я-съ». И вотъ онъ мнѣ объявляетъ какую-то счастливую, неожиданную вѣсть, которая меня всего потрясаетъ. Я не могу себѣ даже вообразить, что онъ именно скажетъ, но что-то глубоко пріятное и радостное для меня.

— Что вы выиграли двѣсти тысячъ на билетъ отъ конки? Или что васъ назначили китайскимъ богдыханомъ?..

— Ахъ, въ томъ-то и дѣло, что я всегда стараюсь себѣ представить и не могу. Это не деньги, не должность — ничего подобнаго. Это будетъ какое-то чудо, послѣ котораго начнется совсѣмъ новая, прекрасная жизнь... начнется и для васъ, и для меня, и для всѣхъ... Понимаете, Сергѣй Өирсычъ, я жду чуда! Неужели этого съ вами никогда не бываетъ?

— За кого вы меня считаете? Конечно — никогда.

— А я жду! И мнѣ кажется, вы неправду говорите.

Вы тоже ждете. Это ожиданіе чуда — точно въ крови у всего русскаго народа. Мы родились съ нимъ на свѣтъ Божій. Иначе невозможно жить, Сергѣй Фирсычъ, страшно жить! Поглядите вы на мужиковъ. Ихъ можетъ разбудить, расшевелить и увлечь только чудо. Подите вы къ мужику съ математикой, съ машиной, съ политической экономіей, съ медициной... Вы думаете, онъ не пойметъ васъ? Онъ пойметъ, потому что онъ все способенъ понять, что выражено логично, просто и безъ иностранныхъ словъ. Но онъ не повѣритъ отъ васъ ничему, что просто и понятно. Онъ убивалъ докторовъ въ оспенныя и холерныя эпидеміи, устраивалъ картофельныя бунты, билъ кольями землемѣровъ. Изобрѣтите завтра самое вѣрное, ясное, какъ палецъ, но только не чудесное средство для поднятія его благосостоянія — и онъ сожжетъ васъ послѣзавтра. Но шепните ему, только шепните на ухо одно словечко: «золотая грамота!», или: «антихристъ!», или: «объявился!» — все равно, кто объявился, лишь бы это было нелѣпо и таинственно, — и онъ тотчасъ же выдергиваетъ стягъ изъ прясель и готовъ итти на самую вѣрную смерть. Вы его увлечете въ любую, самую глупую, самую смѣшную, самую отвратительную и кровавую секту, и онъ пойдетъ за вами. Это чудо! Пусть нынче его же сосѣдъ Иванъ Евграфовъ вдругъ откашляется и начнетъ говорить нараспѣвъ и въ носъ, зажмуря глаза:—«И было мнѣ, братіе, сонное видѣніе, что воплотися во мнѣ древній змій Илья Пророкъ»—и мужикъ сегодня же поклонится Ивану Евграфову, какъ святителю, или какъ обуянному демономъ. Онъ восторженно повѣритъ любому самозванцу, юродивому, предсказателю, лишь бы слова ихъ были вдохновенны, туманны и чудесны. Вспомните русскихъ самозванцевъ, ревизоровъ, явленныя иконы, ереси, бунты — вы вездѣ увидите въ основѣ чудо. Стремленіе къ чуду,

жажда чуда—проходить черезъ всю русскую исторію!.. Мужикъ вѣритъ глупому чуду не потому, что онъ темень и неразвѣтъ, а потому, что это духъ его исторіи, непреложный историческій законъ...

Смирновъ вдругъ теряетъ терпѣніе и начинаетъ кричать грубо:

— Чортъ бы побралъ ваши историческіе законы. Вы просто ерунду порете, милый мой, а никакая не исторія. У русскаго народа нѣтъ исторіи.

— То-есть какъ это нѣтъ?

— А вотъ такъ и нѣтъ! Исторія есть у царей, патріарховъ, у дворянъ... даже у мѣщанъ, если хотите знать. Исторія чтò подразумѣваетъ? Постоянное развитіе или паденіе, смѣну явленій. А нашъ народъ, какимъ былъ во время Владимира Краснаго-Солнышка, такимъ и остался по сіе время. Та же вѣра, тотъ же языкъ, та же утварь, одежда, сбруя, телѣга, тѣ же знанія и культура. Какая тутъ къ чорту исторія!

— Позвольте, Сергѣй Оирсычъ,—мягко возражаетъ учитель:—вы не о томъ...

— О томъ о самомъ, батенька. Да, если хотите знать, и никакого русскаго народа нѣтъ. И Россіи никакой нѣтъ!.. Есть только нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ пространства и нѣсколько сотенъ совершенно разныхъ національностей,—есть нѣсколько тысячъ языковъ и множество религій. И ничего общаго, если хотите знать. Вотъ я сейчасъ закрываю глаза и говорю себѣ: Рос-сі-я. И мнѣ, если хотите знать, представляется все это ужасное, необозримое пространство, все сплошь заваленное снѣгомъ, молчаливое, а изъ снѣга лишь кое-гдѣ торчатъ соломенные крыши. И кругомъ ни огня, ни звука, ни признака жизни! И вдругъ, ни съ того ни съ сего, неизвѣстно почему—городъ. Каменные дома, электричество, телефоны, театры, и тамъ какіе-то господа во фракахъ—какіе-то прыщи!—

говорять:—«Позвольте-съ, мы чудесно знаемъ исторію русскаго народа и лучше всѣхъ понимаемъ, что́ этому народу надобно. Вотъ мы ему сейчасъ пропишемъ рецептъ, и онъ у насъ сейчасъ...» Народъ живетъ въ грязи и невѣжествѣ, надо ему, значить, выписать персидскаго порошку, и каждому чтобы на руки азбуку-копейку. О-о! Кто только не знаетъ этотъ добрый, старый, вѣрный рускій народъ. Урядникъ всыпалъ мужику туда, откуда ноги растутъ, выпилъ рюмку водки, крякнулъ и хвастается:— «Я свой народишко знаю во-какъ!» Становой говоритъ гордо:—«Мой народъ меня знаетъ, но и я знаю мой народъ!» Губернаторъ говоритъ и трясетъ головой:— «Я и народъ—мы понимаемъ другъ друга». А тутъ же рядомъ торчитъ этакій интеллигентъ стрюцкій, въ родѣ васъ, Клавдій Ивановичъ, и тоже чирикаетъ:—«Кто? Народъ? Это мы сейчасъ, моментально... Вотъ тутъ книжка, и въ книжкѣ все это объяснено: и всякіе историческіе законы, и душа великаго русскаго народа, и все такое прочее». И никто ничего не понимаетъ: ни вы, ни я, ни пошъ, ни дьяконъ, ни помѣщикъ, ни урядникъ, ни чортъ, ни дьяволъ, ни самъ мужикъ. Душа народа! Душа этого народа такъ же темна для насъ, какъ душа коровы, если вы хотите знать!

— Виновать, Сергѣй Оирсычъ, позвольте..

— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ позвольте. Будемъ говорить поочередно: сначала я, а потомъ вы, или, наоборотъ, сначала вы, а потомъ я. Вмѣстѣ говорить неудобно. Я только хотѣлъ сказать...

— Нѣтъ, я хочу только...

И вотъ между ними закипаетъ тяжелый, безконечный, оскорбительный, скучный, русскій споръ. Какой-нибудь отростокъ мысли, придирка къ слову, къ сравненію, случайно и вздорно увлекаютъ ихъ вниманіе въ сторону, и, дойдя до тупика, они уже не помнятъ, какъ вошли въ

него. Промежуточные этапы исчезли безслѣдно; надо схватиться поскорѣе за первую мысль противника, какая отыщется въ памяти, чтобы продлить споръ и оставить за собою послѣднее слово.

Фельдшеръ уже начинаетъ говорить грубости. У него вырываются слова въ родѣ: ерунда, глупость, чушь, чепуха. Въ разговорѣ онъ откидываетъ назадъ голову, отчего волосы разлетаются въ стороны, и то и дѣло тычетъ рѣзко и прямо передъ собою вытянутой рукой. Учитель же говоритъ жалобно, дрожащимъ, обиженнымъ голоскомъ, и ребромъ ладони, робко выставленной изъ-подъ мышки, точно рубить воздухъ на одномъ мѣстѣ.

— Ну да, ладно! — говоритъ наконецъ съ неудовольствиемъ Смирновъ: — начнешь съ вами, такъ и самъ не радъ. Давай-ка лучше въ козла... Угощайте: кому сдавать? Вамъ.

Они играютъ съ полчаса въ карты, оба серьезны. Изрѣдка произносятъ вполголоса: «краси, бордадымъ, миру да подъ тебя, замирилъ, фоска, захаживай, крести, вини, буби...» Разбухшія темныя карты падаютъ на столъ, какъ блины.

Потомъ они расходятся. Иногда фельдшеръ темного провожаетъ Астреина, который побаивается волковъ. На крыльцѣ имъ кидается подъ ноги Другъ. Онъ изгибается, тычетъ холоднымъ носомъ въ руки и повизгиваетъ. Деревня тиха и темна, какъ мертвая. Изъ снѣжной пелены едва выглядываютъ, чернѣя, трехугольники чердаковъ. Крыши слабо и зловѣще бѣлѣютъ на мутномъ небѣ.

У крыльца, вдоль стѣны, лежитъ кверху дномъ лодка, занесенная снѣгомъ. И почти каждый вечеръ передъ прощаніемъ фельдшеръ говоритъ:

— Подождите, Клавдій Ивановичъ, вотъ придетъ весна, дождемся половодья — тогда мы съ вами спустимъ лодочку.

въ запрудѣ. У мельницы, батенька, вотъ какія щуки попадаются!

Иногда же онъ предлагаетъ, дразнясь:

— А хотите, я подвою?

Онъ уже дѣлаетъ ладоши рупоромъ вокругъ рта и набираетъ воздухъ, чтобы завывать по-волчьи, и знающій эту штуку Другъ уже начинаетъ напередъ нервно скулить, но Астреинъ торопливо хватаетъ Смирнова за руки.

— Ну зачѣмъ это, Сергѣй Оирсычъ? Зачѣмъ? Чтò вамъ за удовольствіе доставляетъ пугать меня? Я не виноватъ, что у меня нервы.

— А вы не спорьте!—говоритъ фельдшеръ, смѣясь.

IV.

Такъ проходятъ три мѣсяца, и ничто не измѣняется въ ихъ жизни. Они живутъ вдвоемъ, точно на необитаемомъ островѣ, затерявшемся среди снѣжнаго океана. Иногда учителю начинаетъ казаться, что онъ, съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, никуда не выѣзжалъ изъ Курши, что зима никогда не прекращалась и никогда не прекратится, и что онъ только въ забытой сказкѣ или во снѣ слышалъ про другую жизнь, гдѣ есть цвѣты, тепло, свѣтъ, сердечные, вѣжливые люди, умныя книги, женскіе нѣжные голоса и улыбки. И тогда лицо фельдшера представляется ему такимъ до-нельзя знакомымъ и неприятнымъ, точно оно перестаетъ быть чужимъ человѣческимъ лицомъ, а становится чѣмъ-то въ родѣ привычнаго пятна на обояхъ, примелькавшейся фотографической карточки съ выколотыми глазами, или давнишней царяпины на столѣ, по которымъ скользишь взоромъ, уже не замѣчая ихъ, но все-таки бессознательно раздражаясь.

Къ Рождеству мужики проторили въ сугробахъ узкія дорожки. Стало возможно ѣздить гусемъ. По давню за-

веденному обычаю, всѣ окрестные священники и дьячки, вмѣстѣ съ попадьями, дьяконицами и дочерями, съѣзжались на встрѣчу Новаго года въ село Шилово, къ отцу Василю, который къ тому же на другой день, 1-го января, бывалъ именинникомъ. Пріѣзжали также мѣстные учителя, псаломщики и различные молодые люди духовнаго происхожденія, ищущіе певѣсть.

Шилово находилось въ двѣнадцати верстахъ отъ Курши. Фельдшеръ и учитель выѣхали засвѣтло. Астреинъ ни разу еще не бывалъ у о. Василя и немного колебался, ѣхать ему или не ѣхать, но фельдшеръ успокоилъ его:

— Да ужъ я вамъ говорю, будьте покойны. Разъ вы пріѣдете со мной—увидите, какъ вамъ будутъ всѣ рады. Тамъ всѣмъ рады. Попадья гостепріимная. Такая будетъ встрѣча!

Съ мороза, съ одеревянѣвшими губами и распухшими пальцами, вошли они изъ сѣней въ маленькую гостиную. Было свѣтло и жарко. Вдоль стѣнъ сидѣли дѣвицы въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, вертя въ рукахъ носовые платки. Молодые люди съ папиросками ходили тутъ же взадъ и впередъ, не обращая никакого вниманія на барышень, и казались погруженными въ размышленія. Всѣ они, какъ на подборъ, были долговязы, бѣлобрысы и острижены ежикомъ, всѣ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, пахнувшихъ нафталиномъ и одеколономъ-геліотропъ, почти всѣ носили дымчатая пенсне на безусыхъ лицахъ, но такъ какъ глядѣть сквозь стекла имъ все-таки было затруднительно, то они держали головы откинутыми назадъ съ надменнымъ, сухимъ и строгимъ видомъ. У каждаго лѣвая рука была заложена за спину, а правая съ растопыренными пальцами засунута за бортъ сюртука.

Фельдшеръ двинулся нервнымъ, а учитель шелъ слѣдомъ за нимъ, вдоль ряда сидѣвшихъ барышень; фельд-

шеръ кланялся, шаркалъ ногой, стучалъ каблукъ о каблукъ, встряхивалъ волосами и говорилъ, выворачивая лѣвую ладонь по направленію учителя:

— Позвольте вамъ рекомендовать...

А учитель произносилъ:

— Учитель Куршпской земской школы Астреинъ.

Если же встрѣчалось новое, незнакомое лицо, фельдшеръ и самъ представлялся.

— Мѣстный фельдшеръ Смирновъ. Сынъ священника. А вотъ позвольте вамъ рекомендовать...

Покончивъ съ барышнями, они представлялись такимъ же порядкомъ молодымъ людямъ въ сюртукахъ. Молодые люди, знакомясь, называли себя сдержанно и вѣско:

— Преображенскій. Окончившій.

— Фоліантовъ. Окончившій.

— Меморскій. Окончившій.

— Поповъ. Окончившій.

И тотчасъ же отходили въ сторону, чтобы продолжать свою глубокомысленную прогулку.

Званіе же «окончившій» было въ нѣкоторомъ смыслѣ ученой степенью и означало то, что молодой человекъ кончилъ въ этомъ году курсъ семинаріи, а теперь подыскиваетъ себѣ невѣсту и священнослужительскую вакансію.

Въ другой комнатѣ поны играли на трехъ столахъ въ преферансъ и на одномъ въ стуюлку. Придерживая одной рукой рукавъ рясы, они тянулись волосатыми руками за прикупкой, а карты свои разсматривали подъ столомъ, закрывая ихъ сбоку полой рясы.

Время отъ времени раздавались солидные возгласы:

— Стучу.

— Четвертая.

— Моя.

— Семь первыхъ.

— Моя.

— Кушайте на здоровье. Пассъ.

— Позвольте.

— Вотъ такъ купилъ отецъ Аѳанасій. Вотъ купи-иль.

— Говорятъ, вы водку пили, отецъ Аѳанасій?

— Отецъ Евлампій, вы уже того... вы у меня въ картахъ не почувте, пожалуйста.

— Хе-хе-хе! Меня еще дѣдушка училъ. Свои карты всегда успѣешь поглядѣть—ты погляди у сосѣда.

— Своя. Чтò свѣтитъ?

— Пики. Пикендрясы.

— Мнѣ, пожалуйста, три.

— Куплю.

— Темная!

— Откройтесь!

За спинами у нѣкоторыхъ изъ игроковъ сидѣли ихъ пожилыя матушки. Онѣ волновались, учили, совѣтовали, упрекали, шипѣли на мужей—и, заглядывая въ карты налѣво и направо, выдавали съ милой игривостью чужія тайны. Ссоры еще не было.

Въ третьей комнатѣ чинно бесѣдовали, поглаживая бороды, два почтенныхъ священника, а сама шиловская попадья, старая, высокая, полная, еще красивая женщина, съ властнымъ большимъ лицомъ и черными круглыми бровями—настоящая король-баба!—хлопотала около стола, приготовляя закуски.

— Здравствуйте, молодые люди,—привѣтствовала она вошедшихъ.—Съ холоду? Да, да, послалъ Богъ нынче морозы. Не хотите ли настойки, согрѣться? Васъ-то я знаю, господинъ фѣршалъ, а вотъ молодого человѣка, кажется, въ первый разъ вижу.

— Позвольте вамъ рекомендовать...—вывернулъ ладошь Смирновъ.

— Учитель Куршинской земской школы Астреинъ.

Потомъ начались въ гостиной танцы подъ гармонию,

на которой прекрасно игралъ шилевскій псаломщикъ. Окончившіе танцовали съ полнымъ пренебреженіемъ къ своимъ дамамъ, глядя имъ поверхъ головы или даже совсѣмъ не глядя въ ихъ сторону, точно они были сами по себѣ, а дамы сами по себѣ, и сохраняя на своихъ лицахъ и въ осанкѣ выраженіе суровой озабоченности и холоднаго достоинства. Можетъ-быть, это просто была извѣстная свѣтская манера, которую какой-нибудь сынъ соборнаго протопопа занесъ къ нимъ въ семинарію, и она стала общей, благодаря подражательности? Дамы же старались изображать полнѣйшую безучастность къ тому, что съ ними дѣлали кавалеры, и танцовали—нѣкоторыя, впрочемъ, съ легкимъ оттѣнкомъ обиженности — какъ деревянные.

Зато невысокій плотный фельдшеръ леталъ по гостиной самымъ побѣдоноснымъ и развязнымъ образомъ, и его длинные волосы тряслись и прыгали вмѣстѣ съ его движеніями. Онъ болѣе всего увивался за дочерью отца Василія, хорошенькой вдовой-попадѣй, Александрой Васильевной. Надо было видѣть, какъ онъ лихо танцовалъ съ ней модные танцы, па-д'эспань, па-де-патинеръ, краковякъ и лезгинку, какъ, оставивъ свою даму на одномъ концѣ комнаты, онъ ловко скакалъ вокругъ самого себя, держа руку надъ головой и живописно изогнувшись, какъ уже на другомъ концѣ, отдѣленный отъ дамы другими парами, онъ выдѣлывалъ, щелкая каблуками, соло, какъ потомъ онъ стремительно мчался, кружась и толкая другихъ танцоровъ, къ покинутой дамѣ, какъ онъ встряхивалъ плечами и округленными локтями въ тактъ музыкѣ и какъ, геройски полуобернувшись направо къ Александрѣ Васильевнѣ, онъ наступалъ на чужіе каблуки и платья.

Онъ же дирижировалъ кадрилию на чистомъ французскомъ языкѣ: гра-ро, болянсе, кавале, рон-да-дà, шершево дамъ, агошъ налѣво, агошъ направо, шен-да-да!

«Мерррси во да-а-амъ!» Онъ даже искренно разсмѣшилъ всѣхъ, когда вдругъ, въ серединѣ шестой фигуры, scomандовалъ: «Аль-Фонсъ Ралле, Луи Буисъ, Генрихъ Блокъ!» и вдругъ, точно спохватившись, весело воскликнулъ: «Пардонъ, это не изъ той оперы». Положительно, онъ былъ львомъ бала, и Александра Васильевна отчаянно кокетничала съ нимъ, то-есть капризничала, надувала губки, хлопала его платкомъ по рукѣ, дѣлала видъ, что ей ужасно противно его ухаживаніе, и, вся розовая, звонко хохотала, откидываясь назадъ и блестя свѣжими темными глазками. Фельдшеръ ураганомъ носился по комнатамъ за водой для Александры Васильевны, со всѣхъ ногъ кидался подымать уроненный ею платокъ и выхватывалъ для нея стулья у другихъ, болѣе застѣнчивыхъ кавалеровъ.

Астреинъ не умѣлъ ничего танцовать, кромѣ польки, да и ту танцевалъ, вытянувшись какъ можно прямо, на цыпочкахъ, маленькими шажками, благообразно, плавно и равнодушно, сохраняя въ полной неподвижности свою длинную, склоненную набокъ шею и покатыя плечи; при этомъ онъ старался не выходить на середину и скромно вертѣлся въ углу. Онъ облюбовалъ себѣ тихонькую даму, дочь козлинскаго дьякона, маленькую, толстенную, Олимпіаду Евгеньевну, и танцевалъ только съ ней. Она была бѣдно одѣта въ старенькое, даже короткое голубое шерстяное платье, выцвѣтшее и обзеленѣвшее подъ мышками и вотъ-вотъ готовое лопнуть или разстегнуться спереди подъ напоромъ ея крѣпкихъ, круглыхъ грудей. Но она была такъ свѣжа, что, казалось, отъ нея пахнетъ арбузомъ или парнымъ молокомъ. У нея было круглое лицо, голубые глаза и неровный мраморный румянецъ. Когда они кружились съ Астреинымъ, ея толстая коса, съ голубымъ бантикомъ на концѣ, иногда ударяла учителя по плечу. Она часто краснѣла и поминутно такъ наклонялась впередъ и поворачивала голову, точно хо-

тѣла убѣжать. Астреинъ все только откашливался. Онъ не слышалъ своего голоса изъ-за звуковъ гармошіи и въ десятый разъ говорилъ дѣвушкѣ, что она навѣрно страшно скучаетъ у себя въ деревнѣ.

Въ промежуткахъ между танцами кавалеры выходили на улицу на морозъ, курили и охлаждались, обмахиваясь платками. Паръ валилъ отъ нихъ, какъ отъ почтовыхъ лошадей.

Послѣ небольшого неизбежнаго карточного скандала, вслѣдствіе котораго одинъ изъ батюшекъ совсѣмъ-было собрался уѣзжать, говоря, что нога его больше не будетъ подъ этой кровлей, и даже покушался отыскивать въ сѣняхъ свою шубу и шапку, въ чемъ однако ему помѣшали, шиловская попадья позвала ужинать. Мужчины сѣли на одномъ концѣ стола, дамы—на другомъ. Фельдшеръ помѣстился рядомъ съ Астреинымъ.

— Видѣлъ, братъ, видѣлъ,—сказалъ Смирновъ, покровительственно хлопая учителя по спицѣ.—Видѣлъ, видѣлъ... Настоящій ухажеръ. Вполнѣ можно дать браво.

— Тсс... Бросьте... Сергѣй Фирсычъ.

Ужинъ вышелъ шумный и веселый. Даже окончившіе разошлись, говорили поздравительныя рѣчи съ приведеніемъ текстовъ и, снявъ свои дымчатые стекла, оказались теплыми ребятами съ простоватыми, добродушными фізіономіями и не дураками выпить. Новый годъ встрѣчали по-старинному, съ воззваніемъ: «Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благодати Твоя на 19** годъ». Хотѣли гадать, но о. Василій воспрепятствовалъ этому.

Немножко пьяный и немножко влюбленный, Астреинъ, по примѣру фельдшера, скаталъ два шарика изъ хлѣба, поймалъ глазами взглядъ голубой дѣвушки и, нагибаясь надъ столомъ, крикнулъ ей среди общаго шума:

— Что вы желаете этимъ шарикамъ?

Она же, вся пунцовая, благодаря тремъ рюмкамъ на-

ливки, перекинула назадъ движеніемъ головы свою толстую свѣтлую косу и крикнула, прыскавая отъ смѣха и тоже наклоняясь къ столу:

— Мышь за пазуху!

Въ три часа учитель и фельдшеръ, выпившіе на ты, поцѣловавшіеся и, по обычаю, обругавшіе другъ друга свиньей и скотиной, ѣхали домой. Фельдшеръ былъ совсѣмъ пьянъ. Онъ клялся Астреину въ дружбѣ, цѣловалъ его, холодея его щеку обмерзлыми колючими усами, и все упрашивалъ его не губить Липочку и не срывать цвѣтка невинности.

— Я т-тебя зна-аю. Ты спеціалистъ!—говорилъ онъ многозначительно.

Не доѣзжая Курши, онъ заснулъ и даже тогда не проснулся, когда собака Другъ, вскочивъ въ сани, облизала ему все лицо. Учителю пришлось вмѣстѣ съ мужикомъ и старухой-бобылкою втаскивать его въ комнату.

V.

Этотъ вечеръ былъ, какъ мгновенный свѣтъ въ темнотѣ, послѣ котораго долго еще мрѣютъ въ глазахъ яркіе плывущіе круги. На цѣлую половину января хватило у фельдшера и учителя вечернихъ разговоровъ о новогодѣ у отца Василя.

Своихъ шиловскихъ дамъ они сначала называли заочно по именамъ-отчествамъ, потомъ—твоя Липочка, моя Сашенька, и наконецъ просто твоя и моя. Было особенно щекотливо-пріятно каждому изъ нихъ, когда не онъ, а другой вспоминалъ за него разныя мелочи—и тѣ, которыя были на самомъ дѣлѣ, и созданныя впоследствии воображеніемъ.

— Ей-Богу, это всѣ замѣтили,—увѣрялъ Астреинъ.—

Когда ты танцевалъ съ другой, она отъ тебя глазъ не отводила.

— Ну вотъ! Брось... Глупости,—махалъ фельдшеръ рукой и не могъ удержать на толстыхъ губахъ самодвольной улыбки.

— Ей-Богу! Даже отецъ Василій сказалъ:—«Посмотрите, эскулапъ-то нашъ... каково? А?» Я, братъ, даже удивился на тебя, такъ ты и сыплешь, такъ и сыплешь разговоромъ. А она такъ и помираетъ со смѣху. И потомъ я видѣлъ, братъ, какъ ты ей шепталъ на ухо, когда вы шли отъ ужина. Я видѣлъ!

— Оставь, пожалуйста. Ничего подобнаго, — сладко скромничалъ фельдшеръ.—А вѣдь, дѣйствительно, шикарная женщина эта Сашенька, а?

— Красавица! Чтò и говорить. Царица бала!

— Н-да, по и твоя въ своемъ родѣ... Вѣдь это, конечно, дѣло вкуса, не правда ли? Вкусовъ вѣдь нѣтъ одинаковыхъ?.. Моя—она больше бросается въ глаза, этакая свѣтская, эффектная женщина, ну, а у твоей красота чисто-русская... не кричащая, а, знаешь, тихая такая. И какіе роскошные волосы! Коса въ мою руку толщиной. Въ голубенькомъ платьѣ... одна прелесть. Такой, понимаешь ли... въ глуши расцвѣтшій василекъ. Какъ ты ей съ шарикомъ-то? Злодѣй Злодѣичъ!..

— А она вдругъ отвѣчаетъ: мышъ за пазуху!..

— Да. И вся вспыхнула. Ты думаешь, это такъ себѣ, на вѣтеръ сказано? Никогда. Я ужъ, братъ, женщинъ знаю достокапально, ничего не скажутъ безъ цѣли. Липочка этимъ дала тебѣ намекъ, если ты хочешь знать.

Учитель блаженно улыбался.

— Перестань, Сергѣй Фирсычъ... Какой тамъ намекъ...

— Очень простой. Хочу быть у вашего сердца—вотъ какой намекъ. Честное слово, она премилая. Свѣжа, какъ роза. И какой цвѣтъ лица!

— Чудный, чудный... У твоей Сашеньки тоже вѣдь цвѣтъ лица...

Но прошли двѣ недѣли, и какъ-то само собой сдѣлалось, что эти пряные разговоры стали рѣже и короче, а тамъ и совсѣмъ прекратились. Зима, подобно смерти, все сглаживаетъ и уравниваетъ. Къ концу января оба— и фельдшеръ и учитель — испытывали чувство стыда и отвращенія, если одинъ изъ нихъ случайно заговаривалъ о Шиловѣ. Прежняя добродушная услужливость въ воспоминаніяхъ и маленькая невинная сладкая ложь теперь казались имъ издали невыносимо противными.

А безконечная, упорная, неодолимая зима все длилась и длилась. Держались жестокіе морозы, сверкали ледяныя капли на голыхъ деревьяхъ, носились по полямъ крутящіеся снѣжные вьюны, по ночамъ громко ухали, осѣдая, сугробы, красныя кровавыя зори подолгу рдѣли на небѣ, и тогда дымъ изъ трубъ выходилъ кверху къ зеленому небу прямыми страшными столбами; падалъ снѣгъ крупными, тихими, безнадежными хлопьями, падалъ цѣлые дни и цѣлыя ночи, и вѣтви сосенъ гнулись отъ тяжести бѣлыхъ шапокъ.

Теперь даже и фельдшеру казалось временами, что зимѣ не будетъ и конца, и эта мысль оковывала ужасомъ его трезвый, чуждый всякой мечтательности, поповскій умъ. Онъ становился все раздражительнѣе и часто говорилъ грубости земскому доктору, когда тотъ наѣзжалъ на фельдшерскій пунктъ.

— У меня не тысяча рукъ, а двѣ,— бурчалъ онъ глухимъ басомъ, тряся волосами и выбрасывая впередъ руку съ растопыренными пальцами.— А если вамъ моя физіономія не нравится, такъ такъ и заявите въ управѣ. Я не илотъ вамъ дался.

Часто, оставаясь одинъ, онъ быстро ходилъ по комнатамъ и воображалъ себѣ свою бѣшеную ссору съ докто-

ромъ. Иногда онъ давалъ ему пощечину, иногда стрѣлялъ въ него. При этомъ онъ блѣднѣлъ отъ волненія, и губы у него бѣлѣли, сохли, холодѣли и дергались.

Перевалило за февраль. Дни стали длиннѣе, но зима держалась еще крѣпче.

Фельдшеръ и учитель тяготились другъ другомъ. Все было изучено другъ въ другѣ и все надоѣло до тошноты: жесты, тонъ голоса, привычныя словечки. Маленькіе стѣснительные недостатки возбуждали дрожь ненависти, той острой, мелочной, безумной ненависти, которую люди чувствуютъ другъ къ другу во время продолжительнаго и невольнаго заключенія вдвоемъ и которая такъ часто бываетъ въ бракѣ. Разговоры всегда оканчивались взаимной обидой.

По старой привычкѣ, они иногда спорили, — спорили подолгу, стараясь оскорбить другъ друга: фельдшеръ — грубостями, учитель — тонкими, смиренными, незамѣтными уколами самолюбію, и, сами сознавая противную сторону этихъ споровъ, они все-таки въѣдались въ нихъ и не могли ихъ прекратить.

Волки, которые теперь отъ голода совсѣмъ обнаглѣли и забѣгали въ деревню даже днемъ, вѣроятно, съ любопытствомъ и со злобой слѣдили издали въ длинные лютые вечера, какъ въ освѣщенномъ окнѣ на краю деревни рисовалась нагнувшаяся надъ столомъ человѣческая фигура, и какъ другая фигура, тонкая и длинная, быстро шныряла по комнатѣ, то пропадая въ темныхъ углахъ, то показываясь въ освѣщенномъ пространствѣ. И они, должно-быть, слышали, какъ высокій, вздрагивающій голосъ учителя нервно частилъ: «ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды...», а фельдшеръ перебивалъ его глухимъ, недовольнымъ, тягучимъ басомъ: «бу-у, бу-у, бу-у...»

Однажды, перебирая одной рукой аптекарскія разновѣски на столѣ, а другой, по обыкновенію, разрѣзая воз-

духъ на мелкіе кусочки, Астрейнъ стоялъ возлѣ фельдшера и говорилъ:

— Я всегда, Сергѣй Оирсычъ, думалъ, что это хорошо—приносить свою, хоть самую малюсенькую пользу. Я гляжу, на примѣръ, на какое-нибудь прекраснѣйшее зданіе, на дворецъ или соборъ, и думаю: пусть имя архитектора останется безсмертнымъ на вѣки вѣчныя—я радуюсь его славѣ, и я совсѣмъ не завидую ему. Но вѣдь незамѣтный каменщикъ, который тоже съ любовью клалъ свой кирпичъ и обмазывалъ его известкой, развѣ онъ также не можетъ чувствовать счастья и гордости? И я часто думаю, что мы съ тобой—крошечные люди, мелюзга, но если человѣчество станетъ когда-нибудь свободнымъ и прекраснымъ...

— Оставьте! Читали!—крикнулъ сердито фельдшеръ и отмахнулся рукой. — Я не хочу варить щей, которыхъ мнѣ никогда не придется хлебать. Къ чорту будущее человѣчество! Пусть оно подыхаетъ отъ сифилиса и вырожденія!

Астреинъ вдругъ поблѣднѣлъ и сказалъ, заикаясь:

— Но вѣдь это ужасно, что ты говоришь, Сергѣй Оирсычъ. Вѣдь жить больше нельзя, если такъ думать. Значить, что же?.. Значить, остается только идти и повѣситься!..

— И вѣшайся!—закричалъ фельдшеръ, трясясь отъ злости.—Однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше будетъ!..

Астреинъ молча надѣлъ пальто, взялъ шапку и ушелъ. Онъ не появлялся къ обѣду два дня. Но они не могли уже обойтись другъ безъ друга, не могли жить безъ этихъ привычныхъ, мелочныхъ взаимныхъ оскорбленій, безъ этой зудящей, длительной ненависти другъ къ другу. Къ концу второго дня фельдшеръ пришелъ въ школу мириться, и все пошло по-старому.

Такія ссоры повторялись часто. Надѣвая дрожащими

руками пальто, торопясь и не попадая въ рукава, ища въ то же время ногами калоши, а глазами — шапку, Астреинъ говорилъ плачущимъ голосомъ:

— Я уйду, Сергѣй Оирсычъ, я уйду, Богъ съ вами. Но клянусь вамъ, что это въ послѣдній разъ. И прошу васъ не приходить больше ко мнѣ! Да, прошу объ этомъ васъ покорнѣйше.

— И чортъ съ вами! И не приду! Очень вы пужны мнѣ! Съ Богомъ по гладенькой дорожкѣ. Дверь сами найдете.

Но они все-таки мирились, ибо уже до болѣзни вжились другъ въ друга.

Скука длинныхъ ночей, которую нельзя было одолѣть даже сномъ, толкала ихъ на ужасныя вещи.

Однажды среди ночи фельдшеръ проникъ въ кухню къ старухѣ-бобылкѣ и, несмотря на ея ужасъ и на ея причитанія, несмотря на то, что она крестилась отъ испуга, онъ овладѣлъ ею. Ей было 65 лѣтъ. И это стало повторяться настолько нерѣдко, что даже старуха привыкла и молча подчинялась.

Уйдя отъ нея, Смирновъ каждый разъ бѣгалъ по комнатѣ, скрежеталъ зубами, стоналъ и хваталъ себя за волосы отъ омерзѣнія.

Учителя же одолѣвали почныя сладострастныя грезы во время безсонницъ. Онъ худѣлъ, глаза его увеличивались и стеклянѣли, и подъ ними углублялись черные синяки. И его нервныя, тонкіе пальцы дрожали еще сильнѣе.

Какъ-то фельдшеръ предложилъ Астреину попробовать вдыханіе ээира.

— Это очень пріятно, — говорилъ онъ:— только надо преодолѣть усиліемъ воли тотъ моментъ, когда тебѣ захочется сбросить повязку. Хочешь, я помогу тебѣ?

Онъ уложилъ учителя на кровать, облѣпилъ ему ротъ и носъ, какъ маской, гигроскопической ватой и сталъ на-

питывать ее ээиромъ. Сладкій, приторный запахъ сразу наполнилъ горло и легкія учителя. Ему представилось, что онъ сію же минуту задохнется, если не скинетъ со своего лица мокрой ваты, и онъ уже ухватился за нее руками, но фельдшеръ только еще крѣпче зажалъ ему ротъ и носъ и быстро вылилъ въ маску остатки ээира.

VI.

Была одна страшная секунда, когда Астреинъ почувствовалъ, что онъ умираетъ отъ удушья, но всего только одна секунда, не болѣе. Тотчасъ же ему стало удивительно покойно и просторно. Что-то радостно задрожало у него внутри, какая-то свѣтящаяся и поющая точка, и отъ нея, точно круги отъ камня, брошеннаго въ воду, побѣжали во всѣ стороны веселыя трепещущія струйки. Лежа на спинѣ, онъ ясно увидѣлъ, какъ прямая линія, образованная стѣною и потолкомъ, вдругъ расцвѣтилась радугой, изломалась и вся расплылась въ мелкихъ, какъ Млечный путь, звѣздочкахъ. Потомъ задрожало все: воздухъ, стѣны, свѣтъ, звуки—весь міръ. И ему казалось, что каждый атомъ его существа превращается въ вибрирующее движеніе, слитое съ общимъ неуловимо-быстрымъ, свѣтлымъ движеніемъ. Все его тѣло растворялось и таяло; оно сдѣлалось невѣсомымъ, и это ощущение легкости и свободы было невыразимо блаженно. И вдругъ его сознаніе полетѣло по безконечной кривой — куда-то внизъ, въ темную пропасть, и угасло.

Онъ очнулся съ головной болью и съ противнымъ вкусомъ ээира во рту. Этотъ вкусъ преслѣдовалъ его цѣлую ночь и весь слѣдующій день.

Фельдшеръ попросилъ Астреина оказать ему такую же услугу—подержать надъ лицомъ ватную маску, и учитель подчинился. Они продѣлали этотъ опытъ нѣсколько

разъ, но не успѣли сдѣлаться ээироманами, потому что весь запасъ волшебной жидкости вышелъ, а новаго имъ не присылали.

А зима все лежала и лежала на поляхъ мертвымъ снѣгомъ, выла въ трубахъ, носилась по улицамъ, гудѣла въ лѣсу. Куршинскіе мужики кормили скотъ соломой съ крышъ и продавали лошадей на шкуры заѣзжимъ кошатникамъ.

Астреишъ совсѣмъ опустился. Онъ не только цѣлый день ходилъ въ пальто и калошахъ, но и спалъ въ нихъ, не раздѣваясь. Съ утра до вечера онъ пилъ водку, иногда пилъ ее, даже проснувшись среди ночи, доставая бутылку изъ-подъ кровати. Воспаленный мозгъ его одиноко безумствовалъ въ сладострастныхъ оргіяхъ.

Въ школѣ, въ часы занятій, онъ садился за столъ, подпиралъ голову обѣими руками и говорилъ:

— Пусть каждый изъ васъ, дѣти, прочитаетъ «Мартышку и очки». Всѣ по очереди. Наизусть. Валяйте.

Ребятишки уже давно приспособились къ нему и говорили, что хотѣли. А онъ сидѣлъ, расширивъ свѣтлые, сумасшедшіе глаза и уставивъ ихъ всегда въ одну и ту же точку на географической картѣ, гдѣ-то между Италией и Карпатами.

Фельдшеръ же во время приемовъ кричалъ на мужиковъ и нарочно, съ дикой злобой на нихъ и на себя, дѣлалъ имъ больно при перевязкахъ. Когда онъ оставался одинъ и думалъ о докторѣ, то глаза его наливались кровью отъ долго затаеннаго бѣшенства, ставшаго маніей.

Казалось, они оба неизбежно подходили къ какому-то страшному концу. Но что-то странное и таинственное есть въ человѣческой природѣ. Когда физическая боль, отчаяніе, экстазъ или паденіе достигаютъ высочайшаго напряженія, когда вотъ-вотъ они готовы перейти черезъ пре-

дѣльную черту, возможную для человѣка, тогда судьба на минутку даетъ человѣку роздыхъ и точно ослабляетъ ему жестокіе тиски. Иногда она даже на мгновение улыбнется ему. Такъ бываетъ при тяжелыхъ, смертельныхъ родахъ у женщинъ, на войнѣ, во время непосильнаго труда, при неизлѣчимыхъ болѣзняхъ, иногда при сумасшествіи, и, должно-быть, бывало во время пытокъ передъ смертью. Потомъ судьба холодно и беззлобно успокаиваетъ человѣка навсегда.

VII.

Вдругъ случилось чудо, въ которое такъ наивно вѣрилъ учитель Астреицъ. Пришла весна!

Сначала, нѣсколько дней подъ рядъ, воздухъ стоялъ неподвижно и былъ тепелъ. Тяжелыя сизыя облака медленно и низко сгуживались къ землѣ. Тощіе гърластые пѣтухи орали, не переставая, по дворамъ въ деревнѣ. Галки съ тревожнымъ крикомъ носились по темному небу. Дальніе лѣса густо посинѣли. Людей клонило днемъ ко сну.

Потомъ сразу пошли дожди, подули южные вѣтры. Вѣтеръ и дождь прямо на глазахъ ѣли снѣгъ, который сталъ на поляхъ ноздреватымъ и грязнымъ, а тамъ, гдѣ подымъ бѣжала вода, зернистымъ и жидкимъ. Деревенская улица обнажилась, доврчиво размякла, и коричневые болтливые ручейки побѣжали по ней во всю ея ширину, вдоль уклона.

Весенній безпорядокъ—шумный, торопливый, сорный—воцарился въ лѣсахъ, поляхъ и на дорогахъ—точно дружная, веселая суета передъ большимъ праздникомъ происходила въ природѣ. Какъ чудесно пахли по почамъ земля, вѣтеръ и, кажется, даже звѣзды!

Вскрылась Пра. Фельдшеръ все хлопоталъ около лодки.

Однажды вечером онъ сказалъ Астреину, потирая мозоленныя руки:

— Теперь все готово. Завтра приходи пораньше. Пообѣдаемъ и айда. Намъ некогда терять времени. Черезъ недѣлю Пра обмелѣетъ, и тогда придется тащить лодку на плечахъ. А теперь мы какъ разъ ее пригонимъ къ мельницѣ.

На другой день послѣ ранняго обѣда они сволокли легкую, плоскодонную лодку по откосу оврага къ рѣкѣ, спустили ее въ воду и поплыли по теченію внизъ. Такъ какъ рѣка бѣжала необыкновенно быстро, то фельдшеръ пустилъ Астреина на гребныя весла, а самъ сѣлъ на корму съ рулевымъ весломъ. Смирновъ взялъ съ собою на всякій случай шомпольную одностволку и даже зарядилъ ее. Другъ, увязавшійся за лодкой, бѣжалъ по берегу и весело лаялъ.

Сейчасъ же, сажень черезъ тридцать, былъ мостъ между крутыми берегами. Теперь онъ висѣлъ надъ поднявшеюся водой, почти касаясь ея. Оглянувшись назадъ, учитель спросилъ съ безпокойствомъ:

— Пройдемъ ли?

— Глупости! Пройдемъ!—отвѣтилъ увѣренно фельдшеръ.—Нагнемся и пройдемъ.

Чтобы войти подъ мостъ, имъ пришлось не только лечь ничкомъ на банки, но и защищать руками лица отъ мостовыхъ бревенъ. Подъ мостомъ было темно, сыро и гулко. Вырвавшись изъ-подъ него, лодка точно прибавила ходу и теперь плыла со скоростью хорошей почтовой лошади.

По небу опроретью неслись круглыя пухлыя облака. Совсѣмъ неожиданно пошелъ дождь. Фельдшеръ обвязалъ замѣкъ у своего ружья носовымъ платкомъ, чтобы пистоны не отсырѣли. Но дождь сейчасъ же и пересталъ, и снова засмѣялось весеннее непостоянное солнце. Берега понижались постепенно, а рѣка все расширялась.

Вода бурлила, разрѣзаемая носомъ лодки; она была, повесенному, грязно-коричневая и на изломахъ струекъ поблескивала голубымъ отраженіемъ неба. Все чаще и чаще попадались льдины—круглыя, покрытыя сверху грязнымъ снѣгомъ. Онѣ кружились, подгоняемыя теченіемъ, и терлись, шурша о борта лодки, которая ихъ обгоняла.

Навстрѣчу лодкѣ росъ приближающійся лѣсъ. Издали было слышно, какъ вода клокотала въ немъ вокругъ затопленныхъ деревьевъ. Лодка, не умѣряя скорости, вошла въ него, и вдругъ берега рѣки разбѣжались и пропали. Куда бы ни глядѣлъ глазъ, всюду—налѣво, направо, впереди, позади—разстилалась бѣгущая, говорливая, плоская вода, изъ которой кое-гдѣ торчали верхушки кустовъ. Но главное теченіе все-таки легко можно было опредѣлить по быстротѣ струй и по широкому разстоянію между деревьями. Фельдшеръ правилъ молодцомъ, зато нѣсколько разъ искупавшійся въ лужахъ Другъ остался на берегу. Онъ попробовалъ-было плыть, но испугался и вернулъся назадъ. Онъ долго еще отряхивался, трепещущей и ушами, и скулилъ, глядя вслѣдъ лодкѣ. Начиная темнѣть.

— Господи! Что же можетъ быть на свѣтѣ лучше русской весны!—говорилъ Астреинъ.—Знаешь, Оирсычъ, она точно любимая женщина. Отчаялся ее дожидаться, проклиная ее, готовишь ей гнѣвныя слова,—а вотъ она пришла, и какая радость!..

— Ну, ладно, ладно, — бурчалъ съ ласковой грубостью фельдшеръ. — Держись крѣпко, старикъ, не киени.

Рѣка такъ же внезапно, какъ расширилась, такъ и сузилась. Впереди виднѣлся второй мостъ, какъ будто перехватывающій рѣку узкимъ горломъ; за нимъ она опять расширялась.

— Послушай, друже, — сказалъ фельдшеръ: — я думаю, лучше намъ пристать у берега, не доходя моста,

а лодку ужъ мы проведемъ волокомъ. Мы здѣсь не проскочимъ.

— Э, чепуха, проскочимъ! Держи прямо! Штиръ-бомъ-бимъ-брамъ-штренъгу!—крикнулъ задорно Астреинъ.

— Ну, пу!—сказалъ фельдшеръ въ знакъ согласія.

Но они не разсчитали. Вода была слишкомъ высока. Лодка ударилась носомъ о мостовую настилку, теченіе тотчасъ же повернуло ее бокомъ, прижало къ мосту, и вдругъ Астреинъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ вся рѣка хлынула въ лодку.

Фельдшеръ успѣлъ вѣ-время ухватиться за настилку и выкарабкаться почти сухимъ. Но Астреинъ по горло погрузился въ воду. Онъ досталъ ногами дно, здѣсь было вовсе не глубоко, но теченіе съ такой силой тянуло его подъ мостъ, что онъ едва-едва успѣлъ уцѣпиться за столбъ. Лодка, переполнившись водою, перевернулась вверхъ дномъ, легко скользнула въ пролетъ и на той сторонѣ моста сейчасъ же запуталась въ кустахъ. Фельдшеръ стоялъ наверху и хохоталъ во все горло.

— Это свинство, — мрачно сказалъ Астреинъ изъ воды.—Самъ перевернулъ лодку, когда выскакивалъ, и самъ смѣешься. Давай руку.

— Подожди. Притяни сначала лодку. Тебѣ все равно заодно мокнуть. Иди смѣло. Здѣсь мелко.

— Да, хорошо тебѣ сверху.

Пока фельдшеръ вытаскивалъ учителя на мостъ, пока онъ обжималъ на немъ набухшую отъ воды одежду, стаскивалъ съ него сапоги и выливалъ изъ нихъ воду, незамѣтно настала ночь.

Снѣгъ на берегу, казавшійся вечеромъ свѣтло-фіолетовымъ, сразу побѣлѣлъ и сдѣлался прозрачно-легкимъ и тонкимъ. Деревья почернѣли и сдвинулись. Теперь ясно было слышно, какъ вдали ровно и безпрестанно гудѣла вода на мельничной плотинѣ.

— Все равно надо ѣхать, — сказалъ фельдшеръ: — выберемся на заворотъ, а тамъ вытащимъ лодку куда-нибудь на берегъ и пойдѣмъ ночевать на мельницу. Назадъ ужъ невозможно.

Они опять сѣли въ лодку. Прямо отъ моста рѣка расширялась воронкой передъ запрудой. Лѣвый берегъ круто загибалъ влѣво, а правый уходилъ прямо впередъ, теряясь въ темнотѣ.

Неожиданное теченіе вдругъ подхватило лодку и понесло ее съ ужасной стремительностью. Черезъ минуту не стало видно ни лѣваго ни праваго берега. Ревъ воды на мельницѣ, которому до сихъ поръ мѣшала преграда изъ лѣса, вдругъ донесся съ жуткой явственностью.

— Куда гребешь? Куда? Чортъ! Лѣвымъ загребай, правымъ табань. Лѣвымъ, лѣвымъ, дьяволъ, чортъ, сволочь! Да лѣвымъ же, лѣвымъ, чортъ бы тебя побралъ. Чортъ, свинья!..

— Дрянъ, сволочь! Сидишь на рулѣ. Чего смотришь? Собака, сволочь! Клистирная трубка!

Астрейнъ выбивался изъ силъ, стараясь направить лодку къ лѣвому берегу, но она неслась невѣдомо куда. И въ это время фельдшеръ и учитель яростно ругали другъ друга всѣми бранными словами, какія имъ попадали на языкъ.

— Стой, стой! Кустъ! Держи! Кустъ!—вдругъ закричалъ радостно фельдшеръ.

Ему удалось схватиться руками за вѣтки куста, торчавшаго изъ воды. Лодка стала, вся содрогаясь и порываясь впередъ. Вода бѣжала вдоль ея бортовъ слѣва и справа съ гнѣвнымъ рокотомъ. Теперь видимъ сталъ правый берегъ. Снѣгъ лежалъ на немъ, бѣлѣя слабо и плоско, какъ бумага въ темнотѣ. Но фельдшеръ зналъ мѣстность. Этотъ берегъ представлялъ собою огромное болото, непроходимое даже лѣтомъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Большія льдины, крутясь, быстро проплывали мимо лодки и казались легкими, какъ вата. Иногда онѣ сталкивались, терлись другъ о друга и шуршали, и вздыхали съ коварной осторожностью.

Астреинъ чувствовалъ, какъ у него волосы холодѣютъ и становятся прямыми и твердыми, точно тонкія стеклянныя трубки. Ревъ воды на мельницѣ стоялъ въ воздухѣ ровнымъ страшнымъ гуломъ; и было ясно, что вся тяжелая масса воды въ рѣкѣ бѣжитъ неудержимо туда, къ этому звуку.

— Надо двигаться!—сказалъ фельдшеръ. — Пусти-ка меня на весла.

Они перемѣнились мѣстами, и теперь уже Астреинъ держался за вѣтки. Оба старались казаться спокойными.

— Дѣло въ томъ, что о правомъ берегу намъ нечего и думать. Тамъ мы увязнемъ и не выберемся до трубы архангельской. Послушай, Клавдій Ивановичъ.—Голосъ фельдшера вдругъ задрожалъ теплымъ, глубокимъ тономъ.—Послушай, ты не сердись на меня, что я потащилъ тебя сегодня въ эту дурацкую поѣздку?

— О, что ты, родной мой. Не думай объ этомъ, ради Бога, — ласково отвѣтилъ учитель.

Онъ наклонился, чтобы увидѣть лицо Смирнова, но увидѣлъ только слабое темное очертаніе его плечъ и головы.

— Видишь ли, намъ надо, если ты хочешь знать, выбиваться къ лѣвому берегу,—опять заговорилъ фельдшеръ. — Попробуемъ пересѣчь теченіе? а? Какъ ты думаешь?

— Давай, — тихо сказалъ учитель: — судьба, такъ судьба.

— Ничего... Можетъ, и выгребу, а не выгребу — наплевать...

— Конечно, — сказалъ учитель.

Опять наступило молчаніе. Вода плескалась и роптала вокругъ лодки, кружились и вздыхали со свистомъ льдины, ревѣла вдали мельница.

— Пускать? — спросилъ учитель съ тоской.

— Прости меня за все, Клавдій Ивановичъ, — вдругъ просто и серьезно, даже точно дѣловито, сказалъ фельдшеръ. — Я былъ къ тебѣ такъ несправедливъ эту зиму.

— Брось, милый, что ужъ тутъ. Я тебя люблю, мало ли что бываетъ между близкими? Ну, держись. Я пускаю.

Онъ разжалъ руки, и лодка, точно обезумѣвъ отъ свободы, понеслась впередъ. И тотчасъ же Астреинъ увидѣлъ свѣтъ на мельницѣ. Онъ, какъ красная булавка, торчалъ среди черной ночи.

Фельдшеръ гребъ, нагнувъ внизъ голову, упираясь ногами въ переднюю скамейку, шумно и коротко выдыхая воздухъ. Ему казалось, что лодка быстро подается впередъ при каждомъ взмахѣ весель, но это былъ обманъ: ее несло только теченіемъ, и самъ Смирновъ хорошо это зналъ.

Учитель ничего не говорилъ, но онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ мгновеніемъ увеличивался огонь на мельницѣ. Можно было уже разобрать переплетъ окна.

Воздухъ дрожалъ отъ рева воды подъ шлюзами. Вдругъ Астреинъ увидѣлъ впереди лодки длинный бѣлый гребень пѣны, который приближался, какъ живой. Онъ со слабымъ крикомъ закрылъ лицо руками и бросился ничкомъ на дно лодки. Фельдшеръ понялъ все и оглянулся назадъ. Лодка бокомъ вкось летѣла на шлюзы. Неясно чернѣла плотина. Бѣлые бугры пѣны метались впереди.

— Конецъ! — сказалъ фельдшеръ вслухъ. — Астреинъ, Астреинъ! — крикнулъ онъ: — держись за борта, держись!

Но его тотчасъ же сбило со скамейки. Онъ упалъ грудью на уключину и судорожно вцѣпился обѣими руками въ бортъ. Огромная тяжелая волна обдала его съ ногъ до головы. Почему-то ему послышался въ ревѣ водопада густой, частый звонъ колокола. Какая-то чудовищная сила оторвала его отъ лодки, подняла высоко и швырнула въ бездну головой внизъ. «А Другъ-то, пожалуй, одинъ не найдетъ дорогу домой», — мелькнуло вдругъ въ головѣ фельдшера. И потомъ ничего не стало.

Рѣка долго влекла ихъ избитыя, обезображенныя тѣла, крутя въ водоворотахъ и швыряя о камни. Трупъ фельдшера застрялъ между ветлами. Учителя потащило дальше.

НОЧНАЯ СМѢНА.

Въ казармѣ четырнадцатой роты давно окончили вечернюю перекличку и пропѣли молитву. Уже одиннадцатый часъ въ началѣ, но люди не снѣшуться раздѣваться. Завтра воскресенье, а въ воскресенье всѣ, кромѣ должностныхъ, встаютъ часомъ позже.

Дневальный — Лука Меркуловъ — только-что «заступилъ на смѣну». До двухъ часовъ пополуночи онъ долженъ не спать, ходить по казармѣ въ шинели, въ шапкѣ и со штыкомъ на боку и слѣдить за порядкомъ: за тѣмъ, чтобы не было покражъ, чтобы люди не выбѣгали на дворъ раздѣтыми, чтобы въ помещеніе не проникали постороннія лица. Въ случаѣ посѣщенія начальства, онъ обязанъ рапортовать о благополучіи и о всемъ происшедшемъ.

Меркуловъ дневалитъ не въ очередь, а въ наказаніе, — за то, что въ прошедшій понедѣльникъ, во время подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, его скатанная шинель была обвязана не ремешнымъ трынчикомъ, который у него украли, а веревочкой. Дневалитъ онъ черезъ день вотъ уже третій разъ, и все ему достаются самые тяжелые ночные часы.

Меркуловъ плохой фронтовикъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ лѣнивъ и нестарателенъ. Просто ему не дается сложное искусство чисто дѣлать ружейные приемы, вы-

тягивать при маршировкѣ внизъ носокъ ноги, «подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ», и въ должной степени «затаивать дыханіе въ моментъ спуска ударника» при стрѣльбѣ. Тѣмъ не менѣе онъ извѣстенъ за солдата серьезнаго и обстоятельнаго: въ одеждѣ наблюдаетъ опрятность; сквернословить сравнительно мало; водку пьетъ только казенную, какую даютъ по большимъ праздникамъ, а въ свободное время медленно и добросовѣстно точастъ сапоги, — не болѣе пары въ полгода, но зато какіе сапоги! — огромные, тяжеловѣсные, не знающіе износа, — меркуловскіе сапоги.

Лицо у него шершавое, сѣрое, въ одинъ тонъ съ шинелью и съ оттѣнкомъ той грязной блѣдности, которую придаетъ простымъ лицамъ воздухъ казармъ, тюремъ и госпиталей. Страшное и какое-то неумѣстное впечатлѣніе производятъ на меркуловскомъ лицѣ выпуклые глаза удивительно пѣкшаго и чистаго цвѣта — добрые, дѣтскіе и до того ясные, что они кажутся сіяющими. Губы у Меркулова простодушныя, толстыя, особенно верхняя, надъ которой точно прилизанъ рѣдкій бурый пушокъ.

Въ казармѣ гомонъ. Четыре длинныхъ, сквозныхъ комнаты еле освѣщены коптящимъ красноватымъ свѣтомъ четырехъ жестяныхъ почниковъ, висящихъ въ каждомъ взводѣ у стѣны ручкой на гвоздикѣ. По срединѣ комнатъ тянутся въ два ряда сплошныя нары, покрытыя сверху сѣнишками. Стѣны выбѣлены известкой, а снизу выкрашены коричневой масляной краской. Вдоль стѣнъ стоятъ въ длинныхъ деревянныхъ стойкахъ красивыми, стройными шеренгами ружья; надъ ними висятъ въ рамкахъ олеографіи и гравюры, изображающія въ грубомъ, паглядномъ видѣ всю солдатскую науку.

Меркуловъ медленно ходитъ изъ взвода въ взводъ. Ему скучно, хочется спать, и онъ чувствовалъ зависть ко всѣмъ этимъ людямъ, которые копошатся, галдятъ и

хохочутъ въ тяжелой мглѣ казармы. У всѣхъ у нихъ впереди такъ много часовъ сна, что они не боятся отнять у него нѣсколько минутъ. Но всего томительнѣе, всего непріятнѣе — сознаніе, что черезъ полчаса вся рота замолкнетъ, уснетъ, и только Меркуловъ остается бодрствовать — тоскующій и забытый, одинокій среди ста человѣкъ, перенесенныхъ какою-то ужасной, таинственной силой въ невѣдомый міръ.

Во второмъ взводѣ тѣсно сбились въ кучу около десяти или двѣнадцати солдатиковъ. Они такъ близко разсѣлись и разлеглись другъ возлѣ друга на нарахъ, что сразу не разберешь, къ какимъ головамъ и спинамъ принадлежатъ какія руки и ноги. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ то и дѣло вспыхиваютъ красные огоньки «цыгарокъ». Въ самой серединѣ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, старый солдатъ Замошниковъ, — «дядька Замошниковъ», какъ его называетъ вся рота. Замошниковъ — маленькій, худой, подвижной солдатикъ, общій любимецъ, запѣвала и добровольный увеселитель. Мѣрно покачиваясь назадъ и впередъ и потирая колѣни ладонями, онъ рассказываетъ сказку, держась все время пониженнаго, медленнаго и какъ будто бы недоумѣвающаго тона. Его слушаютъ въ сосредоточенномъ молчаніи. Изрѣдка одинъ изъ присутствующихъ, захваченный интересомъ разсказа, вдругъ вставляетъ, не вытерпѣвъ, торопливое, восхищенно-ругательное восклицаніе.

Меркуловъ останавливается подлѣ кучки и равнодушно прислушивается.

— И посылаетъ этта ему турецкій салтанъ большущую бочку мака и пишетъ ему письмо: «Вашее пріасхадительство, славный и храбрый генераль Скобелевъ! Даю я тебѣ три дня и три noci строку, чтобы ты пересчиталъ весь этотъ макъ до одинаго зерна. И сколько, значить, ты зеренъ насчитаешь, столько у меня въ моемъ войскѣ

есть солдатовъ». Прочиталъ генераль Скобелевъ салтаново письмо и вовсе даже отъ этого не испужался, а только, наоборотъ, посылаетъ обратно турецкому салтану горсточку стручковаго перцу. — «У меня, говоритъ, солдатовъ куда противъ твоего меньше, всего-навсего одна малая горстка, а нука-ся, попробуй-ка, — раскуси!..»

— Ловко повернулъ! — одобряетъ голосъ за спиной Замошникова.

Другіе слушатели сдержанно смѣются.

— Да... На-ка, говоритъ, раскуси, попробуй! — повторяетъ Замошниковъ, жалѣя разстаться съ выигрышнымъ мѣстомъ. — Салтанъ-то ему, значить, бочку мака, а опъ ему горсть перцу: «На-ка-сь, говоритъ, выкуси!» Это Скобелевъ-то нашъ, салтану-то турецкому. «У меня, говоритъ, солдатовъ всего одна горсточка, а попробуй-ка, поди-ка, раскуси!..»

— Вся, что ли, сказка-то, дядька Замошниковъ? — робко спрашиваетъ какой-то нетерпѣливый слушатель.

— А ты... погоди, братецъ мой, — досадливо замѣчаетъ ему Замошниковъ. — Ты не подталдыкивай... Сказку сказывать—это, братъ, тоже не блохъ ловить... Да... — Затѣмъ, помолчавъ немного и успокоившись, опъ продолжаетъ сказку.— Да... «Хоть и малая, говоритъ, горсточка, а поди-ка, раскуси...» Прочиталъ турецкій салтанъ скобелевское письмо и опять ему пишетъ: «Убери ты, по добру, по здорову, свое храброе войско изъ моей турецкой земли... А ежели ты своего храбраго войска убрать не захочешь, то дамъ я своимъ солдатамъ по чаркѣ водки, солдаты мои отъ этого разсердятся и выгонять въ три дня всю твою армию изъ Турціи». А Скобелевъ ему ссейчасъ отвѣтъ: «Великій и славный турецкій салтанъ, какъ это смѣешь ты, турецкая твоя морда, мнѣ такія слова писать? Нашелъ чѣмъ стращать: «по чаркѣ водки дамъ!». А я вотъ своимъ солдатушкамъ три дня ло-

пять ничего не дамъ, и они тебя, распротакого-то сына, со всѣмъ твоимъ войскомъ живьемъ сожрутъ и назадъ не вернутъ, такъ ты безъ вѣсти и пропадешь, собачья образина, свиное твое ухо!..» Какъ услышалъ эти слова турецкій салтанъ, сильно опъ, братцы мои, въ ту пору испужался и сейчасъ подался на замиренье. — «Ну, говоритъ, тебя совсѣмъ къ Богу и съ войскомъ съ твоимъ. Вотъ тебѣ мельонтъ рублей денегъ, и отвяжись ты отъ меня, пожалуйста...»

Замошниковъ молчитъ съ минутой и потомъ добавляетъ коротко:

— Вся сказка, ребята.

Слушатели оживляются, и кучка начинаетъ шевелиться. Со всѣхъ сторонъ раздается одобрительная ругань.

— Важно опъ яво, братцы!..

— Н-да-а, садануль... нечего сказать...

— На что лучше... Я, грить, своимъ солдатамъ три дни вѣсть не дамъ, такъ они тебя, мерзавца, живьемъ слопаютъ. Какъ онъ ему сказалъ, дядька Замошниковъ? А дядька Замошниковъ?

Замошниковъ повторяетъ ту же самую фразу слово въ слово.

— Куда жъ противъ нашихъ! — подхватываютъ хвастливые голоса.

— Ку-у-да-а!.. Противъ руцкихъ-то!

— Ежели противъ нашихъ, такъ это еще, братъ, погодить надоть.

— Да еще и какъ погодить-то... Это такое дѣло, что падо благословимшись да каши сперва поѣмши.

Замошниковъ въ это время тянется къ огоньку цыгарки, то вспыхивающему, то погасающему подлѣ него, и говоритъ небрежно:

— Дай-ка-сь, братецъ, потянуть разочекъ. Что-й-то смерть покурить хоцца.

Опъ нѣсколько разъ подъ рядъ торопливо и глубоко затягивается, пуская дымъ изъ носа двумя прямыми, сильными струями. Лицо его, особенно подбородокъ и губы, попеременно то озаряются краснымъ блескомъ, то мгновенно тухнуть, пропадаютъ въ темнотѣ. Чья-то рука протягивается къ его рту за цыгаркой, и чей-то голосъ просить:

— А пу-ка, дядька Замошниковъ, оставь, я покурю пемножко.

— Кто покурить, а кто и поплюить, — отрѣзаетъ Замошниковъ.

Солдаты смѣются: «Ужъ этотъ Замошниковъ... всегда такое ввернетъ!..» Поощренный Замошниковъ продолжаетъ шутить:

— Знаешь, братъ, какъ нонче курятъ? Табачокъ вашъ, бумажку дашь, вотъ и покуримъ.

Однако онъ тутъ же суетъ въ протянутую руку окурокъ, сплевываетъ на сторону, перегнувшись черезъ чью-то спину, и говоритъ:

— А вотъ тоже, ребята, знаю я еще одну исторію. Може, кто слышалъ изъ васъ? Про то, какъ солдатъ прицѣпилъ себѣ желѣзные когти и лазилъ къ царевнѣ на башню? Если знаете, такъ я лучше и сказывать не буду.

— Не знаемъ... Нѣтъ, нѣтъ... Валяй, дядька Замошниковъ. Никто не слышалъ.

— Начинается это такъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ солдатъ Яшка, Мѣдная пряжка. И былъ, братцы мои, этотъ солдатъ удивительный человекъ на свѣтѣ...

Меркуловъ вяло отходить прочь. Въ другое время онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ слушалъ бы сказки Замошникова, но теперь ему даже кажется страннымъ, какъ это другіе могутъ слушать съ такимъ интересомъ вещи незанимательныя, скучныя и, главное, завѣдомо вымышленныя.

«Ишь, черти, и ко сну ихъ не манитъ, — злобно думаетъ Меркуловъ. — Будутъ себѣ цѣлую ночь дрыхнуть»...

Онъ подходитъ къ окну. Стекла изнутри запотѣли, и по нимъ то и дѣло быстро и извилисто сбѣгаютъ капли. Меркуловъ протираетъ рукавомъ шинели стекло, прижимается къ нему лбомъ и загоразживаетъ глаза съ обѣихъ сторонъ ладонями, чтобы не мѣшало отраженіе ночника. На дворѣ осенняя, дождливая, черная ночь. Свѣтъ, падающій изъ окна, лежитъ на землѣ косымъ, вытянутымъ четырехугольникомъ, и видно, какъ въ этой свѣтлой полосѣ морщится и рябится отъ дождя большая лужа. Далеко впереди и внизу, точно на краю свѣта, чуть-чуть блестятъ огни мѣстечка. Больше ничего не различаетъ глазъ въ темнотѣ ненастной ночи.

Постоявъ немного у окна, Меркуловъ идетъ дальше, въ четвертый взводъ, обходитъ его и медленно бредетъ по другой сторонѣ казармы, вдоль оконъ. На самомъ концѣ наръ, по бокамъ угла усѣлись, спустивъ ноги, двое солдатъ—Панчукъ и Коваль. Между ними стоитъ маленькій деревянный сундучокъ съ замкомъ на кольцахъ. На сундукѣ лежитъ цѣльный хлѣбъ, накроенный толстыми ломтями во всю длину, пятокъ луковицъ, кусокъ свиного сала и крупная сѣрая соль въ чистой тряпкѣ. Панчукъ и Коваль связаны между собою странной, молчаливой дружбой, основанной на необычайномъ обжорствѣ. Имъ не хватаетъ казенныхъ шести фунтовъ хлѣба; они прикупаютъ его каждый день у товарищей и всегда поѣдаютъ его вмѣстѣ, обыкновенно вечеромъ, не обмѣниваясь при этомъ ни единымъ словомъ. Оба они изъ зажиточныхъ семействъ и ежемѣсячно получаютъ изъ дому по рублю и даже по два...

Каждый изъ нихъ поочередно узкимъ ножикомъ, источеннымъ до того, что его острее даже вогнулось внутрь,

отрѣзаетъ нѣсколько тонкихъ, какъ папирсная бумага, кусочковъ сала и аккуратно распластываетъ ихъ между двумя ломтями хлѣба, круто посоленными съ обѣихъ сторонъ. Потомъ они начинаютъ молча и медленно поѣдать эти огромные бутерброды, лѣниво болтая спущенными внизъ ногами.

Меркуловъ останавливается противъ нихъ и тупо смотритъ, какъ они ѣдятъ. Видъ сала вызываетъ у него подъ языкомъ острую слюну, но просить онъ не рѣшается: все равно ему отвѣтятъ отказомъ и хлесткой насмѣшкой. Однако онъ все-таки произноситъ срывающимся голосомъ, въ которомъ слышится почти просьба:

— Хлѣбъ да соль, ребята.

— Ъмъ, да свой, а ты рядомъ постой, — отвѣчаетъ совершенно серьезно Коваль и, не глядя на Меркулова, обчищаетъ ножомъ отъ коричневой шелухи луковицу, рѣжетъ ее на четыре части, обмакиваетъ одну четверть въ соль и жуетъ ее съ сочнымъ хрустѣніемъ. Панчукъ ничего не говоритъ, но смотритъ прямо въ лицо Меркулову тупыми, сонными, неподвижными глазами. Онъ громко чавкаетъ, и на его массивныхъ скулахъ, подъ обтягивающей ихъ кожей, напрягаются и ходятъ связки челюстныхъ мускуловъ.

Нѣсколько минутъ всѣ трое молчатъ. Наконецъ Панчукъ съ трудомъ проглатываетъ большой кусокъ и сдавленнымъ голосомъ равнодушно спрашиваетъ:

— Что, братъ, дневались?

Онъ и безъ того отлично знаетъ, что Меркуловъ дневалить, и предложилъ этотъ вопросъ ни съ того ни съ сего, безъ всякаго интереса; просто, такъ себѣ, спросилось. И Меркуловъ такъ же равнодушно выпускаетъ, вмѣсто отвѣта, длинное ругательство, неизвѣстно кому адресованное: двумъ ли солдатамъ, которые имѣютъ возможность объѣдаться хлѣбомъ съ саломъ, или началь-

ству, заставившему Меркулова не въ очередь дневалить.

Онъ отходить отъ пріятелей, продолжающихъ свою молчаливую, медленную ѣду, и бредетъ дальше. Сырая казарма быстро нагрѣвается человѣческимъ дыханіемъ: Меркулову даже становится жарко въ его шинели. Нѣсколько разъ кряду онъ обходитъ всѣ взводы, со скукой прислушиваясь къ разговору, громкому смѣху, руготнѣ и пѣнію, долго не смолкающимъ въ ротѣ. Ничего его не смѣшитъ и не занимаетъ, но въ душѣ ему сильно хочется, чтобы еще долго, долго, хоть всю ночь, не затихалъ этотъ шумъ, чтобы только ему, Меркулову, не оставаться одному въ ужасной тишинѣ спящей казармы.

Въ концѣ перваго взвода стоитъ отдѣльная нара унтеръ-офицера Евдокима Ивановича Ноги, ближайшаго начальника Меркулова. Евдокимъ Ивановичъ—большой франтъ, бабникъ, говорунъ и человѣкъ зажиточный. Его нара поверхъ сѣнника покрыта толстымъ ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ квадратиковъ и треугольниковъ; въ головахъ къ деревянной спинкѣ прилѣплено хлѣбомъ маленькое, круглое, треснутое посрединѣ зеркальце въ жестяной оправѣ.

Евдокимъ Ивановичъ безъ мундира и босой лежитъ сверхъ своего великолѣпнаго одѣяла на спицѣ, заложивъ за голову руки и задравъ кверху ноги, изъ которыхъ одна упирается пяткой въ стѣну, а другая черезъ нее перекинута. Изъ угла рта торчитъ у него камышевый мундштукъ со вставленной въ него дымящейся «кручонкой». Передъ унтеръ-офицеромъ въ понурой, печальной и покорной позѣ большой обезьяны стоитъ рядовой его взвода Шангирей Камафутдиновъ— блѣдный, грязный, глуповатый татаринъ, не выучившій за три года своей службы почти ни одного русскаго слова, — посмѣшище всей роты, ужасъ и позоръ инспекторскихъ смотровъ.

Ногъ не спится, и, пользуясь минутой, онъ «репетитъ» съ Камафутдиновымъ «словесность». У татарина отъ умственного напряженія виски и конецъ носа покрылись мелкими каплями пота. Время отъ времени онъ вытаскиваетъ изъ кармана грязную ветошку и сильно третъ ею свои зараженные трахомой, воспаленные, распухшіе, гноящіеся глаза.

— Идіотъ турецкій! Морда! Чтò я тебя спрашиваю? Ну! Чтò я тебя спрашиваю, идолъ? — кипятится Нога.

Камафутдиновъ молчитъ.

— Эёіопъ неумытый! Какъ твое ружье называется? Говори, какъ твое ружье называется, скотина подлая!

Камафутдиновъ третъ свои больные глаза, переминается съ ноги на ногу, но продолжаетъ молчать.

— Ахъ, ты!.. Нѣтъ съ тобой никакой моей возможности! Ну, повторяй за мной... — И Нога произноситъ, громко отчеканивая каждый слогъ:—Ма-ло-ка-ли-бер-на-я, ско-ро-стрѣль-на-я.

— Малякарли... карасті... — испуганно и торопливо повторяетъ Камафутдиновъ.

— Дура! Не спѣши... Еще разъ: малокалиберная, скорострѣльная...

— Малякяли... скарлястиль...

— У-у! Образина татарская! — И Нога дѣлаетъ на него злобно-искаженную фізіономію. — Ну, чортъ съ тобой... Дальше повторяй: пѣхотная винтовка...

— Пихоть бинтофкъ...

— Со скользящимъ затворомъ...

— Заскальзяситворомъ...

— Системы Бердана, номеръ второй...

— Ссемъ бирданъ, номеръ тарой.

— Такъ... Ну, катай сначала.

Татаринъ вяло мнется и оный лѣзетъ въ карманъ за тряпкой.

— Ну же! Чортъ!

— К... к... кали... калибри... заскальзи... — Камафутдиновъ наугадъ подбираетъ первые попадающіеся ему звуки.

— Заскальзи-и! — перебиваетъ его унтеръ-офицеръ. — Самъ ты — заскальзи. Вставать мнѣ только не хочется, а то бы я тебѣ выутюжилъ морду-то! Весь фасонъ ты у меня во взводѣ нарушаешь!.. Ты думаешь, съ меня изъ-за тебя не зиськуется? Строго, братъ, зиськуется... Ну, повторяй опять: малокалиберная, скорострѣльная...

Въ концѣ перваго взвода, близъ желѣзной печки, разлеглись на нарахъ головами другъ къ другу трое старыхъ солдатъ и поютъ вполголоса, но съ большимъ чувствомъ и съ видимымъ удовольствіемъ вольную, «свою», деревенскую пѣсню. Первый голосъ высокимъ, нѣжнымъ фальцетомъ выводитъ грустную мелодію, небрежно выговаривая слова и вставляя въ нихъ для пѣвучести лишнія гласныя. Другой пѣвецъ старательно и бережно вторитъ ему въ терцію сиплымъ, но пріятнымъ и сочнымъ теноркомъ, немного въ носъ. Третій поетъ въ октаву съ первымъ глухимъ и невыразительнымъ голосомъ; въ иныхъ мѣстахъ онъ нарочно молчитъ, пропускаетъ два такта и вдругъ сразу подхватываетъ и догоняетъ товарищей въ своеобразной фугѣ.

Прощай, радость моя и покой,—
Слышу, уѣзжаетъ отъ меня милой.
Ахъ, намы должно
Съ та-або-ой...—

согласно и красиво вытягиваютъ первые голоса, а третій, отставшій отъ нихъ послѣ слова «должно», вдругъ присоединяется къ нимъ рѣшительнымъ, крѣпкимъ подхватомъ:

Съ тобой разстаться.

И затѣмъ всѣ трое поютъ вмѣстѣ:

Тебя мнѣ не видать,
Темною ночью вмѣстѣ не гулять.

Закончивъ куплетъ, голосъ, пѣвшій мелодію, вдругъ беретъ страшно высокую ноту и долго-долго тянетъ ее, широко раскрывъ при этомъ ротъ, зажмуривъ глаза и наморщивъ отъ усилія носъ. Потомъ, сразу оборвавъ, точно отбросивъ эту ноту, онъ дѣлаетъ маленькую паузу, откашливается и начинаетъ снова:

Ахы, темною ночикой
Мнѣ-ѣ не сынится,
Сама я не знаю по-оче-ему...

— Сударь, почему! — ввертываетъ вдругъ третій увѣреннымъ речитативомъ, и опять всѣ втроемъ продолжаютъ:

Ахъ, буду помнить я
Твои ласковые взоры,
Твой веселый разговоръ...

Пѣсня эта знакома Меркулову еще съ деревни, и поэтому онъ слушаетъ ее очень внимательно. Ему кажется, что хорошо было бы теперь лежать раздѣтымъ, укрывшись съ головой шинелью, и думать про деревню и про своихъ, думать до тѣхъ поръ, пока сонъ тихо и ласково не заведетъ ему глазъ.

Пѣвцы вдругъ замолкаютъ. Меркуловъ долго дожидается, чтобы они опять запѣли; ему нравится неопредѣленная грусть и жалость къ самому себѣ, которую всегда вызываютъ въ немъ печальные мотивы. Но солдаты лежатъ молча на животахъ, головами другъ къ другу: должно-быть, заунывная пѣсня и на нихъ навѣяла молчаливую тоску. Меркуловъ глубоко вздыхаетъ, долго скребетъ подъ шинелью зачесавшуюся грудь, сдѣлавъ при этомъ страдающее лицо, и медленно отходитъ отъ пѣвцовъ.

Казарма затихаетъ постепенно. Только во второмъ взводѣ слышатся то и дѣло взрывы буйнаго хохота. Замошниковъ уже окончилъ исторію про солдата съ желѣзными когтями и теперь начинаетъ «приставлять». Онъ самъ — и актеръ и импровизаторъ. Его любимый номеръ, который онъ сейчасъ и разыгрываетъ, — это полковой смотръ, производимый строгимъ генераломъ Замошниковымъ. Здѣсь онъ является поочередно и толстымъ генераломъ съ одышкой, и полковымъ командиромъ, и штабсъ-капитаномъ Глазуновымъ, и фельдфебелемъ Тарасомъ Гавриловичемъ, и старухой-хохлушкой, которая только-что пришла изъ деревни и «восемнадцать лѣтъ москаливъ не бачила», и кривоногимъ, косымъ рядовымъ Твердохлѣбомъ, и плачущимъ ребенкомъ, и сердитой барышей съ собачкой, и татаринномъ Камафутдиновымъ, и цѣлымъ батальономъ солдатъ, и музыкой, и полковымъ врачомъ. Навѣрно, каждый изъ слушателей не менѣе десяти разъ присутствовалъ на «приставленьяхъ» Замошникова, но интересъ вовсе не ослабѣваетъ отъ этого, тѣмъ болѣе, что Замошниковъ всегда наново разукрашиваетъ свое діалоги бойкими приемами и то и дѣло загибаетъ поговорки, одна другой неожиданнѣй и непристойнѣй... Замошниковъ ведетъ сцену, стоя въ проходѣ между парами и окномъ, зрители рассѣлись и разлеглись на нарахъ.

— Муз-зыканты, по мѣст-а-а-амъ! — командуетъ Замошниковъ хриплымъ, нарочно задушеннымъ голосомъ, преувеличенно разѣвая ротъ и трясая закинутой назадъ головой: онъ, конечно, бѣится кричать громко и этими приемами изображаетъ до извѣстной степени оглушительность команды полкового командира. — По-олкъ! Слуша-а-ай! На крау-у-уль! Музыка, играй... Трамъ, папимъ, тати-ра-рамъ...

Замошниковъ трубить маршъ, раздувая щеки и хло-

пая себя по нимъ ладонями, какъ по барабану. Затѣмъ онъ говоритъ бойкой скороговоркой:

— Вотъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ храбрый генералъ Замошниковъ. Смотритъ соколомъ, грудь колесомъ. Весь мундиръ въ орденахъ, посмотришь — прямо тибѣ беретъ страхъ. — «Здорово, молодцы, славные нижнеломовцы!» — «Здра-жела-вассс!» — «Молодцы, ребята!» — «Ради стараться, вассс!..» Сейчасъ полковой къ нему съ рапортомъ: — «Вашему пріасходительству, славному и храброму генералу Замошникову имѣю честь лепортовать... Въ Нижнеломовскомъ развеселомъ полкѣ все обстоитъ благополучно. По списку солдатовъ цѣлая тыща. Сто человекъ въ лазаретѣ валяется, сто по кабакамъ шатается, да сто въ бѣгахъ обрѣтается. Пятьдесятъ подъ заборомъ лежатъ, пятьдесятъ подъ арестомъ сидятъ, а пятьдесятъ пьяные — на ногахъ не стоятъ... Двѣсти по-міру пошли побираться, а другіе и совсѣмъ џикуда не годятся. Не стрижены, не бриты, морды у нихъ не умыты, подъ глазами синяки подбиты. Цѣлый годъ ничего не ѣли, не пили, а только все по дѣвкамъ ходили. Нѣтъ нашего полка на свѣтѣ веселѣе!» — «Молодцы, ребята, спасибо, красавцы!» — «Ради стараться, вассс...» — «Претензій не имѣете?» — «Никакъ нѣтъ, вассс...» — «Хлѣба много ѣдите?» — «Точно такъ, вассс... очинно много: какъ ѣдимъ, такъ за ушами трещить, а съѣдимъ, такъ въ брюхѣ пишшить». — «Молодцы, братцы. Такъ и надоть. Пой пѣсни, хоть тресни, гляди орломъ, а ѣсть не проси. Выдать каждому солдатику по манеркѣ водки, да по фунту табаку, да деньгами полтинникъ». — «Покорнѣйше благодаримъ вассс...»

«А тутъ с'часъ полковой впередъ выѣзжаетъ. — «По цирмуріальному маршу, по-ротно, на двухвзводную дистанцію... Первая рота шагомъ!» Музыка. Ту-ру-румъ ту-румъ... Идутъ — ать, два! ать, два... Лѣвой!.. Лѣвой!..»

Вдругъ: «Сто-ой! На-за-адъ! Отстави-ить!» — «Что т-такое за исторія?» — «Это у васъ какая рота, полковникъ?» — «Четырнадцатая — нарѣзная, вассс...» — «А это что за морда кривая стоитъ въ строю?» — «Рядовой Твердохлѣбъ, вассс...» — «Прогнать со смотра и всыпать пятьдесятъ...»

Солдаты хохочутъ, и всѣхъ громче рядовой Твердохлѣбъ, котораго со всѣхъ сторонъ толкаютъ подъ бока локтями. Дальше обыкновенно слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ послѣ смотра генераль Замошниковъ обѣдаетъ у полкового командира.

«Вамъ борщу или супу, вассс?..» — «Мнѣ бы того и другого... поболѣ...» — «А водочки, вассс?..» — «Гм... можно и водочки... стаканчикъ». Затѣмъ идетъ изысканный разговоръ съ полковничьей дочкой. — «Барышня, угостите подѣлушкой». — «Ахъ, что вы-съ... нешто это можно при папашахъ?.. Они увидаютъ...» — «Нельзя, значить?» — «Ахххъ... никакъ невозможно». — «Въ такомъ разѣ предположите ручку». — «Ручку извольте...»

Но Замошниковъ не успѣваетъ докончить «приставленья». Внезапно растворяется дверь казармы, и въ просвѣтъ показывается фигура фельдфебеля Тараса Гавриловича, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и въ очкахъ.

— Чего вы гогочете, словно жеребцы на овесъ? — раздается его сердитый старческій окрикъ. — Когда вы утихомиритесь?! Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ по мордамъ раскассирую. Ну!.. Живо расходись!..

Солдаты медленно, неохотно расходятся по своимъ мѣстамъ. Необыкновенно быстро, въ какихъ-нибудь пять минутъ, казарма совсѣмъ стихаетъ. Гдѣ-то среди наръ слышится торопливый шопотъ молитвы: «Господи, Сусе Христе... Сыне Божій, помилуй насъ... Пресвятая Троица, помилуй насъ». Гдѣ-то звучно падаютъ одинъ за дру-

гимъ на асфальтовый полъ сброшенные съ ногъ сапоги. Кто-то кашляетъ глухо, съ надсадой, по-овечьи... Жизнь сразу прекратилась.

Меркуловъ продолжаетъ ходить по казармѣ. Онъ идетъ вдоль стѣны, машинально обдирая ногтемъ большого пальца масляную краску. Солдаты лежатъ на парахъ, покрытые сверху сѣрыми шинелями, тѣсно прижавшись другъ къ другу. При тускломъ, коптящемъ свѣтѣ ночниковъ очертанія спящихъ фигуръ теряютъ рѣзкость, сливаются, и кажется, будто это лежатъ не люди, а сѣрые, однообразные и неподвижные вороха шинелей.

Отъ-нечего-дѣлать Меркуловъ присматривается къ спящимъ. Одинъ лежитъ на спинѣ, поднявъ и согнувъ подъ острымъ угломъ ноги; онъ полураскрылъ ротъ и дышитъ глубоко и ровно; съ лица его не сходитъ спокойное, глупое выраженіе. Другой спитъ на животѣ, уткнувшись головой въ сгибъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правая протянута вдоль тѣла и выворочена ладонью наружу. Голыя ноги высунулись изъ-подъ короткой шинели; икры на нихъ напружились, а концы пальцевъ сведены, какъ въ судорогѣ. Вотъ скорчился солдатъ Естифеевъ, землякъ Меркулова и сосѣдь его по строю. Кажется, нарочно не примешь такой неестественной позы: голова глубоко засунута подъ кумачевую засаленную подушку, ноги прижаты чуть не къ самому подбородку. Должно-быть, кровь прилила Естифееву къ головѣ, потому что изъ-подъ подушки раздаются медленные, мучительные стоны.

Меркулову жутко и тягостно. Всего нѣсколько минутъ назадъ всѣ эти сто человѣкъ ходили, смѣялись, разговаривали, бранились... и вотъ они, всѣ до одного, лежатъ неподвижные, стонущіе и храпящіе, объятые и унесенные какой-то другою, непонятной, таинственной жизнью. Для каждаго изъ нихъ уже нѣтъ болѣе ни военной службы

съ ея тягостями и напускнымъ весельемъ, ни скучнаго мрака казармы, ни сосѣда, безпокойно мечущагося у него на груди головой, ни одиноко бродящаго со своей тоской Меркулова. И темный ужасъ заползаетъ понемногу въ сердце Меркулова, съеживааетъ кожу на его черепѣ и волной холодныхъ мурашекъ бѣжитъ по его спинѣ.

Онъ останавливается противъ часовъ, висящихъ въ третьемъ взводѣ подъ ночникомъ, и долго, пристально смотритъ на нихъ. Меркуловъ плохо разбираетъ время, но онъ знаетъ (это ему терпѣливо и пространно объяснялъ сегодня дежурный), что когда большая стрѣлка станетъ прямо вверхъ, а маленькая почти перпендикулярно къ ней вправо, то тогда надо ему смѣняться. Это — обыкновенные двухрублевые часы съ бѣлымъ квадратнымъ циферблатомъ, разрисованнымъ по угламъ розанами, съ мѣдными гирьками, къ одной изъ которыхъ подвязаны веревкой камень и желѣзный болтъ, съ избитымъ отъ времени, точно изжеваннымъ, мѣднымъ маятникомъ.

— Ти-та, ти-та, — отсчитываетъ среди тишины маятникъ, и Меркуловъ внимательно прислушивается къ его ходу. Первый ударъ слабѣе и чище, а второй звучитъ глухо и выбивается съ трудомъ, какъ будто бы его что-то задерживаетъ внутри, и слышно, какъ между обоими ударами въ серединѣ часовъ передергивается какая-то цѣпочка. — Ти-к-та, ти-к-та... — И Меркуловъ шепчетъ вслѣдъ за ходомъ часовъ: «Тягота, тягота»... Странная духовная связь есть между этими часами и ночнымъ бодрствованіемъ Меркулова: точно оба они — одни въ казармѣ — осуждены какой-то жестокой силой тоскливо отсчитывать секунды и томиться долгимъ одиночествомъ. «Тягота, тягота», — монотонно и устало шепчетъ маятникъ. Въ казармѣ скучно и жутко, ночники еле свѣтятъ, въ углахъ громоздятся безобразныя тѣни, и Меркуловъ сонно шепчетъ вмѣстѣ съ маятникомъ: «Тя-го-та...»

Потомъ онъ идетъ въ дальній уголъ перваго взвода и садится между печкой и ружейной пирамидой, на высокомъ табуретѣ съ залоснепнымъ и почернѣвшимъ отъ времени сидѣньемъ. Отъ желѣзной печки идетъ легкое тепло вмѣстѣ съ запахомъ угара. Меркуловъ глубоко засовываетъ руки въ рукава и задумывается.

Вспоминается ему письмо, полученное третьяго-дня «съ родины». Это письмо читали ему вслухъ: сначала взводный унтеръ-офицеръ, потомъ ротный писарь, потомъ всѣ грамотные земляки, такъ что текстъ письма Меркуловъ успѣлъ выучить наизусть и даже подсказывалъ чтецамъ неразборчивыя мѣста.

«Письмо солдатское, пѣхотное, очень нужное. Письмо пущено съ родины 20-го сентября настоящаго года. Село Мокрые Верхи, отъ отца вашего.

«Любезный сынокъ нашъ Лука Моисеевичъ!

«Во первыхъ строкахъ сего письма посылаемъ тебѣ родительское наше благословеніе и желаемъ отъ Господа Бога скорого и счастливаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ и увѣдомляемъ васъ, что мы съ матушкой вашей Лукерьей Трофимовной, слава Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ. Еще кланяется вамъ любящая супруга Татьяна Ивановна и посылаетъ свое искренно любящее супружеское почтеніе, съ любовью низкій поклонъ и желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго. Еще кланяется тебѣ любезный тестечикъ твой Иванъ Ѳедосеевичъ съ супругой и съ дѣтками и желаетъ вамъ успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Еще кланяется вамъ братецъ вашъ Николай Моисеевичъ съ супругой и съ дѣтками и съ низкимъ поклономъ желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго.

«А у насъ все, слава Богу, благополучно, чего и тебѣ отъ всей души желаемъ. Въ деревнѣ у насъ все по-старому. На пречистую сгорѣлъ у насъ Николай Ивановъ съ большой дороги. Безпремѣнно не кто, какъ Матюшка

спалилъ; такъ и урядникъ сказалъ. Милый Лукаша, прошу я тебя, пропиши пояснѣе, я въ вашемъ письмѣ ничего не понялъ, потому что плохо писано, никто не можетъ прочитать, и пропиши, кто ее писалъ и кто писалъ адресъ, нельзя понять, чья это рука писала, но приблизительно вы пишете такую чушь, что не можно и вѣрить такой эрундѣ. За симъ остаюсь любящій отецъ М. Меркуловъ, а за него, безграмотнаго, расписался Ананій Климовъ».

— Ахъ, бѣда, бѣда, — шепчетъ Меркуловъ и при этомъ качаетъ головой и горестно прищелкиваетъ языкомъ. Думаетъ онъ о томъ, что еще два года слишкомъ осталось ему «сполнять долгъ отечества», о томъ, какъ трудно и тяжело жить на чужой сторонѣ, думаетъ и о своей женѣ Татьянѣ Ивановнѣ. — «Бабочка она молодая, веселая, балованная. Тоже, поди, не легко жить четыре-то года безъ мужа, въ чужой семьѣ... Солдатка... Извѣстно, какія онѣ, солдати-то эти самыя... Вотъ поручикъ Забилякинъ всегда смѣются... — «Ты женатый?» спросить. — «Точно такъ, вашбродь, женатый». — «Ну, такъ погоди, погоди, говоритъ, воротись со службы — въ домѣ новые работники придутъ». Гм!.. Хорошо ему смѣяться. Толстый, да гладкій... Всталъ утречкомъ — чайку съ булочкой напился... денщикъ ему саножки чистые подалъ. Вышелъ на ученье — знай себѣ папирочки попаливаетъ. А ты вотъ сиди цѣлую ночь... Эхъ, бѣда, бѣда, бѣда-а-а, — шепчетъ Меркуловъ, оканчивая послѣднее слово длиннымъ, глубокимъ зѣвкомъ, отъ котораго у него даже слезы выступаютъ на глазахъ.

Никогда еще Меркуловъ не чувствовалъ себя такимъ покинутымъ, затеряннымъ, жалкимъ... Хочется ему поговорить съ какимъ-нибудь добрымъ и молчаливымъ человѣкомъ, объяснить ему жалостными словами всѣ свои горести и заботы, и чтобы этотъ добрый и молчаливый

человѣкъ слушалъ внимательно, все бы понималъ и всему сочувствовалъ... Да гдѣ жъ его найдешь, этого человека? Каждому до себя, до своей заботушки. «Горько, братецъ мой», — думаетъ, покачивая головой, Меркуловъ и вслѣдъ затѣмъ произноситъ вслухъ, протяжнымъ, пѣвучимъ голосомъ: «о-охъ и го-о-орько...»

И вотъ, понемножку, вполголоса Меркуловъ начинаетъ пѣвать. Сначала въ его пѣснѣ почти нѣтъ словъ. Выходитъ что-то заунывное, печальное и безтолковое, но размягчающее и пріятно шевелящее душу: «Э-э-а-ахъ ты-ы, да э-э-охъ го-о-орько-о»... Потомъ начинаютъ подбираться и слова — все такія хорошія, трогательныя слова:

О-охъ да ты моя матушка,
Э-охъ да моя родименька-я-а...

Тутъ Меркуловъ окончательно проникается глубокой жалостью къ бѣдному, забытому солдату Лукѣ Меркулову. Кормятъ его впроголодь, наряжаютъ не въ очередь дневалить, взводный его ругаетъ, отдѣленный ругаетъ, — иной разъ и кулакомъ ткнетъ въ зубы, — ученье тяжелое, трудное... Долго ли заболѣть, руку ли, ногу сломать, отъ глазной болѣзни ослѣпнуть, — вонъ, у половины роты глаза гноятся? А то, можетъ, и умереть на чужой сторонѣ придется... Что-то горестное подступаетъ Меркулову къ самой глоткѣ, что-то начинаетъ слегка пощипывать ему вѣки, а въ груди подъ ложечкой онъ ощущаетъ приливъ искусственной, замирающей, томной, сладковатой тоски. И еще больше трогаютъ его печальныя слова импровизированной пѣсни, еще нѣжнѣе и прекраснѣе кажется ему свой собственный мотивъ:

Охъ, ты, моя мамынька.
Положи жъ ты минѣ во гро-опъ,
Положи во сосновый да во гробъ,
Во сосновый гробъ, да во осиновый...

Воздухъ въ казармѣ сгустился и сталъ невыносимо тяжелъ. Точно въ банѣ, сквозь завѣсу пара, слабыми, расплывчатыми пятнами свѣтятъ ночники, у которыхъ стекла почернѣли сверху отъ копоти. Меркуловъ сидитъ, сгорбившись, переплетя ноги за табуретную перекладину и глубоко вдвинувъ руки въ рукава шинели. Тѣсно, жарко и неловко ему въ шинели, — воротникъ третъ затылокъ, крючки давятъ горло, и спать ему хочется страшно. Вѣки у него точно распухли и зудятъ, въ ушахъ стоитъ какой-то глухой, непрерывный шумъ, а гдѣ-то внутри, не то въ груди, не то въ животѣ, все не проходитъ тягучая, приторная, физическая истома. Меркуловъ не хочетъ поддаваться сну, но временами что-то мягкое и властное пріятно сжимаетъ его голову; тогда вѣки вдругъ задрожать и сомкнутся съ усталой рѣзью, приторная истома сразу пропадаетъ, и уже нѣтъ больше ни казармы ни длинной ночи, и на нѣсколько секундъ Меркулову легко и покойно до блаженства. Онъ самъ не замѣчаетъ въ это время, что голова его короткими, внезапными толчками падаетъ все ниже и ниже, и вдругъ... сильно качнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, онъ съ испугомъ открываетъ глаза, выпрямляется, встряхиваетъ головой, и опять вступаетъ ему въ грудь приторная, сосущая истома безсонья.

А память Меркулова въ эти короткія секунды неожиданной полудремоты все не можетъ оторваться отъ деревни, и пріятно ему и занимательно, что о чемъ бы онъ ни вспомнилъ, такъ сейчасъ же это и видитъ передъ глазами, — такъ ярко, отчетливо и красиво видитъ, какъ никогда не увидишь наяву. Вотъ его старый, бѣлый, весь усѣянный «гречкой» меринъ. Стоитъ онъ на зеленомъ выгонѣ со своими согнутыми передними ногами, съ торчащими костяжками на крестцѣ, съ выступающими рѣзко на бокахъ ребрами. Голова его уныло и неподвижно опу-

щена внизъ, дряблая нижняя губа, съ рѣдкими, прямыми и длинными волосами, отвисла, глаза, цвѣта линялой бирюзы, съ бѣлыми рѣсницами, смотрятъ тупо и удивленно.

А тутъ, сейчасъ же за выгономъ, идетъ проѣзжая широкая дорога. И кажется Меркулову, что теперь — теплый вечеръ ранней весны, и что вся дорога, черная отъ грязи, изборождена слѣдами копытъ, а въ глубокихъ колеяхъ стоитъ вода, розовая и янтарная отъ вечерней зари. Пересѣкая дорогу, вьется изъ-подъ бревенчатаго мостка узкая рѣчонка, точно сжатая въ невысокихъ, но крутыхъ изумрудно-зеленыхъ берегахъ, гладкая, какъ зеркало, и уже чуть-чуть подернутая вдали легкимъ туманомъ. Вѣрно и рѣзко отразились въ ней внизъ верхушками прибрежныя крутыя, покрытыя желто-зеленымъ пухомъ ветлы и самые берега, которые кажутся въ водѣ еще свѣжѣй, еще изумруднѣй. А вонъ вдаль, на ясномъ небѣ стройно и четко рисуется колокольня церкви, деревянная, бѣлая съ розовыми продольными полосами и съ крутой зеленой крышей. Сейчасъ же рядомъ съ церковью и меркуловскій огородъ: вошь даже видно покривившееся набокъ и точно падающее впередъ чучело въ старомъ отцовскомъ картузѣ, съ растопыренными рукавами, отрепанными на концахъ, навсегда застывшее въ рѣшительной и напряженной позѣ...

И кажется Меркулову, что онъ самъ ѣдетъ по этой черной, грязной дорогѣ, возвращаясь съ пашни. Онъ бокомъ сидитъ на бѣломъ меринѣ, мотая спущенными внизъ ногами и ерзая, при каждомъ шагѣ лошади, взадъ и впередъ на ея хребтѣ. Ноги лошади звучно чмокаютъ, вылѣзая изъ грязи. Легкій вѣтерокъ, чуть задѣваетъ лицо Меркулова, принося съ собой глубокой, свѣжій ароматъ земли, еще не высохшей послѣ снѣга, и хорошо, радостно на душѣ у Меркулова. Усталъ онъ, выбился изъ силъ, вздравъ за нынѣшній день чуть ли не цѣлую де-

сятину земли; ноетъ у него все тѣло, ломить руки, трудно разгибать и сгибать спину, а онъ, небрежно болтая ногами, знай заливаётся во всю грудь:

Вы сады-ы ль, мои са-ады!..

Ахъ, какъ хорошо ему будетъ сейчасъ, когда онъ уляжется въ прохладной ригѣ, на соломѣ, вытянувъ и свободно разбросавъ натруженные руки и ноги!..

Голова Меркулова опять падаетъ внизъ, чуть не касаясь колѣнъ, и опять Меркуловъ просыпается съ приторнымъ, томящимъ ощущеніемъ въ груди. «Никакъ я вздремалъ? — шепчетъ онъ въ удивленіи. — Вотъ такъ штука!» Ему страшно жаль только-что видѣнной черной весенней дороги, запаха свѣжей земли и наряднаго отраженія прибрежныхъ ветель въ гладкомъ зеркалѣ рѣчки. Но онъ боится спать и, чтобы ободриться, опять начинаетъ ходить по казармѣ. Ноги его замлѣли отъ долгаго сидѣнья, и при первыхъ шагахъ онъ совсѣмъ не чувствуетъ ихъ.

Проходя мимо часовъ, Меркуловъ смотритъ на циферблатъ. Большая стрѣлка уперлась прямо вверхъ, а маленькая отошла отъ нея чуть-чуть вправо. «Послѣ полуночи», — соображаетъ Меркуловъ. Онъ сильно зѣваетъ, быстрымъ движеніемъ нѣсколько разъ кряду креститъ ротъ и бормочетъ что-то въ родѣ молитвы: «Господи... Царица Небесная... еще, небось, часа два съ половиной осталось... Святые угодники... Петра, Алексѣя, Іоны, Филиппа... добропожившихъ отцовъ и братій нашихъ...»

Керосинъ догораетъ въ ночникахъ, и въ казармѣ становится совсѣмъ темно. Позы у спящихъ мучительно-напряженные, неестественныя. Должно-быть, у всѣхъ на жесткихъ сѣнникахъ обомлѣли руки и затекли головы. Отовсюду, со всѣхъ сторонъ, раздаются жалобные стоны, глубокіе вздохи, нездоровый, захлебывающійся храпъ.

Что-то зловѣщее, удручающее, таинственное слышится въ этихъ нечеловѣческихъ звукахъ, идущихъ среди печальнаго мрака изъ-подъ сѣрыхъ, однообразныхъ вороховъ...

— На дворъ выйтти, что ль? — говоритъ Меркуловъ самому себѣ вслухъ и медленно идетъ къ дверямъ.

На дворѣ — густая темень, и льетъ; не переставая, мелкій, частый дождь. На другомъ концѣ двора едва обрисовывается рядъ слабо освѣщенныхъ оконъ: это казармы пятнадцатой и шестнадцатой ротъ. Дождикъ глухо барабанитъ по крышѣ, стучитъ въ оконныя стекла, стучитъ по меркуловокой фуражкѣ. Гдѣ-то вблизи вода бѣжитъ со звономъ и торопливымъ журчаніемъ изъ жолоба и потомъ плещется по какимъ-то камнямъ. Сквозь этотъ шумъ Меркулову слышатся порою странные звуки! Точно кто-то идетъ къ нему вдоль казарменной стѣны; часто и тяжело шлепая по лужамъ ногами. Меркуловъ оборачивается въ эту сторону и напрягаетъ зрѣніе. Шлепанье тотчасъ же прекращается. Но едва Меркуловъ отвернется, какъ опять начинаютъ шлепать по водѣ грузные, спѣшные шаги. «Мерещится!» — рѣшаетъ Меркуловъ и подымаетъ кверху голову, подставляя лицо подъ частыя капли. На небѣ нѣтъ ни одной звѣзды...

Вдругъ рядомъ, въ казармѣ тринадцатой роты, быстро раскрывается наружу входная дверь, и дверной блокъ пронзительно взвизгиваетъ на весь дворъ. На секунду въ слабомъ свѣтѣ распахнутой двери мелькаетъ фигура солдата въ шинели и въ шапкѣ. Но дверь тотчасъ же захлопнулась, увлекаемая снова взвизгнувшимъ блокомъ, и въ темнотѣ нельзя даже опредѣлить ея мѣста. Вышедшій изъ казармы солдатъ стоитъ на крыльцѣ; слышно, какъ онъ крикаетъ отъ свѣжаго воздуха и сильно потираетъ руками одна о другую.

«Тоже дневальный, должно-быть», — думаетъ Мерку-

ловъ, и его страстно тянетъ подойти къ этому бодрствующему, живому человѣку, посмотрѣть на его лицо или хоть послушать его голосъ.

— Эй, землячокъ! — окликаетъ Меркуловъ невидимаго въ темнотѣ солдата. — А нѣтъ ли у васъ, землячокъ, спички?

— Кажись, должны быть, — отвѣчаетъ съ крыльца глухой и сиплый голосъ. — Постой... я сейчасъ...

И Меркуловъ слышитъ, какъ солдатъ долго охлопываетъ себя по карманамъ, и какъ наконецъ тарахтятъ въ коробкѣ найденныя спички.

Оба солдата сходятся на серединѣ между обѣими казармами, у колодца, отыскивая другъ друга по звуку сапогъ, шлепающихъ по мокрой, скользкой глинѣ.

— Вотъ вамъ спички, — говоритъ солдатъ, и такъ какъ Меркуловъ не можетъ сразу найти его протянутой руки, то онъ слегка погромыхиваетъ коробкой.

Но Меркулову спички вовсе не нужны, — онъ не курить, — ему только хотѣлось хоть минуту побыть около живого человѣка, не охваченнаго этой странной, сверхъестественной силой сна.

— Спасибо вамъ, — говоритъ Меркуловъ; — мнѣ только парочку. У меня въ казармѣ есть коробка, да вотъ спички-то, признаться, вышли.

Оба солдата заходятъ подъ высокій навѣсъ, устроенный надъ колодцемъ. Меркуловъ для чего-то трогаетъ огромное деревянное колесо, приводящее въ движеніе валъ. Колесо жалобно скрипитъ и дѣлаетъ мягкій размахъ. Солдаты облакачиваются на верхній срубъ колодца и, свѣсивъ внизъ головы, пристально глядятъ въ зіяющую темноту.

— Спать хочется, братецъ мой, — страсть! — говоритъ Меркуловъ и громко зѣваетъ.

Зѣваетъ тотчасъ же и другой солдатъ. Ихъ голоса и

звѣвки глухо, раскатисто и усиленно отдаются въ пустотѣ глубокаго колодца.

— Часъ, должно, первый въ началѣ? — спрашиваетъ нехотя, вялымъ голосомъ солдатъ тринадцатой роты. — Вы съ какого года?

По измѣнившемуся звуку голоса Меркуловъ догадывается, что солдатъ повернулся къ нему лицомъ. Повертывается и Меркуловъ, но въ темнотѣ не видитъ даже фигуры своего собесѣдника.

— Я съ девяностаго. А вы?

— И я съ девяностаго. Вы — тоже орлоцкіе?

— Мы — кромскіе, — отвѣчаетъ Меркуловъ. — Наша деревня Мокрые Верхи прозывается. Можетъ, слышали?

— Не... Мы дальніе... мы изъ-подъ самаго Ельца. И скука же, братецъ ты мой! — Последнія слова онъ произноситъ вмѣстѣ съ звѣнкомъ, глухимъ, пугающимъ голосомъ и неразборчиво, такъ что у него выходитъ: «ы гугу ы ааѣецъ ты мой!»

Оба они замолкаютъ на нѣкоторое время. Солдатъ изъ Ельца, плюетъ сквозь зубы прямо въ колодець. Проходитъ около десяти секундъ, въ теченіе которыхъ Меркуловъ съ любопытствомъ прислушивается, наклонивъ голову набокъ. Вдругъ изъ темноты доносится необычно чистый и ясный — точно ударъ двухъ гладкихъ камней другъ о друга — звукъ шлепка.

— И глубоко же тутъ! — говоритъ солдатъ изъ Ельца и опять плюетъ въ колодець.

— Грѣхъ въ воду плевать. Не годится это, — поучительно замѣчаетъ Меркуловъ и тотчасъ же самъ плюетъ въ свою очередь.

Обоихъ солдатъ чрезвычайно занимаетъ то, что между плевкомъ и звукомъ, раздающимся потомъ изъ колодца, проходитъ такъ много времени.

— А что, ежели туда сигануть? — вдругъ спрашиваетъ

солдаты изъ Ельца. — Небось, покаместь долетишь, такъ обь стѣнки головой изобьешься?

— Какъ не избиться... Изобьешься, — увѣренно отзывается Меркуловъ. — Въ лучшемъ видѣ изобьешься.

— Бяда! — говоритъ другой солдатъ, и Меркуловъ догадывается, что онъ качаетъ головой.

Опять наступаетъ долгое молчаніе, и опять солдаты плюютъ въ колодець. Вдругъ Меркуловъ оживляется.

— Вотъ штука-то была, братецъ мой! Сижу я сейчасъ въ казармѣ и того... задремалъ, должно-быть, нѣмнѣшко... И какой мнѣ это... чудной сонъ приснился!

Ему хочется рассказать свой сонъ со всею прелестью мелкихъ поэтическихъ подробностей, съ чарующимъ ароматомъ родной земли и далекой, привычной, любимой жизни. Но у него выходитъ что-то слишкомъ простое, блѣдное и неинтересное.

— Вижу я, будто бы я; значить, у себя въ деревнѣ. И какъ будто бы вечеръ... И все мнѣ скрозь видно... то-есть такъ видно, такъ видно, точно и не во снѣ...:

— Н-на... это бываетъ, — равнодушно и небрежно вставляетъ другой солдатъ, почесывая щеку.

— А я самъ, какъ будто бы, ѣду верхомъ на лошади... на меринѣ... Есть у насъ такой меринъ бѣлый, годовъ двадцать ему, небось, будетъ... Можетъ, ужъ поколѣтъ теперь...

— Лошадь видѣть — это означаетъ ложь... Оманеть тебя кто-нибудь, — замѣчаетъ солдатъ.

— А я будто бы ѣду на меринѣ, и все мнѣ скрозь видно... Ну вотъ просто, какъ наяву... То-есть такой это чудный сонъ мнѣ приставился...

— Н-на... разные сны бываютъ, — лѣниво вставляетъ солдатъ. — Одначе прощенья просимъ, — говоритъ онъ, подымаясь со сруба. — У насъ фитъфебель — чертъ, по ночамъ пляется. До свиданья вамъ.

— До свиданьичка... Ночь-то, ночь какая... ахъ, ты, Господи, Боже мой... зги не видно.

Со свѣжаго воздуха казарменная атмосфера въ первыя минуты кажется просто невыносимой. Воздухъ весь пропитанъ тяжелыми человѣческими испареніями, ѣдкимъ дымомъ махорки, кислой затхлостью шинельнаго сукна и густымъ запахомъ невыпеченнаго хлѣба. Люди спятъ спокойно, мечтаютъ, стонутъ и такъ храпятъ, какъ будто бы имъ каждый вздохъ стоить громаднхъ усилій. Когда Меркуловъ проходитъ третьимъ взводомъ, какой-то солдатъ быстро вскакиваетъ и садится на нарахъ. Онъ нѣсколько секундъ дико озирается вокругъ, точно въ недоумѣніи, и долго чавкаетъ губами. Потомъ онъ начинаетъ яростно скрести пятерней: сначала голову, затѣмъ грудь, и вдругъ, точно подкошенный сномъ, мгновенно падаетъ на бокъ. Другой деревяннымъ и хриплымъ голосомъ быстро бормочетъ длинную фразу. Меркуловъ прислушивается съ суетвѣрнымъ страхомъ и разбираетъ отдѣльныя слова: «Не обрывай!.. Завяжи узломъ!.. Узломъ завяжи, говорятъ тебѣ!..» Въ бредѣ, раздающемся среди ночи, всегда есть что-то ужасное для Меркулова. Ему кажется, что эти отрывочныя, внезапныя слова произноситъ не человѣкъ, а кто-то другой, незримый, вселившійся въ его душу и овладѣвшій ею.

Часы попрежнему тикаютъ неровно, точно задерживая второй ударъ, но стрѣлки ихъ, повидимому, остались все въ томъ же положеніи. Въ головѣ Меркулова вдругъ проносится ужасное, нелѣпое, фантастическое предположеніе, что, можетъ-быть, время совсѣмъ остановилось, и что цѣлые мѣсяцы, цѣлые года — вѣчно будетъ длиться эта ночь; будутъ такъ же тяжело дышать и бредить спящіе, такъ же тускло будутъ свѣтить умирающіе ночники, такъ же равнодушно и медлительно стучать маятникъ. Это темное, быстрое, непонятное самому Мерку-

лову ощущение переполюняетъ его душу злобой и тоской. И онъ грозитъ въ пространство крѣпко сжатымъ кулакомъ и шепчетъ, не раскрывая стиснутыхъ челюстей:

— У-у, дьяволы!.. Погодите ужо-тко!

Онъ опять садится на то же самое мѣсто, между печкой и ружейной пирамидкой, и почти тотчасъ же мягко и нѣжно сжимаетъ его виски дремота. «О чемъ? О чемъ я теперь? — спрашиваетъ себя шопотомъ Меркуловъ, зная, что теперь въ его власти вызвать передъ глазами что-то очень пріятное и знакомое. — Ахъ, да! Деревня... рѣчка... А ну-ка, ну-ка... Ну, пожалуйста, ну, прошу тебя...»

И снова змѣится въ зеленой свѣжей травѣ рѣчка, то скрываясь за бархатными холмами, то опять блестя своей зеркальной грудью, снова тянется широкая, черная, изрытая дорога, благоухаетъ талая зѣмля, розовеетъ вода въ поляхъ, вѣтеръ съ ласковой, теплой улыбкой обвѣваетъ лицо, и снова Меркуловъ покачивается мѣрно назадъ и впередъ на остромъ лошадиномъ хребтѣ, между тѣмъ какъ сзади тащится по дорогѣ соха, перевернутая сошникомъ вверхъ.

Вы сады-ы ль, мой са-ды!—

громко, во всю мочь голоса поетъ Меркуловъ и съ удовольствіемъ думаетъ о томъ, какъ сладко ему будетъ сейчасъ вытянуться усталымъ тѣломъ на высоко взбитой охапкѣ соломы. По обѣимъ сторонамъ дороги идутъ вспаханная поля, и по нимъ ходятъ, степенно переваливаясь съ боку на бокъ, черно-сизые, блестящіе грачи. Лягушки въ болотцахъ и лужахъ кричатъ дружнымъ, звенящимъ, оглушительнымъ хоромъ. Тонко пахнетъ цвѣтущая верба.

Ахъ, и вы сады-ы ль, мой са-ды!..

Одно только кажется Меркулову страннымъ: какъ-то

ужь неровно идетъ сегодня бѣлый меринъ. Такъ и шатаетъ его изъ стороны въ сторону... Ишь, какъ качнуло. Насилу удержался Меркуловъ, чтобы не полетѣть съ лошади впередъ головой. Нѣтъ, надо усѣсться верхомъ, какъ слѣдуетъ. Пробуетъ Меркуловъ перебросить правую ногу на другую сторону, но нога не шевелится, отяжелѣла — точно къ ней кто привязалъ странную тяжесть. А лошадь такъ и ходитъ, такъ и шатается подъ нимъ. — «Но, ты, чо-ортъ! Засну-уль?..»

Меркуловъ стремглавъ падаетъ съ лошадиной спины, съ размаху ударяется лицомъ объ землю и... открываетъ глаза.

— Чортъ! Заснулъ! — кричитъ надъ Меркуловымъ чей-то голосъ.

Меркуловъ вскакиваетъ съ табуретки и растерянно нащупываетъ на головѣ фуражку. Передъ нимъ стоитъ со вздохмаченной головой, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, фельдфебель Тарасъ Гавриловичъ. Это онъ разбудилъ сейчасъ Меркулова, ткнувъ его кулакомъ въ щеку.

— Заснулъ! — повторяетъ грозно фельдфебель. — Ахъ, ты!.. Спать на дневальствѣ? Я т-тебѣ покажу, какъ спать!..

Меркуловъ отшатывается назадъ отъ быстрого удара по скулѣ, встряхиваетъ головой и хрипло бормочетъ:

— Намаялся, господинъ фитьфебель...

— А-а! Намаялся? Такъ вотъ, чтобы ты не маялся, будешь еще два раза не въ очередь дневалить. Когда смѣняешься?

— Въ два, господинъ фитьфебель.

— Ахъ, мерзавецъ... Ты и смѣну-то свою проспалъ! Ну!.. Живо, буди очередного... Маршъ!..

Фельдфебель уходитъ. Меркуловъ бѣгомъ бросается къ той нарѣ, гдѣ спитъ очередной дневальный — старый солдатъ Рябошапка. «Спать, спать, спать, спать! — кри-

чить въ душѣ Меркулова какой-то радостный, ликующій голосъ. — Два лишнихъ дневальства? Это пустяки, это потомъ, а теперь спать, спать!..»

— Дядька Рябошапка, а, дядька Рябошапка, — пугающимъ шопотомъ вскрикиваетъ Меркуловъ, теребя за ногу спящаго солдата.

— Мрмр... брайсь...

— Дядька Рябошапка, вставайте... Смѣна...

— Поди ссе...

Бессонница такъ измучила Меркулова, что у него больше не хватаетъ терпѣнія будить Рябошапку. Онъ бѣжитъ къ своему мѣсту на нарахъ, торопливо раздѣвается и протискивается между двумя сосѣдями, которые тотчасъ же грузно, безжизненно наваливаются на него боками.

На секунду встаетъ въ воображеніи Меркулова колодець, густая темнота ночи, мелкій дождикъ, журчанье воды, бѣгущей изъ жолоба, и шлепанье по грязи чьихъ-то таинственныхъ ногъ. О! Какъ тамъ теперь холодно, непріятно и жутко... Все тѣло, все существо Меркулова проникается блаженной животной радостью. Онъ крѣпко прижимаетъ локти къ тѣлу, съеживается, уходитъ поглубже головой въ подушку и шепчетъ самому себѣ:

— Ну, а теперь... поскорѣе — дорожку... дорожку...

Снова передъ его глазами отчетливо и красиво извивается черная изрытая дорога, снова смотрится въ зеркало рѣки нѣжная зелень ветель... И внезапно Меркуловъ летитъ со страшной, но пріятной быстротой въ какую-то глубокую, мягкую мглу...

ПОХОДЪ.

Пѣхотный Инсарскій полкъ выступаетъ въ ночной походъ послѣ дневки въ большой деревнѣ Погребнцахъ. Въ темнотѣ ненастнаго осенняго вечера идетъ страшная, кипучая и осторожная суতোлка. Слышно, какъ вдоль всей широкой и грязной деревенской улицы сотни ногъ тяжело, торопливо, вразбродъ, шлепаютъ по лужамъ, раздаются сердитые, но сдержанные окрики, лязгаетъ и звенитъ желѣзо о желѣзо. Кое-гдѣ мелькаютъ фонари; ихъ желтыя, расплывающіяся въ туманѣ пятна точно сами собой держатся высоко въ воздухѣ, раскачиваясь и вздрагивая.

Солдаты собираются быстро и съ охотой. Утомленные длинными переходами, оборвавшіеся, исхудалые, они рады тому, что завтра съ послѣднимъ корпуснымъ маневромъ кончится давно надоѣвшій лагерный сборъ, и полкъ повезутъ по желѣзной дорогѣ на зимнія квартиры. Хотя днѣмъ никто не ложился, но всѣ чувствуютъ себя бодро. Той озлобленной, вычурно-скверной ругани, которую только и можно услышать между матросами, солдатами и арестантами, — сегодня совсѣмъ не слышно.

Подпоручикъ Борисъ Владимировичъ Яхонтовъ, младшій офицеръ седьмой роты, въ первый разъ участвуетъ на большихъ маневрахъ, и они еще не утратили для него своеобразной прелести кочевой жизни. Все ему продол-

жаешь нравиться: ежедневная переменна мѣстности, деревень, лицъ и оттѣнковъ въ нарѣчіяхъ; дневки въ опрятныхъ малорусскихъ хатахъ, наполненныхъ душистымъ запахомъ чебреца и полыни, стоящихъ пучками за иконами; ночлеги на голой землѣ, подъ низкой, въ формѣ карточного домика, палаткой, сквозь полотно которой нѣжно и неясно серебрятся звѣзды; здоровый аппетитъ на привалахъ, подъ затяжнымъ дождемъ, освѣжающимъ тѣло и заставляющимъ щеки пріятно и сильно горѣть... Предстоящій сегодня ночной переходъ заранѣе возбуждаетъ Яхонтова своей необычностью. Ити Богъ знаетъ куда, по незнакомымъ мѣстамъ, глухой дождливой ночью, ничего не видя ни впереди ни рядомъ; ити такимъ образомъ не одному, а вмѣстѣ съ тысячею другихъ людей, — представляется ему чѣмъ-то серьезнымъ, темного таинственнымъ, даже жуткимъ, и въ то же время привлекательнымъ.

Вечеромъ онъ провозился надъ отправкой своихъ вещей, опоздалъ въ строй и теперь торопится поспѣть къ ротѣ раньше, чѣмъ его отсутствіе замѣтитъ ротный командиръ. Но найти свою роту ночью гораздо труднѣе, чѣмъ это казалось днемъ, во время пробнаго сбора. На пути то и дѣло попадаются какіе-то заборы и канавы, которыхъ днемъ не было; а ночь такъ темна, что невольно хочется закрыть глаза и ити ощуною, протянувъ впередъ руки, какъ ходятъ слѣпые.

Седьмая рота раньше другихъ подтянулась къ сборному пункту. Послѣдніе запоздавшіе люди, подоткнувъ полы шинелей подъ пояса, сбѣгаются къ строю и протискиваются въ свои ряды, задѣвая товарищей ранцами и грѣмя мѣдными баклагами о ружейные стволы. Голоса звучатъ глухо, безжизненно и однообразно, точно они выцвѣли, потеряли силу въ этомъ осеннемъ дождѣ.

— Куда прешь? Нешто не видишь, что въ чужой взводѣ

втесался? Экой какой ты, братецъ, право, косопузый!.. — Да, ну, ворочайся, что ли, орясина. — О, щобъ тоби лысыго батька, трясца твоей матери!..

— И чего ты крутишься, Сѣроштанъ? — укоризненно тонкимъ голоскомъ замѣчаетъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ неуклюжему солдатику, который никакъ не попадетъ въ свое мѣсто. — Чего ты все крутишься? Вертитъ тебя, словно навозъ въ проруби, а чего — неизвѣстно. Да обуи глаза-то, чо-ортъ!

Нѣкоторые солдаты движеніями плечъ и локтей подкидываютъ на себѣ и поправляютъ удобнѣе ранцы, уминаютъ складки шинелей и туже подпоясываютъ ремни, помогая другъ другу.

— А ну-ка, землякъ, стани мнѣ сзади шинель! Потуже, потуже, не бойсь, не лопну. Да ты колѣнкой-то, колѣнкой въ спину упрись. О-о-о, такъ, такъ! Ну, вотъ теперь ладно. Спасибо вамъ, землячокъ!

Старый солдатъ, «дядька» Веденяпинъ, запѣвала и общій увеселитель, балагурить вполголоса.

— Ну, ребятишки, завтра сабашъ маневрамъ. По-о-ѣхала седьмая рота по чугункѣ. У-у-ухъ! — протягиваетъ онъ, подражая паровозу. — А какая у меня, братцы, въ городѣ баба осталась, — сахаръ! Сейчасъ она мнѣ это пироговъ напекетъ, за водочкой сбѣгаетъ, самоварчикъ взбодритъ. «Пожалуйте, молъ, батюшка, Фролъ Иванычъ, господинъ Сквородинъ, по прозванью Веденяпинъ... откушайте, сдѣлайте милость!..»

— А казаны хлопцы, що завтра горилку будутъ давать, — неожиданно произноситъ хриплымъ голосомъ лѣнивый и тупой рядовой Легкокоонецъ.

— Горилку? — язвительно подхватываетъ Веденяпинъ. — Это, братецъ, у насъ въ Тулѣ называется: захотѣла кобыла уксусу...

Немного въ сторонѣ отъ роты, на пригорочкѣ стоитъ

ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Скибинъ. Около него горнистъ держитъ на высокой палкѣ фонарь, который бросаетъ на землю неровное, мутное, движущееся пятно. Василий Васильевичъ Скибинъ—мужчина высокій, костлявый, сутуловатый, длиннорукій и весь какой-то неловкій. Отъ его наружности, отъ нерѣшительнаго, близорукаго взгляда, отъ бѣглой улыбки, даже отъ шаткой, присѣдающей походки—вѣтъ чѣмъ-то слабымъ, удрученнымъ, недоброжелательнымъ и жалкимъ. Въ немъ есть что-то бабье, старушечье. Говоритъ онъ тихо, мягкимъ и слабымъ, точно усталымъ голосомъ, но почти всегда вещи непріятныя и злыя. Всему полку извѣстно, что его жена—худая, гибкая дама, похожая на ящерицу—вотъ уже четыре года, какъ влюблена въ поручика Вержбицкаго, влюблена открыто, ревниво и безтолково. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, Василий Васильевичъ съ особенной нелюбовью относится къ молодымъ офицерамъ.

Яхонтовъ подошелъ къ фонарю и, остановившись—въ двухъ шагахъ отъ Скибина, приложилъ руку къ фуражкѣ. Ротный командиръ замѣтилъ его и, глядя ему въ кокарду, сказалъ своимъ вялымъ, утомленнымъ голосомъ:

— Если вамъ угодно опаздывать, подпоручикъ, переводитесь въ другую роту. Здѣсь у меня не танцевальный вечеръ, а служба-съ. Иначе я подамъ командиру полка рапортъ, чтобы васъ изъ моей роты убрали. Да-съ! Мнѣ эти мазуристы и дамскіе хвосты не нужны.

Онъ помолчалъ немного, затѣмъ повернулъ, къ двумъ другимъ офицерамъ свое унылое, худое лицо съ дряблой кожей и толстыми усами и продолжалъ только-что прерванную рѣчь:

— Гг., офицеровъ прошу на походъ мѣстъ своихъ не оставлять. Поручика Тумковскаго прошу... Гдѣ вы, поручикъ, я васъ не вижу?... Ага!... Такъ вы, поручикъ, пожалуйста, обращайтесь вниманіе на фонарь въ

хвостъ шестой роты и держите отъ него дистанцію. Да наблюдайте, господа, за тѣмъ, чтобы солдаты не спали на ходу. А то, знаете, задремлетъ, подлецъ, и полетитъ вмѣстѣ съ ружьемъ. Впрочемъ, я самъ... Грегорашъ! — кидаетъ онъ куда-то въ темноту.

Это восклицаніе услужливо подхватывается въ ближнихъ рядахъ и быстро перекачивается изъ взвода во взводъ.

— Фельдфебеля къ ротному! Фельдфебеля къ командиру! Тарасъ Гаврилычъ, пожалуйста къ ротному!..

Фельдфебель Грегорашъ, преувеличенно спѣша и разбрасывая далеко вокругъ себя грязь, подбѣгаетъ на согнутыхъ ногахъ, точно подплываетъ къ фонарю.

— Я, ваше благородіе!

— Чтобы люди на ходу не спали! Отъ строя чтобы никто не отлучался. Скажешь унтеръ-офицерамъ, чтобы смотрѣли. Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Такъ что я ужъ объяснялъ имъ...

— Молчи! Затѣмъ прошу васъ, господа, наблюдать, чтобы люди не курили, не зажигали спичекъ, не разговаривали и вообще не шумѣли... А то насъ можетъ замѣтить непріятель; — прибавляетъ Скибинъ съ едва замѣтной насмѣшкой. — Грегорашъ, ты у меня за это отвѣчаешь. Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Такъ что я...

— Молчи! Главное, господа, чтобы люди не спали. Выколятъ каналы другъ другу глаза, а ты потомъ за нихъ отдувайся. Подпрапорщикъ Москвинъ, вы будете замыкать роту. Смотрите, чтобы не было отсталыхъ. Да, вотъ еще что. Сзади роты пойдетъ вотъ этотъ болванъ (Скибинъ показываетъ черезъ плечо большимъ пальцемъ на горниста), такъ, пожалуйста, поглядывайте, чтобы онъ несъ фонарь свѣтомъ назадъ, къ восьмой ротѣ. Это тоже...

отъ непріятедя. Затѣмъ-съ... Впрочемъ, кажется, все. Прошу васъ, гг. офицеры, по мѣстамъ!

Офицеры расходятся. Скибину подводятъ его лошадь, старую, гнѣдую, одноглазую кобылу, купленную нарочно для маневровъ изъ кавалерійскаго брака. Зовутъ ее «Настасьей». На ходу она держитъ шею гусакомъ, высоко подымаетъ разбитыя шпатою ноги и такъ задираетъ назадъ голову, точно что-то разглядываетъ на небѣ (такихъ лошадей зовутъ въ кавалеріи звѣздочетами). Скибинъ долго прыгаетъ вокругъ нея на одной ногѣ, осыпая руганью лошадь и горниста, и наконецъ, грузно вваливается въ сѣдло.

Рота готова къ выступленію. Но проходитъ десять, двадцать минутъ, полчаса, а стоящая впереди шестая рота не трогается съ мѣста. Это безпричинное, вынужденное бездѣйствіе въ темнотѣ, подъ дождемъ, начинаетъ тяготить и беспокоить людей. Они нетерпѣливо переминаются съ ноги на ногу, вздыхаютъ и молчатъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, чего они тамъ застряли?! — говоритъ вслухъ, но точно самъ съ собою, Скибинъ, проѣжая медленно вдоль роты и поталкивая каблуками упирающуюся лошадь. — Вѣчное безобразіе!

Стоящій неподалеку фельдфебель вѣжливо откашливается и тоже, какъ будто бы размышляя вслухъ, говоритъ:

— Должно-быть, мы первую бригаду впередъ пропускаемъ. А то чего же стоять!..

— Первую бригаду! — сердито возражаетъ Скибинъ, останавливая лошадь. — Такъ на то есть расписаніе, кому когда выступать, чтобы потомъ не выходило ерунды. Вообще, постоянно эти «моменты» *) что-нибудь напутаютъ.

*) Офицеры главнаго штаба.

Въ его голосѣ Яхонтову слышится всегдашняя зависть пѣхотнаго строевика къ штабнымъ офицерамъ, а также и доля увѣренности въ томъ, что если бы ему, Скибину, было поручено это дѣло, то все устроилось бы очень скоро, просто и хорошо.

Проходитъ еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Шестая рота вдругъ зашевелилась, зашлепала ногами и какъ будто бы затопталась, не сходя съ мѣста. Только по движеніямъ фонаря, заколебавшагося вверхъ и внизъ, можно было судить, что она не стоитъ на мѣстѣ, а тронулась впередъ. Скибинъ поворачивается къ строю и произноситъ вполголоса, небрежно сливая слова:

— Ружья-вольно, шагомъ-маршъ!

Черезъ четверть часа весь полкъ медленно вытягивается вдоль широкой почтовой дороги. Ни людей ни лошадей не видно въ ночномъ мракѣ, только еле еле мерцаетъ впереди длинная цѣпь фонарей, которыми каждая рота показываетъ дорогу слѣдующей за ней части.

Неудобства ночного похода скоро даютъ себя знать. Черезъ каждые двѣсти-триста шаговъ происходятъ задержки. Передніе ряды то и дѣло останавливаются, а задніе не видятъ этого и напираютъ на нихъ. Потомъ вдругъ между взводами образуются слишкомъ большія разстоянія. Тогда заднему взводу приходится догонять передній, и люди бѣгутъ тяжело, съ усиліями, громыхая на бѣгу баклагами, лопатами и патронными сумками, бѣгутъ, ничего не различая въ темнотѣ, наугадъ, до тѣхъ поръ, пока не навалятся на переднихъ. Отдѣленія давно уже перемѣшались, но никому не приходитъ въ голову возстановить порядокъ. Все сильнѣй и сильнѣй сказываются утомленіе, тревога, скука и насильственная бессонница. Люди молчатъ, но въ этомъ молчаньи чувствуется нервная напряженность. Слышно только, какъ множество

сапогъ мѣсятъ грязь, влѣзая въ нее и вылѣзая съ жирнымъ чавканьемъ, сопѣньемъ и чмоканьемъ. И Яхонтову думается, что, должно-быть, точно такимъ же образомъ пятьсотъ, и тысячу, и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ водили по ночамъ своихъ плѣнниковъ суровые и равнодушные побѣдители. Вѣроятно, такъ же угрюмо и тревожно молчали усталые люди, такъ же беспорядочно и озлобленно надвигались они другъ на друга при остановкахъ, такъ же чмокала подъ ихъ ногами размякшая земля, и такъ же падалъ на нихъ частый осенній дождь.

— Эхъ, братики, покурить бы теперь!—вырывается со вздохомъ у «дядьки» Веденяпина.

— Я тебѣ покурю, каналья!—неожиданно отвѣчаетъ откуда-то изъ темноты суровый басъ фельдфебеля.—Ты у меня покуришь, прохвостъ!

Ровная до сихъ поръ дорога начинаетъ опускаться. Яхонтовъ замѣчаетъ это по тому, что его ноги теряютъ устойчивость и скользятъ впередъ, такъ что поневолѣ приходится выворачивать ступню бокомъ. Потянуло острой и холодной сыростью, точно изъ глубокаго подвала, и тотчасъ же подъ ногами заходилъ и задрожалъ деревянный мостъ. Гдѣ-то внизу, въ черной водѣ безъ береговъ, отразился на мгновение длиннымъ волнистымъ хвостомъ свѣтъ фонаря.

— Подпоручикъ Яхонтовъ, это вы?—слышитъ Яхонтовъ надъ собой голосъ ротнаго командира. — Не хотите ли сѣсть на лошадь, а я покаместъ пѣшкомъ пройдуся. Что-то ноги затекли.

Яхонтову кажется подозрительной эта внезапная любезность, но онъ охотно соглашается. Когда онъ опускается въ сѣдло, то внутри лошади что-то глубоко и глухо крикаетъ. Потомъ «Настасья» медленно вздыхаетъ, широко разводя боками, точно и ей сообщилось тоскливое безпокойство, нависшее надъ людьми. Яхонтовъ тро-

гаётъ её каблуками, и она начинаетъ осторожно перебирать ногами, вытаскивая ихъ изъ вязкой глины съ такими звуками, какіе бываютъ, когда откупориваютъ бутылки.

Вдалекѣ, на самомъ краю темнаго горизонта, вдругъ показывается маленькій огонекъ, который все разрастается по мѣрѣ того, какъ рота подвигается впередъ. Наконецъ можно ясно разобрать, что это — большой двухъ-этажный домъ. Весь низъ его освѣщенъ изнутри очень ясно, по-праздничному, а въ верхнемъ этажѣ свѣтятся, — но гораздо блѣднѣе — только два крайнихъ лѣвыхъ окна. Яхонтовъ глядитъ на эти свѣтлыя, веселыя пятна и думаетъ о теплѣ, свѣтѣ и довольствѣ, которое испытываютъ живущіе въ этомъ домѣ люди. Воображается ему большая и дружная помѣщичья семья, сытая, веселая жизнь, танцы, смѣхъ, общество нарядныхъ и красивыхъ женщинъ. И его собственная жизнь кажется ему въ эти минуты такой же тяжелой, скучной и однообразной, какъ эта дождливая ночь, какъ эта безконечная незнакомая дорога.

Впереди опять останавливаются. Слышно, что въ рядахъ шестой роты происходитъ какая-то странная возня. Несколько голосовъ говорятъ быстро, громко и разомъ. Словъ нельзя разобрать, но замѣтно, что кто-то бранится и кто-то оправдывается. Яхонтовъ продвигается впередъ и по отблеску фонаря, скользнувшему по офицерскимъ погонамъ, узнаётъ Тумковскаго.

— Что тамъ такое, Иванъ Мартиньяновичъ? — спрашиваетъ онъ, наклоняясь съ лошади.

— А, дуся-моя, это вы? — говоритъ сладко, какъ всегда, Тумковскій, и по звуку его голоса видно, что онъ поднял голову вверхъ. — Не знаю, золото мое! Какой-то олухъ на штыкъ напоролся. Да вотъ его тащатъ въ линейку.

Фонарь на секунду освѣщаетъ двухъ солдатъ, ведущихъ подъ мышки третьяго, который отрывисто, точно съ натугой, стонетъ и держится руками за лицо.

— Въ глазъ, что ли?—вяло спрашиваетъ Скибинъ.— Чего же ты молчишь, дуракъ?

Трое солдатъ останавливаются.

— Слышишь, тебя спрашиваютъ, въ глазъ, что ли?— громко, какъ къ глухому, обращается къ раненому одинъ изъ провожатыхъ.

— Такъ что... не могу знать,—тусклымъ, надсаженнымъ голосомъ, съ запинками отвѣчаетъ тотъ и отнимаетъ ладони отъ лица. — Дуже больно, ваше благородіе, не можно вытерпѣть...

— Чего же ты лѣзъ на штыкъ, идіотъ?—такъ же вяло замѣчаетъ Скибинъ. — Самъ и виноватъ, дурень. Ну, проходи, проходи!

И онъ прибавляетъ поучительнымъ тономъ, обращаясь къ Тумковскому:

— Вотъ теперь изъ-за такого ротозѣя влетитъ ротному командиру. А чѣмъ, спрашивается, ротный виноватъ?... Порядки!...

Яхонтовъ низко нагибается къ раненому и вглядывается въ его лицо. Въ темнотѣ нельзя даже разобратъ отдѣльныхъ чертъ, но молодому офицеру кажется, что у солдата вмѣсто праваго глаза—огромное, съ кулакъ величиною, черное отверстіе. И, вмѣстѣ съ чувствомъ брезгливой жалости, Яхонтовъ ощущаетъ у себя въ пальцахъ ногъ и въ низу живота какую-то противную, щекочущую и раздражающую боль.

Солдата уводятъ, и опять возобновляется тягостное, молчаливое движеніе. Изъ всей роты энергію сохранилъ только одинъ фельдфебель. Время отъ времени Яхонтовъ слышитъ, какъ онъ пробираетъ въ серединѣ роты задремавшаго солдатика:

— Заснулъ? Деревню бачилъ во снѣ? Можетъ, подушку тебѣ принести?

И затѣмъ приговариваетъ шипящимъ голосомъ, сквозь стиснутые зубы:

— А вотъ не спи, не спи, не спи, не спи!

Между тѣмъ Яхонтовъ уже давно начинаетъ испытывать странное и чрезвычайно неприятное ощущеніе. Ему все кажется, что лошадь не идетъ подъ нимъ, а только качаетъ взадъ и впередъ спиной и топчется ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ. Напрасно онъ старается увѣрить себя въ ложности этого удивительнаго ощущенія, наклоняясь внизъ и напрягая зрѣніе, чтобы увидѣть дорогу, — лошадь продолжаетъ раскачиваться и вытаскивать ноги изъ грязи, не сходя съ мѣста и не дѣлая ни одного шага впередъ.

— Чортъ! Да мы идемъ или стоимъ? — воскликнулъ Яхонтовъ и вдругъ самъ похолодѣлъ отъ своего испуганнаго голоса.

Изъ рядовъ кто-то отвѣтилъ ему коротко и угрюмо:

— Полземъ!

Въ этомъ грубомъ, совсѣмъ не солдатскомъ отвѣтѣ Яхонтову послышалось что-то новое и зловѣщее, какая-то покорная и безнадежная усталость, какой-то общій упадокъ духа, который точно окончательно уничтожилъ всякую разницу между солдатомъ и офицеромъ. И Яхонтовъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать выговоръ, только растерянно обернулся въ ту сторону, откуда послышался этотъ отвѣтъ.

А лошадь все такъ же безцѣльно качала спиной и тыкала въ одно мѣсто ногами. Яхонтову стало жутко. Это ощущеніе такъ походило на одинъ изъ нелѣпыхъ, изнуряющихъ лихорадочныхъ сновъ, въ которыхъ торопишься куда-нибудь и съ отчаяніемъ чувствуешь, что не можешь шевельнуть ни рукой ни ногой. И едва только Яхонтову

пришло въ голову это сравненіе, какъ все вдругъ стало походить на сонъ. Весь этотъ ночной переходъ, и безмолвно-покорные солдаты, и уходящая далеко-далеко цѣль фонарей, и давешній раненый солдатъ, и вялая озлобленность Скибина, и тоскливая дорога съ ея тьмой, сыростью и холодомъ, — все это представилось ему какимъ-то грознымъ, давно забытымъ бредомъ, который повторяется теперь съ прежней силой и прежнимъ ужасомъ.

— Ахъ, вѣдь все это было, было... — прошепталъ Яхонтовъ. — Господи, что же это такое!

— Онъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее горнисту и, перегоня солдатъ, прошелъ на правый флангъ. Тамъ, въ промежуткѣ между ротами, гдѣ было свѣтлѣе отъ фонаря и просторнѣе, шли рядомъ, разговаривая вполголоса, Скибинъ и Тумковскій.

— Я отдалъ лошадь горнисту, — сказалъ Яхонтовъ.

— Отлично, — бросилъ ему разсѣянно Скибинъ. — А я вамъ скажу, поручикъ, — повернулся онъ торопливо къ Тумковскому: — что эти маневры — одинъ только развратъ и антимонія. Можетъ-быть, для генеральнаго штаба оно и нужно, а солдаты только распускаются и теряютъ выправку. Да и для офицеровъ лишнее. Какой къ чорту это непріятель, когда вы отлично видите, что это поручикъ Сидоровъ, у котораго вы вчера заняли три рубля? Вы командуете: «Прямо, по колоннѣ, пальба взводомъ», а вамъ рѣшительно наплевать, какъ солдаты цѣлятся, и укрыты ли они отъ огня, и все такое...

— Совершенно вѣрно, дорогой Василій Васильевичъ, — согласился Тумковскій. — А я вотъ читалъ гдѣ-то или, кажется, слышалъ, что одинъ генераль предложилъ раздавать во время маневровъ въ числѣ холостыхъ патроновъ какой-то тамъ процентъ боевыхъ. Что-то такое одинъ на десять тысячъ, не помню хорошенько...

— Ахъ, глупости! — досадливо протянулъ Скибинъ.

Никакіе тутъ патроны не нужны. Какіе тутъ къ чорту патроны, когда теперь солдаты въ родѣ институтокъ стали: пальцемъ его тронуть не смѣй. А по-моему, бить ихъ, под-лецовъ, нужно, вотъ что нужно! Прежде у насъ и Суворовы были и Севастополь, а почему? Потому что де-сятерыхъ засѣкали, а изъ одиннадцатаго дѣлали сол-дата. Прежде, батенька, солдатъ пять лѣтъ служилъ, а все еще молодымъ солдатомъ считался. Вотъ это была служба-съ!.. А теперь... Эхъ!

— Теперь прямо—пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, — услужливо подхватилъ Тумковскій: — гуманисты какіе-то пошли, либералы. Попробовали бы эти либералы съ на-шими скотами повозиться, небось, у самихъ руки бы опухли отъ битья. А то, изволите ли видѣть: ударишь ка-кую-нибудь сволочь, да и ударишь-то не больно, почти въ шутку, а онъ сейчасъ: «Охъ!»—«Что такое?»—«Ничего не слышу на правое ухо...» И сейчасъ тебя подъ судъ. За истязаніе нижняго чина, имѣвшее послѣдствіемъ и т. д. А онъ, мерзавецъ, лучше нашего слышитъ.

— Потому что дураки! — возразилъ презрительно Ски-бинъ.—Кто же такъ дѣлаетъ, при свидѣтеляхъ? Нѣтъ, ты его сначала позови въ цейхгаузъ или къ себѣ на квартиру, да тамъ и поговори, какъ слѣдуетъ. Повѣрьте, потомъ сама всю жизнь благодарить будетъ, что подъ судъ не отдали. Судъ-то его куда законопатить, а ты начистилъ ему морду, и все тутъ. А что ему морда?..

Они еще долго тянутъ этотъ разговоръ, точно стараясь не уступить другъ другу въ равнодушной жестокости къ солдату, въ презрительномъ отношеніи къ своему дѣлу, въ пренебрежительной насмѣшкѣ надъ высшимъ началь-ствомъ. Въ этихъ пошлыхъ, холодныхъ и злыхъ фра-захъ Яхонтову опять слышится что-то похожее на тотъ страшный бредъ, который онъ испыталъ нѣсколько ми-нутъ тому назадъ, и на душѣ у него дѣлается

пусто и противно до тошноты. Тѣмъ же тусклымъ, утомительнымъ, давно-давно знакомымъ бредомъ представляется ему и вся его военная карьера, и безрадостное дѣтство, прошедшее въ большихъ казенныхъ домахъ, и ждущая впереди сѣренькая жизнь, и его собственные, теперешнія мысли — такія блѣдныя, безсильныя и то-скливыя.

А рота все идетъ и идетъ по грязной почтовой дорогѣ, и кажется, что никогда не будетъ конца этому движению, что какая-то чудовищная сила овладѣла тысячами взрослыхъ, здоровыхъ людей, оторвала ихъ отъ родныхъ угловъ, отъ привычнаго, любимаго дѣла и гонитъ — Богъ вѣсть куда и зачѣмъ — среди этой ненастной ночи...

Недалеко до разсвѣта. Понемногу вырисовываются изъ темноты сѣрыя, измятыя, глянцовитыя отъ тумана и отъ бессонницы солдатскія лица. Всѣ они похожи одно на другое и выглядятъ еще суровѣе и покорнѣе въ слабости и невѣрномъ утреннемъ полусвѣтѣ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Послѣ полудня стало такъ жарко, что пассажиры I-го и II-го классовъ одинъ за другимъ перебрались на верхнюю палубу. Несмотря на безвѣтріе, вся поверхность рѣки кипѣла мелкой дрожащей зыбью, въ которой нестерпимо ярко дробились солнечные лучи, производя впечатлѣніе безчисленнаго множества серебряныхъ шариковъ, невысоко подпрыгивающихъ на водѣ. Только на отмеляхъ, тамъ, гдѣ берегъ длиннымъ мысомъ врѣзался въ рѣку, вода огибала его неподвижной лентой, спокойно синѣвшей среди этой блестящей ряби. На небѣ, поблѣднѣвшемъ отъ солнечнаго жара и свѣта, не было ни одной тучки, но на пыльномъ горизонтѣ, какъ разъ надъ сизою и зубчатой полосой дальняго лѣса, кое-гдѣ протянулись тонкія бѣлыя облачка, отливавшія по краямъ, какъ мазки расплавленнаго металла. Черный дымъ, не подымаясь надъ низкой закоптѣлой трубой, стлался за пароходомъ длиннымъ грязнымъ хвостомъ.

Покромцевы, мужъ и жена, тоже вышли на палубу. Ихъ вовсе не стѣсняло окружавшее многолюдное и совершенно незнакомое общество; наоборотъ, они въ немъ чувствовали себя еще ближе, еще тѣснѣе другъ къ другу. Они были женаты уже три мѣсяца — именно такой срокъ, послѣ котораго молодые супруги особенно охотно посѣщаютъ театры, гулянья и балы, гдѣ, затерявшись въ

толпѣ чужихъ людей, они глубже и острѣе чувствуютъ взаимную близость, обратившюся въ привычку за время медоваго мѣсяца. Лишь изрѣдка они обмѣнивались незначительнымъ односложнымъ замѣчаніемъ, улыбкой или долгимъ взглядомъ. И онъ и она испытывали то полное, лѣнивое и сладкое счастье, которое даетъ только путешествіе, сопровождаемое молодостью и беззаботной удовлетворенной любовью.

Снизу, изъ машиннаго отдѣленія, вмѣстѣ съ теплымъ запахомъ нефти, доносилось непрерывное шипѣніе, мягкіе удары работающих поршней и какіе-то глубокіе, правильные вздохи, въ тактъ которымъ такъ же размѣренно вѣдрагивала деревянная палуба «Ястреба». Подъ колесами парохода клокотала вода, выбрасывая сердитые бугры бѣлой пѣны. За кормой, торопливо догоняя ее, бѣжали ряды длинныхъ, широкихъ волнъ; бѣлые курчавые гребни неожиданно вскипали на ихъ мутно-зеленой вершинѣ и, плавно опустившись внизъ, вдругъ таяли, точно прятались подъ воду. Расходясь по рѣкѣ все шире, все дальше, волны набѣгали на берегъ, колебали и пригибали къ землѣ жидкіе кусты ивняка и, разбившись съ шумнымъ плескомъ и пѣною объ откосъ, бѣжали назадъ, обнажая мокрую песчаную отмель, всю изъѣденную прибоемъ.

Коегдѣ на кустахъ висѣли длинныя рыбацкіе сѣти. Чайки съ пронзительнымъ крикомъ летѣли навстрѣчу пароходу, сверкая на солнцѣ при каждомъ взмахѣ своихъ широкихъ, изогнутыхъ крыльевъ. Изрѣдка на болотистомъ берегу виднѣлась сѣрая цапля, стоявшая въ важной и задумчивой позѣ на своихъ длинныхъ красноватыхъ ногахъ.

Но это однообразіе не прискучивало Вѣрѣ Львовнѣ и не утомляло ее, потому что на весь Божій міръ она глядѣла сквозь радужную пелену тихаго очарованья, переполнявшаго ее душу. Ей все казалось милымъ и доро-

гимъ: и «нашъ» пароходъ — необыкновенно чистенькій и быстрый пароходъ! — и «нашъ» капитанъ — здоровенный толстякъ въ парусинной парѣ и клеенчатомъ картузѣ, съ багровымъ лицомъ, сизымъ носомъ и звѣринымъ голосомъ, давно охрипшимъ отъ непогодъ, оранья и пьянства, — «нашъ» лоцманъ — красивый, чернобородый мужикъ въ красной рубахѣ, который вертѣлъ въ своей стеклянной будочкѣ колесо штурвала, въ то время, какъ его острые, прищуренные глаза твердо и неподвижно смотрѣли вдаль. Слегка облокотившись на проволочную сѣтку, Вѣра Львовна съ наслажденіемъ глядѣла, какъ играли въ волнахъ бѣлые барашки, а въ головѣ ея подъ размѣренныя вздохи машины звучалъ мотивъ какой-то самодѣльной польки, и съ этимъ мотивомъ въ странную гармонию сливались и шумъ воды подъ колесами и дребезжаніе чашекъ въ буфетѣ...

Иногда навстрѣчу «Ястребу» попадался буксирный пароходъ, тащившій за собою на толстомъ канатѣ длинную вереницу низкихъ, неуклюжихъ барокъ. Тогда оба парохода начинали угрожающе ревѣть, что заставляло Вѣру Львовну съ испуганнымъ видомъ зажмуривать глаза и затыкать уши...

Вдали показывалась пристань — маленькій красный домикъ, выстроенный на баркѣ. Капитанъ, приложивши ротъ къ мѣдному рупору, проведенному въ машинное отдѣленіе, кричалъ командныя слова, и его голосъ казался выходящимъ изъ глубокой бочки. «Самый малый! Ступцъ! Задній ходъ! Сту-упъ!..» Съ нижней палубы выбрасывали канатъ, и онъ, развиваясь въ воздухѣ, съ грохотомъ падалъ на крышу пристани. Матросы по дрожащимъ сходнямъ выносили на берегъ громадные кули и мѣшки, сгибаясь подъ ихъ тяжестью и придерживая ихъ желѣзными крюками. Около станціи толпились бабы и дѣвчонки въ красныхъ сарафанахъ; онѣ навязчиво пред-

лагали пассажирамъ вялую малину, бутылки съ кипяченымъ молокомъ, соленую рыбу и баранину. Ямскія лошади, надъ которыми вились тучи слѣпней, нетерпѣливо позвякивали бубенчиками и колокольцами...

Жара понемногу спадала. Отъ воды поднялся легкій вѣтерокъ. Солнце садилось въ пожаръ пурпурнаго пламени и растопленнаго золота; когда же яркія краски зари потухли, то весь горизонтъ освѣтился ровнымъ пыльно-розовымъ сіяніемъ. Наконецъ и это сіяніе померкло, и только невысоко надъ землей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ закатилось солнце, осталась неясная длинная розовая полоска, незамѣтно переходившая наверху въ нѣжный голубоватый оттѣнокъ вечерняго неба, а внизу въ тяжелую сизоватую мглу, подымавшуюся отъ земли. Воздухъ сгустился, похолодѣлъ. Откуда-то донесся и скользнулъ по палубѣ слабый запахъ меда и сырой травы. На востокѣ, за волнистой линіей холмовъ, разрастался темно-золотой свѣтъ луны, готовый взойти. Она показалась сначала только однимъ краешкомъ и потомъ выплыла—большая, огненно-красная и какъ будто бы приплюснутая сверху.

На пароходѣ зажгли электричество и засвѣтили на бортахъ сигнальные фонари. Изъ трубы валили длиннымъ снопомъ и стлались за пароходомъ, тая въ воздухѣ, красныя искры. Вода казалась свѣтлѣе неба и уже не кипѣла больше. Она успокоилась, затихла, и волны отъ парохода расходились по ней такія чистыя и гладкія, какъ будто бы онѣ рождались и застывали въ жидкомъ стеклѣ. Луна поднялась еще выше и поблѣднѣла; дискъ ея сдѣлался правильнымъ и блестящимъ, какъ отполированный серебряный щитъ. По водѣ протянулся отъ берега къ пароходу и заигралъ золотыми блестками и струйками длинный дрожащій столбъ.

Становилось свѣжо. Покромцевъ замѣтилъ, что жена его два раза содрогнулась плечами и спиной подъ своимъ

шерстянымъ платкомъ, и, нагнувшись къ ней, спросилъ:

— Птичка моя, тебѣ не холодно? Можетъ-быть, пойдёмъ въ каюту?

Вѣра Львовна подняла голову и посмотрѣла на мужа. Его лицо при лунномъ свѣтѣ стало блѣднѣе обыкновеннаго, пушистые усы и остроконечная бородка вырисовывались рѣзче, а глаза удлинились и приняли странное, нѣжное выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... не безпокойся, милый... Мнѣ очень хорошо, — отвѣтила она.

Она не чувствовала холода, но ее охватила та щемлящая томная жуть, которая овладѣваетъ нервными людьми въ яркія лунныя ночи, когда небо кажется холодной и огромной пустыней. Низкіе берега, бѣжавшіе мимо парохода, были молчаливы и печальны, прибрежные лѣса, окутанные влажнымъ мракомъ, казались страшными.

У Вѣры Львовны вдругъ явилось непреодолимое желаніе прильнуть какъ можно ближе къ своему мужу, спрятать голову на сильной груди этого близкаго человѣка, согрѣться его теплотой...

Онъ, точно угадывая ея мимолетное желаніе, тихо обвилъ ее половиной своего широкаго пальто, и они оба затихли, прижавшись другъ къ другу, и, касаясь другъ друга головами, слились въ одинъ граціозный темный силуэтъ, между тѣмъ какъ луна бросала яркія серебряныя пятна на ихъ плечи и на очертаніе ихъ фигуръ.

Пароходъ сталъ двигаться осторожнѣе, изъ боязни наткнуться на мель... Матросы на носу измѣряли глубину рѣки, и въ ночномъ воздухѣ отчетливо звучали ихъ протяжныя восклицанія: «Ше—есть!.. Шестъ съ половиной!.. Во—осемь!.. По—одъ таба—акъ!.. Се—мь!» Въ этихъ высокихъ стонущихъ звукахъ слышалось то же

уныніе, какимъ были полны темные, печальные берега и холодное небо. Но подъ плащомъ было очень тепло, и, крѣпко прижимаясь къ любимому человѣку, Вѣра Львовна еще глубже ощущала свое счастье.

На правомъ берегу показались смутныя очертанія высокой горы съ легкой, рѣзной, деревянной бесѣдкой на самой вершинѣ. Бесѣдка была ярко освѣщена, и внутри ея двигались люди. Видно было, какъ, услышавъ шумъ приближающагося парохода, они подходили къ периламъ и, облокотившись на нихъ, глядѣли внизъ.

— Ахъ, Володя, посмотри, какая прелесть! — воскликнула Вѣра Львовна. — Совсѣмъ кружевная бесѣдка... Вотъ бы намъ съ тобой здѣсь пожить...

— Я здѣсь провель цѣлое лѣто, — сказалъ Покромцевъ.

— Да? Неужели? Это, навѣрно, чье-нибудь имѣніе?

— Князей Ширковыхъ. Очень богатые люди...

Она не видѣла его лица, но чувствовала, что, произнося эти слова, онъ слегка разглаживаетъ концами пальцевъ свои усы, и что въ его голосѣ звучитъ улыбка воспоминанія.

— Когда же ты былъ тамъ? Ты мнѣ ничего о нихъ не рассказывалъ... Что они за люди?

— Люди?.. Какъ тебѣ сказать?.. Ни дурные, ни хорошіе... Веселые люди....

Онъ замолчалъ, продолжая улыбаться своимъ воспоминаніямъ. Тогда Вѣра Львовна сказала:

— Ты смѣешься... Ты, вѣрно, вспомнилъ что-нибудь интересное?

— О, нѣтъ... Ничего... Ровно ничего интереснаго, — возразилъ Покромцевъ и крѣпче обнялъ талію жены. — Такъ... маленькія глупости... не стѣитъ и вспоминать.

Вѣра Львовна не хотѣла больше спрашивать, но Покромцевъ началъ говорить самъ. Ему пріятно было,

что его жена узнаетъ, въ какой широкой барской обстановкѣ ему приходилось жить. Это щекотало мелочнымъ, но пріятнымъ образомъ его самолюбіе. Ширковы жили лѣтомъ въ своемъ имѣніи, точь въ точь, какъ англійскіе лорды. Правда, самъ Покромцевъ былъ тамъ только репетиторомъ, но онъ сумѣлъ себя поставить такъ, что съ нимъ обращались какъ со своимъ, даже больше того, — какъ съ близкимъ человѣкомъ. Вѣдь настоящихъ свѣтскихъ людей всего скорѣе и узнаешь именно по ихъ очаровательной простотѣ. Лѣто промелькнуло удивительно быстро и весело: лаунъ-теннисъ, пикники, шарады, спектакли, прогулки верхомъ... Къ обѣду всѣ собирались по звуку гонга, непременно во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, — однимъ словомъ, самое утонченное соединеніе строгаго этикета съ простотой и прекрасныхъ манеръ съ непринужденнымъ весельемъ. Конечно, въ такой жизни есть и свои недостатки, но пожить ею хоть одно лѣто — и то чрезвычайно пріятно.

Вѣра Львовна слушала его, не прерывая ни однимъ словомъ и въ то же время испытывая нехорошее, похожее на ревность, чувство. Ей было больно думать, что у него въ памяти остался хоть одинъ счастливый моментъ изъ его прежней жизни, не уничтоженный, не сплаженный ихъ теперешнимъ общимъ счастьемъ.

Бесѣдка вдругъ точно спряталась за поворотомъ. Вѣра Львовна молчала, а Покромцевъ, увлеченный своими воспоминаніями, продолжалъ:

— Ну, конечно, играли въ любовь, безъ этого на дачѣ нельзя. Всѣ играли, начиная со стараго князя и кончая безусыми лицейстами, моими учениками. И всѣ другъ другу покровительствовали, смотрѣли сквозь пальцы

— А ты? Ты тоже... ухаживалъ за кѣмъ-нибудь? — спросила Вѣра Львовна неестественно-спокойнымъ тономъ.

Онъ провелъ рукой по усамъ. Этотъ самодовольный, такъ хорошо знакомый Вѣрѣ Львовнѣ жестъ вдругъ показался ей пошлымъ.

— Н-да... и я тоже. У меня вышелъ маленькій романъ съ княжной Кэтъ. Очень смѣшной романъ и, пожалуй, если хочешь, даже немного безнравственный. Понимаешь: дѣвицѣ еще и 16-ти лѣтъ не исполнилось, но развязность, самоувѣренность и прочее—просто удивительныя. Она мнѣ прямо изложила свой взглядъ. «Мнѣ, говоритъ, здѣсь скучно, потому что я ни одного дня не могу прожить безъ сознанія, что въ меня всѣ кругомъ влюблены. Вы одинъ здѣсь только мнѣ и нравитесь. Вы недурны собой, съ вами можно разговаривать, ну и такъ далѣе. Вы, конечно, понимаете, что женой вашей я быть не могу, но почему же намъ не провести это лѣто весело и пріятно?»

— Ну и что же? Было весело? — спросила Вѣра Львовна, стараясь говорить небрежно, и сама испугалась своего внезапно охрипшаго голоса.

Этотъ голосъ заставилъ Покромцева насторожиться. Какъ бы извиняясь за то, что причинилъ ей боль, онъ притянулъ къ себѣ голову жены и прикоснулся губами къ ея виску. Но какое-то подлое, неудержимое влеченіе, копошившееся въ его душѣ, какое-то смутное и гадкое чувство, похожее на хвастливое молодечество, тянуло его рассказывать дальше.

— Вотъ мы и играли въ любовь съ этимъ подлѣткомъ и въ концѣ лѣта разстались. Она совсѣмъ равнодушно благодарила меня за то, что я помогъ ей не скучать, и жалѣла, что не встрѣтилась со мною, уже выйдя замужъ. Впрочемъ, она, по ея словамъ, не потеряла надежды встрѣтиться со мною впослѣдствіи.

И онъ прибавилъ съ дѣланнымъ смѣхомъ:

— Вообще, эта исторія составляетъ для меня одно изъ

самыхъ непріятныхъ воспоминашій. Вѣдь правда, Вѣрочка, гадко все это?

Вѣра Львовна не отвѣтила ему. Покромцевъ почувствовалъ къ ней жалость и сталъ раскаиваться въ своей откровенности. Желая загладить непріятное впечатлѣніе, онъ еще разъ поцѣловалъ жену въ щеку...

Вѣра Львовна не сопротивлялась, но и не отвѣтила на поцѣлуй... Странное, мучительное и самой ей неясное чувство овладѣло ея душой. Тутъ была отчасти и ревность къ прошедшему, — самый ужасный видъ ревности, — но была только отчасти. Вѣра Львовна давно слышала и знала, что у каждаго мужчины бываютъ до женитьбы интрижки и связи, что то, что для женщины составляетъ огромное событіе, для мужчины является простымъ случаемъ, и что съ этимъ ужаснымъ порядкомъ вещей надо поневолѣ мириться. Было тутъ и негодованіе на ту унижительную и развратную роль, которая выпала въ этомъ романѣ на долю ея мужа, но Вѣра Львовна вспомнила, что и ея поцѣлуи съ нимъ, когда они еще были женихомъ и невѣстой, не всегда носили невинный и чистый характеръ. Страшнѣе всего въ этомъ новомъ чувствѣ было сознаніе того, что Владимиръ Ивановичъ вдругъ сдѣлался для своей жены чужимъ, далекимъ человѣкомъ, и что ихъ прежняя близость никогда уже не можетъ возвратиться.

«Зачѣмъ онъ мнѣ рассказывалъ всю эту гадость? — мучительно думала она, стискивая и терзая свои похолодѣвшія руки. — Опъ перевернулъ всю мою душу и наполнилъ ее грязью, но что же я могу ему сказать на это? Какъ я узнаю, что онъ испытывалъ во время своего рассказа? Сожалѣніе о прошломъ? Нехорошее волненіе? Гадливость? (Нѣтъ, ужъ во всякомъ случаѣ не гадливость: тонъ у него былъ самодовольный, хотя онъ и старался это скрыть)... Надежду опять встрѣтиться когда-нибудь

съ этой Кэтъ? А почему же и не такъ? Если я спрошу его объ этомъ, онъ, конечно, поспѣшитъ меня успокоить, но какъ проникнуть въ самую глубь его души, въ самые отдаленные изгибы его сознанія? По чему я могу узнать, что, говоря со мной искренно и правдиво, онъ въ то же время не обманываетъ—и, можетъ-быть, совершенно невольно—своей совѣсти? О! Чего бы я ни дала за возможность хоть одинъ только мигъ пожить его внутренней, чужой для меня жизнью, подслушать всѣ оттѣнки его мысли, подсмотрѣть, что дѣлается въ этомъ сердцѣ...

И это страстное влеченіе слиться мыслью, отождествиться съ другимъ человѣкомъ, приняло такіе огромные размѣры, что Вѣра Львовна, нечаянно для самой себя, крѣпко прижалась головой къ головѣ мужа, точно желая проникнуть, войти въ его существо. Но онъ не понялъ этого невольнаго движенія и подумалъ, что жена просто хочетъ къ нему приласкаться, какъ озябшая кошечка. Онъ пощекоталъ ее усами по щекѣ и сказалъ тономъ, какимъ говорятъ съ балованными дѣтьми:

— Вѣруся бай-бай хочетъ? Вѣрусенька озябла? Пойдемъ въ каютку, Вѣрусенька?

Она молча поднялась, кутаясь въ свой платокъ.

— Вѣрусенька на насъ ни за что не сердится? — спросилъ Покромцевъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Вѣра Львовна отрицательно покачала головой. Но передъ трапомъ, ведущимъ въ каюты, она остановилась и сказала:

— Послушай, Володя, тебѣ ни разу не приходило въ голову, что никогда, понимаешь, никогда двое людей не поймутъ вполнѣ другъ друга?.. Какими бы тѣсными узами они ни были связаны?..

Онъ чувствовалъ себя немного виноватымъ и потому пробормоталъ со смѣхомъ:

— Ну вотъ, Вѣрунчикъ, какую филозофію развела... Развѣ мы съ тобой не понимаемъ другъ друга?

Въ каютѣ онъ скоро заснулъ тихимъ сномъ здороваго сытаго человѣка. Его дыханія не было слышно, и лицо приняло дѣтское выраженіе.

Но Вѣра Львовна не могла спать. Ей стало душно въ тѣсной каютѣ, и прикосновеніе бархатной обивки дивана раздражало кожу ея рукъ и шеи. Она встала, чтобы опять выйти на палубу.

— Ты куда, мамуся?—спросилъ Покромцевъ, разбуженный шелестомъ ея юбокъ.

— Лежи, лежи, я сейчасъ приду. Я еще минутку посижу на палубѣ,—отвѣтила она, дѣлая ему рукою знакъ, чтобы онъ не вставалъ.

Ей хотѣлось остаться одной и думать. Присутствіе мужа, даже спящаго, стѣсняло ее. Выйдя на палубу, она невольно сѣла на то же самое мѣсто, гдѣ сидѣла раньше. Небо стало еще холоднѣе, а вода потемнѣла и потеряла свою прозрачность. То и дѣло легкія тучки, похожія на пушистые комки ваты, набѣгали на свѣтлый кругъ луны и вдругъ окрашивались причудливымъ золотымъ сіяніемъ. Печальные, низкіе и темные берега такъ же молчаливо бѣжали мимо парохода.

Вѣрѣ Львовнѣ было жутко и тоскливо. Она впервые въ своей жизни натолкнулась сегодня на ужасное сознаніе, приходящее рано или поздно въ голову cadaго чуткаго вдумчиваго человѣка,—на сознаніе той неумолимой непроницаемой преграды, которая вѣчно стоитъ между двумя близкими людьми. «Что же я о немъ знаю?—шопотомъ спрашивала себя Вѣра Львовна, сжимая руками горячій лобъ.—Что я знаю о моемъ мужѣ, объ этомъ человѣкѣ, съ которымъ я вмѣстѣ и ѣмъ, и пью, и сплю, и съ которымъ всю жизнь должна пройти вмѣстѣ? Положимъ, я знаю, что онъ красивъ, что онъ любитъ свою физическую

силу и холить свои мускулы, что онъ музыкаленъ, что онъ читаетъ стихи нараспѣвъ, знаю даже больше,—знаю его ласковыя слова, знаю, какъ онъ цѣлуется, знаю пять или шесть его привычекъ... Ну, а больше? Что же я больше-то знаю о немъ? Извѣстно ли мнѣ, какой слѣдъ оставили въ его сердцѣ и умѣ его прежнія увлеченія? Могу ли я отгадать у него тѣ моменты, когда человѣкъ во время смѣха внутренно страдаетъ или когда наружной, лицемѣрной печалью прикрываетъ злорадство? Какъ разобратся во всѣхъ этихъ тонкихъ изворотахъ чужой мысли, въ этомъ чудовищномъ вихрѣ чувствъ и желаній, который постоянно, быстро и неувовимо несется въ душѣ посторонняго человѣка?»

Внезапно она почувствовала такую глубокую внутреннюю тоску, такое щемящее сознание своего вѣчнаго одиночества, что ей захотѣлось плакать. Она вспомнила свою мать, братьевъ, меньшую сестру. Развѣ и они не такъ же чужды ей, какъ чуждъ этотъ красивый брюнетъ съ нѣжной улыбкой и ласковыми глазами, который называется ея мужемъ? Развѣ сможетъ она когда-нибудь такъ взглянуть на мѣръ, какъ они глядятъ, увидѣть то, что они видятъ, почувствовать, что они чувствуютъ?..

Около четырехъ часовъ утра Покромцевъ проснулся и былъ очень удивленъ, не видя на противоположномъ диванѣ своей жены. Онъ быстро одѣлся и, позѣвывая и вздрагивая отъ утренняго холода, вышелъ на палубу.

Солнце еще не всходило, но половина неба уже была залита блѣднымъ розовымъ свѣтомъ. Прозрачная и спокойная рѣка лежала точно громадное зеркало въ зеленой, влажной рамѣ ожившихъ, орошенныхъ луговъ. Легкія розовыя морщины слегка бороздили ея гладкую поверхность, а пѣна подъ пароходными колесами казалась молочно-розовой. На правомъ берегу молодой березовый лѣсъ съ его частымъ строемъ тонкихъ, прямыхъ, бѣлыхъ

стволовъ былъ окутанъ, точно тонкой кисеей, легкимъ покровомъ тумана. Сизая, тяжелая туча, низко повисшая на востокъ, одна только боролась съ сіяющимъ торжествомъ наряднаго лѣтняго утра. Но и на ней уже брызнули, точно кровавые потоки, темно-красные штрихи.

Вѣра Львовна сидѣла на томъ же мѣстѣ, облокотясь руками на рѣшетку и положивъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Покромцевъ подошелъ къ ней и, обнявъ ее, напыщенно продекламировалъ голосомъ, разбухшимъ отъ здороваго сна:

— «Вышла изъ мрака молодая, съ перстами пурпурными, Эосъ»...

Но, когда онъ увидѣлъ ея серьезное, заплаканное лицо, онъ точно поперхнулся послѣднимъ словомъ.

— Вѣрусенька, что съ тобой? Что такое, моя дорогая?

Но она уже приготовилась къ этому вопросу. Она такъ много передумала за эту ночь, что пришла къ единственному разумному и холодному рѣшенію: надо жить, какъ всѣ, надо подчиняться обстоятельствамъ, надо даже лгать, если нельзя говорить правду.

И она отвѣтила, виновато и растерянно улыбаясь:

— Ничего, мой милый. Просто — у меня бессонница...

СВАДЬБА.

I.

Вапнярскій пѣхотный армейскій полкъ расквартированъ въ жалкомъ уѣздномъ юго-западномъ городишкѣ и по окрестнымъ деревнямъ, но одинъ изъ его четырехъ батальоновъ поочередно отправляется съ начала осени за шестьдесятъ верстъ въ отдѣлъ, въ пограничное еврейское мѣстечко, котораго не найти на географической картѣ, и стоитъ тамъ всю зиму и весну, вплоть до лагернаго времени. Командиры ротъ ежегодно смѣняются вмѣстѣ со смѣной батальоновъ, но младшіе офицеры остаются почти одни и тѣ же. Строгій полковникъ ссылаетъ туда все, что въ полку поплоше: игроковъ, скандалистовъ, пьющихъ, слабыхъ строевиковъ, замухрышекъ, лѣнтяевъ, тѣхъ, что вовсе не умѣютъ танцовать, и просто офицеровъ, отличающихся непредставительной наружностью, «наводящей уныніе на фронтъ»,—благо высшее начальство никогда не заглядываетъ въ отдѣлъ. Командуетъ же ссыльными батальонами изъ зимы въ зиму уже много лѣтъ подъ рядъ старый, запойный, безтолковый, болтливый, но добродушный подполковникъ Окишъ.

Рождественскія каникулы. Послѣ долгихъ мятелей установилась прекрасная погода. На улицахъ пропасть молодого, свѣжаго, вкусно пахнущаго снѣга, едва взрытаго полозьями. Солнечные дни ослѣпительно ярки и веселы. По ночамъ сіяетъ полная луна, дѣлая снѣгъ розовато-

голубымъ. Къ полночи слегка морозить, и тогда изъ края на край мѣстечка слышно, какъ звонко скрипятъ шаги ночного сторожа.

Занятій въ ротахъ нѣтъ вотъ уже третій день. Большинство офицеровъ отпросилось въ штабъ полка, другіе уѣхали тайкомъ. Тамъ теперь веселье: въ офицерскомъ собраніи балъ и любительскій спектакль—ставятъ «Лѣсъ» и «Не спросясь броду, не суйся въ воду», маскарадъ въ гражданскомъ клубѣ; пріѣхала драматическая труппа, которая ставитъ попережку мелодрамы, малорусскія комедіи съ гопакомъ, колбасой, горилкой и плясками, а также и легкую оперетку; у семейныхъ офицеровъ устраиваются поочередно «балки» съ катаньемъ на извозчикахъ, съ винтомъ и ужиномъ. Изъ всего четвертаго батальона остались только три офицера: командиръ шестнадцатой роты капитанъ Бутвиловичъ, болѣзненный поручикъ Штейнъ и подпрапорщикъ Слезкинъ.

Вечеръ. Темно. Подпрапорщикъ сидитъ на кровати, положивъ ногу на ногу и сгорбившись. Въ рукахъ у него гитара, въ углу открытаго толстаго рта виситъ потухшая и прилипшая къ губѣ папироска. Тоскливая тьма ползетъ въ комнату, но Слезкину лѣнь крикнуть вѣстового, чтобы тотъ пришелъ и зажегъ лампу. За окномъ на дворѣ смутно торчатъ какіе-то черные, отягощенные снѣгомъ прутья, и сквозь нихъ слабо рисуются далекія крыши, нахлобучившіяся точно бѣлыя толстыя шапки надъ низенькими синими домишками, а еще дальше, за железнодорожнымъ мостомъ, густо алѣетъ между бѣлымъ снѣгомъ и темнымъ небомъ тоненькая полоска зари.

Праздники выбили подпрапорщика изъ привычной наладившейся колеи и отуманили его мозгъ своей свѣтлой, тихой, задумчивой грустью. Утромъ онъ спалъ до одиннадцати часовъ, спалъ насильно, спалъ въ счетъ будущихъ и прошедшихъ буденъ, спалъ до тѣхъ поръ, пока

у него не распухла голова, не осипъ голосъ, а вѣки сдѣлались красными и тяжелыми. Ему даже казалось, что онъ видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни какой-то сонъ, но припомнить его не смогъ, какъ ни старался.

Послѣ чая онъ надѣлъ праздничные сапоги французскаго лака и безцѣльно гулялъ по городу, заложивши руки въ карманы. Зашелъ для чего-то въ отворенный костелъ и посидѣлъ немного на скамейкѣ. Тамъ было пусто, просторно, холодно и гулко. Органъ протяжно повторялъ однѣ и тѣ же три густыя ноты, точно онъ все собирался и никакъ не могъ окончить финалъ мелодіи. Пять-шесть стариковъ и десятокъ старухъ, всѣ похожіе на нищихъ, уткнувшись въ молитвенники, тянули въ унисонъ дребезжащими голосами какой-то безконечно длинный хораль. «Панна Марія, Панна Марія, Кру-у-ле-е-ва»,—разслышалъ подпрапорщикъ слова и про себя внутренно усмѣхнулся съ пренебреженіемъ. Слова чужого языка всегда казались ему такими нелѣпыми и смѣшными, точно ихъ произносятъ такъ себѣ, нарочно, для баловства, въ родѣ того, какъ семилѣтнія дѣти иногда ломаютъ языкъ, выдумывая диковинныя созвучія: «каляля-маляля-паляля». И обстановка чужого храма—кисейныя занавѣски на открытомъ алтарѣ, дубовая рѣзная каедрa, скамейки, органъ, раскрашенныя статуи, бритый ксендзъ, звонки, исповѣдальня—все это не возбуждало въ немъ никакого уваженія, и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы зашелъ въ никому не принадлежащій, большой и холодный каменный сарай. «Молятся, а сидятъ!—подумалъ онъ презрительно. — Сволочь!»

Онъ презиралъ все, что не входило въ обиходъ его узкой жизни или чего онъ не понималъ. Онъ презиралъ науку, литературу, всѣ искусства и культуру, презиралъ столичную жизнь, а еще больше заграницу, хотя не имѣлъ

о нихъ никакого представленія, презиралъ безповоротно всѣхъ штатскихъ, презиралъ прапорщиковъ запаса съ высшимъ образованіемъ, гвардію и генеральный штабъ, чужія религіи и народности, хорошее воспитаніе и даже простую опрятность, глубоко презиралъ трезвость, вѣжливость и цѣломудренность. Онъ былъ изъ семинаристовъ, но семинаріи не окончилъ, и такъ какъ ему не удалось занять псаломщичьей вакансіи въ большомъ городѣ, то онъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ полкъ и, съ трудомъ окончивъ юнкерское училище, сдѣлался подпрапорщикомъ. Теперь ему было 26 лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, лысъ, голубоглазъ, прыщавъ и носилъ длинные, свѣтлые, прямые усы.

Изъ костела онъ зашелъ къ поручику Штейну, поигралъ съ нимъ въ шашки и выпилъ водки. У Штейна все лицо было изуродовано давнишней запущенной болѣзью. Старыя зажившія язвы бѣлѣли лоснящимися рубцоватыми пятнами, на новыхъ были приклеены черные кружочки изъ ртутнаго пластыря; никого изъ молодыхъ офицеровъ не удивляло и не коробило, когда Штейнъ вслухъ называлъ эти украшенія мифологическими прозвищами: поцѣлуй Венеры, ударъ шпоры Марса, туфелька Діаны и т. д. Прежде, только-что выйдя изъ военнаго училища, онъ былъ очень красивъ — милой, бѣлокурой, розовой, стройной красотой холеннаго мальчика изъ хорошаго дома. Но и теперь онъ продолжалъ считать себя красавцемъ: длительное, ежедневное разрушеніе лица было ему такъ же незамѣтно, какъ влюбленнымъ супругамъ — новыя черты постепенной старости другъ въ другѣ.

Штейнъ, поминутно подходя къ зеркалу, оправлялъ заклейки на лицѣ и ожесточенно бранилъ командира полка, который на-дняхъ посоветовалъ ему или лѣчиться серьезно, или уходить изъ полка. Штейнъ находилъ это подлостью и несправедливостью со стороны полковника.

Весь полкъ болѣвъ этой же самой болѣзнию. Развѣ Штейнъ виноватъ въ томъ, что она бросилась ему именно въ лицо, а не въ ноги или не на мозгъ, какъ другимъ? Это свинство! Въ третичномъ періодѣ болѣзнь вовсе не заразителна — это всякій дуракъ знаетъ. А службу онъ несетъ не хуже любого въ полку.

Онъ долго, все повторяя, говорилъ объ этомъ. Потомъ сталъ жаловаться Слезкинъ на свою участь: на нищенское подпрапорщичье содержаніе, на то, что его привлекаютъ къ суду за разбитіе барабанной перепонки у рядового Греченки, на то, что его вотъ уже четвертый годъ маринуютъ въ званіи подпрапорщика, и на то, что къ нему придирается ротный командиръ, капитанъ Бутвилловичъ. При томъ оба пили водку и закусывали поджареннымъ, прозрачнымъ свинымъ саломъ.

II.

Къ двумъ часамъ подпрапорщикъ вернулся домой. Вѣстовой принесъ ему обѣдъ изъ ротнаго котла: горшокъ жирныхъ щей, крѣпко заправленныхъ лавровымъ листомъ и краснымъ перцемъ, и пшенной каши въ деревянной мискѣ. Подавая на столъ, вѣстовой уронилъ хлѣбъ, и Слезкинъ дважды ударилъ его по лицу. Денщикъ же тарачилъ на него большіе безцвѣтные глаза и старался не моргать и не мотать головой при ударахъ.

Изъ носа у него потекла кровь.

— Поди, умойся, болванъ! — сердито крикнулъ на него подпрапорщикъ.

За обѣдомъ Слезкинъ выпилъ въ одиночку очень много водки и потомъ, уже совершенно насытившись, все еще продолжалъ черезъ силу медленно и упорно ѣсть, чтобы хоть этимъ убить время. Послѣ обѣда онъ легъ спать съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто бы его животъ былъ

туго, по самое горло, набить крупнымъ, тяжелымъ мокрымъ пескомъ.

Спалъ онъ до сумерекъ. Онъ и теперь еще чувствуетъ отъ сна легкой ознобъ, вмѣстѣ съ тупой, мутной тяжестью во всемъ тѣлѣ, и каждую минуту зѣваетъ судорожно, съ дрожью.

Аристотель, о, о, о, о — ный
Мудрый философъ,
Мудрый философъ,
Продаль пантало, о, о, о — ны —

поетъ подпрапорщикъ старинную семинарскую пѣсню и лѣниво, двумя аккордами вторитъ себѣ на гитарѣ, которую онъ выпросилъ на время праздниковъ у батальоннаго адъютанта, уѣхавшаго въ городъ. Равнодушная, терпѣливая скука окутала его душу. Ни одна мысль не проносится въ его головѣ, и нечѣмъ занять ему пустого времени, и некуда итти, и жаль безтолково уходящихъ праздниковъ, за которыми опять потянется опротивѣвшая служба, и хочется, чтобы ужъ поскорѣе прошло это длительное праздничное томленіе.

Читать Слезкинъ не любитъ. Все, что пишутъ въ книгахъ, — неправда, и никогда ничего подобнаго не бываетъ въ жизни. Особенно то, что пишутъ о любви, кажется ему наивной и слащавой ложью, достойной всякаго, самаго срамнаго издѣвательства. Да онъ и не помнитъ ровно ничего изъ того, что онъ пробовалъ читать, не помнитъ ни заглавія ни сути, развѣ только смутно вспоминаетъ иногда военные рассказы Лавра Короленки да кое-что изъ сборника армянскихъ и еврейскихъ анекдотовъ. Въ свободное время онъ охотнѣй перечитываетъ Строевой Уставъ и Наставленіе къ обученію стрѣльбѣ.

Продаль пантало, о, о, оны
За сивухи штофъ,
За сивухи што — о — офъ.

«Напрасно я завалился послѣ обѣда, — думаетъ подпрапорщикъ и зѣваетъ. — Лучше бы мнѣ было пройтись по воздуху, а сейчасъ бы лечь — вотъ время бы и прошло незамѣтно. Господи, ночи какія длинныя! Хорошо теперь въ городѣ, въ собраніи. Бильярдъ... Карты... Свѣтло... Пиво пьютъ, всегда ужъ кто-нибудь угоститъ... Арчаковский анекдоты рассказываетъ и представляетъ жидовъ... Эхъ!.. Пойти бы къ кому-нибудь? Нанести визитъ?» — соображаетъ подпрапорщикъ и опять, глядя въ снѣжное окно, зѣваетъ, дрожа головой и плечами. Но пойти не къ кому, и онъ самъ это хорошо знаетъ. Во всемъ мѣстечкѣ только и общества, кромѣ офицеровъ, что ксендзъ, два священника мѣстной церкви, становой приставъ и нѣсколько почтовыхъ чиновниковъ. Но ни у кого изъ нихъ Слезкинъ не бываетъ: чиновниковъ онъ считаетъ гораздо ниже себя, а у пристава онъ въ прошломъ году на Пасхѣ сдѣлалъ скандалъ. Правда, въ третьемъ году подпрапорщикъ Уховъ уговорилъ его сдѣлать визиты окрестнымъ попамъ и помѣщикамъ, но сразу же вышло нехорошо. Приѣхали они въ незнакомый польскій домъ, засыпанный снѣгомъ, и прямо ввалились въ гостиную, и тутъ же стали раскутывать башлыки, натаивъ вокругъ себя лужи. Потомъ пошли ко всѣмъ по очереди представляться, суя лопаточкой мокрая, синія, холодныя руки. Потомъ сѣли и долго молчали, а хозяева и другіе гости, также молча, разглядывали ихъ съ изумленіемъ. Уховъ наконецъ крикнулъ, покосился на піанино и сказалъ:

— А мы больше туда, гдѣ, знаете, фортепіано...

Опять всѣ замолчали и молчали чрезвычайно долго. Вдругъ Слезкинъ, самъ не зная зачѣмъ, выпалилъ:

— А я психопатъ! — И умолкъ.

Тогда хозяинъ дома, породистый полякъ высокаго роста, съ орлинымъ носомъ и пушистыми сѣдыми усами, подошелъ къ нимъ и преувеличенно-любезно спросилъ:

— Може, панове хотять закусить съ дороги?

И онъ проводилъ ихъ во флигель къ своему управляющему, а тотъ—крѣпкій, какъ быкъ, узколобый, коренастый мужчина—въ полчаса напоилъ подпрапорщиковъ до потери сознанія и бережно доставилъ на помѣщичьихъ лошадяхъ въ мѣстечко.

Да и непереносно тягостно для Слезкина сидѣть въ многолюдномъ обществѣ и молчать въ ожиданіи, пока позовутъ къ закускѣ. Ему совершенно непостижимо, какъ это люди цѣлый часъ говорятъ, говорятъ,—и все про разное, и такъ легко перебѣгаютъ съ мысли на мысль. Слезкинъ если и говоритъ когда, то только о себѣ: о томъ, какъ заколодило ему съ производствомъ, о томъ, что онъ сшилъ себѣ новый мундиръ, о подломъ отношеніи къ нему ротнаго командира, да и этотъ разговоръ онъ ведетъ только за водкой. Чужой смѣхъ ему не смѣшонъ, а досаденъ, и всегда онъ подозрѣваетъ, что смѣются надъ нимъ. Онъ и самъ понимаетъ, что его унылое и презрительное молчаніе въ обществѣ тяготитъ и раздражаетъ всѣхъ присутствующихъ, и потому, какъ дико-застѣнчивый, самолюбивый и, несмотря на внѣшнюю грубость, внутренно-трусливый человѣкъ, онъ не ходитъ въ гости, не дѣлаетъ визитовъ и знаетъ только съ двумя-тремя холостыми, пьющими офицерами:

Цезарь сынъ отва, а, а, аги
И Помпей герой,
И Помпей герой
Продавали шпаа, а, аги
Тою же цѣной,
Тою же цѣно—о—ой.

Въ сѣняхъ хлопаетъ дверь и что-то грохочетъ, падая. Входитъ денщикъ съ лампой. Онъ воротитъ голову отъ свѣта и жмурится.

— Это ты тамъ что уронилъ?—сердито спрашиваетъ Слезкинъ.

Денщикъ испуганно вытягивается.

— Такъ что тибаретка упала.

— А что еще надо прибавить? — грозно напоминаетъ подпрапорщикъ.

— Виновать, ваше благородіе... Тибаретка упала, ваше благородіе.

Лицо денщика выражаетъ животный страхъ и напряженную готовность къ побоямъ. Отъ удара за обѣдомъ и кровотеченія носъ у него посинѣлъ и распухъ. Слезкинъ смотритъ на денщика съ холодной ненавистью.

— Тибаретка! — хрипло передразниваетъ онъ его. — Ссволочь! Неси самоваръ, протоплазма.

Отъ тоски ему хочется ударить денщика сзади, по затылку, но лѣнь вставать. И онъ безъ всякаго удовольствія тянетъ все тотъ же, давно надоѣвшій мотивъ:

Папа Пій девя, я, ятый
И десятый Левъ,
И десятый Левъ...

Денщикъ приноситъ самоваръ. Подпрапорщикъ пьетъ чай въ прикуску до тѣхъ поръ, пока въ чайникѣ не остается лишь свѣтлая теплая водица. Тогда онъ запираетъ сахаръ и осьмушку чая въ шкатулку, на ключъ, и говоритъ денщику:

— Тутъ еще осталось. Можешь допить.

Денщикъ молчитъ.

— Ты! Хамъ!—рявкаетъ на него Слезкинъ.—Что надо сказать?

— Покорно благодарю, ваше благородіе!—торопливо лепечетъ солдатъ, помогая подпрапорщику надѣть шинель.

— Забылъ? Ссвиннія! Я т-тебя выучу. Подыми перчатку, холуй!

По его званію, его надо бы величать всего только

«г.: подпрапорщикъ», но онъ разъ навсегда приказалъ въ-стовому называть себя «ваше благородіе». Въ этомъ самовозвеличеніи есть для Слезкина какая-то тайная прелесть.

III.

Онъ выходитъ на улицу. Круглая зеркальная луна стоитъ надъ мѣстечкомъ. Изъ-за темныхъ плетней лаютъ собаки. Гдѣ-то далеко на дорогѣ звенятъ бубенчики. Видно, какъ на желѣзнодорожномъ мосту ходитъ часовою.

«Что бы такое сдѣлать?»—думаетъ Слезкинъ. Ему вспоминается, какъ три года тому назадъ пьяный поручикъ Тиктинъ добрался въ бродъ до полосатаго пограничнаго столба, на которомъ съ одной стороны написано «Россія», а на другой «Oesterreich», зачеркнулъ мѣломъ, несмотря на протесты часового, нѣмецкую надпись и надписалъ сверху: «Россія». «Да, вотъ это было, что называется, здорово пущена пуля!—улыбается съ удовольствіемъ Слезкинъ.—Взялъ и однимъ почеркомъ пера завоевалъ цѣлое государство. Двадцать сутокъ за это просидѣлъ на гауптвахтѣ въ Кіевѣ. Молодчага. Самъ начальникъ дивизіи хохоталъ. А то бы еще хорошо взять, прійти въ роту и командовать: «Въ ружье! Братцы, вашего подпрапорщика обидѣли жидаы. Тѣ жидаы, которые распяли Христа и причащаются на Пасху кровью христіанскихъ мальчиковъ. Неужели вы, русскіе солдаты, потерпите подобное надругательство надъ честью офицерскаго мундира? За мной! Не оставимъ камня на камнѣ отъ проклятаго жидовскаго кагала!»

— Эхъ! — глубоко и жалостно вздыхаетъ Слезкинъ. — Или, вотъ, если бы бунтъ какой-нибудь случился... усмиреніе...

Онъ поворачиваетъ на главную улицу. Густая черная толпа съ веселыми криками и смѣхомъ валить ему навстрѣчу. «Ишь, чортова жидова!»—думаетъ съ ненавистью подпрапорщикъ. Слышатся звуки нестройной музыки и глухіе удары бубна. Что-то въ родѣ балдахина на четырехъ палкахъ колыхается надъ толпой, постепенно приближаясь. Впереди, стѣсненные людьми, идутъ музыканты. Кларнетистъ такъ смѣшно засунулъ себѣ въ ротъ пистикъ, точно онъ его насасываетъ, щеки его толстаго лица надуваются и опадаютъ, голова неподвижна, но глаза съ достоинствомъ вращаются налево и направо. Долговязый скрипачъ, изогнувъ набокъ свою худую, обмотанную шарфомъ шею, прижался подбородкомъ къ скрипкѣ и на ходу широко взмахиваетъ смычкомъ. Тотъ же, который играетъ на бубнѣ, высоко поднялъ кверху свой инструментъ и приплясываетъ, и вертится, и дѣлаетъ смѣющимся зрителямъ забавныя гримасы.

Подпрапорщикъ останавливается. Мимо него быстро пробѣгаютъ, освѣщаемые на секунду свѣтомъ фонаря, женщины, мужчины, дѣти, старики и старухи. Молодые женщины всѣ до одной красивыя и всѣ смѣются, и часто, проносясь мгновенно мимо Слезкина, прекрасное лицо, съ блестящими бѣлыми зубами и радостно сіяющими глазами, поворачивается къ нему ласково и весело, точно эта милая женская улыбка предназначается именно ему, Слезкину.

— А-а! И вы, пане, пришли посмотрѣть на свадьбу?— слышитъ подпрапорщикъ знакомый голосъ.

Это Дризнеръ, подрядчикъ, поставляющій для батальона мясо и дрова, маленькій, толстенекій, подслѣповатый, но очень зоркій и живой старикашка. Онъ выбирается изъ толпы, подходитъ къ Слезкину и здоровается съ нимъ. Но подпрапорщикъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ протянутой руки Дризнера. Для человека, ко-

торый не-сегодня-завтра можетъ стать оберъ-офицеромъ, унизительно подавать руку еврею.

— Ну, не правда ли, какой веселый шлюбъ? — говоритъ нѣсколько смущенно, но все-таки восторженно подрядчикъ. — Шлюбъ, это по-нашему называется свадьба. Молодой Фридманъ — знаете галантерейный и посудный магазинъ? — такъ онъ беретъ за себя вторую дочку Эпштейна. Шестьсотъ рублей приданаго! Накажи меня Богъ, шестьсотъ рублей наличными!

Подпрапорщикъ презрительно кривитъ зубы. Шестьсотъ рублей! Въ полку офицеру нельзя до 28-ми лѣтъ жениться иначе, какъ внесе реверсъ въ пять тысячъ. А если онъ, Слезкинъ, захочетъ, онъ и всѣ десять тысячъ возьметъ, когда будетъ подпоручикомъ. Офицеру всякая на шею бросится.

Свадебное шествіе переходитъ черезъ площадь и суживается кольцомъ около какого-то дома, ярко и подвижно чернѣя на голубомъ снѣгѣ. Слезкинъ съ подрядчикомъ машинально идутъ туда же, пропустивъ далеко впередъ всѣхъ провожатыхъ.

— А можетъ, пану любопытно поглядѣть на самый шлюбъ? — заискивающе спрашиваетъ Дризнеръ, заглядывая сбоку и снизу въ лицо подпрапорщика.

Гордость борется въ душѣ Слезкина со скукой. И онъ спрашиваетъ неувѣренно:

— А это... можно?

— Охъ, да сколько загодно. Вы прямо доставите имъ удовольствіе. Пойдемте, я васъ проведу.

— Неловко... незнакомъ... — мямлитъ Слезкинъ.

— Пожалуйста, пожалуйста. Безъ всякихъ церемоніевъ. Эпштейнъ — такъ онъ даже швагеръ моему брату. Прошу васъ, идите только за мной. Пойдите трошки вотъ тутечки. Я только пройду на минуточку въ домъ и заразъ вернусь.

Черезъ небольшое время онъ выбирается изъ толпы въ сопровожденіи отца невесты—полнаго, румянаго, съ добродородою старика, который привѣтливо кланяется и дружески улыбается Слезкину.

— Пожалуйста, господинъ офицеръ. Очень, очень пріятно. Вы не повѣрите, какая это для насъ честь. Когда у насъ такое событіе, мы рады всякому порядочному гостю. Позвольте, я пройду впередъ.

Онъ бокомъ буравить толпу, крича что-то по-еврейски на публику и не переставая время отъ времени издали улыбаться и дѣлать пригласительные жесты Слезкину.

Дризнеръ, очень довольный тѣмъ, что онъ входитъ на свадьбу съ такой видной особой, какъ подпрапорщикъ, почти офицеръ, тянетъ Слезкина за рукавъ и шепчетъ ему на ухо:

— А у пана есть деньги?

Слезкинъ морщится.

— Развѣ тутъ надо платить за входъ?

— Ой, пане—какое же за входъ! Но вы знаете... Тамъ вамъ вина поднесутъ на подносѣ... потомъ музыкантамъ... и тамъ еще что... Позвольте вамъ предложить три рубля? Мы потомъ разсчитаемся. Я нарочно даю вамъ мелкими. Ну, что подѣлаешь, если ужъ такой у насъ глупый обычай... Проходите впередъ, пане.

IV.

Свадебный балъ происходилъ въ большомъ пустомъ сараѣ, раздѣленномъ перегородкой на двѣ половины. Раньше здѣсь помѣщался складъ яицъ, отправляемыхъ за границу.

Вдоль стѣнъ, вымазанныхъ синей известкой, стояли скамейки, въ передней комнатѣ нѣсколько стульевъ и столъ для музыкантовъ, въ задней десятокъ столовъ, составленныхъ въ длинный рядъ для ужина—вотъ и вся обстановка. Земляной полъ былъ плотно утрамбованъ. По

стѣнамъ горѣли лампы. Было очень свѣтло и тепло, и черныя стекла оконъ покрылись испариной.

Дризнеръ подбѣжалъ къ музыкантамъ и что-то шепнулъ имъ. Дирижеръ съ флейтой въ рукахъ всталъ, шлепнулъ ладонью по столу и крикнулъ: «Ша!». Музыканты изготовились, кося на него глазами. «Ейнъ, цвей, дрей!» — скомандовалъ дирижеръ. И вотъ, приложивъ флейту ко рту, онъ одновременно взмахнулъ и головой и флейтой. Музыка грянула какую-то первобытную польку.

Но, проигравъ восемь тактовъ, музыканты вдругъ опустили свои инструменты и всѣ хоромъ запѣли тотъ же мотивъ въ унисонъ, козлиными фальшивыми голосами, какъ умѣютъ пѣть одни только музыканты:

Па—нъ Слезкинъ добрый панъ,
Добрый панъ, добрый панъ,
Музыкантамъ гроши далъ,
Гроши далъ, гроши далъ...

— Ну, вы имъ дайте что-нибудь, пане, — шепнулъ Дризнеръ, хитро и просительно прищуривая глазъ.

— Сколько же? — спросилъ угрюмо Слезкинъ.

— Пятьдесятъ... ну, тридцать копеекъ... Сколько ужъ сами захочете.

Подпрапорщикъ великодушно швырнулъ на столъ три серебряныя монеты по гривеннику.

Уже много было народу въ обѣихъ комнатахъ, но все прибывали новые гости. Почетныхъ и богатыхъ людей встрѣчали тѣмъ же тушемъ, что и Слезкина. Между прочимъ, пришелъ шапочно знакомый Слезкину почтовый чиновникъ Миткевичъ, постоянный посѣтитель всѣхъ свадебъ, «балковъ» и «складковыхъ» вечеринокъ въ окрестностяхъ, отчаянный танцоръ и ухаживатель, свѣтскій молодой человѣкъ. Онъ былъ въ рыжей барашковой папахѣ набекрень, въ николаевской шинели съ капюшономъ и съ собачьимъ воротникомъ, съ дымчатымъ пенсне на носу.

Выслушавъ хвалебный тушь, онъ вручилъ дирижеру рубль и тотчасъ же подошелъ къ подпрапорщику.

— Какъ единственно здѣсь съ вами интеллигентные люди, позвольте представиться: мѣстный почтово-телеграфный чиновникъ Иванъ Максимовичъ Миткевичъ.

Слезкинъ великодушно подалъ ему руку.

— Мы ужъ вмѣстѣ и сядемъ за ужиномъ, — продолжалъ Миткевичъ.

— А-а! А развѣ будетъ и ужинъ?.

— Охъ, и что вы говорите? — запаясничалъ чиновникъ. — И еще какой ужинъ. Фаршированная рыба, фишъ по-жидовски, жареный гусь и со смальцемъ. О-охъ, это что-нибудь ошобеннаго!..

Музыка начала играть танцы. Въ распредѣленіи ихъ не было никакого порядка. Каждый, по желанію, подходилъ къ музыкантамъ и заказывалъ что-нибудь, при чемъ за легкой танецъ платилъ двадцать копеекъ, а за кадриль тридцать, и любезно приглашалъ танцевать своихъ пріятелей. Иногда же нѣсколько человекъ заказывали танецъ въ складчину.

— Посмотрите, пане, — сказалъ Дризнеръ: — вотъ тамъ въ углу сидитъ невѣста. Подойдите и скажите ей: «мазельтофъ».

— Какъ?

— Ма-зель-тофъ. Вы только подите и скажите.

— Это зачѣмъ же?

— Да ужъ вы повѣрьте мнѣ. Это самое пріятное поздравленіе у насъ, у евреевъ. Скажите только — мазельтофъ. Увидите, какъ ей будетъ пріятно.

Придерживая лѣвой рукой шашку, подпрапорщикъ пробрался между танцующихъ къ невѣстѣ. Она была очень мила въ своемъ бѣломъ платьѣ, розовая блондинка съ золотистыми рыжеватыми волосами, со свѣтлымъ пушкомъ около ушей и на щекахъ, съ тонкой краснинкой вдоль темныхъ бровей.

— Мазельтофъ, — басомъ сказалъ подпрапорщикъ, шаркая ногой.

— Мазельтофъ, мазельтофъ, — одобрительно, съ улыбками и съ дружелюбнымъ изумленіемъ зашептали вокругъ.

Она встала, вся покраснѣла, расцвѣла улыбкой и, потупивъ счастливые глаза, отвѣтила:

— Мазельтофъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она разыскала подпрапорщика въ толпѣ и подошла къ нему съ подносомъ, на которомъ стояла серебряная чарка съ виноградной водкой и блюдечко со сладкими печеньями.

— Прошу васъ, — сказала она ласково.

Слезкинъ выпилъ и крякнулъ. Водка была необыкновенно крѣпка и ароматична.

— Положите что-нибудь на поднось, — шепталъ сзади Дризнеръ. — Это ужъ такой обычай.

Подпрапорщикъ положилъ двугривенный.

— Благодарю васъ, — сказала тихо невѣста и взглянула на него сіяющими глазами.

«Чортъ знаетъ, какое свинство, — думалъ подпрапорщикъ презрительно. — Сами приглашаютъ и сами заставляютъ платить». Онъ заранѣе зналъ, что не отдастъ Дризнеру его трехъ рублей, но ему все-таки было жалко денегъ.

Было уже около 11-ти часовъ вечера. Въ другой комнатѣ, предназначенной для ужина, тоже начали танцовать, но исключительно старики и старухи. Тѣ трое музыкантовъ, что шли впереди свадебной процессіи, кларнетъ, скрипка и бубень, играли маюфесь — старинный свадебный еврейскій танецъ. Почтенныя толстыя хозяйки въ бѣлыхъ и желтыхъ шелковыхъ платкахъ, гладко повязанныхъ на головѣ, но оставляющихъ открытыми оттопыренныя уши, и сѣдобородые, солидные коммерсанты образовали кружокъ и подпѣвали задорному, лукавому мотиву, хлопая въ тактъ въ ладоши. Двое пожилыхъ

мужчинъ танцовали въ серединѣ круга. Держа руки у подмышекъ съ вывернутыми наружу ладонями и сложенными бубликомъ указательными и большими пальцами, выпятивъ впередъ кругленькіе животы, они осторожно, съ жеманной и комической важностью ходили по кругу и наступали другъ на друга, и точно въ недоумѣніи пятились назадъ. Ихъ преувеличенныя ужимки и манерныя ухватки напоминали отдаленно движеніе кошки, идущей по льду. Молодежь, столпившаяся сзади, смѣялась отъ всей души, но безъ малѣйшей тѣни издѣвательства. «Чортъ знаетъ, что за безобразіе!»—подумалъ подпрапорщикъ.

Въ полночь накрыли на столъ. Подавали, какъ и предсказывалъ Миткевичъ, фаршированную щуку и жаренаго гуся—жирнаго, румянаго, со сладкимъ изюмнымъ и черносливнымъ соусомъ. Подпрапорщикъ передъ каждымъ кускомъ пици глоталъ безъ счета крѣпкую фруктовую водку и къ концу ужина совершенно опьянѣлъ. Онъ бессмысленно водилъ мутными, мокрыми, упорнозлыми глазами и рыгалъ. Какой-то худенькій, сѣденькій старичокъ съ ласковыми темными глазами табачнаго цвѣта, любитель пофилософствовать, говорилъ ему, наклоняясь черезъ столъ:

— Вы же, какъ человѣкъ образованный, сами понимаете: Богъ одинъ для всѣхъ людей. Зачѣмъ людямъ ссориться, если Богъ одинъ? Бываютъ разныя вѣры, но Богъ одинъ.

— У васъ Богъ Макарка,—сказалъ вдругъ Слезкинъ съ мрачною серьезностью:

Старичокъ захихикалъ угодливо и напряженно, не зная, какъ выйти изъ неловкаго положенія, и дѣлая видъ, что онъ не понялъ пьяныхъ словъ Слезкина.

— Хе-хе-хе... И библія у насъ одинакова... Моисей, Авраамъ, царь Давидъ... Какъ у васъ, такъ и у насъ.

— Убирайся въ... А Христа зачѣмъ вы распяли?!—

крикнулъ подпрапорщикъ, и старикъ умолкъ, испуганно моргая вѣками.

Слѣпое бѣшенство накипамо въ мозгу Слезкина. Его бессознательно раздражало это чуждое для него, дружное, согласное веселье, то почти дѣтское веселье, которому умѣютъ предаваться только евреи на своихъ праздникахъ... Какимъ-то завистливымъ, враждебнымъ инстинктомъ онъ чуюлъ вокругъ себя многовѣковую, освященную обычаемъ и религіей спайку, ненавистную его расхлябанной, изломанной, мелочной натурѣ попа-неудачника. Сердила его недоступная, непонятная ему, яркая красота еврейскихъ женщинъ и независимая, на этотъ разъ, манера мужчинъ держать себя—тѣхъ мужчинъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть на улицахъ, на базарахъ и въ лавкахъ приниженными и заискивающими. И по мѣрѣ того, какъ онъ пьянѣлъ, ноздри его раздувались, стискивались крѣпко зубы и сжимались кулаки.

Послѣ ужина столы очистили отъ посуды и остатковъ кушанья. Какой-то человекъ вскочилъ съ ногами на столъ и что-то затянулъ нараспѣвъ по-еврейски. Когда онъ кончилъ,—сѣдобородый, раскраснѣвшійся отъ ужина, красивый старикъ Эпштейнъ поставилъ на столъ серебряную вазу и серебряный праздничный шандалъ о семи свѣчахъ. Кругомъ аплодировали. Глашатай опять запѣлъ что-то. На этотъ разъ отецъ жениха выставилъ нѣсколько серебряныхъ предметовъ и положилъ на столъ пачку кредитныхъ билетовъ. И такъ постепенно дѣлали всѣ приглашенные на свадьбу, начиная съ самыхъ почетныхъ гостей и ближайшихъ родственниковъ. Такимъ образомъ собиралось приданое молодымъ; а какой-то юркій молодой юноша, сидѣвшій у края стола, записывалъ дары въ записную книжку.

Слезкинъ протиснулся впередъ, тронулъ пишущаго за плечи и хрипло спросилъ, указывая на столъ:

— Это что еще за свинство?

Онъ съ трудомъ держался на ногахъ, перекачиваясь съ носковъ на каблукки, и то выпячивалъ животъ, то вдругъ рѣзко ломался впередъ всѣмъ туловищемъ. Вѣки его отяжелѣли и полузакрывали мутные, напряженные глаза.

Кругомъ замолчали на минуту, всѣ съ тревогой обернулись на Слезкина, и это неловкое молчаніе неожиданно взорвало его. Красный, горячій туманъ хлынулъ ему въ голову и заволокъ всѣ предметы передъ глазами.

— Лавочку открыли? А? Жжыды! А зачѣмъ вы распяли Господа Иисуса Христа? Подождите, сволочи, дайте срокъ, мы еще вамъ покажемъ кузькину мать. Мы вамъ покажемъ, какъ есть мацу съ христіанской кровью. Теперь уже не пухъ изъ перинъ, а кишки изъ васъ выпустимъ. Пауки подлые! Всю кровь изъ Россіи высосали. Пр-родали Россію.

— Однако вы не смѣйте такъ выражаться!—крикнулъ сзади чей-то неувѣренный молодой голосъ.

— Пришли въ чужой домъ и безобразничаєте. Хорошъ офицеръ!—поддержалъ другой.

— Господинъ Слезкинъ... Я васъ убѣдительно прошу... Я васъ прошу, — тянулъ его за рукавъ почтовый чиновникъ. — Да бросьте, плюньте, не стоить тратить здоровье.

— Пшелъ прочь... сусликъ!—заоралъ на него Слезкинъ. — Морду расшибу!

Онъ грозно ударилъ кулакомъ наотмашь, но Миткевичъ во-время отскочилъ, и подпрапорщикъ, чуть не повалившись, сдѣлалъ нѣсколько нелѣпыхъ шаговъ вбокъ.

— Разговаривать? — кричалъ онъ яростно. — Разговаривать? Христопродавцы! Сейчасъ вызову изъ казармы полуроту и всѣхъ васъ въ дребезги. Расшибу-у!—завылъ

онъ вдругъ дикимъ, рвущимся голосомъ и, выхвативъ изъ ноженъ шашку, ударилъ ею по столу.

Женщины завизжали и бросились въ другую комнату.

Но на рукѣ у Слезкина быстро повисъ, лепеча умоляющія, униженные слова, полковой подрядчикъ Дризнеръ, а сзади въ это время обхватилъ его вокругъ спины и плечъ мѣстный извозчикъ Юська Шалиро, человѣкъ необычайной физической силы. Подпрапорщикъ барахтался въ ихъ рукахъ, разрывая на себѣ мундиръ и рубашку. Кто-то отнялъ у него изъ рукъ шашку и переломилъ ее о колѣно. Другой сорвалъ съ него погоны.

Больше онъ ничего не помнилъ: ни того, какъ явился на свадебный балъ разбуженный кѣмъ-то капитанъ Бутвиловичъ съ двумя солдатами, ни того, какъ его перенесли домой безчувственнаго, ни того, конечно, какъ его денщикъ, раздѣвъ своего подпрапорщика, съ искаженнымъ отъ давнишней злобы лицомъ, пристально глядѣлъ на Слезкина и нѣсколько разъ съ наслажденіемъ замахивался кулакомъ, но ударить не рѣшался.

На другой же день, разруганный своимъ ротнымъ командиромъ (кстати тоже испугавшимся отвѣтственности), Слезкинъ бѣгалъ къ Эпштейну, и къ Фридману, и къ Дризнеру, и къ почтовому чиновнику Миткевичу, умоляя ихъ молчать обо всемъ происшедшемъ. Ему пришлось много унижаться, пока онъ не получилъ символовъ чести мундира—пары погоневъ и сломанной шашки.

Потомъ, цѣлый день, до ночи онъ не выходилъ изъ дому, боясь поглядѣть даже въ глаза своему денщику. А поздно ночью, подавленный вчерашнимъ похмельемъ, страхомъ и униженіемъ, онъ молился на образокъ Черниговской Божіей Матери, висѣвшій у него въ изголовьѣ кровати на розовой ленточкѣ, крѣпко прижималъ сложенные пальцы ко лбу, къ животу и къ плечамъ, умиленно сотрясалъ склоненной набокъ головой и плакалъ.

ТРУСЬ.

I.

Шабашъ только-что окончился, но въ винномъ погребѣ Айзика Рубинштейна было уже такъ тѣсно, что поздалые посѣтители не находили, гдѣ присѣсть, и шли, стоя около чужихъ столиковъ. Сквозь туманъ испарений, выдыхаемыхъ толпою, сквозь синія, слоистыя облака табачнаго дыма, огни висячихъ лампъ казались желтыми, расплывчатыми пятнами, а на каменныхъ поздраватыхъ сводахъ погреба блестѣла каплями сырость. Двое прислужниковъ, въ черныхъ передникахъ и кожанныхъ нарукавникахъ, едва успѣвали разносить по столамъ мутное бессарабское вино, которое самъ Рубинштейнъ, стоя за прилавкомъ, цѣдилъ изъ двухъ большихъ бочекъ въ графины. Это вино пріятно было пить, особенно послѣ остраго козьего сыра, подававшася къ каждому графину, но, выпитое въ большомъ количествѣ, оно кидалось въ голову, дѣлало человѣка крикливымъ и вспыльчивымъ и толкало къ ссорамъ. Посѣтители говорили между собою, что Айзикъ настаиваетъ это вино на табакѣ, пополамъ съ бѣленою, но все-таки продолжали ходить въ его погребъ, который былъ биржей и клубомъ для еврейскаго населенія маленькаго пограничнаго городишки.

Жаргонный говоръ, то стремительный и раскатистый въ

серединѣ фразы, то завывающій на окончаніяхъ, несся отовсюду, сопровождаемый яркой мимикой и оживленными, преувеличенными жестами. Со стороны можно было подумать, что въ погребѣ разгорѣлась общая ссора, и что всѣ посѣтителы говорятъ одновременно, не слушая и стараясь перекричать другъ друга. Но этотъ гвалтъ былъ въ заведеніи Айзика самымъ обычнымъ явленіемъ.

Кто-то застучалъ ладонью по столу, какъ это часто дѣлаютъ въ синагогѣ, чтобы прекратить шумъ.

— Ша!—выкрикнулъ рѣзко и требовательно чей-то голосъ.

И десятки рукъ также застучали по столамъ, и со всѣхъ сторонъ нетерпѣливые голоса подхватили это восклицаніе:

— Ша!..

На середину погреба вышло двое бродячихъ актёровъ. Одинъ изъ нихъ былъ небрежно и грубо загримированъ старикомъ: куски ваты, приклеенные подъ носомъ, изображали усы, такіе же бѣлые комки спускались отъ щекъ и подбородка длинными закрученными висюльками. И все-таки, несмотря на свое убожество, этотъ наивный гримъ придавалъ головѣ актера странное и трогательное сходство съ лицами ветхозавѣтныхъ пророковъ. Длинный лапсердакъ старика, умышленно разорванный и заплатанный во многихъ мѣстахъ, былъ въ талии обмотанъ краснымъ кушакомъ. Другой актеръ, рослый мужчина съ короткой бородой и равнодушно-наглыми, влажными, большими глазами, былъ безъ грима и держался нѣсколько позади старика.

— Ша!.. Тихо!.. — крикнулъ изъ-за прилавка Айзикъ Рубинштейнъ и звонко шлепнулъ ладонью по бочкѣ.

Шумъ сразу упалъ, перейдя въ густое, протяжное гудѣнье.

— Это Цирельманъ!.. Старый Гершъ Цирельманъ, —

передавали отъ стола къ столу. — Цирельманъ будетъ давать представленіе.

Черныя, курчавыя головы, въ картузахъ и ушастыхъ мѣховыхъ шапкахъ, повернулись назадъ, туловища жадно вытянулись, черные, пламенные глаза съ напряженнымъ ожиданіемъ впились въ актеровъ

Цирельманъ поднялъ кверху руки, отчего рукава лапсердака сползли внизъ и обнажили худыя, костлявыя, красныя кисти, закинулъ назадъ голову и возвелъ глаза къ закопченному потолку. Изъ груди его вылетѣлъ сильный, но высокій и дрожащій звукъ, который долго и жалобно вибрировалъ подъ низкими сводами, и когда онъ, постепенно слабѣя, замеръ, то слышно было, какъ въ погребѣ быстро затихали, подобно убѣгающей волнѣ, послѣдніе разговоры. И тотчасъ же въ сырость, тяжелою воздухомъ наступила чуткая тишина.

Старикъ медленно и громко вздохнулъ, уронилъ голову набокъ и безпомощно, съ усталымъ видомъ, бросилъ руки вдоль тѣла. Постоявъ такъ нѣсколько секундъ и точно собравшись съ силами, онъ горестно замоталъ головой и запѣлъ тихимъ, стонущимъ речитативомъ, съ долгими паузами, во время которыхъ было слышно, какъ шипѣлъ керосинъ въ лампахъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, Богъ сильный, приведшій меня къ порогу этого дома... О, какъ труденъ былъ мой путь! Какіе знойные дни, какія страшныя ночи!.. Острые камни ранили мои ноги, колючіе шипы рвали мои одежды... Но вотъ наконецъ эта мирная кровля, подъ которой живетъ мой сынъ, мой возлюбленный, прекрасный первенецъ Абрамъ. Его сердце нѣжнѣе, чѣмъ цвѣтокъ яблони... Онъ омоетъ горящія ноги стараго отца, онъ одѣнетъ его въ лучшія одежды... Вотъ я стучу въ твои двери, сынъ мой. Слышитъ ли твоя душа, кто стоитъ у порога? Спиши же, отвори скорѣе, любимѣйшій изъ моихъ сыновъ!

Стоявшій сзади чернобородый мужчина засунулъ руки въ карманы панталонъ и, безучастно закрывши глаза, пропѣлъ заученныя слова:

— Кто тамъ стучить у воротъ? Ночь холодна, я лежу въ постели и не выйду наружу.

— О, сынъ мой, развѣ твоя душа не дрожить и не рвется мнѣ навстрѣчу? Это я, — тотъ, кто далъ тебѣ жизнь и свѣтъ. Это я, твой несчастный, больной, старый отецъ. Отвори же, отвори скорѣе: на улицахъ голодные псы воютъ на луну, а мои слабыя ноги подкашиваются отъ усталости...

Онъ замолчалъ, тихо и скорбно покачивая головой. Послѣ первыхъ же фразъ слушатели привыкли къ глухому и сиплому тембру его голоса и теперь глядѣли на Цирельмана, не отрываясь, захваченные словами старой національной мелодрамы. Убогая обстановка не мѣшала этимъ страстнымъ подвижнымъ натурамъ, жаднымъ до всякихъ театральныхъ зрѣлищъ, видѣть въ своемъ пылкомъ восточномъ воображеніи: и пустынную улицу, озаренную луной, и бѣлый домикъ съ каменной оградой, и рѣзкія, черныя тѣни деревьевъ на землѣ и на стѣнахъ.

Сынъ наконецъ узналъ отца и отворилъ двери своего жилища. Ветхозавѣтный пророкъ весь дрожалъ отъ волненія, и вмѣстѣ съ нимъ тряслись и прыгали бѣлыя, закрученныя космы его бороды.

— О, мое сокровище!.. Тотъ часъ, когда я впервые увидѣлъ тебя слабымъ и безпомощнымъ на рукахъ твоей матери, не былъ для меня такъ сладокъ, какъ этотъ, когда я снова прижимаю твою прекрасную голову къ своей груди, — говорилъ Цирельманъ нараспѣвъ, рыдающимъ голосомъ.

Но чернобородый мужчина оставался непоколебимымъ. Онъ не вынималъ рукъ изъ кармановъ и, пропѣвъ безъ всякаго выраженія свою реплику, отворачивался въ сто-

рону, слезывалъ и со-скупающимъ видомъ обводилъ зрителей наглыми, волосьими глазами. Впрочемъ, и по пьесѣ, представлявшей собою нѣчто въ родѣ еврейскаго «Короля Дира», слѣдовало, что сынъ вовсе уже не такъ былъ радъ свиданію съ отцомъ. Домъ его переполненъ уважаемыми, богатыми гостями, сонъ которыхъ нельзя тревожить ради пришельца. Кромѣ того, Абрамъ недавно женился на красивой, знатной, изнѣженной женщинѣ: ее, навѣрно, стѣснить неожиданное посѣщеніе оборваннаго, больного старика. Пусть отецъ уходитъ назадъ, въ свой родной городъ. Тамъ его знаютъ, тамъ его должна поддерживать община.

Между отцомъ и сыномъ происходитъ драматическое объясненіе. Сынъ — человѣкъ новаго поколѣнія, онъ беззаботно относится къ строгой вѣрѣ предковъ, не исполняетъ священныхъ обрядовъ старины, въ его черствой коммерческой душѣ нѣтъ уже мѣста для нѣжныхъ и благодарныхъ сыновнихъ чувствъ. Онъ съ утра и до вечера трудится, промышляя кусокъ хлѣба для себя и для семьи, и не можетъ дѣлиться съ лишнимъ человѣкомъ. Нѣтъ! Пускай отецъ возвращается назадъ, въ свой родной городъ: здѣсь для него не найдется угла!..

Обо всемъ этомъ второй актеръ сообщалъ съ полнымъ равнодушіемъ, медленно покачивая туловище налево и направо. Но Цирельманъ уже не нуждался въ его поддержкѣ. Съ каждой фразой его голосъ крѣпнулъ, и въ немъ все сильнѣе, какъ рокотъ металлическихъ струнъ, трепетала древняя, многовѣковая библейская скорбь, которая, точно плачь по утерянномъ Іерусалимѣ, рыдаетъ съ такой неутолимой и горестной силой во всѣхъ еврейскихъ молитвахъ и пѣсняхъ.

— О, горе, горе мнѣ! — стоналъ Цирельманъ, и его протянутыя впередъ руки тряслись, и длинная бѣлая борода вздрагивала. — Плюнь въ мои сѣдые волосы, брось

грязью въ мое старое лицо!.. Зачѣмъ я родилъ тебя!.. Кто на свѣтѣ испыталъ горе, равное моему?..

Глаза его широко раскрылись и выкатились наружу изъ орбитъ, а бѣлки ихъ налились кровью и слезами, поблѣднѣвшія губы искривились, голосъ то опускался до хриплаго, трагическаго шопота, то переходилъ въ срывающіеся вопли, похожіе и на завыванье и на кашель. Конечно, эта декламація была преувеличена и, пожалуй, даже нелѣпа, но зрители были такъ увлечены и очарованы драматической сценой, что незамѣтно для самихъ себя повторяли всѣ изступленныя движенія Цирельмана. Они сжимали кулаки, когда актеръ билъ себя въ грудь, и нервно потряхивали головами, когда онъ въ отчаяніи размахивалъ своей ватной бородой. Ихъ одинаково волновали: и страстная игра Цирельмана, и трогательность стараго, давно знакомаго сюжета, и отголоски священнаго плача, звучавшаго въ речитативахъ.

Старикъ понялъ наконецъ, что, найдя сына, онъ въ то же время потерялъ его.

— Я уйду навсегда изъ твоего дома! — выкрикивалъ Цирельманъ, задыхаясь, и его тонкіе, длинныя пальцы судорожно рвали воротъ лапсердака. — Я уйду и не призову на твою голову отцовскаго проклятія, которому внимаетъ самъ Іегова; но знай, что со мною уходитъ твое счастье и твой спокойный сонъ. Прощай, Абрамъ, но запомни навсегда мои послѣднія слова: въ тотъ день, когда твой сынъ прогонитъ тебя отъ порога, ты вспомнишь о своемъ отцѣ и заплачешь о немъ...

Цирельманъ давно уже кончилъ, но зрители все такъ же молча, неподвижно и напряженно, затаивъ дыханіе и полуоткрывъ рты, глядѣли на него. И такъ велико было очарованіе этихъ бѣдныхъ, простыхъ и горячихъ сердець, что они съ трудомъ опомнились только тогда,

когда Цирельманъ, спокойно и заботливо снявъ усы и бороду, спряталъ ихъ въ карманъ и медленно сталъ стаскивать съ плечъ заплатанный лапсердакъ. Говоръ, смѣхъ, восклицанія и стукъ сразу хлынули со всѣхъ сторонъ и наполнили погребъ. Въ эту минуту каждый зритель позабылъ о томъ, что Гершъ Цирельманъ — пустой, ни къ чему неспособный человѣкъ, представитель презираемой профессіи, старый пьяница, котораго изъ-за его порока не держали ни въ одной труппѣ. Въ черныхъ глазахъ, устремленныхъ на него отовсюду, блестѣлъ искренній, еще не успѣвшій простыть, признательный восторгъ.

Безъ костюма и грима Цирельманъ оказался невысокимъ, коренастымъ человѣкомъ, съ бритымъ, старымъ и желтымъ, точно изжеваннымъ актерскимъ лицомъ и курчавыми волосами, на которыхъ сѣдина лежала сверху, какъ будто они были припудрены. Глаза подъ взъерошенными, неровными бровями были почти безъ рѣсницъ и носили суровый, безпокойный и печальный оттѣнокъ, присущій взгляду привычныхъ пьяницъ.

Айзикъ Рубинштейнъ, хозяинъ погреба, толстый, веселый и чувствительный плутъ, былъ растроганъ больше другихъ. Со смѣющимися, но еще мокрыми отъ слезъ глазами, онъ похлопалъ Цирельмана по плечу и сказалъ :

— Очень хорошо, прекрасно исполнено! Вы, Гершъ, имѣете получить съ меня двадцать грошей за представленіе. Но я знаю, что вамъ будетъ пріятнѣе имѣть полкварти бѣлаго вина, которое вы всегда требуете. Считайте его за мною!

Съ тарелкой въ рукахъ Цирельманъ обошелъ всѣ столики, и каждый зритель бросалъ ему копейку или двѣ, добровольно оплачивая только-что пережитыя сильныя ощущенія. Тѣ, у кого не было мелочи, клали дешевыя папиросы. Даже извѣстный своей скупостью Мееръ Ко-

валевъ, богатый шмуклеръ *), положилъ на тарелку пяточокъ.

— Видите, Гершъ, я ложу вамъ десять грошей, — сказалъ онъ торжественно: — и беру сдачи... одна... три... четыре... Смотрите, я беру назадъ восемь грошей... А одну копейку вы можете оставить себѣ. Вы отличный актеръ, Цирельманъ!

Всѣ дружелюбно улыбались Гершу, обнимали его за спину и трепали по плечамъ; многіе звали его присѣсть къ своимъ столикамъ. Глаза Герша были еще красны, а на вискахъ и на концѣ носа стояли мелкія и круглыя, какъ бисеръ, капли пота; но нахмуренное лицо его хранило отчужденное и высококомѣрное выраженіе, свойственное настоящему художнику, только-что пережившему сладкую и тяжелую минуту вдохновенія.

II.

Отсчитавъ своему помощнику (который въ обыкновенное время состоялъ подмастерьемъ рѣзника) четвертую часть сбора, Цирельманъ сѣлъ въ углу, около входа, за освободившійся столикъ и спросилъ вина. Первый стаканъ онъ выпилъ съ зажмуренными глазами, не отнимая рта, и такими жадными, большими глотками, что у него даже сдѣлалось больно внутри горла. Потомъ онъ налилъ второй стаканъ, но отставилъ его отъ себя и, сгорбившись на стулѣ и положивъ ногу на ногу, закурилъ папиросу.

Цирельманъ ждалъ. Вытирая вспотѣвшее лицо краснымъ дырявымъ платкомъ, онъ часто оглядывался на дверь, которая то и дѣло хлопала на блокъ и дребезжала своими стеклами, впуская, вмѣстѣ съ новыми го-

*) Шнуровой мастеръ.

стями, стремительные клубы бѣлаго морознаго пара. Простосердечные зрители, только-что наивно волновавшіеся вмѣстѣ съ Цирельманомъ, теперь совсѣмъ забыли о немъ, и онъ сидѣлъ раскисшій, усталый, охваченный знакомой ему тоскливой и разсѣянной пустотой, которая въ былые дни наполняла его душу, когда онъ оставался одинъ послѣ спектаклей. Онъ глядѣлъ мутными, неподвижными глазами на блестящій край стакана, между тѣмъ какъ углы его набрякшихъ вѣкъ опустились, а отъ концовъ большихъ изогнутыхъ губъ легли внизъ двѣ брезгливыя складки.

Шумъ въ погребѣ росъ. Уже не было слышно отдѣльныхъ голосовъ, а, казалось, гудѣло все: и стѣны, и столы, и люди, и синій отъ табачнаго дыма воздухъ. Этотъ однообразно-пестрый гулъ, то падавшій, то опять плавно подымавшійся, былъ похожъ на движеніе большихъ, качающихся волнъ. Иногда же неясные и разбросанные звуки вдругъ стекались вмѣстѣ, въ одну согласную музыкальную рѣку и размѣренно плыли подъ потолкомъ, какъ внезапный отрывокъ невѣдомой и сложной мелодіи. И сухое щелканье костяжекъ домино сопровождало ихъ, точно трескъ кастаньетъ.

Вдругъ Цирельманъ оживился и нервно задвигался на стулѣ. Въ подвалъ спускался, бережно и грузно ставя на ступеньки толстыя кривыя ноги, мѣстный балагула *) Мойше Файбишъ. Небольшого роста, но широкій, тяжело-вѣсный и могучій, онъ былъ похожъ на старый дубовый пенъ и весь казался налитымъ густой апоплексической кровью: лицо у него было страшнаго сизаго цвѣта, бѣлки маленькихъ глазъ — кровавыя, а на лбу, на вискахъ и особенно на концѣ мясистаго носа раздувшіяся вены вились синими упругими змѣйками. Короткая, жесткая,

*) Балагула—экипажъ для дальнихъ переѣздовъ. Балагулой также называютъ и хозяина такого экипажа, или ямщика.

спутанная борода начиналась у него изъ-подъ самыхъ глазъ, а на концахъ, вокругъ всего лица, была такая сѣдая и пышная, какъ будто Файбишъ только-что опустилъ ее въ мыльную пѣну.

Файбишъ издали увидѣлъ Цирельмана и сдѣлалъ ему бровями быстрый предостерегающій знакъ. Балагула бокомъ, съ неловкой и смѣшной осторожностью очень сильнаго человѣка, пробирался между столиками, задѣвая за стулья, улыбаясь и тыкая небрежно пальцо и направо для пожатія свою руку. Файбишъ пользовался въ мѣстечкѣ, несмотря на свой не особенно высокій балагульный промыселъ, значительнымъ и довольно вѣскимъ почетомъ. Онъ былъ извѣстенъ — хотя этого и не говорили открыто — за смѣлаго, предприимчиваго контрабандиста. Передавали шопотомъ, что много лѣтъ тому назадъ, спасаясь отъ преслѣдованія конныхъ пограничныхъ стражниковъ, онъ застрѣлилъ солдата, и хотя потомъ судился по подозрѣнiю въ убійствѣ, но былъ отпущенъ на свободу, за неимѣнiемъ настоящихъ уликъ. Кромѣ того, Файбишъ былъ знаменитъ — и даже далеко за предѣлами уѣзда — своей необычайной физической силой, принимавшей въ пылкихъ умахъ мѣстной молодежи преувеличенные библейскіе размѣры. Провозгласители тостовъ на свадьбахъ неизмѣнно сравнивали его съ сокрушителемъ зданій — Самсономъ.

— Добрый вечеръ, Гершъ! — сказалъ Файбишъ, подойдя къ столику Цирельмана и протягивая актеру маленькую, негнущуюся, холодную и мозолистую руку.

— Добрый вечеръ, — отвѣтилъ Цирельманъ. Онъ почтительно привскакнулъ на стулъ и даже шаркнулъ подъ столомъ ногами. — Садитесь, будьте любезны, — я спрошу еще вина. Какъ шабашевали? Этотъ графинчикъ не въ счетъ; его мнѣ зафундовалъ Рубинштейнъ за представленіе; но я велю принести другой, — хорошо?

— Очень вамъ благодаренъ. Такъ вы давали представленіе?

— Ну, а почему же нѣтъ, господинъ Файбишъ?

— Жаль, жаль, что я не успѣлъ. И что же, порядочно собрали?

— Псс!.. поскудство... Но все-таки дали немного торговать... тридцать четыре копейки... За ваше здоровье, господинъ Файбишъ!..

— За ваше!..

Файбишъ выпилъ стаканъ вина, но тотчасъ же закашлялся, потому что давно уже страдалъ одышкой. Во время кашля вся кровь, переполнявшая его массивное тѣло, кинулась ему въ голову; лицо его еще больше посинѣло, шея распухла, а жилы на лбу и на носу вздулись, какъ у удавленника. Откашлявшись, онъ долго, съ хрипѣніемъ и со свистомъ въ горлѣ, отдувался, потомъ обсосалъ намокшіе въ винѣ усы, вытеръ ихъ ребромъ ладони въ одну и въ другую сторону и наконецъ отрывисто спросилъ:

— Ну, что же? Не раздумали?

Цирельманъ вдругъ со страшной ясностью почувствовалъ, что наступилъ моментъ, когда онъ вотъ-вотъ долженъ перешагнуть за какую-то невидимую нить, послѣ которой начнется совсѣмъ иная, темная и жуткая жизнь. Онъ поблѣднѣлъ, наклонился близко къ Файбишу и беззвучно зашевелилъ похолодѣвшими губами.

— Что за чортъ! Ничего не слышу. Говорите же громче! — захрипѣлъ Файбишъ и нетерпѣливо ударилъ кулакомъ по столу.

— Я ничего... я, какъ вы, господинъ Файбишъ... Что же... Я отъ своихъ словъ не откажусь...

Говоря эти растерянные слова, Цирельманъ поглядѣлъ на маленькую волосатую руку, которая лежала ладонью внизъ на столѣ, и неожиданно для себя со страхомъ по-

думалъ, что этой самой рукой Файбишъ убилъ пограничнаго солдата. И, съ чувствомъ раздражающей, обморочной слабости въ груди и въ животѣ, онъ залепеталъ едва слышно:

— Я... я... я не боюсь... Вы меня еще не знаете, господинъ Файбишъ!

— Положимъ, это вы врите, что не боитесь, — презрительно усмѣхнулся въ свою опѣненную бороду Файбишъ. — Всѣ вы — трусы и сволочь. Вотъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, а можетъ-быть, и больше, — тогда я былъ еще молодымъ и сильнымъ человѣкомъ, — тогда былъ у меня товарищъ, Иосель Бакаляръ... — Файбишъ вздохнулъ и налилъ себѣ вина. — Это былъ человѣкъ! О! мы съ нимъ много сдѣлали хорошихъ гешефтовъ... Но бросимъ это! Да. Такъ, если вы согласны, приготовляйтесь! Сегодня ночью...

— Сегодня ночью... — повторилъ за нимъ однозвучно и бессмысленно Цирельманъ.

— Ну да, сегодня. Я заѣду за вами. Но, если вамъ страшно, скажите сейчасъ! Потомъ будетъ поздно. Понимаете?

— Я не боюсь, Файбишъ, я не боюсь! — повторилъ умоляющимъ шопотомъ Цирельманъ, крѣпко прижимая руки къ груди.

Онъ уже перешагнулъ загадочную грань и теперь вступалъ — одинокій, безпомощный и слабый — въ таинственный міръ, полный ночныхъ ужасовъ, крови и опасностей. И въ этомъ чудовищномъ мірѣ была только одна власть, — власть сидѣвшаго съ нимъ рядомъ страннаго, непонятнаго, ничего не боящагося человѣка.

Невольно онъ оглянулся вокругъ себя. На нихъ обоихъ были со всѣхъ сторонъ устремлены живые, черные глаза, горѣвшіе папряженнымъ любопытствомъ. Но, встрѣчаясь съ испуганнымъ, помертвѣвшимъ взглядомъ Цирельмана,

любопытные глаза бѣгло отворачивались и опускались, отчасти отъ страха передъ Файбишемъ, отчасти изъ дѣловой скромности. Это ободрило Цирельмана, и онъ выпрямилъ свою согнутую спину. Всѣ эти изворотливые, прощипательные люди, безъ сомнѣнія, знали, о чемъ онъ разговаривалъ, нагнувшись голова къ головѣ, съ Файбишемъ. И мысль, что на него, всегда нѣсколько презираемаго, наконецъ-то глядятъ съ любопытствомъ, ожиданіемъ и боязливымъ почтеніемъ, что ужасная слава Файбиша окутываетъ и его, Цирельмана, необычайнымъ, героическимъ свѣтомъ, — эта мысль пріятно и льстиво ударила ему въ голову и изгнала оттуда послѣднія колебанія трусости. И онъ въ первый разъ взглянулъ прямо и твердо въ маленькіе, кровавые глаза балагулы, наблюдавшіе за нимъ съ острой насмѣшкой изъ-подъ косматыхъ черныхъ бровей.

— Я не лягу спать, Файбишъ, — сказалъ онъ рѣшительно. — Постучите мнѣ только въ окно, и я сейчасъ же выйду.

И когда Цирельманъ поднялся, чтобы уйти, и почувствовалъ на своей спинѣ десятокъ жадныхъ, удивленныхъ взглядовъ, то онъ вспомнилъ старое актерское время и прошелъ вдоль погребя театральной походкой, съ выпяченной грудью и гордо закинутой назадъ головой, большими шагами, совершенно такъ, какъ уходилъ, бывало, со сцены въ роляхъ иноземныхъ герцоговъ и предводителей разбойничьихъ шакъ.

III.

Цирельманъ и его жена Этля — старая не по лѣтамъ женщина, изможденная горемъ и голодной, бродячей жизнью — были бездѣтны. Они жили на краю мѣстечка, снимая уголь у вдовы сапожника, которая, въ свою оче-

редь, нанимала за 2 рубля цѣлую комнату, передѣланную изъ яичнаго склада. Въ огромной и пустой, какъ сарай, комнатѣ, вымазанной голубой известкой, стояли прямо на земляномъ полу неотгороженные никакими занавѣсками двѣ кровати: у одной стѣны помѣщалась вдова съ четырехлѣтней дѣвочкой, а у другой — Цирельманъ съ женой.

Вдова давно уже спала. Слышно было, какъ она ровно, громко и свободно дышала открытымъ ртомъ. Было темно; только кривые подоконники слабо серебрились отъ лучей молодого мѣсяца. Цирельманъ лежалъ подъ старымъ, замасленнымъ пуховымъ бебехомъ, рядомъ со своей женой, и пугливо прислушивался къ ночному безмолвію. Этя спала, или притворялась спящей; она лежала, повернувшись къ мужу спиной, беззвучно и неподвижно, какъ мертвая.

Въ сонной тишинѣ, которую равномерное дыханіе вдовы дѣлало еще глубже и однообразнѣе, всѣ ночные звуки приобрѣтали странную, тревожную отчетливость. Потрескивалъ разсыхающійся комодъ; возились мыши рядомъ, въ деревенномъ чуланчикѣ; что-то шуршало въ углахъ по стѣнамъ, и всѣ эти стуки и шорохи будили чутко-дремлющую тишину и горячими, пугливыми толчками отзывались въ сердцѣ у Герша.

Время тянулось скучно, напряженно и томительно-долго. Цирельманъ не спалъ, но на него находили какія-то темныя полосы, въ которыя онъ утрачивалъ понятіе о времени. Онъ даже не могъ уловить, когда начинался моментъ такого оцѣпенѣнія; но, внезапно очнувшись, находилъ себя бодрствующимъ и недоумѣвалъ, что съ нимъ случилось, — спалъ ли онъ только-что, или думалъ о чемъ-то, неожиданно ускользнувшемъ изъ головы, и сколько времени прошло въ этомъ удивительномъ состояніи: секунда, пять минутъ или полчаса?

Зато временами его слухъ и зрѣніе пріобрѣтали необычайную, болѣзненную остроту. Тогда ему чудилось, что онъ слышитъ за окномъ крадущіеся шаги. Онъ приподымался на локтяхъ и, чувствуя въ груди холодъ испуга, глядѣлъ въ окно, и сердце его наполняло всю комнату оглушительными ударами. И онъ ясно видѣлъ, какъ снаружи, съ улицы, большое, темное лицо настойчиво заглядывало въ комнату, и проходило много мучительныхъ минутъ, пока онъ не убѣждался, что его обманываютъ возбужденные нервы.

«Но вѣдь это кончится. Это должно же когда-нибудь кончиться, — лихорадочно думалъ Цирельманъ. — Придетъ Файбишъ, и окончится это жуткое ожиданіе... А потомъ окончится и вся эта ночь, таящая въ себѣ такъ много неизвѣстнаго и ужаснаго, и я скажу самому себѣ: «Это было вчера». Неужели я скажу когда-нибудь: Это было вчера? Надо быть спокойнѣе. Вѣдь что бы тамъ ни было, но все на свѣтѣ проходитъ, и когда-нибудь я скажу самому себѣ: «Это было мѣсяць, это было годъ тому назадъ...» И страха больше не будетъ, и все опять станетъ такимъ простымъ, легкимъ, обыкновеннымъ».

И вдругъ, въ одинъ изъ моментовъ необъяснимой потери сознанія, въ окно на самомъ дѣлѣ постучали. Стукъ былъ остороженъ и тихъ, потому что его производили мяготью пальца о стекло; но онъ отозвался громомъ во всѣхъ углахъ, разорвалъ сонную тишину, и отъ него сразу посвѣтлѣло въ комнатѣ. Сердце Цирельмана перестало биться, и все тѣло его похолодѣло, стало мягкимъ и безсильнымъ. «Это неправда, это мнѣ только кажется», — пробовалъ онъ себя успокоить. Но стукъ опять повторился, такой же тихій и настойчивый; и сердце затрепыхалось такъ беспорядочно, съ такой болью и силой, что, казалось, отъ его ударовъ готова была лопнуть грудь.

Цирельманъ сѣлъ на кровати и тутъ только замѣтилъ, что его жена тоже сидитъ и смотритъ въ окно. Она была безъ парика, который носятъ всѣ правовѣрные замужня еврейки, — коротковолосая и растрепанная, съ голыми руками и шеей, и лицо ея въ темнотѣ показалось Гершу чужимъ, незнакомымъ и поразительно бѣлымъ. И онъ слышалъ, какъ рядомъ съ нимъ зубы у его жены колотились другъ о друга мелкой и частой дробью.

— Стучать! — шепнула Этля. — Одѣвайся. Гершко: это Файбишъ.

Стукъ повторился въ третій разъ, и весь домъ точно содрогнулся отъ него. Но Цирельманъ сидѣлъ на кровати, чувствуя, какъ у него мерзнуть и двигаются на головѣ волосы, и, раздавленный страхомъ, не могъ пошевелиться.

— Чтò ты себѣ думаешь, Цирельманъ? — съ испугомъ и съ гнѣвомъ зашептала Этля, наклоняясь вплотную къ мужу и щекоча его ухо горячимъ дыханіемъ. — Ты безумный или чтò? Если ты трусишь, то и не нужно было браться. Файбишъ найдетъ другого, а тебѣ онъ этого никогда не проститъ.

Цирельмана въ эту минуту нестерпимаго страха совершенно не удивило, что женѣ известно то, о чемъ онъ условливался съ глазу на глазъ съ Файбишемъ; но слова Этли подтолкнули его. Въ однихъ чулкахъ онъ подошелъ къ окну и прильнулъ лицомъ къ стеклу, обгородившись ладонями отъ мутнаго свѣта, который шелъ отъ снѣга. Съ другой стороны окна на него близко и пристально глядѣло темное, широкое, бородатое лицо Файбиша, съ представленными къ вискамъ такъ же, какъ и у Цирельмана, ладонями. Гершъ торопливо закивалъ головой и, хотя его нельзя было слышать черезъ двойныя рамы, залепеталъ съ заискивающей боязливостью:

— Я сейчасъ, сейчасъ, господинъ Файбишъ!.. Я сейчасъ...

Онъ суетливо, ощупью сталъ одѣваться. Но ноги его не попадали въ сапоги, руки не могли сразу найти пуговицъ и петель, и все это было мучительно похоже на бредъ, въ которомъ совершенно забылось имя Файбиша, а было что-то грозное, неумолимое, не знающее ни страха ни жалости, что стояло вотъ тутъ, рядомъ, и гнало впередъ, и пугало, и сковывало движенія.

Онъ хотѣлъ зажечь лампу, но Этля услышала тарахтѣнныя спичекъ и впотѣмахъ вырвала у него изъ рукъ коробку.

— Ша, дурной! — закричала Этля. — Или ты хочешь, чтобы весь базаръ узналъ, что у насъ дѣлается?..

Когда Цирельманъ вышелъ наконецъ на крыльцо, онъ не узналъ ни своего дома ни безлюдной, пустынной улицы. Блѣдный молодой мѣсяцъ стоялъ надъ мѣстечкомъ, освѣщая занесенныя снѣгомъ крыши и бѣлыя, казавшіяся нѣжно-синими стѣны. Его тихіе лучи мертвымъ, дробящимся блескомъ отражались въ черныхъ стеклахъ оконъ, точно въ открытыхъ, но слѣпыхъ глазахъ. Гдѣ-то на краю мѣстечка мопотонно и гулко скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами ночного прохожаго. Все стало инымъ, новымъ, все точно притаилось и выжидательно подглядывало за дрожащимъ отъ холода и отъ страха человѣкомъ. И опять Цирельманъ почувствовалъ себя вырваннымъ изъ границъ обычной, прочной и спокойной жизни и обреченнымъ на невѣдомое, полное ужаса существованіе.

— Что такъ долго? — спросилъ сурово Файбишъ. — Ну, не торчи же на лѣстницѣ, какъ осель! Садись вотъ тутъ, на рогожи! Да смотри: подъ тобой веревки, не запутайся!

У калитки стояли легкія сани, узкія и высокія спереди, но широкія и низкія къ заднему концу. Запряженныя въ нихъ двѣ лошади порывисто мотали головами, косились назадъ и озабоченно двигали острыми ушами: должно-

быть, и онѣ чувствовали необычайное настроеніе этой ночи. Файбишъ сѣлъ впереди, бокомъ, свѣсивъ наружу ноги; а Цирельманъ помѣстился сзади въ неудобной позѣ, держась широко разставленными руками за поручни.

«Все пройдетъ, все окончится», — думалъ актеръ; но эта мысль скользила гдѣ-то по верху, не проникала глубоко въ сознание и не успокаивала.

— Ну, часъ добрый! — сказалъ сердито Файбишъ, разбирая вожжи.

Полозья пронзительно и жалобно заплакали подъ санями, и лошади тронулись такъ осторожно, медленно и беззвучно, какъ будто бы онѣ боязливо и внимательно прислушивались къ каждому своему шагу.

IV.

Навстрѣчу санямъ потянулись бѣлые домики мѣстечка, соломенные крыши и низкіе плетни, изъ-за которыхъ свѣшивались на улицу бѣлыя, облѣпленные снѣгомъ деревья. Въ тонкомъ свѣтѣ мѣсяца, въ отзывчивой морозной тишинѣ, въ безмолвіи спящихъ домовъ была все та же новая для Цирельмана, грозная, стерегущая жизнь.

Скоро окончились послѣднія лачуги мѣстечка, и Файбишъ пустилъ озябшихъ лошадей рысью. Мелькнула въ сторонѣ стройная церковь съ зеленой, тускло блестящей крышей, показалась вдали низкая кирпичная ограда католическаго кладбища, пробѣжали мимо жердяныя изгороди выгона. Сани выѣхали на широкую почтовую дорогу, на которой старые слѣды отъ полозьевъ блестяли далеко впереди лошадей, точно металлическія полосы.

Файбишъ поправился на своемъ сидѣньи, подбилъ подъ себя полы войлочнаго балахона и повернулся къ Цирельману. На лицѣ балагулы, въ пространствѣ между лисьей шалкой и заиндивѣвшей бородой, только и видѣлись

два маленькихъ глаза, и въ каждомъ изъ нихъ острой, блестящей точкой свѣтилось отраженіе мѣсяца.

— Вижу я, Цирельманъ, что съ васъ плохой помощникъ, — заговорилъ Файбишъ по-русски. — Эхъ, былъ у меня товарищъ Іосель Бакаляръ!.. Впрочемъ, что толковать! Слушайте же: когда мы переѣдемъ черезъ Збручъ и остановимся, вы будете ждать около лошадей. А потомъ я вернусь, и вы поможете мнѣ увязать товаръ въ рогожи.

— Такъ. Я понимаю, господинъ Файбишъ. Такъ, такъ, — кивалъ головой Цирельманъ.

— Смотрите хорошо за лошадьми! Лошади молодые и пугливыя, особенно правая. Не выпускайте изъ рукъ вожжей! Если будетъ гармидеръ (шумъ), держите крѣпче!.. Стрѣлять умѣете?..

Цирельманъ глядѣлъ на двѣ яркія, колючія точки въ глазахъ Файбиша и не могъ отъ нихъ оторваться, точно изъ нихъ исходила какая-то сковывающая власть. Онъ слышалъ слова балагулы и держалъ ихъ въ памяти, но не понималъ ихъ смысла.

— Я спрашиваю васъ, умѣете ли вы стрѣлять изъ револьвера? Вѣрно, нѣтъ?

Цирельманъ хотѣлъ отвѣтить утвердительно. Ему приходилось стрѣлять раньше на сценѣ, убивая себя и другихъ актеровъ холостыми зарядами. Но тотчасъ же ему вспомнились слухи о томъ, какъ Файбишъ убилъ солдата, и въ немъ шевельнулся ужасъ, вмѣстѣ со свойственнымъ всему еврейскому народу, наслѣдственнымъ отвращеніемъ къ крови.

— Нѣтъ, господинъ Файбишъ, я не могу стрѣлять. Я не умѣю и... и боюсь, — отвѣтилъ онъ робко.

Файбишъ укоризненно покачалъ головой.

— Це-це-це! — съ упрекомъ и съ сожалѣніемъ зачмокалъ онъ языкомъ. — Какой вы! Ну, да все равно... Когда

мы поѣдемъ назадъ, слѣдите, чтобы веревки не развязались. Если все кончится хорошо, имѣете получить съ меня пятнадцать кербеле.

— Вы обѣщали, кажется, двадцать пять... — попробовалъ несмѣло возразить Цирельманъ.

— Эге, двадцать пять! А десять не хотите? Спрашивается, какая мнѣ съ васъ помощь? Но, ша!.. молчите только! Потомъ мы будемъ видѣть.

Узкая дорога свернула съ почтоваго шляха налѣво. Навстрѣчу санямъ ровной, высокой стѣной спокойно приближался помѣщичій лѣсъ, черный снизу, а сверху обремененный спѣжными шапками. Въ узкомъ и мрачномъ коридорѣ, между двумя рядами толстыхъ сосновыхъ стволовъ, было темнѣй, тише и теплѣе. Блѣдное сіяніе мѣсяца тонкими, неправильными узорами прорѣзывалось сквозь густыя тѣни деревьевъ и мѣстами слабо и нѣжно серебрило чешую коры. Иногда черезъ дорогу протягивалась, точно огромная рука съ растопыренными бѣлыми пальцами, отягченная снѣгомъ вѣтка. Она задѣвала лошадей по головамъ и, сдѣлавъ широкій, упругій размахъ, осыпала обоихъ сѣдоковъ мягкимъ, холоднымъ пухомъ. По обѣимъ сторонамъ дорожки, справа и слѣва, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ саней, деревья смыкались въ черную, непроницаемую массу, въ которую страшно было смотрѣть.

Цирельманъ легъ на спину. Вверху, между зубчатыми вѣтками извивался прихотливымъ путемъ просвѣтъ далекаго темно-синяго неба съ большими дрожащими звѣздами. Вершины сосенъ тихо и разнообразно шатались, какъ будто деревья покачивали головами съ различнымъ выраженіемъ: одни задумчиво и неодобрительно, другія съ угрозой, третьи медленно и важно кланялись. Порою Цирельманъ закрывалъ глаза, и тогда ему черезъ нѣсколько минутъ начинало мерещиться, что сани за-

медлятъ ходъ, потомъ только вздрагиваютъ на одномъ мѣстѣ, и затѣмъ онъ начиналъ двигаться назадъ, въ противоположную сторону. И хотя Цирельману былъ съ дѣтства знакомъ этотъ физическій обманъ, но ему пріятно было мечтать, что, по какому-то волшебству, онъ и въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ назадъ, къ мѣстечку, и что неожиданно окончится и эта жуткая поѣздка и эта безконечная, тревожная ночь.

Файбишъ придержалъ лошадей, осмотрѣлся кругомъ, привсталъ на саняхъ и вдругъ круто, безъ дороги свернулъ направо. Лошади увязли по брюхо въ снѣгу, мотая головами и фыркаая, и Цирельманъ услышалъ теплый, ѣдкій запахъ конскаго пота. Старый актеръ совсѣмъ не могъ теперь представить себѣ мѣста, по которому ѣхалъ. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ и покорнымъ, во власти сидѣвшаго впереди, знакомаго и въ то же время чужого, непонятнаго, страшнаго человѣка.

Лѣсъ окончился. Впереди ровнымъ, бѣлымъ скатомъ спускался внизъ пологій берегъ рѣки, которая широко и пустынно простиралась вплоть до противоположнаго, австрійскаго берега. На той сторонѣ еле замѣтно чернѣли разбросанныя зданія, и въ двухъ-трехъ мѣстахъ красными точками свѣтился огонь. Луны не было видно, — ее закрывалъ лѣсъ, бросавшій черезъ всю рѣку сплошную, глубокую тѣнь. Далеко влѣво, вся въ свѣту, виднѣлась плотина, отдѣленная отъ снѣга рѣзкой, тонкой чертой тѣни. Она тянулась черезъ всю рѣку, соединяя два государства, и Цирельманъ зналъ, что по ней всегда, днемъ и ночью, ходятъ солдаты — австрійскій и нашъ.

Лошади глубоко провалились въ снѣгъ, но быстро и испуганно выкарабкались изъ него, усиленно мотая головами и храпя. Тотчасъ же копыта ихъ застучали тверже. По легкому ходу полозьевъ Цирельманъ догадался, что сани въѣхали на ледъ. Онъ не сводилъ глазъ со свѣт-

лой, чернѣвшей своимъ откосомъ на снѣгу плотины и все крѣпче впивался пальцами въ поручни. Файбишъ стоялъ въ саняхъ и тоже глядѣлъ на плотину. Его короткія руки дрожали отъ усилія, съ которымъ онъ сдерживалъ рвавшихся впередъ лошадей.

— А-а-а-а! — пронесся вдругъ надъ рѣкой высокій, точно стонущій человѣческій крикъ.

Въ немъ одновременно слышался и испугъ одинокаго, затерявшагося среди ночи человѣка, и угроза. Файбишъ, весь перегнувшись назадъ, натянулъ вожжи. Лошади заскользили и заскребли по льду задними ногами и стали.

— А-а-а! — повторился стонущій крикъ.

Цирельманъ увидѣлъ, какъ въ одномъ мѣстѣ надъ плотинной голубоватый воздухъ разорвался въ узкую огненную трещину. Что-то страшное, никогда имъ неслыханное, жалобно пропѣло у него надъ головой, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ звукомъ глухой грохотъ выстрѣла тяжело прокатился по рѣкѣ.

Файбишъ яростно, съ необыкновенной силой заскрежеталъ зубами.

— Все къ чорту! — захрипѣлъ онъ сквозь стиснутыя челюсти.

И вдругъ, поднявъ кверху кулакъ, балагула выкрикнулъ во всю мочь легкихъ бѣшеное, циничное, бессмысленное ругательство

Отъ сильнаго и неожиданнаго толчка Цирельманъ упалъ на спину и опять увидѣлъ надъ собой темное, спокойное небо съ дрожащими звѣздами. Лошади летѣли нестройнымъ галопомъ, высоко подбрасывая задами; а Файбишъ стоялъ въ саняхъ и, наклонившись впередъ, безъ остановки, со всего размаха стегалъ кнутомъ. Цирельманъ обезумѣлъ отъ ужаса. Онъ вскочилъ на колѣни, судорожно оплелъ руками ноги Файбиша и вдругъ, самъ не

узнавая своего голоса, закричалъ пронзительно и отчаянно:

— Ой, не бейте меня! Ой, ратуйте! — кричалъ онъ, захлебываясь и давясь отъ плача. — Ой, ой, ой, господинъ Файбишъ! Милый, дорогой, драгоценный Файбишъ! Ой, убиваютъ, ратуйте! Файбишъ, вы сильный, какъ Богъ, вы храбрый, какъ левъ! Ой, ой, спасите меня!

— Пусти меня, чортъ!.. Оставь! — хрипѣлъ Файбишъ.

Его сильная, жесткая рука комкала губы и носъ Цирельмана; но актеръ мочилъ слюнями и кусалъ его пальцы и, вырывая изъ нихъ на мгновеніе ротъ, кричалъ все громче и безумнѣе и крѣпче прижимался лицомъ къ шершавому балахону и къ сапогамъ Файбиша. А лошади все неслись, заложивъ назадъ уши, и торчавшій изъ-подъ снѣга прошлогодній камышъ хлесталъ по бокамъ саней.

— Молчи, собака!.. Убью! — рычалъ, задыхаясь отъ борьбы, Файбишъ.

Ему удалось свободной рукой вытащить изъ кармана балахона револьверъ. Онъ взвелъ курокъ и ткнулъ дуломъ въ лобъ Цирельмана.

— Слушай, подлець... я выстрѣлю! — гнѣвно пригрозилъ балагула. — За молчи, или я выстрѣлю, чортъ бы тебя побралъ!

Но актеръ не переставалъ кричать и цѣпляться за ноги Файбиша. Ужасъ, овладѣвшій имъ, совершенно помрачилъ его разумъ и сковалъ память. Онъ не помнилъ, какъ Файбишъ колотилъ его стволомъ револьвера по головѣ, не слышалъ его угрозъ и очнулся только тогда, когда, послѣ жестокаго удара ногой въ спину, онъ покатился бокомъ по льду, сметая своимъ тѣломъ снѣгъ.

Онъ сѣлъ и тотчасъ же замолчалъ. Возлѣ него возвышалась густая стѣна камыша; сухіе, высокіе стебли, волнуясь и шелестя, то наклонялись всѣ разомъ къ нему съ участливымъ любопытствомъ, то отшатывались въ

испугъ назадъ. Сидя на льду и упираясь въ него ладонями, Цирельманъ оглянулся вокругъ себя. Дикаго, звѣринаго ужаса уже не было въ его душѣ, — его увозилъ съ собою Файбишъ, лошади котораго глухо и вразбродъ стучали вдали копытами, — но было удивленіе, грусть и чувство безпомощнаго одиночества.

Цирельманъ упалъ какъ разъ у берега, вдоль котораго шла широкая, избитая подковами дорога. Рѣка дѣлала въ этомъ мѣстѣ излучину, а стѣна лѣса заворачивала назадъ. За пологимъ, ровнымъ берегомъ видно было отсюда огромное бѣлое поле; въ концѣ его, на самомъ горизонтѣ, тянулась темная полоса дальняго лѣса. Луна, готовая уже закатиться, стояла надъ этой низкой, перовой чертой, блѣдная, точно утомленная, и было что-то невыразимо-печальное и безнадежное въ этомъ пустомъ, бѣломъ полѣ, въ дальнемъ лѣсѣ и въ золотистомъ сумракѣ, окружавшемъ усталую луну. И скорбь и сознание своего одиночества все сильнѣе наполняли душу Цирельмана. Онъ не сводилъ глазъ съ узкаго, нѣжнаго серпа, прижималъ руки къ груди и шепталъ давно забытыя слова великой молитвы:

— Шма, Исроэль, Адонаи элегейну, Адонаи хотъ! Слушай, Израиль, Богъ нашъ, Богъ сильный!

Что-то теплое капнуло ему на руку. Онъ поднялъ ее къ глазамъ и увидѣлъ черное пятно. Только теперь онъ услышалъ боль въ переносицѣ, въ темени и въ подбородкѣ и вспомнилъ, какъ его билъ по головѣ револьверомъ Файбишъ. Онъ взялъ въ руку горсть снѣга, потеръ имъ лицо, и снѣгъ сталъ темнымъ. И долго сидѣлъ такимъ образомъ Цирельманъ, унимая кровь. Глаза его, полные слезъ, были устремлены на луну, готовую състь; а въ груди разливалась большая скорбь. Почему-то вспомнилась ему вся его безтолковая жизнь, скитанье изъ города въ городъ, пьянство, кривлянье въ погребахъ

и трактирахъ, и эта жизнь представилась ему такой же темной и долгой, какъ и вся сегодняшняя страшная ночь...

Вдругъ его ухо уловило далекіе, дробные и частые звуки копытъ; нѣсколько лошадей тяжело скакали по прибрежной дорогѣ. Машинально, почти не сознавая, что онъ дѣлаетъ, Цирельманъ на животѣ проползъ въ камыши и растянулся ничкомъ, уйдя лицомъ въ холодный, мягкій снѣгъ. И тотчасъ же надъ самой его головой пронесся, сотрясая ледъ и бряцая оружіемъ, отрядъ верховыхъ солдатъ. Они говорили между собою всѣ разомъ, рѣзкими, отрывистыми, сердитыми голосами; но словъ ихъ Гершъ не разобралъ. Онъ лежалъ лицомъ въ снѣгу и, чувствуя его талый запахъ, шепталъ про себя молитву.

Солдаты быстро промчались. Когда топотъ ихъ лошадей, постепенно теряясь вдали, сталъ еле слышнымъ, Цирельманъ поднялся на колѣни. Но то, что онъ увидѣлъ, заставило его оцѣпенѣть отъ ужаса. Прямо на него скакалъ одиночный всадникъ, вѣроятно, отставшій отъ товарищей. Его огромная, худая лошадь неслась тяжелымъ галопомъ, вытянувъ впередъ длинную шею съ острой мордой и прижатыми назадъ ушами. Она такъ близко пролетѣла возлѣ Цирельмана, что тотъ ясно увидалъ ея раздувшіяся ноздри и большіе глаза, блестящіе дикимъ испугомъ, и вѣтеръ отъ ея быстрого бѣга пахнулъ актеру въ лицо. Солдатъ сидѣлъ, нагнувшись впередъ, почти лежа на шеѣ лошади. Его сабля равномерно, съ металлическимъ дребезжаніемъ, билась о сѣдло. Но онъ не замѣтилъ еврея, стоявшаго на колѣняхъ среди густого камыша, и промчался мимо, крича что-то вслѣдъ своимъ товарищамъ...

Только часа черезъ три, иззябшій и обезсиленный, добрался Цирельманъ до мѣстечка. Ночь была теперь такъ темна, что даже бѣлыхъ стѣнъ домовъ нельзя было раз-

личить въ ея мракъ. Цирельманъ уже повернулъ въ свою улицу, какъ сзади него заскрипѣли полозья. Однимъ прыжкомъ очутился актеръ въ глубокой, занесенной снѣгомъ канавѣ и прижался къ плетню.

Это возвращался избѣгнувшій погони Файбишъ. Лошади его были покрыты пѣной и дышали часто и прерывисто. Острые глаза стараго контрабандиста различили съежившуюся въ темнотѣ фигуру. Онъ придержалъ лошадей и окликнулъ вполголоса:

— Эй! Кто здѣсь прячется у забора? Это ты, Цирельманъ?

Гершъ затаилъ дыханіе и еще плотнѣе прижался къ изгороди.

— О, свинья! Трусъ! Предатель! — злобно зашипѣлъ Файбишъ. — На же, на!.. Получи!..

Кнутъ рѣзко свистнулъ въ воздухѣ. Файбишъ билъ широко и размахисто, тѣмъ движеніемъ, какимъ онъ обыкновенно стегалъ собакъ. Но Гершъ быстро повернулся къ балагулѣ задомъ, сгорбился, спряталъ шею въ плечи, и жестокіе удары пришлись ему по спинѣ и по рукавамъ.

— Будь ты проклятъ, трусъ, гадина! — бросилъ ему напоследокъ Файбишъ, трогая лошадей. — Если бы не осѣчка, ты бы теперь валялся на рѣкѣ, какъдохлая собака!..

Черезъ четверть часа Цирельманъ уже лежалъ подъ теплымъ бебехомъ рядомъ съ Этлей, которая спала, или притворялась спящей. Но холодъ долго не выходилъ изъ его назябшагося за много часовъ тѣла, а ноги были ледяными и точно деревянными. Когда же тепло окончательно проникло въ его грудь и животъ, и онъ вспомнилъ сегодняшнюю дорогу и острый блескъ въ глазахъ Файбиша, и выстрѣлъ съ плотины, и печальную луну надъ лѣсомъ, и солдата, мчавшагося, точно библейское ви-

дѣніе, на огромной лошади съ вытянутой шеей, — то ему показалось невѣроятнымъ, что это именно онъ, а не кто-то другой, посторонній ему, испыталъ всѣ ужасы этой ночи. Вспомнилось ему также, какъ онъ убѣждалъ самого себя, что должна когда-нибудь окончиться и эта ночь и эта поѣздка... и, съ удовольствіемъ ощущая живую теплоту, шедшую отъ тѣла Этли, онъ сжался въ комочекъ и засмѣялся подъ бѣбехомъ тихимъ, радостнымъ смѣхомъ.

БРЕДЪ.

I.

Рота капитана Маркова ѣхала на соединеніе съ карательнымъ отрядомъ. Усталые, раздраженные солдаты, утомленные длиннымъ передвиженіемъ въ неудобныхъ вагонахъ, были молчаливы и пасмурны. На какой-то станціи со страннымъ, не по-русски звучащимъ названіемъ, ихъ поили водкой и пивомъ какіе-то люди въ поддевкахъ. Солдаты кричали «ура!», пѣли пѣсни и плясали съ каменнымъ выраженіемъ лицъ.

Потомъ началось дѣло. Рота не могла обременять себя плѣнными, и потому всѣхъ подозрительныхъ и даже просто безпаспортныхъ людей, захваченныхъ по дорогѣ, немедленно разстрѣливали. Капитанъ Марковъ не ошибся въ своемъ психологическомъ расчетѣ: онъ зналъ, что постепенно нараставшая озлобленность солдатъ найдетъ нѣкоторое удовлетвореніе въ кровавыхъ расправахъ надъ жителями.

Вечеромъ 31-го декабря рота остановилась на почлегѣ въ полуразрушенной баронской фермѣ. До города оставалось 15 верстъ, и капитанъ рассчитывалъ прійти туда завтра къ тремъ часамъ. Онъ былъ увѣренъ, что его ротѣ завтра же придется принять участіе въ серьезномъ и продолжительномъ дѣлѣ, и потому хотѣлъ, чтобы люди, размѣщенные въ разныхъ амбарахъ, конторахъ и службахъ, хоть немного отдохнули, успокоились и подкрѣпи-

лись. Самъ же онъ заляль себѣ подъ спальню большую, гулкую, пустую залу съ каминомъ въ готическомъ стилѣ и съ постелью, которую отобрали у мѣстнаго пастора.

Черная, беззвѣздная ночь съ мокрымъ снѣгомъ и вѣтромъ незамѣтно и быстро надвинулась надъ фермой. Марковъ сидѣлъ одинъ въ огромной пустой комнатѣ передъ каминомъ, въ которомъ ярко пылали доски разломаннаго забора. Поставивъ ноги на каминную рѣшетку и разложивъ на худыхъ острыхъ колѣняхъ карту генеральнаго штаба—«зеленку»,—онъ внимательно изучалъ глазами пространство между фермой и городомъ. При красномъ свѣтѣ огня его лицо съ высокимъ лбомъ, усами кольчиками и съ упрямымъ, твердымъ подбородкомъ казалось еще болѣе суровымъ, чѣмъ всегда.

Вошелъ фельдфебель. Съ его клеенчатого плаща бѣжала на полъ дождевая вода. Постоявъ нѣсколько секундъ и убѣдившись, что капитанъ не обращаетъ на него вниманія, фельдфебель осторожно кашлянулъ.

— Это ты?—Капитанъ повернулъ назадъ голову.—Что?

— Все обстоитъ благополучно, ваше высокоблагородіе. Третій взводъ въ нарядѣ. Такъ что первое отдѣленіе у церковной ограды, а второе...

— Такъ. Дальше. Пропускъ сообщецъ?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе...

Онъ помолчалъ немного, точно выжидая, но капитанъ тоже молчалъ, и солдатъ сказалъ тономъ ниже:

— Какъ прикажете, ваше высокоблагородіе, съ тѣми тремя, которые...

— Разстрѣлять на разсвѣтѣ!—рѣзко оборвалъ Марковъ, не давая фельдфебелю договорить.—И потомъ...—онъ, прищурившись, поглядѣлъ на солдата:—чтобы я больше такихъ вопросовъ не слышалъ! Понимаешь?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!—крикнулъ фельдфебель..

И опять они оба замолчали. Капитанъ легъ одѣтый на постель, фельдфебель стоялъ у двери въ тѣни. Но солдатъ почему-то медлилъ уходить.

— Все? — нетерпѣливо спросилъ Марковъ, не поворачивая головы.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

Солдатъ переминался съ ноги на ногу и вдругъ рѣшительно и настойчиво произнесъ:

— Ваше высокоблагородіе... Такъ что солдаты спрашиваютъ... Какъ прикажете съ тѣмъ... который старикъ?..

— Вонъ! — закричалъ марковъ на фельдфебеля и быстро, съ гнѣвнымъ лицомъ выпрямился. Кажется, онъ готовъ былъ его ударить.

Фельдфебель тотчасъ же ловко, въ два темна, построеному, повернулся кругомъ и отворилъ дверь. Но на порогѣ онъ задержался на минутку и казеннымъ голосомъ сказалъ:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, имѣю честь поздравить съ наступающимъ Новымъ годомъ. И желаемъ...

— Спасибо, братецъ, — сухо отвѣтилъ Марковъ. — Не забудь распорядиться, чтобы люди тщательнѣе осмотрѣли винтовки.

Оставшись одинъ, Марковъ, не раздѣваясь и не отстегивая шашки, бросился на кровать, лицомъ къ камину. Лицо его сразу измѣнилось, точно постарѣло, коротко остриженная голова ушла въ плечи, глаза потухли, полузакрылись съ усталымъ, болѣзненнымъ выраженіемъ. Марковъ уже цѣлую недѣлю страдалъ мучительной лихорадкой и только благодаря усиліямъ воли переламывалъ болѣзнь. Никому въ отрядѣ не было извѣстно, что по почамъ онъ метался въ жестокихъ пароксизмахъ, трясаясь въ ознобѣ, тяжело бредя, забываясь только на мгновенія въ уродливыхъ, фантастическихъ кошмарахъ.

Капитанъ лежалъ на спинѣ, глядя, какъ перебѣгаютъ синіе огоньки въ потухающемъ каминѣ, и чувствуя, какъ къ нему медленно подкрадывается, туманя голову и ослабляя тѣло, привычный приступъ маляріи. Мысли его страннымъ образомъ были прикованы къ пойманному утромъ старику, о которомъ только-что докладывалъ фельдфебель. Марковъ разсудкомъ догадывался, что фельдфебель правъ: въ старикѣ дѣйствительно было что-то необыкновенное, какое-то величественное равнодушіе къ жизни, вмѣстѣ съ кротостью и глубокой печалью. Подобныхъ людей, похожихъ—но въ очень слабой степени—на этого старика, капитанъ видѣлъ тамъ, подъ Ляояномъ и у Мукдена, среди безропотно умиравшихъ рядовыхъ солдатъ. Когда сегодня привели къ Маркову этихъ трехъ человѣкъ и онъ объяснилъ имъ при помощи цинично-краспорѣчиваго жеста, что съ ними будетъ поступлено, какъ со шпионами, то лица двухъ другихъ сразу поблѣднѣли и исказились смертельнымъ ужасомъ, а старикъ только усмѣхнулся съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ усталости, равнодушія и даже... даже будто бы тихаго, снисходительнаго состраданія къ самому пачальнику карательной экспедиціи.

«Если опъ въ самомъ дѣлѣ мятежникъ,—размышлялъ Марковъ, закрывая воспаленные глаза и чувствуя, какъ мимо его глазъ плыветъ какая-то мягкая, бездонная тьма:—то, безъ сомнѣнія, онъ занимаетъ тамъ важный постъ, и я поступилъ очень благоразумно, приказавъ его разстрѣлять. Ну, а если старикъ ни въ чемъ не виновенъ? Тѣмъ хуже для него. Не могу же я отрывать для примотра за нимъ двухъ человѣкъ, въ особенности въ виду завтрашняго. Наконецъ, почему же онъ долженъ избѣгнуть участи тѣхъ пятнадцати, которыхъ мы оставили позади? Нѣтъ, это было бы несправедливостью по отношенію къ прежнимъ».

Капитанъ медленно открылъ глаза и вдругъ вскочилъ въ смертельномъ страхѣ.

Передъ капитаномъ, на низкой скамейкѣ, сидѣлъ, по-нурившись, опершись ладонями о колѣни, въ спокойной и грустно-задумчивой позѣ, приговоренный къ смертной казни старикъ.

Капитанъ не былъ трусомъ въ общепринятомъ смыслѣ, хотя и вѣрилъ въ сверхъестественное и послылъ ша груди ладанку съ какой-то косточкой. Отступить въ страхѣ, даже передъ самымъ таинственнымъ, нематеріальнымъ явленіемъ, капитанъ счелъ бы такимъ же позоромъ, какъ бѣгство передъ непріателемъ или унижительную мольбу о пощадѣ. Выхвативъ быстрымъ, привычнымъ движеніемъ револьверъ изъ кожанаго чехла, онъ взвелъ курокъ, направилъ его дуло въ голову незнакомца и закричалъ бѣшено:

— Если ты шевельнешься, чортъ тебя возьми!..

Старикъ медленно повернулъ голову. По его губамъ прошла та же самая улыбка, которая такъ врѣзалась капитану въ память съ сегодняшняго утра.

— Не тревожьтесь, капитанъ, я пришелъ къ вамъ безъ дурного намѣренія, — произнесъ старикъ. — Попробуйте хоть до утра воздержаться отъ убійства.

Голосъ у этого страннаго гостя былъ такой же загадочный, какъ и его улыбка: ровный, однотонный и какъ будто бы безъ всякаго тембра. Давнымъ-давно, еще въ раннемъ дѣтствѣ, Марковъ перѣдко слышалъ, оставаясь одинъ въ комнатѣ, за своею спиной такіе голоса, безъ цвѣта и выраженія, зовущіе его по имени. Повинуясь непонятному вліянію этой улыбки и этого голоса, офицеръ положилъ револьверъ подъ подушку и опять прилегъ, опершись головой на локоть и не сводя глазъ съ темной фигуры незнакомца. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ была тяжелая жуткая тишина: только походный хро-

нометръ Маркова торопливо отбивалъ секунды, да перегорѣвшіе уголья въ каминѣ падали внизъ со слабымъ, но звонкимъ металлическимъ хрустѣньемъ.

— Скажи мнѣ, Марковъ, — началъ наконецъ старикъ:—что отвѣтишь ты не судьямъ, не начальству, даже не императору, а своей совѣсти, если она у тебя спроситъ: зачѣмъ пошелъ ты на эту ужасную, несправедливую бойню?..

Марковъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Однако у тебя, старикашка, довольно непринужденный тонъ для человѣка, котораго черезъ четыре часа разстрѣляютъ у дерева. Впрочемъ, поговоримъ, пожалуй. Это все-таки занимательнѣй, чѣмъ метаться безъ сна въ лихорадкѣ... Итакъ, что я отвѣчу своей совѣсти? Я отвѣчу ей, во-первыхъ, что я солдатъ, и мое дѣло повиноваться безъ всякихъ размышленій. Во-вторыхъ, я—природный русскій, и пусть всему міру станетъ извѣстнымъ, что тотъ, кто осмѣлится возстать противъ могущества великой державы, будетъ раздавленъ подъ ея пятою, какъ червь, и даже самая могила его сровняется съ землей...

— О, Марковъ, Марковъ, сколько дикой и кровожадной гордости въ твоихъ словахъ,—возразилъ старикъ.— И сколько неправды! Ты смотришь на предметъ, приблизивъ его къ самымъ глазамъ, и видишь однѣ лишь мелкія его подробности, но отойди отъ него дальше, и онъ представится тебѣ въ своемъ настоящемъ видѣ. Неужели ты думаешь, что твоя великая родина безсмертна? Но развѣ не то же самое говорили и думали когда-то персы, и македоняне, и гордый Римъ, охватившій весь міръ своими желѣзными когтями, и дикія полчища гунновъ, нахлынувшихъ на Европу, и могущественная Испанія, владѣвшая тремя частями свѣта? Спроси у исторіи, куда дѣвалась ихъ необъятная власть? А я тебѣ скажу, что и до нихъ, за тысячи вѣковъ, были

великія государства, болѣе сильныя, гордыя и культурныя, чѣмъ твое отечество. Но жизнь, которая сильнѣе народовъ и древнѣе памятниковъ, смела ихъ со своего таинственнаго пути, не оставивъ отъ нихъ ни слѣда ни воспоминанія.

— Это пустяки, — возразилъ слабѣющимъ языкомъ капитанъ, опускаясь на опину. — Исторія идетъ своимъ теченіемъ, и не намъ направлять ее или указывать ей дорогу.

Старикъ беззвучно засмѣялся.

— Не уподобляйся той африканской птицѣ, которая прячетъ голову въ песокъ, когда ее преслѣдуютъ охотники... Вѣрь мнѣ, пройдетъ сто лѣтъ, и дѣти твоихъ дѣтей будутъ стыдиться своего предка Александра Васильевича Маркова, палача и убійцы.

— Сильно сказано, старина! Да, и я слыхалъ объ этихъ бредняхъ восторженныхъ мечтателей, которые собираются передѣлать мечи на плуги... Ха-ха-ха!.. Воображаю себѣ это царство золотушныхъ неврастениковъ и рахитическихъ идіотовъ. Нѣтъ, только война выковываетъ атлетическія тѣла и желѣзные характеры. Впрочемъ... — Марковъ крѣпко потеръ виски, силясь что-то припомнить. — Впрочемъ, это все неважно... О чемъ я хотѣлъ тебя спросить?.. Ахъ, да! Почему-то мнѣ кажется, что ты не будешь говорить неправды. Ты здѣшній?

— Нѣтъ, — покачалъ головой старикъ.

— Но все-таки ты родился здѣсь?

— Нѣтъ.

— Но все-таки ты — европеецъ? Французъ? Англичанинъ? Русскій? Нѣмецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Марковъ въ раздраженіи ударилъ кулакомъ о бортъ кровати.

— Да кто же ты наконецъ? И почему, чертъ возьми,

мнѣ такъ страшно знакомо твое лицо? Видались мы когда-нибудь съ тобой?

Старикъ еще больше понурился и долго сидѣлъ, не говоря ни слова. Наконецъ онъ заговорилъ, точно въ раздумьѣ:

— Да, мы съ тобой встрѣчались, Марковъ, но ты никогда не видалъ меня. Вѣроятно, ты не помнишь или забылъ, какъ во время чумы твой дядя повѣсилъ въ одно утро пятьдесятъ девять человѣкъ? Въ этотъ день я былъ въ двухъ шагахъ отъ него, но онъ не видѣлъ меня.

— Да... правда... пятьдесятъ девять... — прошепталъ Марковъ, чувствуя, какъ имъ овладѣваетъ нестерпимый жаръ. — Но это... были... мятежники...

— Я былъ очевидцемъ жестокихъ подвиговъ твоего отца подъ Севастополемъ и твоего дѣда послѣ взятія Измаила, — продолжалъ своимъ беззвучнымъ голосомъ старикъ. — На моихъ глазахъ пролилось столько крови, что ею можно было бы затопить весь земной шаръ. Я былъ съ Наполеономъ на поляхъ Аустерлица, Фридланда, Иены и Бородина. Я видѣлъ чернь, которая рукоплескала Салсону, когда онъ показывалъ съ подмостковъ гильотины окровавленную голову Людовика. При мнѣ въ ночь св. Варѣоломея правовѣрные католики съ молитвой на устахъ избивали женъ и дѣтей гугенотовъ. Въ толпѣ бѣснующихся фанатиковъ я созерцалъ, какъ святые отцы инквизиторы жгли на кострахъ еретиковъ, какъ во славу Божію сдирали они съ нихъ кожу и какъ заливали имъ ротъ расплавленнымъ свинцомъ. Я шелъ влѣдъ за полчищами Атиллы, Чингисхана и Солимана Великолѣпнаго, которые означали свой путь горами, сложенными изъ человѣческихъ череповъ. вмѣстѣ съ буйпой римской толпой я присутствовалъ въ циркѣ при томъ, какъ травили псами зашитыхъ въ звѣриныя шкуры христіанъ и какъ въ мраморныхъ бассейнахъ кормили муренъ тѣлами

плѣнныхъ рабовъ... Я видѣлъ безумныя кровавыя оргіи Нерона и слышалъ плачь іудеевъ у разрушенныхъ стѣнъ Іерусалима...

— Ты—кошмаръ... уйди... ты—бредъ моего больного воображенія. Отойди отъ меня, — съ трудомъ прошепталъ Марковъ заекшимися губами.

Старикъ поднялся со скамейки. Его сгорбленная фигура точно выросла въ одно мгновеніе, такъ что волосы его головы касались потолка. И онъ опять заговорилъ медленно, однотонно и грозно:

— Я видѣлъ, какъ впервые пролилась кровь человѣка. Были на землѣ два брата. Одинъ ласковый, нѣжный, трудолюбивый и сострадательный. Другой — старшій—былъ гордъ, жестокъ и завистливъ. Однажды они оба приносили, по обычаю отцовъ, жертву своему Богу: младшій — плоды земные, а старшій — мясо наловленныхъ имъ звѣрей. Но старшій питалъ въ сердцѣ злобу къ своему брату, и дымъ отъ его жертвенника стлался по землѣ, между тѣмъ какъ дымъ отъ жертвенника младшаго прямымъ столбомъ поднимался къ небу. Тогда переполнилась душа старшаго давнишней завистью и злобой. И произошло на землѣ первое убійство...

— Ахъ, отойди, оставь меня... ради Бога, — шепталъ Марковъ, мечась по сбившейся простынѣ.

Но старикъ продолжалъ свою рѣчь:

— Да, я видѣлъ, какъ его глаза расширились отъ ужаса смерти, и какъ его скорченные пальцы судорожно царапали мокрый отъ крови песокъ. И когда онъ, вздрогнувъ въ послѣдній разъ, вытянулся на землѣ, холодный, неподвижный и блѣдный, то нестерпимый страхъ овладѣлъ убійцей. Онъ бѣжалъ, пряча лицо свое, въ лѣсную чащу и лежалъ тамъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, до самаго вечера, до тѣхъ поръ, пока не услышалъ голосъ разгнѣваннаго Бога: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

— Уйди, не мучь меня! — съ трудомъ шевелилъ губами Марковъ.

— Объятый трепетомъ, я отвѣчалъ Господу:—«Развѣ я сторожъ моему брату?» Тогда проклялъ меня Господь вѣчнымъ проклятіемъ: «Оставайся въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока стоитъ созданный Мною міръ. Броди бездомнымъ скитальцемъ во всѣхъ вѣкахъ, народахъ и странахъ, и пусть твои глаза ничего не видятъ, кромѣ пролитой тобою крови, и пусть твои уши ничего не слышатъ, кромѣ предсмертныхъ стоновъ, въ которыхъ ты всегда будешь узнавать послѣдній стонъ твоего брата».

Старикъ замолчалъ на минуту, и когда онъ заговорилъ, то каждое его слово падало на Маркова съ тяжелой болью:

— О, Господи, справедливъ и неумолимъ Твой судъ! Уже многія столѣтія и десятки столѣтій странствую я по землѣ, напрасно ожидая смерти. Высшая, беспощадная сила влечетъ меня туда, гдѣ умираютъ на поляхъ сраженій окровавленные, изуродованные люди, гдѣ плачутъ матери, произнося проклятія мнѣ, первому братоубійцѣ. И нѣтъ предѣла моимъ страданіямъ, потому что каждый разъ, когда я вижу истекающаго кровью человѣка, я снова вижу моего брата, распростертаго на землѣ и хватающаго помертвѣлыми пальцами песокъ... И тщетно хочу я крикнуть людямъ: «Проснитесь! Проснитесь! Проснитесь!..»

— Проснитесь, ваше высокоблагородіе, проснитесь!— твердилъ подъ ухомъ Маркова настойчивый голосъ фельдфебеля.—Телеграмма...

Капитанъ быстро поднялся на ноги, мгновенно овладѣвъ, по привычкѣ, своей волей. Уголья въ каминѣ давно потухли, а въ окно столовой уже глядѣлъ блѣдный свѣтъ занимающагося дня.

— А какъ же... тѣ?..—спросилъ Марковъ съ дрожью въ голосѣ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Только-что...

— А старикъ? Старикъ?

— Тоже.

Капитанъ, точно сразу обезсилѣвъ, опустился на кровать. Фельдфебель стоялъ около него навытяжку, ожидая приказаній.

— Вотъ что, братецъ. Ты примешь вмѣсто меня команду, — заговорилъ Марковъ слабымъ голосомъ. — Я сегодня подаю рапортъ, потому что я... что меня.... совершенно измучила эта проклятая лихорадка... И можетъ-быть, — онъ попробовалъ усмѣхнуться, но улыбка у него вышла кривая: — можетъ-быть, мнѣ придется скоро и совсѣмъ уйти на покой.

Ничему не удивлявшійся фельдфебель, приложивъ руку къ козырьку, отвѣтилъ спокойно:

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

СВЯТАЯ ЛЮБОВЬ.

— Неужели вы еще не слышали объ этой исторіи?.. Нѣтъ?.. Удивительно!.. Въ городѣ сегодня только и говорятъ, что о ней. Я, если хотите, господа, могу разсказать вамъ нѣкоторыя подробности.

Небольшой кружокъ тотчасъ же сомкнулся около разсказчика, сотрудника мѣстной газеты. Рѣчь шла объ утренней городской новости — двойномъ самоубійствѣ: чиновника мѣстной палаты и его любовницы, модистки лѣтъ семнадцати.

Передъ слушателями промелькнули въ протокольно-отчетномъ изложеніи человѣка, давно привыкшаго къ газетной подробности, всѣ характерныя, хотя и мелочныя факты несчастной любви, окончившейся такъ трагически. Невозможность женитьбы, вслѣдствіе бѣдности, неудовольствіе родителей обоихъ любовниковъ, продолжительность связи, обратившая любовь въ равнодушную привычку къ регулярному возбужденію страсти, трогательныя по своей наивной простотѣ записки самоубійцы, завѣщавшихъ похоронить ихъ вмѣстѣ, и наконецъ ужасная смерть на общей постели.

Разсказъ вызвалъ много шумныхъ и разнообразныхъ толковъ. Нѣкоторые утверждали, что самоубійство есть вообще признакъ слабости, другіе говорили, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто не двойное самоубійство, а

убійство и самоубійство, третьи вспоминали аналогичные случаи изъ газетной хроники.

Одна изъ присутствующихъ женщинъ, слушавшая рассказъ сотрудника съ блѣднымъ лицомъ и блестящими глазами (какъ всегда слушаютъ женщины, исторіи объ очень самоотверженной или очень несчастной любви), произнесла съ мечтательнымъ выраженіемъ въ голосѣ:

— А все-таки это была сильная любовь. Сколько они перенесли несчастій, и какія блаженные минуты они пережили, пока не дошли до своего страшнаго рѣшенія. Каждая женщина втайнѣ мечтаетъ о такой любви.

Эти слова обратили на себя общее вниманіе. Всѣ замолчали на нѣкоторое время. Наконецъ хозяинъ — пожилой человѣкъ, помятое лицо котораго и сѣдые волосы на головѣ представляли удивительный контрастъ съ красивыми и оживленными, почти юношескими глазами — первый нарушилъ молчаніе.

— Конечно, это была не обыденная любовь, — сказалъ онъ своимъ тихимъ, груднымъ голосомъ: — и вы, сударыня, очень мѣтко выразились, что она принесла покойнымъ черезчуръ много сильныхъ ощущеній. Но, по моему, очень часто происходятъ въ жизни эпизоды, на видъ совершенно ничтожные и тѣмъ не менѣе скрывающіе за собой больше страданій и радостей, чѣмъ это ужасное происшествіе. Въ одномъ изъ такихъ эпизодовъ я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и, если бы я не боялся вамъ, господа, наскучить...

Гости заявили, что они съ удовольствіемъ послушаютъ, и пожилой человѣкъ началъ свой рассказъ.

— Лѣтъ двадцать пять тому назадъ я поступилъ студентомъ въ N-скій университетъ. Городъ былъ совершенно незнакомый, но, по счастливой случайности, я нанялъ очень приличную и недорогую квартиру вблизи университета, въ самой тихой и спокойной мѣстности.

«Первое время я себя чувствовалъ какъ на крыльяхъ. *Alma mater universitas*, неизмѣримость и величіе науки, безкорыстное служеніе человѣчеству — всѣ эти такіа смѣшныя въ настоящее время слова наполняли мою душу сладостнымъ и гордымъ трепетомъ. Мой рабочій день былъ строго распредѣленъ по часамъ для удобства занятій, я много читалъ, аккуратно посѣщалъ лекціи и каждый вечеръ приводилъ въ порядокъ свои дневныя записки.

«Настала весна, теплая, душистая, опьяняющая весна, о всѣхъ прелестяхъ которой на сѣверѣ и понятія не имѣютъ. Одна за другой расцвѣтали черемуха, сирень и бѣлая акація, наполняя воздухъ томнымъ благоуханіемъ. Наступили нѣжныя, серебристыя ночи, во время которыхъ я не могъ сомкнуть глазъ, и все мое существо ныло тревожнымъ и радостнымъ ожиданіемъ.

«Въ одну изъ этихъ чудныхъ ночей въ мое сердце пробрался женскій образъ.

«Однажды, вернувшись часовъ въ одиннадцать вечера отъ товарища, я сидѣлъ, не зажигая огня, у открытаго окна, выходящаго въ густой, полужаросшій садъ.

«Свѣтила луна, и круглые куполы деревьевъ казались окутанными полупрозрачнымъ бѣлымъ туманомъ. Гдѣ-то далеко цѣлый хоръ лягушекъ кричалъ звонко и вперебой.

«Вдругъ въ саду завизжала на петляхъ и потомъ громко брякнула калитка, и до меня допесся веселый, звучный и радостный, несомнѣнно женскій смѣхъ. Два женскихъ силуэта показались на дорожкѣ подъ моимъ окномъ, исчезли на мгновеніе въ тѣни широкой липы, потомъ опять показались въ свѣтломъ пятнѣ и опять исчезли. Обѣ незнакомки были стройны и высоки ростомъ и шли обнявшись. Я не помню, о чемъ онѣ разговаривали, — кажется, о какихъ-то женскихъ пустякахъ, объ отдѣлкѣ для шляпокъ, или объ общихъ знакомыхъ, но ихъ свѣжіе,

молодые голоса, перебиваемые часто беззаботнымъ смѣхомъ, ужасно взволновали меня. Чего бы я ни далъ въ эти мгновенія, чтобы итти, обнявшись такимъ же образомъ, съ одной изъ нихъ по таинственному, наполненному влажной теплотою и осеребренному луной саду, итти молча, медленно, чувствуя въ своей рукѣ и слыша біеніе дорогого сердца!

«Несмотря на свои двадцать лѣтъ, я былъ цѣломудренъ, какъ Іосифъ Прекрасный. Это, конечно, покажется дикимъ теперешней молодежи, которая узнаётъ всѣ земныя радости съ двѣнадцати лѣтъ, въ пятнадцать лѣтъ болѣетъ отъ неразборчивой любви, а въ двадцать совершенно ею пресыщается. Разказы нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей объ ихъ мимолетныхъ интрижкахъ внушали мнѣ всегда чувство страха, смѣшаннаго съ отвращеніемъ. Но мечты о чистой и возвышенной любви прекрасной женщины давно уже смутно волновали мою душу.

«Незнакомыя женщины ушли изъ сада, а я еще долго сидѣлъ у окна и закрылъ его только тогда, когда свѣжій предутренній вѣтерокъ пронизалъ меня холодомъ... Мнѣ казалось, что и сквозь сонъ я слышу звонкій женскій хохотъ...

«Когда на другое утро я выходилъ изъ квартиры, чтобы итти въ университетъ (у насъ въ этотъ день былъ какъ разъ экзаменъ по энциклопедіи права), то увидалъ, что изъ дверей, напротивъ моего флигеля, показалась женщина въ гладкой суконной кофточкѣ чернаго цвѣта и соломенной шляпкѣ съ большимъ бѣлымъ перомъ. На ходу она обернулась назадъ къ кому-то, повидимому, ее провожавшему, и крикнула: «Подожди меня, не уходи. Я вернусь черезъ полчаса»... По голосу я узналъ одну изъ вчерашнихъ незнакомокъ. Лицо у нея было очаровательное. Смуглое и розовое, немного худощавое, большіе темные глаза, въ которыхъ дрожалъ огонекъ за-

таеннаго лукаваго смѣха, круглый своевольный подбородокъ и родинка немного ниже праваго угла рта. Проходя мимо меня, она взглянула мнѣ въ глаза равнодушно и весело и, выйдя изъ воротъ, повернула направо. Я такъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ, любуясь на ея легкую походку, при которой слегка колебалась ея тонкая талія, что она, повинувшись вліянію пристальнаго взгляда, обернулась два раза назадъ. Но итти за ней я не рѣшился, хотя это и было мнѣ по дорогѣ. Я предпочелъ лучше сдѣлать большой крюкъ, чѣмъ оскорбить незнакомку преслѣдованіемъ.

«Почти каждый день я потомъ встрѣчался съ нею (конечно, я постоянно искалъ къ тому случая). Черезъ нѣсколько дней мы уже обмѣнивались тѣми быстрыми полуулыбками, которыя при встрѣчѣ появляются на губахъ незнакомыхъ, но постоянно видящихъ другъ друга людей.

«Всю мою душу заполнилъ этотъ прекрасный образъ. Я вставалъ съ мыслью о моей незнакомкѣ, чертилъ ея профиль, сидя въ аудиторіи, мечталъ о ней въ прозрачные длинные вечера и въ бессонныя теплыя ночи. Сдѣлать какую-нибудь смѣлую попытку къ знакомству мнѣ и въ голову не приходило. Мысль, что она можетъ обидѣться моей навязчивостью, приводила меня въ ужасъ.

«Любовь даетъ много наслажденій. Но никогда, никогда она не бываетъ такъ остра, тонка и нѣжна, какъ тогда, когда еще не высказана и не раздѣлена. Ни разу потомъ въ моей жизни самыя жаркія ласки любившихъ меня женщинъ не доставляли мнѣ такой восторженной и чистой радости, какъ случайная улыбка моей незнакомки. Это все равно, что для лакомки — хорошее вино: цѣлая бутылка никогда такъ не щекочетъ его вкуса, какъ одна единственная крошечная рюмочка.

«Однажды она на улицѣ уронила свой маленькій ридикюль изъ желтой кожи. Я послѣшно поднялъ его и

подалъ ей. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами, и не помню — какими именно, потому что у меня такъ билось сердце и такъ захватывало дыханіе, что я едва стоялъ на ногахъ.

«На другой день мы встрѣтились уже какъ знакомые, и я позволилъ себѣ немного проводить ее по улицѣ.

«Когда намъ нужно было разойтись, она протянула мнѣ руку, при чемъ мнѣ показалось, что ея лицо слегка покраснѣло.

«Ее звали Еленой (о, съ какимъ упоеніемъ я произносилъ вслухъ, оставаясь одинъ, это звучное имя съ протяжными и нѣжными буквами!). Она не могла окончить гимназію вслѣдствіе болѣзни глазъ, а теперь работала въ шляпномъ магазинѣ. Она жила со своей матерью, толстой, простой и добродушной женщиной.

«Изрѣдка ее навѣщали подруги, и разъ въ недѣлю прѣзжалъ въ собственномъ экипажѣ ея дядя. «Онъ очень богатый и важный, — сказала мнѣ однажды Елена: — но все-таки онъ добрый и намъ съ мамой помогаетъ». Я раза три видѣлъ этого дядю, и онъ произвелъ на меня отвратительное впечатлѣніе: маленькій, сѣдой и обрюзгшій, съ темными мѣшками подъ глазами и съ нижней губой, такой красной, большой и мокрой, что она казалась вывернутой наружу. Однако при мысли, что онъ помогаетъ Еленѣ и ея матери, я готовъ былъ расцѣловать дядюшку въ эту самую губу.

«Черезъ нѣсколько дней, какъ-то подъ вечеръ, Елена пригласила меня зайти къ нимъ на минутку, и съ тѣхъ поръ я сталъ постояннымъ гостемъ въ ихъ двухъ комнатахъ, небольшихъ, но уютныхъ, очень чистыхъ и свѣтлыхъ. Иногда вечеромъ, сидя подлѣ Елены, занятой какимъ-нибудь домашнимъ шитьемъ, и украдкой глядя на ея тонкій профиль, освѣщенный яркимъ свѣтомъ лампы, я воображалъ, что мы мужъ и жена. Случайное

прикосновеніе руки Елены, шорохъ ея платья, ея милая улыбка приводили меня въ сладкій трепетъ. Я обожалъ ее, но никогда не смѣлъ ни словомъ заикнуться о своемъ чувствѣ. Это казалось мнѣ святотатствомъ. Меня смущало только одно обстоятельство: меня не хотѣли знакомить съ дядей.

«Онъ такой важный и не любитъ студентовъ, — объясняла мнѣ толстая мамаша со своимъ всегдашнимъ добродушіемъ. —

«Нѣсколько разъ обѣ женщины приходили ко мнѣ на чашку чая. Елена съ удовольствіемъ разсматривала мои письменныя бездѣлушки, коллекцію монетъ, альбомы и книги.

«Разъ она спросила меня, сколько я получаю изъ дому, и когда я сказалъ, что отецъ высылаетъ мнѣ 100 рублей каждый мѣсяцъ, она сначала замолчала, а потомъ протянула задумчиво: «Вотъ вы какой... богатый!» Вообще она была мало разговорчива, но любила слушать, какъ я читалъ вслухъ.

«Однажды, лежа у себя на диванѣ, я перечитывалъ свои лекціи, отъ скуки, то протягивая фразы и повышая конецъ каждой на полтона, какъ читается въ церкви апостолъ, то декламируя ихъ съ выраженіемъ крайняго драматизма.

«Подъ конецъ мои губы машинально твердили одно и то же слово, а мысли были далеко. Я думалъ объ Еленѣ, представлялъ себѣ ея фигуру, походку, смѣлый взмахъ ея тонкихъ, темныхъ бровей...

«Смеркалось. Откуда-то доносились дрожащія и радостныя звуки благовѣста и вмѣстѣ съ ними запахъ весны и клейкихъ почекъ тополя. Всѣ предметы, въ особенности вѣтки деревьевъ и углы зданій, удивительно рельефно выдѣлялись на смугло-розовомъ темнѣющемъ небѣ.

«Въ комнатѣ Елены, благодаря плотнымъ занавѣскамъ, было почти темно, и я не сразу разглядѣлъ ее. Она сидѣла у окна, нагнувшись надъ какой-то работой.

«— Хорошо, что вы пришли, — сказала Елена. — Я хочу посоветоваться съ вами. Посмотрите на это «З», можно ли изъ него сдѣлать мою монограмму?»

«Она обводила узоръ концомъ костяного крючка. Я облокотился одной рукой на спинку ея стула, а другой — на столъ, и смотрѣлъ на проборъ ея мягкихъ, темныхъ волосъ. Мнѣ казалось, что ея тѣло также издаетъ ароматъ тополя.

«— Ну, что же вы стали и молчите? — спросила она.

«Елена закинула голову вверхъ и прищурила свои яркіе, большіе глаза. Я сконфузился, перевелъ глаза на ея губы и нагнулся. Запахъ тополя кинулся мнѣ въ голову и опьянилъ меня. Мнѣ показалось, что губы Елены вмѣстѣ съ подбородкомъ тянутся ко мнѣ, и я вдругъ, охвативъ руками ея шею, приникъ къ этимъ губамъ долгимъ поцѣлуемъ.

«Елена вырвалась изъ моихъ объятій вся пунцовая, съ блестящими глазами.

«— Ради Бога, ради Бога, оставьте, пустите меня, — шептала она въ смущеніи.

«— Елена, — просилъ я умоляющимъ голосомъ: — не отталкивайте меня, будьте моимъ добрымъ ангеломъ, счастьемъ моей жизни, будьте моей женой!

«Она была какъ будто бы поражена моимъ предложениемъ, говорила о томъ, что она дѣвушка бѣдная, не кончившая даже гимназіи, что я, можетъ-быть, смѣюсь надъ ней, и т. д. Но я былъ такъ краснорѣчивъ и настойчивъ, что наконецъ услышалъ изъ ея чудныхъ устъ согласіе, выраженное застѣнчивымъ шопотомъ. Въ ту же ночь я написалъ отцу длинное письмо, восторженное и безпорядочное, съ описаніемъ всего происшедшаго и съ

просьбой о благословеніи. Впрочемъ, я заранѣе зналъ, что отецъ, всегда предоставлявшій мнѣ полную свободу въ моихъ поступкахъ, не могъ ничѣмъ инымъ отвѣтить, кромѣ согласія.

«Но заснуть въ эту ночь я не могъ. Многіе женатые мужчины рассказывали мнѣ впоследствии (да и самъ я позднѣе испыталъ это), что, сдѣлавъ предложеніе даже самой любимой дѣвушкѣ, тотчасъ же чувствуешь нѣчто въ родѣ мгновеннаго сожалѣнія объ утраченной свободѣ.

«Но тогда, кромѣ переполнявшей все мое существо гордой радости, я ничего не замѣчалъ въ себѣ. Минутами я даже не вѣрилъ своему огромному счастью.

«Я не могъ усидѣть въ комнатѣ и часовъ около двухъ ночи одѣлся и вышелъ на улицу. Въ окнахъ Елены не было свѣта. Глядя на нихъ, я чувствовалъ на своихъ глазахъ слезы умиленія.

«Спи, мое дитя, спи, мое дорогое сокровище, — подумалъ я, улыбаясь сквозь эти чистыя слезы: — и знай, что теперь только одинъ я буду беречь твой невинный сонъ»...

«Долго и безцѣльно бродилъ я по безлюднымъ, затихшимъ улицамъ. Образъ Елены не выходилъ изъ моей головы. Я рисовалъ себѣ картины нашей будущей жизни, одну радужнѣе другой. И все это были наивныя, возвышенныя мечты. Клянусь вамъ, что ни малѣйшая тѣнь чувственности не омрачила ихъ ни на секунду.

«Особенная, таинственная и ясная прелесть ночей ранней весны пріобрѣтаетъ своеобразный оттѣнокъ въ большомъ городѣ въ то время, когда прекращается всякое движеніе. Глубокая тишина кажется жуткой. Звуки шаговъ раздаются звонко и рѣзко на цѣлую версту. Одна сторона улицы тонетъ въ тѣни, другая ярко бѣлѣетъ громадами домовъ съ блестящими лунными бликами въ

окпахъ; крыши сверкаютъ, полосами отражая лунный свѣтъ, и кажутся сдѣланными изъ полированного серебра. Ярко-блѣдный свѣтъ, неподвижно-мертвыя, рѣзкія, синія тѣни, нѣмая тишина тамъ, гдѣ только-что шумѣла кипучая жизнь, — все это говорить о чемъ-то необыкновенномъ, сказочномъ. Иногда на луну набѣжитъ легкое, какъ паутина, облачко, и тотчасъ же небо сіяетъ оранжевыми тонами. Тогда звѣзды, незамѣтныя до тѣхъ поръ въ своей холодной, синей высотѣ, мигаютъ ярче, а бѣлыя громады меркнутъ, и блики скрываются въ окнахъ... Облачко пробѣжало, и звѣзды тухнутъ, и назойливѣе бѣлѣтъ камень, и синѣй и гуще кажутся протянутыя на мостовой тѣни.

«Незамѣтно для самого себя, я очутился на городскомъ бульварѣ, узкомъ, длинномъ и прямомъ, какъ стрѣла, обсаженномъ съ обѣихъ сторонъ гигантскими пирамидальными тополями и обнесенномъ легкими сквозными рѣшетками.

«На бульварѣ никого не было, только какая-то парочка — мужчина и женщина — сидѣла на скамейкѣ, спиной ко мнѣ, прижавшись другъ къ другу и закутавшись въ одинъ и тотъ же широкій плащъ. Луна свѣтила имъ въ лица, и потому мнѣ видны были только темные силуэты сидящихъ да яркіе свѣтлые блики кое-гдѣ съ боковъ ихъ фигуръ.

«Растроганный видомъ этой красивой группы и не желая мѣшать влюбленнымъ, я хотѣлъ уже пройти мимо нихъ, осторожно ступая по травѣ, какъ вдругъ нѣчто ужасное приковало меня неподвижно на мѣстѣ.

«— Послушай, Лёля, ты серьезно это говоришь? — произнесъ мужской голосъ, — увѣренный, густой баритонъ.

«— Очень серьезно. Какой ты смѣшной. Развѣ я хуже другихъ, что мнѣ нельзя выйти замужъ?

«И она засмѣялась тихимъ и страстнымъ смѣхомъ влю-

бленной женщины, прижимающейся, какъ кошечка, къ своему любовнику.

«Я узналъ и этотъ нѣжный голосъ и этотъ серебристый смѣхъ. Я не могъ ошибиться: на скамейкѣ сидѣла Елена.

«— Ну, хорошо, положимъ, это и въ самомъ дѣлѣ серьезно, — продолжалъ мужчина. — Да неужели ты думаешь, что онъ ни отъ кого не услышитъ о твоихъ похожденияхъ?»

«— А пусть услышитъ, — отвѣчала безпечно Елена. — До свадьбы-то во всякомъ случаѣ не услышитъ. Вѣдь онъ совсѣмъ цыпленочекъ, всему вѣрять, что ему скажешь. Представь себѣ, онъ вѣрять, что старикъ — мой дядя! Все просить, чтобы его съ нимъ познакомили.

«— Ну, а твоя мать?»

«— Мать сердится. Говорить, что съ моей стороны глупо терять такое сокровище, какъ старикъ. Ну, да, покорно благодарю. Толстый, губастый, противный. Надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки. Кстати, милый, — въ голосѣ ея зазвучала нѣжность ласкающей кошечки: — можетъ-быть, тебѣ нужны деньги? Мнѣ вчера старикъ привезъ.

«— Пожалуй, — зѣвнулъ мужчина лѣниво: — нѣсколько рублишекъ я у тебя прихвачу. Пойдемъ ко мнѣ, — сейчасъ свѣтать будетъ.

«Они ушли. Я сидѣлъ, окаменѣвъ отъ стыда, отчаянія и какой-то безумной тоски. Ни мысли ни какого-нибудь опредѣленнаго ощущенія у меня въ эти ужасныя мгновенія не было. Точно я погружался въ какой-то страшный безыменный хаосъ...»

— Вотъ и все, господа, — закончилъ рассказчикъ. — Исторія простая, несложная. Но никогда потомъ въ жизни не испытывалъ я ни такихъ чистыхъ радостей ни такихъ терзаній, какъ въ эту весну, ставшую на грани моей розовой юности и богатой горькимъ опытомъ зрѣлости.

Оглавленіе

III ТОМА.

	СТР.
Суламиѳъ	3
Штабсь-капитанъ Рыбниковъ	73
Гамбринусъ	122
Мелюзга.	155
Ночная смѣна	188
Походъ	219
Одиночество	232
Свадьба	246
Трусъ	266
Бредъ	293
Святая любовь	304
